

63.3 (253.3)
В27

С. Д. ВЕЛИКОПОЛЬСКИЙ

О ТОВАРИЩАХ И ДРУЗЬЯХ С ЛЮБОВЬЮ



**КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ**
указанного здесь срока

10/29

Вы можете продлить книгу:
<http://www.megionlib.ru>

**О ТОВАРИЩАХ И ДРУЗЬЯХ
С ЛЮБОВЬЮ**



*Выражаю искреннюю признательность
за поддержку в издании книги:*

Василию Владимировичу Тихонову —
мэру города Нижневартовска,

Максиму Витальевичу Клёцу —
председателю Нижневартовской городской Думы.

Благодарю за финансовую поддержку:

Василия Владимировича Тихонова —
мэра города Нижневартовска,

Рината Фархатовича Абузярова —
индивидуального предпринимателя, Нижневартовск,

Раису Яковлевну Горовую,

Романа Геннадьевича Одокиненко —
генерального директора ЗАО «Нижневартовскстройдетали

Сергея Станиславовича Великого —
генерального директора ООО «ИНТЭК — Западная Сибирь

Сергея Николаевича Аверьянова —
заместителя генерального директора ООО «РН-Уватнефтегаз»,

Антон Викторовича Забродина —
*председателя первичной профсоюзной организации
ООО «РН-Уватнефтегаз» Нефтегазстройпрофсоюза России,*

Андрея Николаевича Яснева —
заместителя генерального директора ОАО «ЗапСибГазпром».

*Спасибо жене **Татьяне Анатольевне,**
невестке **Ларисе Насиховне,**
внуку **Сергею** за советы и помощь в подготовке книги.*

**50-летию образования
города Нижневартовска
п о с в я щ а ю...**

СОДЕРЖАНИЕ

Вступительное слово	10
ПЕРВООТКРЫВАТЕЛЬ	
Абазаров Владимир Алексеевич	12
СИБИРСКИЙ САМОРОДОК	
Бахилев Василий Васильевич	52
ЛЕСНОЙ БОГАТЫРЬ	
Волков Иван Григорьевич	94
ВЕРНОСТЬ	
Горовая Раиса Яковлевна	124
МАМА ЮГРЫ	
Григорьева Антонина Георгиевна	134
ИСПЫТАНИЕ ВРЕМЕНЕМ	
Денисов Сергей Иванович	152
ПРОМЕЛЬКНУЛ МЕТЕОРИТОМ	
Дунаев Николай Петрович	166
ПРЕОДОЛЕНИЕ	
Китаев Виктор Васильевич	184
ПАРЕНЬ НАШ САМАРСКИЙ	
Конев Михаил Михайлович	204
ЛЕГЕНДА САМОТЛОРЫ	
Кузоваткин Роман Иванович	214
ГЛАВНЫЙ СТРОИТЕЛЬ	
Кукуевский Григорий Михайлович	250

БЕССТРАШИЕ И ОДЕРЖИМОСТЬ ЕВГЕНИЯ КУРОПАТКИНА	
Куропаткин Евгений Иванович	274
БУРОВОЙ МАСТЕР — ЗАМЕСТИТЕЛЬ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ ВЕРХОВНОГО СОВЕТА РСФСР	
Лёвин Геннадий Михайлович	290
МОРСКАЯ ДУША	
Луценко Ефим Аркадьевич	308
ВСЁ ДЛЯ ГОРОДА	
Малинский Ян Михайлович	318
ВЕРШИНА ЖИЗНИ	
Москаленко Николай Андреевич.	350
ОТВЕЧАЯ ЗА ВСЁ	
Осипов Борис Иванович	364
СКВАЖИНА № 200	
Повх Степан Ананьевич	382
КРЫЛЬЯ	
Редькин Юрий Александрович	404
ПОДВИГ ТЮМЕНСКИХ АВИАТОРОВ	
Романчук Алексей Михайлович	428
У ИСТОКОВ	
Рынкковой Иван Иванович	442
ПРЕДСЕДАТЕЛИ: ПОМНИМ ИХ ИМЕНА	
Устьянцев Николай Яковлевич	466
Фоменко Николай Фёдорович	472

Салихов Наиль Габдрахимович	480
ДРУГ ТЮМЕНСКОГО СЕВЕРА	
Салмин Владимир Дмитриевич	490
ВЛАСТЬ НАРОДНАЯ	
Симаков Андрей Андреевич	504
КОМСОМОЛЕЦ-ДОБРОВОЛЕЦ	
Тимофеев Виктор Константинович	518
ВГЛУБЬ СМОТЯЩИЙ	
Толстолыткин Игорь Петрович	534
ЗВЕЗДА УСОЛЬЦЕВА	
Усольцев Александр Викторович	558
ПОБЕДИТЕЛЬ	
Филатов Виктор Дмитриевич	578
ВЕРЕН ЗАВЕТАМ ОТЦА	
Хасанов Мидхат Рашидович	592
КОМАНДА ХЛЮПИНА	
Хлюпин Валентин Иванович	612
ЭХ, ДОРОГИ!	
Шереметьев Юрий Григорьевич	646
ПЕРВЫЙ МЭР РЕГИОНА	
Ярошенко Юрий Семёнович	668
ПОЭМА О ДРУГЕ	
Безруков Евгений Иванович	680
Строки биографии	701

**...Хранить память, беречь память —
это наш нравственный долг перед самими собой
и перед потомками. Память — наше богатство...**

Д. С. Лихачёв

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

Я счастливый человек. Мне встречались и встречаются на жизненном пути замечательные, достойные люди. Среди них — настоящие товарищи, государственные и партийные деятели, люди, находящиеся у власти, влияющие на судьбы страны, региона, города, а, следовательно, и на судьбу каждого из нас.

Многие из них повлияли прямо или опосредованно и на мою судьбу, предопределили профессиональный выбор и мой жизненный путь. Кого-то я считаю наставниками, потому что они направляли меня, помогали стать профессионалом, предупреждали о возможных ошибках, не давали самоуспокоиться на достигнутом, заставляли двигаться только вперёд.

У многих я учился умению работать с людьми, преодолевать трудности, находить нестандартные решения, никогда не сдаваться, не изменять своим принципам, не идти на сделку с совестью.

Другие всегда были готовы прийти мне на помощь, подставить плечо, искренне порадоваться моим успехам.

С кем-то было интересно общаться, узнавать что-то новое, делать общее дело, проводить совместно досуг. Но все мы были соратниками, единомышленниками, созидателями, оставившими свой след на этой земле, вписавшими свою страницу в историю Тюменской области и страны.

К сожалению, обо всех рассказать невозможно. Я искренне прошу прощения у всех, кто как бы остался

«за скобками» этой книги, но все они навсегда в моей памяти и сердце. Я счастлив тем, что возглавляю Тюменский областной общественный Фонд имени В. И. Муравленко, имею возможность работать с ветеранами-первопроходцами, в том числе и с героями моей книги, увековечивать их память, выпуская книги, создавая фильмы, открывая мемориальные доски и памятники, называя их именами новые нефтегазовые месторождения, улицы и самолёты.

Я благодарен и признателен тем, без кого моя судьба и жизнь были бы иными.

Сергей Великопольский



*Соратники, друзья, участники Тюменского областного
общественного Фонда имени В. И. Муравленко в городе-герое
Волгограде в год 60-летия Великой Победы. 2005 г.*



**АБАЗАРОВ
ВЛАДИМИР АЛЕКСЕЕВИЧ**

ПЕРВООТКРЫВАТЕЛЬ

Владимир Алексеевич Абазаров — один из представителей легендарной плеяды тюменских геологов, имеющих заслуженную награду «Первооткрыватель месторождения», лауреат Ленинской премии, награждён Орденом Ленина, многими медалями, ему присвоены звания «Почётный геолог СССР», «Отличник разведки недр». Но всё это пришло позднее.

В школьные годы Володя Абазаров мечтал стать военным лётчиком, он всё знал о прославленных героях Покрышкине, Кожедубе и Маресьеве. Его завораживали грозные звуки и красота полёта боевых самолётов. Лежа в кубанской траве, он подолгу смотрел в голубое небо и мечтал летать. Для этой мечты были все основания: физически здоров, воспитан в семье коммуниста на идеалах советского патриотизма. Закончилась война, пришла долгожданная Победа. Сталинская авиация бурно развивалась и высоко почиталась в народе. Крылатый призыв «Летать выше всех, дальше всех, быстрее всех!» воплощался в реальность.

Успешно окончив школу, Володя, не задумываясь, отправился напрямик в Москву, в авиационный институт имени Серго Орджоникидзе. Выдержав большой конкурс, поступил. Ну а потом... Учитывая обстоятельства — а это был 1948 год, — преимуществами проживания в общежитиях города пользовались студенты-фронтовики, а первокурсники типа Абазарова жили в сорока километрах от Москвы. Ежедневные поездки на электричках, трудности быта и невозможность

полноценного питания... Родители были простыми крестьянами и не могли материально поддерживать сына. Пришлось бросить учёбу, вернуться домой и вместе с отцом работать в совхозе. Владимира избрали секретарём комсомольской организации, которая насчитывала более 100 юношей и девушек.

В тот период на Кубани развернулись работы нефтяников. Старшие стали убеждать Владимира в необходимости получения этой профессии. Доводы были серьёзными. На следующий год он становится студентом Грозненского нефтяного института.

В 1954 году окончил его по специальности горный инженер по бурению глубоких нефтяных и газовых скважин, после чего шесть лет работал на буровых предприятиях Краснодарского края и Сталинградской области (ныне Волгоградской). Прошёл хорошую инженерную школу бурения в сложнейших геологических условиях, приобрёл опыт руководства буровой бригадой, цехом, участком бурения и испытания разведочных скважин. Но Владимира влекли романтика, поиск нового, неизведанного, связанного со сложностями и трудностями.

Специалисты заговорили о перспективных запасах нефти и газа в Западной Сибири. Владимир Алексеевич загорелся Тюменским Севером, решил поработать и испытать себя в новых условиях. Он написал письмо и вскоре получил ответ с приглашением от Тюменского геологического управления. Почти год добивался, чтобы его отпустили, но вынужден был уехать в Тюмень без трудовой книжки.

В 1960–1962-х годах Владимир Алексеевич работал главным инженером Ханты-Мансийской и Берё-

зовской геологоразведочных экспедиций. Превенная работа и новая значительно отличались. В условиях Севера была ранее неизвестная для инженера-буровика сложность в организации работ — полное бездорожье, обязательная необходимость успеть завезти тысячи тонн грузов (полный комплект оборудования, труб, материалов на каждую буровую), чтобы обеспечить цикл проводки скважины.

В. А. Абазаров начал осваивать тюменскую «науку», которая была трудной и совершенно новой. В нём жили геологическая страсть и основательность, побуждающие стремление быть первооткрывателем, на совесть выполнять любую работу. Эти качества в равной мере определили его профессиональную направленность.

Вспоминает Абазаров своё первое северное испытание — навигацию 1959 года: «Работал в Ханты-Мансийской геологоразведочной экспедиции. До этого никаких дел с речным флотом не имел. На прежнем месте работы всё необходимое для бурения завозили автотранспортом. Здесь же все экспедиции имели в своём составе суда как технологический транспорт, потому что единственной дорогой к местам буровых работ были реки. К кон-



Открытие задвижки. Пошла первая мегионская нефть. 1964 г.

цу октября уже начались морозы, по Оби шла обильная шуга. В районе посёлка Октябрьский было сужение реки, именно здесь стремительным течением образовывались ледяные поля, которые сметали на своём пути всё, что находилось на берегах».

Владимир Алексеевич долетел на самолёте Ан-2 до села Сушки, где базировалась геофизическая партия, входящая в состав экспедиции. На вездеходе добрался до посёлка Каменный, где на буровой случилась авария. На следующий день ему сообщили о новой трагедии в Сушках: причаленные к берегу основного русла реки три баржи с нефтепродуктами были сорваны и унесены вниз по течению. Владимир Алексеевич, не имея опыта работы с флотом, принимает решение догнать на катере унесённые баржи, а они уже были в 20 километрах... В невероятных условиях ему всё же



Крепка сибирская зима... Мегион, 1961 г.

удалось вытащить их из ледяного плена в ближайший небольшой заливчик. Тем самым он обеспечил надежную работу буровиков в предстоящую зиму.

В Ханты-Мансийске была построена водолечебница. Она несколько лет не работала из-за выхода из строя водяной скважины глубиной 1800 метров. Владимира Алексеевича пригласил второй секретарь окружкома КПСС Сергей Алексеевич Комиссаров и попросил пробурить новую скважину. Данное поручение ко многому обязывало. Сложность состояла в том, что в городе не имелось буровой установки. Найти её можно было в партиях глубокого бурения, которые работали в посёлках Нахрачи, Демьянка, Фролы. В. А. Абазарову удалось привезти комплект вышки в разобранном виде. После закрытия навигации перед ним встал вопрос о сборке и монтаже буровой установки, но для этого требовался специальный подъёмник, а в Тюменском геологоуправлении его не было. Что делать? Пришлось вспомнить свои студенческие годы. В институте изучали горизонтальный метод сборки вышек! Он нашёл в технической библиотеке нужную брошюру. Пришлось заново её изучить и только после этого принять решение. К работе Владимир Алексеевич привлёк главного механика, боевого танкиста, самородка от природы Анатолия Ефимовича Ахминеева. Скомплектовал сборную бригаду из людей, прибывших последними пароходами в город на заработки. В мехцехе изготовили массу приспособлений, которые позволили собрать сорокадвухметровую махину на земле, а затем с помощью сделанной оснастки подняли её одним трактором. Общий вес вышки составлял около

сорока тонн. Это был, пожалуй, первый и последний в стране случай горизонтальной сборки такой вышки и её подъёма. Скважину пробурили и водолечебница начала функционировать.

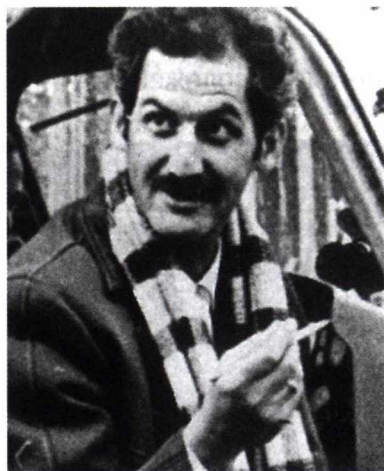
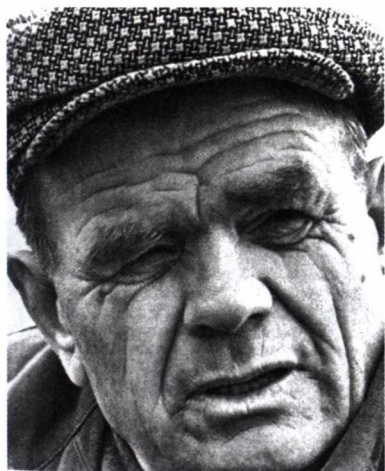
Возможностей испытать себя в подобных ситуациях и проявить в конкретных делах было предостаточно. В. А. Абазаров зарекомендовал себя грамотным инженером, показал хорошие организаторские способности и бойцовские качества руководителя. Вскоре он был выдвинут на должность начальника Мегионской нефтеразведочной экспедиции.

В июне 1962 года он прибыл в Мегион. Его взору предстала довольно невзрачная панорама. По всему склону высокого берега протоки Мега, вдавленные и замытые водой, валялись выкорчеванные могучие кедры. В пятидесяти метрах от берега возвышались две громадные кучи пней высотой с двухэтажный дом. Подальше от берега виднелись полтора десятка почерневших срубов без крыш, левее старого посёлка Мегион стояли четыре обжитых домика, в них-то и располагалась экспедиция. Рядом была сколоченная из досок летняя столовая. Правее от пней виднелись два навеса, под одним стояла 100-киловаттная электростанция, под другим — токарный станок-труборез. Далее на огороженной частоколом территории стояла техника и два ангара внушительных размеров — склады.

Вдоль берега раскинулись около восьмидесяти палаток, в которых жили семьи. Численность экспедиции составляла более 110 человек, аппарат же — не более полутора десятка работников. За несколько дней до приезда В. А. Абазарова из Шаима в Мегион прибы-

ла буровая бригада мастера Семёна Лукича Малыгина, в полном составе, с семьями. Они и жили в палатках. Внизу, на протоке Мега, вдоль берега стояли восемь катеров, две самоходных баржи, около десятка небольших сухогрузных и нефтеналивных барж, несколько других судёнышек. Вот и вся безрадостная мегионская панорама.

Предшественник Абазарова Михаил Владимирович Шалавин, пробыв в должности начальника экспедиции около полумесяца, с началом навигации сбежал. На него было заведено уголовное дело «за варварскую вырубку кедрового бора на берегу Меги». Это он оставил о себе



Первооткрыватели

*Буровой мастер Г. И. Норкин,
открывший одиннадцать
нефтегазовых месторождений
в Нижневартовском районе*

*Г. С. Арнопольский, первый
начальник Мегионского
нефтепромысла,
организатор — главный инженер
НПУ «Мегионнефть»*

«памятники» из пней погубленных вековых кедров. Один лишь главный геолог экспедиции Модест Фёдорович Синюткин был утверждённым, а начальник и его заместитель — исполняющими обязанности.

Владимир Алексеевич по производственным сводкам был осведомлён о работе геологов Мегиона. Теперь же, ознакомившись на месте с обстановкой, он ожидал лучшего. Но, увы! На тот момент, в 1961 году, экспедицией было открыто лишь одно Мегионское нефтяное месторождение, где были пройдены три скважины, в бурении находилась четвёртая.

В Абазаровском характере мне импонируют его хозяйская счётка, умение работать на перспективу, удивительная способность находить выходы из труднейших положений, в которые он не раз попадал.



Г. И. Норкин перед забуркой первой самотлорской скважины, которая началась 11 апреля 1965 года, а 29 мая скважиной РС-1 был вскрыт нефтегазонасыщенный разрез. Скважина дала более 200 куб. м нефти в сутки

Обладая профессиональным чутьём, он был оптимистом. Верил в перспективность нефтяных структур, в возможность новых открытий в Нижневартовском районе. Теперь ему предстояло это доказать на деле.

К своим обязанностям начальника экспедиции Владимир Алексеевич приступил сразу же. Первоочередной задачей поставил наращивание темпов разведки и подготовки запасов нефти, прежде всего, на Мегионском месторождении и энергичный выход на новые площади. Производственные и житейские проблемы нахлынули как снежный ком. Ему предстояло расставить приоритеты. И начал с главного — с формирования коллектива и подготовки его к новым открытиям. Для этого занялся укреплением материально-технической базы, тем более Главное геологическое управление существенно помогало. Баржи с грузами шли одна за другой. Надо было в оставшийся навигационный период обеспечить три бригады всем необходимым на запланированный объём бурения до следующей навигации — трубами, глиной, химреагентами, жилами вагончиками, организовать горячее питание полевых бригад. Очень важным делом считалось создание налаженного быта геологов и их семей. Предстояло до начала холодов переселить людей из палаток в вагон-домики. Владимир Алексеевич организовал строительное управление под конкретную программу — строительство благоустроенного деревянного жилья, объектов соцкультбыта и промбазы.

Принятые Абазаровым организационные меры позволили экспедиции комплексно решать геологические задачи. Он создаёт цеха и участки, доверив

руководство ими опытным, самым квалифицированным и ответственным работникам. Вышкостроение возглавил практик монтажа буровых, участник войны Василий Сергеевич Васякин. Начальником цеха бурения стал молодой, энергичный, прошедший руководство буровой бригадой Владимир Иосифович Коломасов, а через год его выдвинули на должность главного инженера экспедиции. Начальником геологического отдела стал горный инженер-геолог Генрих Павлович Худорожков, геофизическую партию возглавил Павел Маркович Клочан, руководство транспортным цехом доверили опытному водителю Александру Семёновичу Зарубину, механический участок железной хваткой возглавил Михаил Алексеевич Кузьменкин. Своим заместителем по общим вопросам Абазаров назначил Петра Ильича Печорина, начальником отдела кадров — Николая Дмитриевича Гузя, который в последующие годы бессменно возглавлял профком.

Владимир Алексеевич понимал, что без костяка буровых мастеров, бурильщиков, вышкомонтажников, механиков-водителей не решить новых задач. Его опорой стали буровые мастера Григорий Иванович Норкин, Семён Лукич Малыгин, бурильщики Геннадий Меджевский, Василий Костырев, Фаат Хафизов, Михаил Симаков, Владимир Сухушин, вышкомонтажники Пётр Анисимов и Александр Кузяков, транспортники Яков Анисовец, Иван Медведев и Николай Васякин.

В результате принятых мер по расстановке кадров и материально-техническому оснащению экспедиции всё необходимым её дела пошли в гору. В 1963–1964-х годах мегионские геологи открывали одно за другим

новые месторождения. Эти открытия укрепили уверенность в существовании в Среднем Приобье мощнейшего нефтегазового потенциала.

Этот период открытий тюменских геологов можно сравнить с достижениями советской космонавтики. В космос уходили один за другим корабли и успешно возвращались на родную землю. Страна заслуженно награждала героев космоса, так же высоко она оценивала и земной героический труд разведчиков недр, присваивая им звания Героев Социалистического Труда, лауреатов Ленинской и Государственной премий. По всей стране звучали имена Семёна Никитича Урусова, Рауля-Юрия Георгиевича Эрвье, Льва Ивановича Ровнина, Фармана Курбановича Салманова, Семёна Лукича Малыгина, Нажметдина Уакпаевича



Учитель и наставник Ю. Г. Эрвье

Жумажанова. В числе первых лауреатов Ленинской премии — и сам Владимир Алексеевич Абазаров.

Здесь следует сделать небольшое отступление. Суть вот в чём. Нефтяная и газовая промышленность является частью топливно-энергетического комплекса, а производство электроэнергии есть важнейший показатель экономического развития любой страны. В 1965 году в СССР было произведено более 506 млрд киловатт-часов электроэнергии, из них только 81,4 млрд — на гидроэлектростанциях, что составляло не более 16 процентов. Всё остальное производилось за счёт сжигания различных видов топлива.

Производство электроэнергии на ГРЭС привлекало своей простотой и дешевизной. В решениях XX съезда КПСС строительство ГРЭС было определено приоритетной политикой государства. Данный приоритет с особой силой обозначился во время дискуссии по поводу



Фото на память. Тюменские геологи — первые лауреаты Ленинской премии. Слева направо: В. В. Соболевский, В. А. Абазаров, А. Г. Краев, И. Я. Гиря, Ю. Б. Фаин, К. В. Кавалеров, А. Д. Сторожев. Тюмень, 1970 г.

строительства Нижнеобской ГЭС в районе Салехарда, что привело бы к практически полному затоплению не менее 75 процентов территории, где велась добыча нефти и газа — от Салехарда до Ханты-Мансийска. Тем самым страна лишилась бы своего главного национального природного богатства — уникальных месторождений углеводородов в Западной Сибири.

Бурные дебаты велись между сторонниками строительства крупнейшей по тем временам Нижнеобской ГЭС, которых поддерживал Н. С. Хрущёв, и противниками её сооружения в лице Тюменской областной партийной организации. Огромную роль в доказательстве нецелесообразности осуществления проекта Нижнеобской ГЭС сыграли первооткрыватели нефти и газа в Сибири, работники Тюменского геологического управления Ю. Г. Эрвье, Л. И. Ровнин, Н. М. Морозов, Л. Г. Цибуллин, А. Г. Быстрицкий, С. Г. Белкина, Б. В. Савельев, А. Г. Юдин; начальники геологических экспедиций в разные годы Г. Б. Рогожников, И. Ф. Морозов, А. П. Баранов, В. Д. Баваненко, Ф. Г. Салманов, А. Д. Сторожев, В. А. Абазаров, М. М. Биншток, Г. А. Махалин, В. Т. Подшибякин, И. М. Жук, М. Н. Барабанов, М. В. Шалавин, В. И. Торопов; руководители Тюменского обкома КПСС первые секретари Б. Е. Щербина и А. К. Протозанов, заведующий отделом В. В. Анисимов; специалисты Сибирского научно-исследовательского института геологии, геофизики и минерального сырья Н. Н. Ростовцев, Г. П. Богомяков, И. И. Нестеров.

Они доказали своими прогнозами и последующими открытиями правильность приводимых аргументов, отразили натиск ряда учёных, не веривших

в тюменскую нефть, показали бредовость проекта строительства Нижнеобской ГЭС. Окончательно все точки над «и» были поставлены уже после снятия Н. С. Хрущёва. Разум совладал с авантюрой. Правительство во главе с А. Н. Косыгиным приняло решение о развитии нефтегазодобывающей промышленности в Западной Сибири.

В тот период обстановка требовала от тюменского партийного руководства убедительных доказательств в пользу развития нефтегазового комплекса. Особую роль в этом сыграл промышленный обком КПСС во главе с первым секретарём Александром Константиновичем Протозановым. И как свидетельство этому на территории Ханты-Мансийского округа разведчиками недр было открыто 19 месторождений газа и 10 месторождений нефти. А прогнозные запасы исчислялись десятками миллиардов тонн нефти и триллионами кубометров газа. Задание семилетнего плана по приросту разведанных запасов сибиряками было выполнено за четыре года.

Перед областной парторганизацией вплотную встали сложнейшие задачи: параллельно с расширением геологоразведки развернуть работу по подготовке открытых месторождений к эксплуатации. Под мощным влиянием тюменцев 4 декабря 1963 года выходит Постановление Совета Министров СССР «Об организации подготовительных работ по промышленному освоению открытых нефтяных и газовых месторождений и о дальнейшем развитии геологоразведочных работ в Тюменской области». В данном Постановлении ставилась задача «...обеспечить организацию в 1964–1965-х

годах пробной эксплуатации открытых месторождений нефти и газа в Тюменской области и довести на этих месторождениях добычу нефти: в 1964 году — до 100 тыс. тонн, в 1965 — не менее чем до 200 тыс. тонн, и в 1970 — до 10 млн тонн». Этим Постановлением в городе Тюмени создаётся производственное объединение нефтяной и газовой промышленности («Тюменнефтегаз») с подчинением Среднеуральскому совнархозу.

Постановлением объединения «Тюменнефтегаз» от 30 января 1964 года были организованы НПУ «Сургутнефть», а в Мегионе — контора бурения, промыслово-геофизическая контора, отделение рабочего снабжения. Подобные структуры были созданы также в районах Шаима и Усть-Балыка.



Первый иностранный японский корреспондент на Самотлоре. Сопровождают: начальник и главный инженер НГДУ «Мегионнефть» Р. И. Кузоваткин, начальник мегионской нефтеразведочной экспедиции Г. С. Арнопольский и В. А. Абазаров беседуют с буровым мастером А. Д. Шакиным

Для исполнения Постановления правительства в январе 1964 года в Ханты-Мансийский автономный округ прибыла большая группа ответственных работников ЦК КПСС и Совета Министров СССР. Возглавлял её министр СССР, председатель Государственного комитета нефтедобывающей промышленности Н. К. Байбаков. В группу также входили первый заместитель председателя Совнархоза РСФСР С. И. Кувыкин, первый заместитель начальника Главгеологии СССР М. А. Евсеенко и ряд других видных специалистов. Сопровождал их первый секретарь Тюменского промышленного обкома КПСС А. К. Протозанов. По итогам посещения Сургута и Мегиона Н. К. Байбаков сказал: «По очередности мы этот



*Фото на память. Участники Всесоюзного совещания геологов.
Тюменская делегация слева направо: И. Ф. Морозов, В. В. Анисимов,
А. В. Сидоренко, Ф. К. Салманов, Ю. И. Боксерман, С. В. Горюнов,
А. П. Рудаков, Л. Г. Цибулин, Ю. Г. Эрвье, В. А. Абазаров,
М. А. Евсеенков, В. И. Изгrevский, И. Г. Шаповалов, В. Т. Подшибякин.
Москва, 1965 г.*

нефтяной район образно называем «третьим Баку», но по значимости этот район является «первым Баку». В этом году стране надо дать не сто тысяч тонн нефти, а миллион!» Так определился передний край борьбы за сибирскую нефть. Организация пробной эксплуатации открытых нефтяных месторождений Шаима, Усть-Балыка и Мегиона, на которых были подготовлены запасы, позволяющие вести промышленную добычу, возлагалась на Тюменское территориальное геологическое управление, а в местах их расположения — на начальников нефтеразведочных экспедиций.

В Нижневартовском районе эта нелёгкая задача легла на крепкие плечи 33-летнего Владимира Абазарова. С его имени начинается мегионский нефтяной марафон. Теперь Абазаров не только разведчик недр, но и добытчик. Привожу отрывок из его воспоминаний того периода: «Ежемесячно нас по несколько раз собирали в обкоме партии и в облисполкоме. Мы часто участвовали в работе партийных активов, совещаний и конференций. Такого высочайшего напряжения и жизненного подъёма я в своей жизни больше не переживал. У меня складывалось впечатление, что всё это вершилось само собой, и всё у меня получалось».

В конце навигации 1963 года в адрес Мегионской экспедиции из Омска прибыли три лихтера, каждый грузоподъёмностью до 4 тысяч тонн. Баржи были загружены под завязку огромными рулонами двух- и пяти тысячных резервуаров, трубами, сепараторами нефти и газа, задвижками, отводами, фонтанной арматурой, кровельными панелями резервуаров. Об этом доложили В. А. Абазарову, который был удивлён, т. к.

знал, что в экспедиции этот груз никто не заказывал, и, естественно, к разгрузке не приступали. По реке уже шла шуга, лихтеры должны были вернуться в Омск.

Капитан теплохода, приведший в Мегион баржигиганты, доложил начальнику Тюменского пароходства Ботоногову, что они Абазаровым не разгружаются. Владимир Алексеевич получает грозную телеграмму: «Лихтеры немедленно разгрузить, груз принять на хранение. Он предназначен для обустройства Мегионского месторождения. Об исполнении доложить. Обкомпарт, Протозанов». Вслед за ней — звонок Ю. Г. Эрвье, который сделал ему серьёзное внушение.

Владимир Алексеевич хорошо знал нрав первого секретаря обкома. В течение суток баржи были разгружены и отправлены. Оборудование и материалы складировались на берегу Оби.

Вскоре в Мегион прибыли заместитель начальника Тюменского геологического управления по строительству Н. К. Пушкарёв с группой работников ОКСа, а из города Омска прилетело около десятка инженеров треста «Омскнефтепроводстрой» во главе с управляющим Героем Социалистического Труда Николаем Алексеевичем Воробьёвым. С В. А. Абазаровым они неоднократно выезжали на места и определяли расположение будущих объектов нефтепромысла. В кабинете составляли временные схемы, корректировали чертежи, обсуждали графики строительно-монтажных работ. Окна в конторе экспедиции светились до полуночи. В должностных обязанностях Владимира Алексеевича появилась новая запись, закреплённая приказом по управлению Ю. Г. Эрвье: «...лично отвечает за обу-

стройство Мегионского месторождения, строительство нефтепромысла, Ватинского товарного парка и нефтеналивного причала...»

Проектно-сметную документацию заказал ОКС Тюменского территориального геологического управления, но сроки её изготовления затягивались, шла задержка с началом строительства. Пушкарёв, Воробьёв и Абазаров в полевых условиях составляют схему пробной эксплуатации — начало добычи с геологических скважин, налив в резервуары, а из них по трубопроводам в нефтеналивные баржи, а затем по воде доставка на Омский НПЗ. Предстоящую организационную работу В. А. Абазаров принял на себя, не стал поручать своим заместителям, которые считали эту работу «негеологической».

В феврале 1964 года в Мегион из Омска прибыл первый десант строителей и монтажников под руководством начальника участка треста «Омскнефте-



*Фото на память. Начальники нефтегазоразведочных экспедиций
Главтюменьгеологии. Тюмень, 2002 г.*

проводстрой» Леонида Зотовича Малахова и прораба Леонида Гусева. На ежедневных разнарядках, которые начинались, как правило, в 16 часов, В. А. Абазаров рассматривал в первую очередь вопросы Малахова и Гусева, а уж потом свои, геологические. График строительства объектов нефтесбора и транспортировки им строго контролировался, всяческая помощь оказывалась строителям в выделении техники, автотранспорта, в решении жилищно-бытовых условий, организации питания и обеспечения спецодеждой.

Разумеется, не всё получалось гладко. Огорчали ошибки и неудачи. То подводила северная погода, то не хватало цемента, гравия, электродов, кислорода, то вылезали недочёты проектировщиков. Приходилось на ходу вносить поправки в проекты, а порой даже —



*Фото на память. Встреча с друзьями, слева направо:
В. Н. Ворончихин, М. К. Михайлов, В. А. Абазаров, Г. И. Пикман,
Б. К. Золин. Нижневартовск, 1974 г.*

чего греха таить! — работать с чистого листа, беря всю ответственность на себя.

Но кто на стройке застрахован от просчётов и ошибок? Главное, что возникавшие проблемы Абазаровым решались оперативно. Принимаемые им решения сразу воплощались в дела строителями. Вот почему это горячее время, несмотря на сорокалетнюю давность, он часто вспоминает с чувством удовлетворения. Конечно же, Владимир Алексеевич знал, что ничего легко не даётся, но он верил в руководителей треста, в умелых инженеров участка, в рабочих, и эта вера помогала справляться со всеми сложными задачами.

Вместе со строителями геологи выполняли работы по выводу из консервации и подготовке к эксплуатации с первичной обработкой двенадцати разведочных нефтяных скважин. Они располагались ближе к наливному причалу — в трёх километрах от Баграса, где строители уже монтировали два двухтысячных резервуара для накопления нефти. Все работы были хорошо организованы и шли в соответствии с утверждённым графиком. Подготовленные скважины были обвязаны нефтесборными сетями, построены два пункта с сепарационными и перекачивающими установками. Строительные работы близились к концу.

В марте 1964 года появились первые нефтяники: Г. С. Арнопольский, И. И. Рынковой, Н. А. Назаров, В. Я. Рудольф, В. П. Троян, И. П. Быковский, Я. А. Мартын, Н. П. Минякин, которые включились в работу в роли консультантов, но уже видели перспективы Мегионского нефтепромысла глазами эксплуатационников. Всю черновую работу вёл И. И. Рынковой,

а Г. С. Арнопольский занялся организационными вопросами по созданию НПУ «Мегионнефть».

Владимиру Алексеевичу пришлось взять на себя вопросы обустройства и размещения нефтяников в посёлке. Им он передал два новых двенадцатиквартирных дома, для одиночек выделил места в общежитии. Как хозяин он ни в чём не отказал им, помогая всем, чем на тот момент располагал его коллектив.

Г. С. Арнопольский вспоминает: «С первого дня прибытия на землю Мегиона я признателен В. А. Абазарову. Он был нашим «батькой», оказавшим нефтяникам всяческую поддержку и реальную помощь в организации промысла. Вертолёты, высокопроходимую технику, стройматериалы, продукты питания выделял нам в первую очередь, может быть, даже в ущерб своим производственным и социальным задачам. Владимир Алексеевич предоставил мне вагончик под служебное помещение и всё необходимое для работы: стол, пишущую машинку, бумагу и всё прочее, что требовалось на первых порах».

В. А. Абазаров предложил нефтяникам временно использовать для проживания посёлок Баграс, находящийся непосредственно на Мегионском месторождении. Такой выбор диктовался одним — оттуда удобнее вести строительно-монтажные работы.

Из воспоминаний начальника участка Евгения Васильевича Большагина: «Жили на острове, где каждую весну топило. Обслуживали восемь скважин. На промысле работали двадцать рабочих и сорок человек бывших заключённых. Мне было 27 лет, поручили руководить всем хозяйством на Баграссе, а оно было немалое: шко-

ла, клуб, пекарня, магазин, четыре общежития. Геологи, уходя из посёлка, разобрали баню на дрова ещё до того, как началось интенсивное прибытие нефтяников, а геологов уже перевезли в Мегион. Чтобы помыться, нужно было ехать в Мегион — туда четыре часа и столько же обратно, на это уходил практически целый день. Всем это изрядно надоело. Срубили себе баню.

Контора промысла находилась в Мегионе. Поначалу с какой-нибудь бумажкой бежишь к начальнику промысла, а уж к бухгалтеру нужно было добираться в Нижневартовск, где находилось НПУ «Мегионнефть». Я жил на полпути между Баграсом и Нижневартовском. Поскольку не знал, где буду ночевать, то во всех трёх местах у меня стояли койки: где ночь застала, там и оставался. Хозспособом построили столовую, сами закупали продукты. Жён устроили поварами, получалось вкусно,



Фото на память. Всегда вместе. Тюмень, 2003 г.

как дома. Выручали деньги за обеды, на них закупали вновь продукты. На острове держали несколько коров — молоко было своё. Позднее с совхозом «Мегионский» заключили договор, стало легче.

Одновременно строили выкидные нефтепроводы от разведочных скважин к нефтесборным пунктам, вели обвязку двух резервуаров, а от них — в систему перекачки двух временных причалов, откуда нефть должна была поступать в трюмы нефтеналивных барж. Картина художника Репина «Бурлаки на Волге» соответствовала нашему труду, только те на себе тащили, а тут — с помощью тракторов. Часто рвались тросы, люди вязли по колено в болотной топи...»

Каждый из участников происходящего в те дни отдавал делу всё: силу ума и мускулов, волю и жажду победы. Выброшенный десантом отряд строителей и горстка прибывших нефтяников в невероятно тяжё-



Встреча с А. К. Протозановым в тюменском санатории «Сибирь»

лых условиях северной природы и изнурительного труда строили, строили, строили...

По вечерам за Мегионом вспыхивали огни электро-сварки, монтажники соединяли стальные конструкции. Как огромная рыбацкая сеть переплеталась ребристая арматура, бечевой тянулись трубы разной величины, а белые резервуары напоминали белые поплавки в зелёном океане леса.

В мае строительные работы близились к завершению. На другой стороне протоки Баграс, там, где начинается протока Мулка, на Р-28 был поднят третий двухтысячный резервуар. Здесь же был построен сборный пункт с обвязкой его от нескольких разведочных скважин. Этот резервуар исполнял роль резервного нефтеналивного причала.

На Р-8 был установлен причальный дебаркадер, к которому были подведены сливные трубы от резервуаров и смонтирован узел управления нефтеналивом. Всё было готово к подаче нефти в баржи с последующей её отправкой на Омский НПЗ. Символично, что задвижки готовых к эксплуатации скважин было поручено открыть буровому мастеру экспедиции Григорию Ивановичу Норкину. Да, тому самому легендарному мастеру геологов-буровиков, сибиряку Норкину. Он когда-то охотился поблизости от этих мест. Отсюда ушёл на фронт Великой Отечественной. После возвращения стал нефтеразведчиком, и вновь привели его сюда пути-дороги первопроходцев, где и суждено было ему оставить свой след в истории.

Григорий Иванович сначала пробурил скважину-первооткрывательницу на Мегионском месторожде-

нии, затем его бригада пробурила такие же скважины на Северо-Покурском, Аганском и на Самотлорском месторождениях. Имя его стало известно далеко за пределами округа и страны.

Но это будет чуть позже, а сейчас Григорий Иванович, открыв задвижки, вместе с присутствующими услышал, как нефть по трубам зазвенела, запела и направилась в сооружённые нефтесборные пункты. Это было начало пробной эксплуатации. Нефть накапливалась в резервуарах.

2 июня 1964 года в Мегион пришли две нефтеналивные баржи, буксируемые пароходом «Иван Ползунов». Мегион стал центром великого ожидания. Жители посёлка, от старого до малого, жили предстоящим событием — отправкой первой нефти. Нефтяникам предстояло заняться этим вместе с геологами. Справедливо! Это был, пожалуй, единственный всеобщий праздник в Мегионе, где героями и участниками в равной мере были и разведчики, и добытчики. Мегионские геологи искали и нашли здесь сибирскую нефть, а нефтяникам, прибывшим в Мегион из Башкирии, Татарии, Куйбышевской области, предстояло развивать нефтяную отрасль. Но сегодня и тем, и другим не терпелось увидеть свой совместный результат — первую «живую» мегионскую нефть.

И вот настал долгожданный день 4 июня 1964 года, вошедший в историю Тюменской области. К этому времени в резервуары было налито около четырёх тысяч тонн сепарированной нефти. Торжественный момент! Честь открыть задвижки для заполнения нефтью барж по праву была предоставлена основному организатору

ру этого события — В. А. Абазарову. Этой чести были также удостоены оператор промысла И. П. Быковский, старший инженер М. Г. Альхамов, руководители промысла Г. С. Арнопольский и И. И. Рынковой.

Радость и ликование людей были искренними. Слышались восторженные здравицы, орации, крики «Ура!», звуки победного марша. Всё это создавало особую значимость и торжественность момента. Люди припадали к трубам и слушали, как с шумом в стальное нутро барж шла нефть.

Руководители района и В. А. Абазаров решили провести митинг непосредственно на месте налива. На праздник прибыло более 500 человек из Мегиона, Нижневартовска, Баграса, Большетархово. Здесь были геологи, нефтяники, строители, колхозники, рыбаки, охотники и около сотни школьников. День выдался на редкость солнечным и тёплым. Разноцветье флагов, портреты руководителей страны, алые транспаранты делали место сбора праздничным. Гремел духовой оркестр, собранный опять же Абазаровым, создавая особый настрой. Мегион никогда ещё не принимал столько людей. На торжество пришли семьями, а бегающая и кричащая детвора придавала событию настроение веселья и задора.

В два часа дня на временную трибуну поднялись передовики производства и руководители района. Выступления В. А. Абазарова, Г. С. Арнопольского, Я. И. Пермитина, Н. И. Михальченко, И. И. Рынкового, Л. З. Малахова, Г. П. Худорожкова, В. Я. Рудольфа были эмоционально приподнятыми. Всем запомнилась волнующая речь манси, в прошлом рыбака, участника

Великой Отечественной войны, второго секретаря Нижневартовского парткома Александра Ивановича Исыпова: «Этот день войдет в историю Югорской земли, моего родного края, как эпохальное событие. Кто бы мог подумать, что эта нетронутая земля будет разбужена через пять столетий, а я и коренные обитатели её обретём новую жизнь! Начатая геологами в 1961 году глубокая разведка недр района получила сегодня своё логическое завершение: стране идёт первая мегионская нефть, и наш район становится нефтяным районом. Трудовая победа геологов, строителей и нефтяников войдёт в историю. Мы должны знать и помнить своих первых героев!»

С трибуны продолжали звучать пламенные речи, идущие от души и сердца. Эмоциональный порыв выступающих был понятен, и никто их не ограничивал во времени.

В этот день в Тюмени проходил VIII Пленум промышленного обкома КПСС, который обсуждал вопрос «О перспективах нефтедобывающей промышленности в области». В его работе принимал участие и первый секретарь Нижневартовского парткома Леонид Вячеславович Аксарин. Как же он не хотел уезжать в Тюмень! Он тоже очень многое сделал, чтобы этот день наступил, и, естественно, собирался разделить радость вместе со всеми. Но не сложилось.

Спонтанно родилась идея, которую участники митинга единодушно поддержали: направить телеграмму в адрес Пленума. В ней говорилось: «Четвёртого июня в 12 часов дня закончен налив первой баржи нефтью самого восточного месторождения нашей области.

Судно отправлено на Омский нефтеперерабатывающий завод. Получай, Родина, мегионскую нефть!» Телеграмму подписали Исыпов, Абазаров и Арнопольский.

Невозможно забыть радостные лица, волнение всех, кто пришёл проводить баржу с нефтью. Праздничное настроение не покидало людей даже после того, как северная природа приподнесла митингующим сюрприз: налетела чёрная туча и всех обильно посыпала июньским снегом. Праздник продолжался в столовой Мегиона и в домашних условиях. После митинга оставшиеся на месте операторы, дежурный инженер команды судов, шкиперы барж следили за нефтеналивом. Ничто не предвещало опасности...

Неожиданно в два часа ночи береговая площадка размером примерно 70 на 80 метров, где проходил митинг, мгновенно ушла под воду, образовав большой залив. Из воспоминаний В. А. Абазарова: «...Раздался сильный стук в дверь моей квартиры и голос капитана моего катера Германа Петровича Барышева: «Владимир Алексеевич, на восьмом номере что-то случилось! Оператор, приехавший на мотолодке, просит вас немедленно прибыть!..» Я быстро оделся. Прибежал на берег и на катере отправился к месту происшествия. Поездка заняла 40–45 минут. Когда я прибыл на Р-8, моему взору предстала страшная картина. На месте, где мы вчера митинговали, где стояла трибуна, и находились более 500 человек, был огромный водяной залив длиной вдоль берега не менее 150 метров и вдававшийся в сушу примерно на 80 метров. Нефтеналивные трубы, выведенные на причальный дебаркадер, вместе с батареей задвижек для управления нефтеналивом ушли под воду,

как оказалось позже, на глубину 12 метров. Нефтеналивная баржа и пароход «Иван Ползунов» стояли напротив бывшего причала на другом берегу протоки Мулка. Никто не пострадал, но я представил себе, что было бы, если б этот обвал случился, когда мы митинговали... Трудно вообразить себе последствия такого ЧП».

Находившиеся здесь рабочие сделали всё возможное, чтобы закрыть задвижки на резервуарах, поэтому нефть не попала в реку. Отправка барж откладывалась.

Что же произошло? Дело в том, что причальный дебаркадер был установлен в самом неудачном месте с точки зрения гидродинамических процессов. Он стоял в начале поворота протоки Мулка влево, и вся масса воды вдоль берега под дебаркадером начинала поворот тоже влево. Но из-за огромных размеров причального дебаркадера под ним возникали водяные водовороты, которые размывали берег. Сам же берег верхней своей частью представлял собой плотный суглинок, проросший сверху на глубину 30–40 см плотной корневой системой. Суглинок в общей сложности имел толщину до 4 метров, а под ним был чистый песок. Постоянно возникающими водоворотами песок вымывался из-под суглинка, и образовался своеобразный висячий козырёк, державшийся на суглинке и плотных травяных корневищах. Это и спасло митингующих от трагедии. Когда же было вымыто столько песка, что козырёк уже не мог держаться, берег рухнул.

Да, природа, недра земли ещё раз напомнили покорителям, как трудно будет подступаться к подземным кладовым. Но Бог защитил от беды. Абазаров, вернувшись в Мегион, принял экстренные меры по восста-

новлению нефтеналивного причала. Руководителем этих работ назначили Александра Семёновича Зарубина. На третий день после обвала причал начал работать, баржи были залиты нефтью и отправлены в Омск.

В навигацию 1964 года с Мегионского месторождения ушло 73,2 тыс. тонн нефти. В межнавигационный период добыча велась в резервуары, пока не ввели в эксплуатацию первый нефтепровод.

В этом же году завершилось строительство Ватинского товарного парка. К этому времени уже было открыто Ватинское нефтяное месторождение. В навигацию 1964 года буровики Мегионской конторы бурения завезли несколько буровых станков, что позволило приступить к разбуриванию месторождения эксплуатационными скважинами. Осенью этого же года началось строительство трубопровода от Баграса до Ватинского товарного парка. Все объекты пробной эксплуатации были переданы В. А. Абазаровым НПУ «Мегионнефть». Геологи приступили к выполнению своих прямых обязанностей.

Владимир Алексеевич убеждал руководителей НПУ «Сургутнефть» и Нижневартовского района в том, что центром нефтяной промышленности в районе должен быть Мегион. Это обосновывалось экономической целесообразностью, социальными выгодами для людей и более благоприятным географическим положением. Такую же позицию занимал в дальнейшем и И. И. Рынковой.

1 августа 1964 года создаётся нефтепромысловое управление «Мегионнефть» с местом нахождения в Нижневартовске. Приказом начальника объединения «Тюменнефтегаз» А. М. Слепяна начальником

управления назначается Б. И. Осипов, главным инженером — Г. С. Арнопольский, главным геологом — В. У. Литваков, заместителем начальника по общим вопросам — А. И. Абзалов. Первым заведующим Мегионским нефтепромыслом уже в составе НПУ «Мегионнефть» стал И. И. Рынковой.

С чувством исполненного долга В. А. Абазаров передал НПУ «Мегионнефть» построенные экспедицией объекты нефтедобычи, товарный парк. На баланс НПУ отошли Мегионское месторождение с пока ещё не защищёнными запасами. Коллективом экспедиции было сделано большое государственное дело. Теперь слово за нефтяниками.

С каждым годом Мегионская нефтеразведочная экспедиция наращивала объёмы бурения, в очередной раз радуя страну новыми открытиями. На страницах центральных и местных газет, в передачах по телевидению эти сообщения стали привычными. В кабинете Владимира Алексеевича всё плотнее заполнялась нефтегазоносная карта Среднего Приобья. В 1963 году было открыто Ватинское нефтяное месторождение, в 1964-м — Северо-Покурское, Аганское, Нижневартовское, в 1965-м — Самотлорское, Суторминское. В 1967 году открыто крупное нефтегазовое месторождение Варьеганское, в 1968-м — Мало-Черногорское, в 1970-м — Черногорское, Тюменское и Северо-Варьеганское. Пошло-поехало! Новые месторождения отстояли от Мегиона на 300 и более километров.

С Владимиром Алексеевичем мы познакомились при необычных обстоятельствах. На Самотлор — а это значит, в Нижневартовск — приезжали руко-

водители, от которых напрямую зависело решение сложнейших вопросов. Кроме того, постоянно прилетали руководители разных рангов, у которых было единственное желание — посмотреть Самотлор. Отбоя не было от представителей СМИ, работников культуры и искусств, от спортсменов и космонавтов.

Вспоминаю встречу с большой группой артистов киностудии «Мосфильм», которую возглавлял народный артист СССР Иван Переверзев. Эту группу сопровождала заместитель председателя Тюменского облисполкома Маргарита Кирилловна Емельянова. При встрече актерская группа выразила желание встретиться с геологами Мегиона, ибо в планах Переверзева было создание фильмов о покорителях Самотлора, а Самотлор без Мегиона, безусловно, не состоялся бы. Они горели желанием увидеть известных на всю страну мастеров бурения Григория Ивановича Норкина, пробурившего первые скважины на нефтяных месторождениях района, Семёна Лукича Малыгина, который пробурил скважины-первооткрывательницы на Ватинском, Сороминском и Белозёрном месторождениях, но особый интерес у Переверзева вызывала личность начальника экспедиции.

Встретил я их в старом аэропорту, откуда вертолётom мы перелетели в Мегион. До этого я много слышал о В. А. Абазарове, особенно от первого секретаря райкома партии В. В. Бахилова, который при одном упоминании фамилии Абазарова преображался мгновенно и тут же начинал вспоминать и рассказывать о делах, связанных с Владимиром Алексеевичем, о судьбах геологов Среднего Приобья.

Встреча с Абазаровым произошла в его кабинете. Он рассказывал и показывал на карте уже открытые месторождения нефти и газа, дальнейшие маршруты движения буровых бригад на новые площади, умело иллюстрируя свой рассказ любительскими фотографиями. Зачарованные артисты смотрели на любительские снимки, показывающие трудности геофизиков и геологов, идущих вперёд по пояс в воде, тонущую в болотах технику, неустроенный быт и радость одержанных побед. Тут же Владимир Алексеевич организовал гостям встречу с Г. И. Норкиным и С. Л. Малыгиным.

Находясь в такой неофициальной обстановке, я имел возможность посмотреть со стороны и даже сравнить внешность Абазарова и Переверзева. Они действительно имели много общего: почти двухметровый рост, крупное телосложение, широкие плечи и большие головы, покрытые пышной шевелюрой, широкие открытые лбы. У них и говор-то был схожий — громкий, отрывистый, задорный смех и красивая улыбка. Оба остроумно шутили. Абазаров, как всегда, отличался своим профессионализмом, чувством уверенности.

Встреча оказалась интересной и взаимно полезной. Следует подчеркнуть, что на протяжении всей последующей жизни Владимир Алексеевич не менялся: был по-прежнему независимым, уверенным в себе, сохраняющим чувство собственного достоинства. Его всегда тянуло туда, где было труднее. Конечно, не всё получалось, о чём он думал и мечтал, но он не искал виновных, никому не завидовал. Он, как правило, делал своё геологическое дело добротнo и надёжно.

После встречи киношников с геологами их ждал Самотлор. Абазаров изъявил желание сопровождать нас. Именно с этой встречи мы с Владимиром Алексеевичем не расставались. Мне дважды пришлось участвовать в его разнарядках. Они каждый день начинались ровно в шестнадцать часов, а утром в семь часов вносились коррективы после связи с бригадами. За длинным столом в его кабинете каждый участвующий знал своё место, и если кто-то отсутствовал, это было сразу заметно. Оперативки проходили быстро, минут за сорок. Сначала были краткие доклады о сделанном, затем ставились новые задачи. В течение дня В. А. Абазаров старался не дергать подчинённых по пустякам, давая им возможность спокойно работать.

Поближе узнал и о его геологических привычках. Однажды на катере вместе с ним мы объезжали места работы, и он более трёх суток почти не спал! Такой сильный организм. Владимир Алексеевич был эрудирован, начитан, хорошо играл в шахматы, прекрасно пел, причём хорошо знал слова многих песен.

В 1970 году коллектив Мегионской нефтеразведочной экспедиции первый в Главтюменьгеологии был награждён орденом «Знак Почёта». Через два года ордена Трудового Красного Знамени будет удостоен старейший коллектив Нижневартовского УБР-1, а НГДУ «Нижневартовскнефть» наградят орденом Ленина. С каждым годом ускорялись темпы освоения Самотлора. Стало очевидным, что НГДУ «Мегионнефть» не в состоянии без ущерба для дела заниматься этим гигантским месторождением. Приказом начальника Главтюменьнефтегаза В. И. Муравленко

в 1971 году создаётся НГДУ «Нижневартовскнефть» с основной задачей заниматься только обустройством Самотлора. Начальником его назначается Р. И. Кузоваткин, а В. А. Абазаров стал начальником НГДУ «Мегионнефть».

Первый секретарь Нижневартовского райкома партии В. В. Бахиллов и председатель райисполкома Н. Ф. Фоменко убеждали В. И. Муравленко, руководителей области и округа в том, что НГДУ «Мегионнефть» должно заниматься только застройкой Мегиона, а функции заказчика по строительству города Нижневартовска следовало бы передать НГДУ «Нижневартовскнефть». Но высокое начальство было непреклонно в своём решении не отвлекать Р. И. Кузоваткина на работы, непосредственно не связанные с освоением Самотлора. При назначении же В. А. Абазарова руководители района руководствовались тем, что он хорошо знает «болевые точки» Мегиона и сможет многое сделать по его комплексной застройке, сняв накопившуюся напряжённость в жилищно-бытовых условиях нефтяников. Но это конструктивное предложение не было поддержано. Жаль! И всё же в этой непростой ситуации Владимир Алексеевич сумел многое сделать для Мегиона, несмотря на строгие запреты со стороны Главка и министерства. Он до конца оставался патриотом Мегиона.

За время моей работы горком партии и образованный вновь Нижневартовский райисполком во главе с его председателем В. Д. Салминым постоянно занимались вопросами жизнеобеспечения Мегиона. Его проблемы не сходили с повестки дня заседаний бюро и плену-

мов, исполкомов и сессий райсовета. Вопросы, связанные с застройкой Мегиона, были для всех головной болью. Мы понимали, что надо искать пути и варианты, принимая как оперативные, так и неординарные перспективные решения. Со стороны же нефтяников на протяжении 12 лет не было принято ни одного важного шага относительно судьбы Мегиона, так как он считался временным вариантом дислокации. С учётом возрастающих объёмов бурения и добычи нефти на Самотлоре проблемы Мегиона с каждым годом всё больше уходили на второй план — он как бы оставался в тени главных нефтяных задач района.

Для ускоренного освоения Самотлора Главтюменнефтегазом создавались всё новые и новые предприятия и организации с размещением их только в Нижневартовске. Наши же предложения были диаметрально противоположными. Мы убеждали Миннефтепром, Миннефтегазстрой, тюменские главки кардинально изменить отношение к Мегиону, обосновывали необходимость выделения дополнительных капвложений в строительство жилья и объектов соцкультбыта. Мегион нуждался в дополнительных строительных материалах, дорожных плитах, строительной технике. Наконец наша просьба была услышана, и в Мегионе появились управление буровых работ, СМП-237, СУ-920, тресты «Самотлор-трубопроводстрой» и «Мегионнефтепромстрой», автобаза, специализированное строительное управление. Эти меры позволили руководителям посёлка стать более самостоятельными в застройке. Мегион постепенно приобретал черты будущего города.

За три года работы В. А. Абазарова в должности начальника НГДУ «Мегионнефть» там произошли позитивные перемены. Удалось снять значительную часть нерешённых вопросов. Один из наиболее существенных — это нерасторопность заказчика, «вольное» поведение подрядчиков при строительстве жилья, объектов социального назначения и благоустройстве посёлка. Начальник НГДУ потребовал от своего заместителя по строительству Г. М. Кукуевицкого и от управляющих трестами обязательного выполнения планов по ежегодному вводу жилья. Владимир Алексеевич обладал завидной самодисциплиной и твёрдой хваткой руководителя. Он сочетал в себе такие качества как бескомпромиссность ко всякого рода лодырям, рвачам и ловкачам, непримиримость по отношению к тем, кто мешал, замедлял выполнение заданий, и, напротив, глубокое уважение к тем, кто работал на совесть, творчески, с полной отдачей сил. За справедливость и последовательность, сильную волю и аналитический ум его ценили в коллективах экспедиции и НГДУ.

В. А. Абазаров оставил о себе добрую память не только открытиями новых нефтегазоносных горизонтов в недрах Тюменского Севера. Он запомнился людям как активный участник преобразований в Среднем Приобье, внесший большой личный вклад в становление и развитие Западно-Сибирского нефтегазового комплекса. Его заслуги перед геологией огромны, но он никогда не умалял достижений своих коллег и товарищей, более того, всегда их выделял и подчёркивал. Поражаешься его скромности, великолепной

памяти и глубокой благодарности к тем, с кем его свела нелёгкая, но интересная и содержательная жизнь.

Заплодотворную производственную и общественную деятельность Владимиру Алексеевичу присвоено звание «Почётный гражданин Нижневартовского района». Уйдя на пенсию, В. А. Абазаров продолжал много работать. По инициативе его и ветеранов области был учреждён «Союз создателей Тюменского нефтегазового комплекса», возглавить который доверили Владимиру Алексеевичу...

В 2003 году этого яркого человека не стало.

Тюменский областной общественный Фонд им. В. И. Муравленко принял ряд мер по увековечению памяти В. А. Абазарова. В рамках этой программы территориальная комиссия по запасам Ханты-Мансийского автономного округа постановила в честь В. А. Абазарова, лауреата Ленинской премии, Почётного работника ОАО «Мегионнефтегаз» назвать Абазаровским нефтяное месторождение, открытое в 2003 году в 43 километрах восточнее Нижневартовска. Решением городской Думы улица Восточная в Мегионе переименована в улицу Абазарова. Мемориальная доска в честь Владимира Алексеевича установлена на административном здании ОАО «Славнефть-Мегионнефтегазгеология».

Меняются времена, меняются человеческие ценности, но самоотверженность, мужество и благородство не имеют цены и не знают временных границ. Такие, как Владимир Алексеевич Абазаров, будут жить вечно в памяти благодарных потомков.



**БАХИЛОВ
ВАСИЛИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ**

СИБИРСКИЙ САМОРОДОК

Для меня Василий Васильевич Бахилов был и навсегда останется учителем. При упоминании его фамилии в моей душе рождается светлое и доброе чувство.

Думаю, Василий Васильевич был благодарен своим родителям, своей нелёгкой судьбе военных и послевоенных лет, заложивших в его гены и натуру высокую работоспособность, способность чутко реагировать на добро и зло, сопереживать, уметь любить и слушать людей. Вот об этом мой рассказ.

Главные его черты — порядочность, надёжность в работе и жизни. Было за что его уважать, брать пример, по-настоящему гордиться его поколением. Он бережно относился к людям труда, знал их нужды, был готов прийти им на помощь.

Из родного города Ишима в девятнадцать лет он ушёл в Советскую армию, на войну... Командир огневого взвода зенитной батареи. Для его поколения Великая Отечественная — не только молодость, опалённая горем и бедами, но и «точка отсчёта» для оценки людей, их поступков, их нравственной ценности. Они вольно или невольно сравниваются с теми, кто не вернулся, потому что шансов оказаться среди них на той страшной войне было больше, чем остаться в живых.

Более двенадцати лет я имел возможность встречаться и работать с ним рядом. Василий Васильевич резко выделялся среди иных чванливых партработников, не терпел имитаторов дела, лжецов и подхалимов,

к подчинённым относился, как к родным детям. У него было любимое изречение: «В моё отсутствие, уверен, мои помощники работают гораздо лучше меня. Значит, недаром им во всём доверяю».

Василий Васильевич шёл к этому долго. Не хватало знаний. Пришлось уже в солидном возрасте учиться, наверстывать упущенное, ведь шесть военных лет отняли у него эту возможность. После окончания партийных курсов Василию Васильевичу была предложена работа заведующего орготделом Сургутского райкома партии. Подобная практика в партийных органах была повсеместной. В тюменской организации она определялась несколькими факторами. Во-первых, область в 1944 году обрела самостоятельность, выделившись из состава Омской области. Во-вторых, в двух национальных округах был дефицит кадров в партийных, советских, комсомольских и профсоюзных органах. В-третьих, в 50-е годы в округах начались работы геодезистов и геофизиков, геологоразведчиков и буровиков, открывших нефтяные и газовые месторождения. Для их освоения нужны были «привозные» силы монтажников и строителей, авиаторов и речников, врачей и учителей, снабженцев и торговых работников, так как коренное население не могло решить этих задач.

Не случайно первый секретарь обкома партии В. В. Косов, выступая на одном из областных активов, сказал: «Нарастающую экономику области тащат назад два округа, которые, как две гири на ногах, сковывают её дальнейшее развитие». Но вскоре страна, мир узнают «об открытии двадцатого века» и назовут «русским чудом» создание Западно-Сибирского нефтегазового



*Семья Бахиловых,
сыну Василию 15 лет*



*В Кремлёвском Дворце
съездов. Москва, 1963 г.*



*А. Краев, И. Нестеров, Ю. Эрвье, Ф. Салманов поздравляют
В. Бахилова с днём рождения. Сургут, 1970 г.*

комплекса. Поистине пророческими окажутся слова великого Ломоносова о том, что могущество Российского государства прирастать будет Сибирью.

После трёх лет работы Василия Васильевича избирают секретарём райкома партии. Но перспективы дальнейшего роста не было — надо было иметь высшее образование. И в 1956 году он становится слушателем Омской Высшей партийной школы. После её окончания в 1959 году обком партии направляет его заведующим сельхозотделом Ханты-Мансийского окружкома, а через год его избирают первым секретарём Сургутского райкома партии, где он бессменно проработает одиннадцать лет.

Сколько километров было исхожено им по бездорожью, сколько самолётов и вертолётов «освоено», сколько нервов и здоровья отдано делу формирования



Старшее поколение династии Бахилловых. Ишим, 1974 г.

дружного и работоспособного сургутского партийного штаба, под руководством которого осваивалась и обустроивалась Югорская земля!

Волею судьбы его имя, его дела стали яркой страницей в истории сургутской нефти, а начали её писать геологи. Седьмая пятилетка была пятилеткой именно геологоразведчиков. Сургут стал центром средоточия геологических предприятий, которые возглавили деловые, напористые, умные руководители И. Г. Шаповалов, В. А. Абазаров, Я. И. Галян, Ф. К. Салманов, С. В. Синюткин. Они открыли знаменитые нефтяные месторождения: Шаимское (1960 г.), Усть-Балыкское и Мегионское (1961 г.), Западно-Сургутское (1962 г.), Правдинское и Южно-Балыкское (1964 г.), Самотлорское и Мамонтовское (1965 г.). Они до массового прихода отрядов нефтяников экстренно и без промедления сумели в 1964 году организовать с геологических скважин отправку первой тюменской нефти водным путём — баржами — на Омский НПЗ. И тем самым они начали отсчёт промышленного освоения недр Западной Сибири.

Василий Васильевич был среди них равным, своим человеком. Он их любил. Хотя бывало геологам и нелегко, ибо первый секретарь райкома партии не был добреньким и покладистым. Он был и резок, держал их в напряжении, не давал расслабиться, настойчиво требовал выполнения порой невыполнимых задач, мобилизации всех имеющихся у них ресурсов, укрепления дисциплины и порядка, настоящего обустройства быта людей. Именно в эти годы отрабатывалась система партийного управления всеми производственными

и социальными процессами, происходящими в Сургутском районе.

Именно геологи на пленуме Сургутского горкома партии настояли на представлении В. В. Бахилова к званию Героя Социалистического Труда за большие заслуги в развитии города и района. Поводом послужило решение обкома КПСС о направлении Василия Васильевича в Нижневартовск. Принятое постановление пленума Сургутского ГК КПСС поставило обком, окружком и ЦК в нестандартное положение. В то время отсутствовала практика награждения низовых партработников столь высокой наградой. Решение сургутских коммунистов перечеркнуло эту традицию. В. В. Бахилов, секретарь горкома, оказался в числе первых в областной партийной организации, удостоившихся этого высокого звания.

Чем же руководствовался обком партии, направляя Василия Васильевича в Нижневартовскую парторганизацию? Во-первых, после открытия крупнейшего Самотлорского месторождения на первый план по добыче нефти уже вышел Нижневартовский район. Восьмая и девятая пятилетки были в руках тюменских нефтяников. Нефтяная перспектива требовала резкого увеличения объёмов строительных работ, борьбы за высокие показатели в бурении, вышкостроении, максимального увеличения прокладки трубопроводов, совершенствования кустового метода монтажа скважин, развития блочного строительства объектов добычи нефти. Для этого нужен был партийный боец, прошедший школу Сургута. Им был Бахилов.

Во-вторых, началось с нулевой отметки строительство города Нижневартовска с невиданными темпа-

ми и объёмами капиталовложений. В этой ситуации потребовался вожак, имеющий опыт и много сделавший для строительства Сургута. Им был Бахиллов.

В-третьих, нижевартовская «кадровая чехарда» с частой сменой первых секретарей райкома партии и председателей райисполкома приводила к негативным последствиям. Здесь был необходим Бахиллов, которому на деле предстояло организовать подбор, расстановку и воспитание кадров всех уровней. Именно он, волевой и решительный, имеющий непререкаемый авторитет среди руководителей, должен был и здесь стабилизировать обстановку.

В-четвёртых, избранные секретарями райкома партии Николай Яковлевич Токарев и я нуждались в руководителе с большим жизненным и партийным опытом. Безусловно, им был Бахиллов.



Большая семья Бахилловых. Нижневартовск, 1971 г.

И, наконец, большой по территории Нижневартовский район требовал комплексного развития, с продуманной системой работы с местным национальным населением — ханты и манси. Такой опыт уже складывался в соседнем Сургутском районе, поэтому здесь был так необходим Бахиров.

Прибывших на суровый тюменский Север многих молодых людей, в том числе и меня, ожидали непредсказуемые подчас ситуации, насыщенная проблемами работа. Многие дни и ночи без полноценного сна и отдыха, безусловно, изнуряли, но молодость, упорство и слово «надо» заставляли выполнять поставленные задачи.

Этот период, как мне представляется, до сих пор по-настоящему не смогли оценить, должны пройти годы и годы, пока до конца удастся понять его истин-



Работники Нижневартовского райкома КПСС. 1970 г.

ную ценность и неповторимость для страны, поразившими мир, особенно в годы «застоя», темпами освоения тюменского Севера.

Есть на этот счёт замечательные слова у русского поэта: «...история не ведает кабы, историю интересуется то, что было...» От этой правды никуда не уйти. А роль КПСС в развитии нефтегазового комплекса Западной Сибири никому не удастся очернить и принизить. Практически все ведущие специалисты и руководители разных направлений, приезжающие в нефтяные районы области, уже были коммунистами и комсомольцами. Партия отбирала сюда лучших из лучших добровольцев из всех республик и областей. Время требовало от руководителей всех рангов неимоверного напряжения сил, воли, большой самоотдачи и мужества, они были патриотами, созидателями. Центральный Комитет держал на контроле практически все действия геологов, нефтяников, строителей, осваивавших сибирскую нефтяную целину. «Мне как руководителю городской организации хочется, чтобы каждый работник аппарата, секретарь парткома, первичной парторганизации работал с огоньком, — говорил Василий Васильевич, — чтобы они чувствовали себя хозяевами города, предприятия, были горды за свою работу».

Бахиров по натуре был оптимистом. Хотя трудностей было через край... В такие моменты он брался за дужку роговых очков, приспускал их на кончик носа и какое-то время молчал. Но по глазам чувствовалось: он о многом успевает передумать. Потом вскидывал густые брови и начинал «по-бахировски» работать.

Эти качества не пришли сами собой, он тоже учился, перенимал опыт и знания у других.

Есть в нефтяной промышленности специфическая черта — общий успех здесь, как в эстафете, зависит от каждого. Отсюда характерное для нефтяников чувство большой семьи, коллективизма, ответственности и не только за себя. Отсюда и уважительное отношение к делам прошлого, к людям, которые трудились до тебя, осваивали месторождения и всё, что входит в комплекс нефтедобычи.

Новость о переезде Василия Васильевича в Нижневартовск мы с Николаем Яковлевичем горячо обсуждали, обменивались мнениями, строили планы работы с Бахилловым. Я рад был вдвойне: он едет на замену М. П. Страхову, с которым у нас были натянутые отношения. Исходили они от Марата Павловича и сводились к одному — против его воли обком партии рекомендовал меня секретарём райкома по идеологии. Он же на эту должность предлагал своего человека, работающего заведующим отделом пропаганды и агитации райкома.

Неприятность ко мне М. П. Страхов не скрывал и подчёркивал всюду. Вопросы, относящиеся к моей компетенции, он решал, минуя меня.

Николай Яковлевич Токарев, работая в должности инструктора обкома КПСС, хорошо знал В. В. Бахилова. Они неоднократно встречались в Сургуте по делам городской организации.

Работая в комсомоле в Тюмени, я дважды видел Василия Васильевича на собраниях партийно-хозяйственного актива области. Мне по душе были его горя-

чие, довольно простые по содержанию выступления, но с адресными и критическими выводами.

Со стороны я наблюдал за ним, когда он общался с друзьями, коллегами, хозяйственными руководителями. Василий Васильевич выделялся своей простотой и доступностью. Конечно, я тогда не мог предположить, что доведётся с ним работать и многому у него научиться.

Первая моя официальная встреча с ним произошла на бюро райкома партии за час до заседания внеочередного пленума Нижневартовского РК КПСС, на котором нам предстояло избрать его членом бюро и первым секретарём. Его представлял первый секретарь Ханты-Мансийского окружкома Лев Иванович Кудрявцев. Он ознакомил нас с биографией, дал исчерпывающую



Е. П. Корнева, Д. А. Смородинсков, В. В. Бахиллов на празднике «Рыбака и охотника» в национальном посёлке Ларьяк. 1972 г.

характеристику. Василий Васильевич внешне выглядел усталым. Однако волновался — выдавали его руки. Он часто снимал и надевал очки. Вопросов к нему не было.

Избрали единогласно. Многие члены райкома партии знали Василия Васильевича, так как головные организации и предприятия находились в Сургуте: леспромхоз, аэропорт, речники, нефтепроводное управление. Знали его по делам в Сургутском районе. Тепло поблагодарив за оказанное доверие, он сказал следующее: «Для меня большая честь работать в районе, где сегодня решаются грандиозные государственные дела, где создаётся крупнейший нефтяной регион. Даю себе отчёт в высокой ответственности. Мой настрой — на созидание и совместный успех».

Проводив Л. И. Кудрявцева в аэропорт, Василий Васильевич вернулся в райком. Первым он пригласил к себе на беседу Н. Я. Токарева, а затем меня. Инте-



Фото на память. На семейном празднике у Бахиловых.

Нижневартовск, 1973 г.

ресовало его буквально всё. Я поведал ему о себе, о семье. На следующий день он продолжал знакомиться с работниками аппарата. Потом перешёл к конкретике. Нам с Токаревым поручил подготовку к пленуму райкома, где ему впервые предстояло выступить с докладом. Сам же начал знакомство с коллективами, руководителями, с районом.

На пленуме РК КПСС ставили вопрос о мерах по ускоренному развитию нефтедобывающей промышленности в Западной Сибири, о задачах районной парторганизации. Принятое Постановление ЦК КПСС на эту тему обсудили пленумы обкома и окружкома. Теперь следовало обсудить на пленуме райкома, а затем — в первичных организациях. Мы должны были определить конкретную программу действий, дойти до каждого человека, до каждого трудового коллектива с определением задач совету, профсоюзу, комсомолу.

В тот период районная парторганизация насчитывала 2200 коммунистов, которые были расставлены на решающих участках производства. Более половины численного состава — рабочие. Структура способствовала чёткой деловой работе бюро, аппарата райкома, совершенствованию форм и методов руководства первичками, цеховыми организациями и партгруппами. Всё это позволяло усиливать влияние на деятельность предприятий. С первого дня прихода Василия Васильевича в аппарат райкома мы почувствовали его индивидуальный стиль, дающий нам инициативу в принимаемых решениях и действиях. Его большой жизненный и профессиональный опыт для нас, молодых, был очень важен.

Как-то рано звонит и спрашивает: «Сергей, слушаешь ли ты утренние передачи из Тюмени и Ханты-Мансийска?» Ответил, что слушаю, но не регулярно. Он мне тут же: «Как секретарь по идеологии ты обязан слушать последние известия и должен знать о происходящих событиях в области и округе. Прошу к этому же приучать работников аппарата и находить время обсуждать новости, обмениваться мнениями».

Потом последовал второй вопрос: «Скажи мне, как ты получаешь периодическую печать? Вот мне её приносят с опозданием в два-три дня — целыми пачками». Отвечаю: «Газеты, наверное, получаю, как и все жители посёлка». Василий Васильевич попросил навести порядок в этом вопросе и поправил меня, сказав, что слово «наверное» негоже для секретаря райкома партии, который курирует районный узел связи. «Советую тебе потребовать от начальника Пospelова изменить порядок доставки корреспонденции на дом. Ты должен получать её в тот же день, желательно в первой половине. А с работника отдела, отвечающего за этот важнейший участок идеологической работы, спрашивай попредметнее». Эти замечания и предложения Василия Васильевича я принял к неуклонному исполнению и должен сказать, что по данным вопросам больше проблем не возникало.

Однажды, как бы мимоходом, он мне подсказал, как нужно отличать и изучать качества руководителей. Как сейчас помню, делил руководителей на четыре вида и советовал мне: «Не ново, что каждый руководитель строит работу в коллективе по своей методе, которая не всегда хороша. Иной надеется на свою

нахрапистость и нередко поначалу достигает неплохих результатов. Другой пытается заигрывать с подчинёнными — этому сядут на шею. Третий вроде бы и справедлив, но неоправданно строг, даже жесток, от него люди бегут. Ну а четвёртый... Словом, искусственное и наносное — ненадёжная опора, а поэтому недолговечная». И тут же, как бы рассуждая, давал мне рекомендацию: «Надо быть самим собой, и, в первую очередь, видеть в человеке Человека». И далее предостерег: «Есть опасная категория руководителей, которые лезут в друзья, ввиду занимаемой тобой должности. Они, как правило, легко могут предать, в связи с изменившимися обстоятельствами».

Василий Васильевич стремился объединить работников аппарата одной идеей: на работе —



*Фото на память. Первый районный слёт женщин с участием
В. Д. Салмина, В. В. Бахилова, С. Д. Великопольского*

только работа. Второе правило: работу строить на честности и добросовестности. На аппаратных совещаниях он неоднократно подчёркивал, что враньё одного работника может обернуться неприятностями и недоверием к делам и устремлениям всей парторганизации, принизить её роль среди населения. Василий Васильевич предложил Н. Я. Токареву и мне подобрать в аппарат работников из числа лучших представителей основных производств: нефтяной промышленности, строительства и транспорта. Следуя такой установке, нам удалось довольно быстро подобрать молодых, деловых и уважаемых людей из трудовых коллективов. Наша задача состояла в том, чтобы помочь им овладеть искусством работать с людьми, жить их интересами, заботиться об их быте, учёбе, культуре и отдыхе.



*А. М. Чимакин и С. Ф. Соловьёв
в гостях у В. В. Бахилова.
Сургут, 1967 г.*



*Б. Е. Щербина вручает Звезду
Героя Социалистического Труда.
Тюмень, 1971 г.*

Безусловно, любое выдвижение на работу в аппарат райкома, на должности секретарей парткомов, первичных парторганизаций, а также райисполкома, райкома комсомола и председателей профсоюзных организаций требовало от орготдела тщательного всестороннего изучения всех качеств выдвиженца. В первую очередь, учитывалось его желание, а затем нравственные и профессиональные качества. Василий Васильевич требовал от орготдела системного подхода к работе с кадрами, заботы о профессиональном и политическом росте каждого, с кем нам приходилось работать в те годы.

На одном примере хочу показать, как это происходило. В связи с уходом на пенсию и по состоянию здоровья председателя райкома профсоюза рабочих нефтяной и химической промышленности Ф. С. Удовенко надо было найти ему достойную замену. Фёдор Сергеевич зарекомендовал себя положительно, по праву считался лидером профсоюзных организаций района и округа, обладал качествами, которые были так необходимы в работе с рабочими, интеллигенцией. Это был руководитель, болеющий и бьющийся за социальные блага, охрану здоровья, создание нормальных условий труда. Поэтому найти равнозначную кандидатуру было нелегко.

Я предложил Василию Васильевичу кандидатуру И. М. Сосновских, которого знал уже более года. К нему у меня было особое отношение. Игорь Михайлович работал помбуром в знаменитой бригаде мастера Геннадия Михайловича Лёвина. Именно с этой бригадой неоднократно приходилось знакомить приезжающих гостей разного уровня: ответственных работников

ЦК КПСС и правительства, учёных, писателей, артистов, журналистов, военных, иностранцев. Все тогда мечтали «отметиться» на Самотлоре, познакомиться с известным на всю страну Героем Социалистического Труда бригадиром Геннадием Михайловичем Лёвиным.

В моей «экскурсионной» работе я часто прибегал к помощи Игоря Михайловича. Он был красив, умён, обаятелен, а главное — мог доступно рассказать о специфике работы буровика, об особенностях бурового производства.

Василий Васильевич два раза встречался и беседовал с Игорем Михайловичем о переходе на профсоюзную работу, но получал категорический отказ. Сосновских не устраивала заработная плата — он действительно много терял материально. Конечно же, на его решение влияла и женская половина семьи. Я предложил Василию Васильевичу сделать некоторую паузу в переговорном процессе, а сам более подробно ознакомился с его личным делом. Сосновских приехал в Тюмень из Красноуральска Свердловской области. После службы на Северном флоте он работал заместителем директора по воспитательной работе профтехучилища, вторым секретарём горкома комсомола и инструктором горкома партии. Пришлось связаться с горкомом, который прислал положительную характеристику. Игорь Михайлович уехал из Красноуральска в связи с поступлением на очное отделение индустриального института, созданного в 1964 году в Тюмени. Он был в числе первых его выпускников. Руководителем дипломной работы был Виктор Иванович Муравленко. В 1969 году, после окончания института, Игорь

Михайлович изъявил желание работать на севере Тюменской области и был распределён в Нижневартовское управление буровых работ № 1, где и попал в буровую бригаду Г. М. Лёвина.

Тот, кто знаком с бурением нефтяных или газовых скважин, знает, что это непрерывный процесс, от забурки под кондуктор до сдачи её испытанием. Нарушение технологического цикла грозит потерей ствола, что, в свою очередь, означает огромные потерянные деньги. Мастер или помощник мастера обязаны быть постоянно на буровой. Поэтому мне приходилось беседовать с Игорем Михайловичем во время его вахты даже в ночное время, убеждая его принять наше предложение, сделать выбор, а вернуться в бригаду, говорил я, всегда можно, если



В. И. Муравленко даёт пояснения А. Н. Косыгину о работе скважин на Саянтлорском нефтяном месторождении. 1971 г.

не сложится работа в райкоме профсоюза. Василий Васильевич был удивлён, что мне удалось склонить Игоря Михайловича на нашу сторону. И мы в нём не ошиблись. Он показал себя хорошим организатором, поэтому при создании промышленно-транспортного отдела горкома партии мы предложили И. М. Сосновских возглавить отдел и подобрать себе двух инструкторов. После избрания в 1973 году меня первым секретарём горкома партии Игорь стал вторым. Помню его откровенные и показательные слова: «Я прошёл хорошую партийную школу. В буровой бригаде так бы и остался помбуром». После горкома партии он много лет работал заместителем генерального директора производственного объединения



Облёт нефтепромыслов Мегионского и Саяногорского месторождений А. Н. Косыгиным во время рабочей поездки на север Тюменской области. 1971 г.

«Нижневартовскнефтегаз» по кадрам и быту. Очень жаль, что он рано ушёл из жизни.

Умение убеждать — отличительная черта партработника. За два года совместной работы с Василием Васильевичем и в последующем постоянно приходилось обновлять и комплектовать новыми кадрами советские, партийные, комсомольские комитеты. Продолжая практику Василия Васильевича, никаких «насильственных» приёмов вплоть до сдачи партбилета не применяли. Работник, добровольно изъявивший желание работать, как правило, более добросовестно и честно относится к своим обязанностям, а, значит, исключается возможность попадания «случайных», конъюнктурных людей.

После прихода И. М. Сосновских в нашу команду Василий Васильевич стал больше мне доверять и прислушиваться к моему мнению. Делал он это, как я потом понял, с определённым прицелом, ибо тоже изучал меня, готовил себе замену.

На первый взгляд скучноватая организационно-партийная работа на самом деле была важным звеном в общей кадровой политике и требовала к себе повышенного внимания, продуманного и систематического анализа. По предложению В. В. Бахилова в горкоме партии был подобран состав резерва кадров на выдвижение. Эту работу возглавил заведующий орготделом Виталий Александрович Илькин. Прекрасный организатор, талантливый и умный работник, которого мы все глубоко уважали и непременно прислушивались к его советам и предложениям. Василий Васильевич о нём образно говорил: «Это мои глаза и уши».

В разное время партийную школу успешно прошли В. Д. Пилюсов, Э. Д. Бушмакин, С. И. Денисов, Б. Г. Антонов, К. С. Замалетдинов, В. Д. Филатов, А. А. Рыбалов, В. В. Романенко, И. А. Яценко, В. С. Смирнов.

Именно они решали сложные производственные задачи, опираясь на трудовые коллективы, именно они видели свой партийный долг в достижении конкретных результатов, получали от работы, прежде всего, моральное удовлетворение, а потом уже материальное. Партийные работники всех уровней всегда пытались детально разобраться во всех вопросах нефтедобычи, бурения, строительства. Они были не из лёгких, и решать их нужно было с высокой эффективностью и качеством.

И тогда, и сейчас, по истечении времени, можно констатировать, что первичные партийные организации города и района сыграли решающую роль в создании крупнейшего Нижневартовского нефтяного региона. Однако это не значит, что мы не допускали ошибок. Были ошибки и у Василия Васильевича. Одна из них — это безоглядная вера в тех, с кем он учился, с кем ранее работал. К сожалению, не все из них и не всегда были теми специалистами, какими он их помнил или представлял. Предлагая им высокую должность, он был в них уверен, как в себе. Но они его, бывало, подводили. И, конечно, Василий Васильевич это тяжело переживал.

Уже работая в Нижневартовске, Василий Васильевич ждал исторического момента в строительстве участка железной дороги, идущей от Тобольска до Сургута. И этот день пришёл, на 575-м километре был забит «серебряный костыль». И рабочие поезда

пошли дальше, до станции Юганская Обь. На митинге по поводу этого знакового события он с нетерпением ожидал встречи со своими друзьями: писателем, главным редактором журнала «Юность», Героем Социалистического Труда Борисом Полевым, который взял шефство над стройкой Северо-Сибирской железнодорожной магистрали; главным проектировщиком магистрали Али Алиджановым; писателем, редактором телепередачи «Поиск» Сергеем Смирновым. Василий Васильевич на этом мероприятии был желанным, почётным гостем. Ему вручили дорогой сувенир — «серебряный костыль».

Мужская дружба с С. С. Смирновым возникла, когда готовилась телепередача «Поиск» на Центральном телевидении. В этих передачах Сергей Сергеевич



*Торжественный момент отправки первой Усть-Балыкской нефти.
Ю. Г. Эрвье, А. К. Протозанов, В. В. Анисимов, В. В. Бахиров. 1964 г.*

знакомил телезрителей страны с интереснейшими людьми — героями нашего времени. Мне посчастливилось участвовать в работе творческой группы программы «Поиск», которая несколько дней провела в Нижневартовске. Собирали материал, снимали беседы и встречи с людьми, знавшими Василия Васильевича. Конечно, основные моменты из жизни Бахилова группа снимала в Ишиме и Сургуте. О дне выхода телепередачи в эфир нижевартовцы были оповещены и с большим интересом посмотрели её.

С. С. Смирнов пригласил на передачу Василия Васильевича и его жену Людмилу Семёновну. Лично встретил в аэропорту, организовал экскурсию по Останкино, познакомил со своим творческим коллективом. Вернувшись домой, Бахиллов обо всём подробно рассказал. Он был тронут и не ожидал такого внимания к своей «персоне» со стороны писателя Сергея Смирнова.

С приходом Василия Васильевича значительно оживилась работа райкома партии. Наступило время конкретных действий для каждой парторганизации, для каждого руководителя.

Райком располагался в деревянном восьмиквартирном доме, занимал только второй этаж, условия были весьма стеснённые. Четыре года трест «Мегионгазстрой» под руководством Григория Ильича Пикмана не мог осилить строительство трехэтажного кирпичного здания по типовому проекту сельского райкома партии. Руководство решило покончить с долгостроящимся. Василий Васильевич потребовал от Г. И. Пикмана за полгода сдать этот объект, который наглядно показывал бессилие местных властей. Курировать стройку

поручили второму секретарю райкома Н. Я. Токареву. Председателю райисполкома Н. Ф. Фоменко была поставлена труднейшая задача — очистить территорию, прилегающую к зданию нового райкома партии, от балков. А на их месте разбить будущий парк отдыха. И дело сдвинулось с мёртвой точки. 1972-й год встречали в новом административном здании. Кроме райкома партии, здесь разместились райисполком и райком комсомола.

На месте балков возвели ледяной сказочный городок: установили новогоднюю ёлку, украсили разноцветными гирляндами, построили горки и фигурки зверей из снега и льда. Такое было впервые. Дети и взрослые радовались этому новшеству. Когда Председатель Совета Министров СССР А. Н. Косыгин в январе 1972 года посетил Нижневартовск, он прошёл по этому городку и был приятно удивлён увиденным. Не обошлось и без переполоха. Проходя мимо сказочных персонажей и зверей, Василий Васильевич заметил, что у зайца разбита голова. Он тут же дал задание начальнику райотдела милиции Д. И. Суетину найти виновных, а чтобы такое не повторилось, организовать дежурство милиции, чем вызвал у гостей всеобщий смех и одобрение.

При Василии Васильевиче произошли многие позитивные изменения. В частности, была снята напряжённость в обеспечении трудящихся Нижневартовска продуктами питания. Ему удалось взять в руки эту, надо сказать, непростую ситуацию и заставить руководителей немедленно приступить к разрешению проблемы. В посёлке не было хлебозавода. Хлеб завозили со всей

округи: из Сургута, Стрежевого, Мегиона. Ведомственные пекарни не могли накормить растущий посёлок. В. В. Бахилов настоял на немедленном строительстве хлебозавода и молокозавода.

Благодаря инициативе Василия Никитовича Киселёва, недавно прибывшего из Урая и назначенного на должность директора будущего хлебозавода, Михаила Корнеевича Михайлова, управляющего трестом «Нижевартовскнефтестрой», Игоря Алексеевича Волкова, главного инженера этого треста, а также Григория Михайловича Кукуевицкого, заместителя начальника НГДУ «Мегионнефть» по капитальному строительству в рекордные сроки был построен хлебозавод, а через год и молокозавод.

Уместно вспомнить и такое начинание горкома как строительство тепличного хозяйства и свинокомплекса. Тогда мы столкнулись с явным нежеланием некоторых руководителей заниматься этим. Кроме убеждений, вынуждены были прибегнуть и к насильственным мерам. Прошло время, и все убедились, насколько своевременно и принципиально ставилась эта проблема.

Василий Васильевич серьёзно взялся за благоустройство жилых микрорайонов. Строго требовал, чтобы на закреплённых за коллективами территориях вовремя убирали мусор, строили пешеходные дорожки и тротуары, освещали улицы и подъезды, высаживали деревья и цветы.

Не обошлось, естественно, без противодействия и столкновений. Многих руководителей это привело буквально в ярость: мол, что там ещё надумал этот

«чудак»?! Ведь ежедневно решалось множество производственных, технических проблем, связанных с обустройством месторождений, а он не даёт покоя, лезет в душу с бытом, порядком, чистотой. Их поражало то обстоятельство, что В. В. Бахиллов успевает быть в курсе и этих, на первый взгляд, побочных проблем. Мы, работники райкома партии и райисполкома, ежедневно обходя неприглядные места, информировали его о беспорядках, а он уже суммировал наши впечатления.

Интересный был момент. Встречая в 1972 году праздник Октября, собрались на торжественный вечер, и Василий Васильевич сказал: «Товарищи! У нас сегодня необычный день. Мы с вами впервые пришли в этот зал без сапог. Мы сделали большое дело для всех жителей — благоустроили наш посёлок, он стал чище и уютней».

Открытые месторождения и уникальный Самотлор требовали транспортировки и переработки нефти. Это было сложно. Месторождения оказались разбросанными в труднодоступных местах: в непроходимых болотах, среди глухомани и вечной мерзлоты. В этих условиях нужен был новый вид транспорта — трубопроводный. Он пришёл на смену речному — нефтеналивным баржам. Начало было положено: построили 410-километровый нефтепровод Шаим — Тюмень, затем самый мощный в то время нефтепровод Усть-Балык — Омск протяжённостью в тысячу километров. В навигацию 1967 года по Оби, Иртышу и Тоболу шли последние нефтяные караваны.

Но сибирская нефть нужна была европейской части страны. Началось строительство мощного магистрального нефтепровода Самотлор — Усть-Балык —

Тюмень — Курган — Уфа — Альметьевск. И в 1973 году тюменская нефть вошла в единое русло нефтепровода «Дружба». Строительство данного объекта было разбито на несколько технологических циклов. Штаб возглавил второй секретарь окружкома партии Юрий Павлович Старцев. Головной участок протяжённостью в 127 километров находился под контролем нашего райкома партии, и мне пришлось им заниматься. Работа на трассе очень напоминала боевые сводки с полей сражений. Условия строительства были поистине экстремальными: полное отсутствие дорог, болотные хляби, пятидесятиградусные морозы. Зато каждый проложенный километр нефтепровода, сдача в эксплуатацию перекачивающих станций были радостными минутами нашей общей победы.

Василий Васильевич мне, второму секретарю райкома, полностью доверил эту стройку. Помню его слова напутствия: «Серёжа, эта великая стройка — испытание и проверка твоих деловых и организаторских способностей. Сумеешь выдержать и выполнить это задание, будешь человеком, руководителем». Не вмешиваясь в мою работу, он помогал в решении принципиальных вопросов, в частности, в налаживании деловых контактов со строительными подразделениями на сургутском участке. Моё место работы было в полевых условиях вместе с бригадами монтажников, механизаторами, автомобилистами. Это была серьёзная школа. И я благодарен Василию Васильевичу за то, что он дал мне её пройти.

Много хлопот доставило строительство и пуск в эксплуатацию Нижневартовской головной нефтепе-

рекачивающей станции. Не случайно много времени находился рядом со мной второй секретарь обкома партии Геннадий Павлович Богомяков. Стройка была завершена досрочно. Труд участников данного строительства был отмечен высокими наградами Родины.

При получении мною ордена Трудового Красного Знамени Василий Васильевич тепло улыбнулся и сказал: «Помнишь мой наказ? Ты с честью оправдал доверие. Ты, Сергей, сможешь теперь возглавить городскую парторганизацию. У меня есть преемник, и я горжусь тобой». Для меня такая оценка Василия Васильевича была выше полученной награды. Через четыре месяца так и произошло — меня избрали первым секретарём Нижневартовского горкома партии.

В 1973 году в областной партийной организации произошли большие кадровые перестановки. Президиум Верховного Совета СССР, а затем и сессия Верховного Совета СССР назначили Б. Е. Щербину министром строительства предприятий нефтяной и газовой промышленности СССР, в связи с чем Политбюро ЦК КПСС освободило его от обязанностей первого секретаря Тюменского обкома КПСС.

18 декабря 1973 года на внеочередном пленуме обкома партии первым секретарём был избран Г. П. Богомяков, вторым секретарём — Г. И. Шмаль.

Несколько раньше этого события первый секретарь Ханты-Мансийского окружкома партии П. М. Телепнев был избран секретарём обкома, и Василия Васильевича Бахилова рекомендовали вместо него.

Прилетевший к нам на внеочередной пленум Нижневартовского горкома второй секретарь обкома

Г. П. Богомяков должен был решить кадровые перестановки в связи с уходом В. В. Бахилова.

В зале установилась абсолютная тишина. Геннадий Павлович поблагодарил Василия Васильевича за работу и предложил членам горкома освободить его от обязанностей члена бюро и первого секретаря. Проголосовали единогласно. Затем Геннадий Павлович обратился к присутствующим: «А теперь, товарищи, нам надо избрать первого секретаря. Мы имеем своё мнение, но я бы хотел услышать предложения членов горкома партии». Возникшую паузу прервал начальник НГДУ «Нижневартовскнефть» Р. И. Кузоваткин: «Нам, Геннадий Павлович, нечего думать. Нам никого со стороны не надо. У нас есть свой человек, которого мы хорошо знаем на протяжении четырёх лет совместной работы. Это Сергей Дмитриевич Великопольский. На наших глазах шло его становление как профессионального партийного работника. Вот и предлагаю его избрать первым секретарём». Выступившие затем начальник Нижневартовского УБР-1 В. И. Хлюпин и управляющий трестом «Нижневартовскжилстрой» Я. М. Малинский поддержали это предложение. «Ну что же, я рад, что наши мнения совпадают», — произнёс Г. П. Богомяков.

Скажу откровенно, для меня это было неожиданно, поскольку предварительного разговора со мной не было. Я поблагодарил за доверие и посчитал необходимым более подробно сказать о личном вкладе В. В. Бахилова в дела городской партийной организации. Я и сейчас, когда Василия Васильевича уже нет много лет, часто его вспоминаю и очень ему благодарен и признателен за его вклад в моё воспитание...

Но вернусь к пленуму обкома партии, на котором освободили Б. Е. Щербину. До начала заседания я видел, что Василий Васильевич чём-то встревожен и очень волнуется. Председательствующий секретарь обкома Дмитрий Алексеевич Смородинсков внёс предложение об освобождении Б. Е. Щербины от обязанностей первого секретаря и члена обкома и обратился к залу: «Какие есть вопросы?» И тут встаёт В. В. Бахиллов и просит слово для выступления. Привожу его выступление дословно:

«Товарищи! Все мы знаем об Указе Президиума Верховного Совета СССР о назначении нашего первого секретаря обкома партии Б. Е. Щербины министром строительства предприятий нефтяной и газовой промышленности СССР.

Спасибо вам, Борис Евдокимович, от всего сердца, от всей души за учёбу. Мы вас будем помнить. И мы считаем, что на посту министра вы сделаете большое дело, ибо развитие нефтяной и газовой промышленности во многом зависит от работы этого министерства.

Товарищи, я лично вношу предложение и знаю, что это мнение многих секретарей, просить ЦК партии и Президиум Верховного Совета СССР присвоить нашему первому секретарю обкома Борису Евдокимовичу Щербине звание Героя Социалистического Труда за дела, которые свершились в области».

Свою речь Василий Васильевич произнёс на одном дыхании, говорил громко, горячо и искренне. И всё же внешне было видно, что он очень волновался. Заволновались и сидящие товарищи в президиуме. Я бы сказал, что в их рядах произошло некое замешательство.

Спонтанная речь, а главное — предложение Василия Васильевича, мне показалось, были полной неожиданностью для президиума и для самого Б. Е. Щербины.

Согласно протоколу, Д. А. Смородинков должен был предложить присутствующим обсудить или проголосовать за внесённое членом обкома предложение. Но этого не произошло. Более того, о нём постарались как бы умолчать, не заметить. Добиться решения, аналогичного тому, что произошло с В. В. Бахиловым на пленуме Сургутского горкома три года назад, не удалось. Председательствующий свёл организационный вопрос до минимума и поставил вопрос об освобождении Щербины на голосование, тем самым перечеркнув выступление Бахилова. Заслуженное звание Героя Социалистического Труда Б. Е. Щербина получил спустя одиннадцать лет — 6 октября 1984 года за большие заслуги перед советским государством в области строительства нефтяной и газовой промышленности и в связи с досрочным вводом в эксплуатацию магистрального газопровода Уренгой — Помары — Ужгород на установленную мощность.

Как я уже отмечал, при В. В. Бахилове райком партии проводил большую организаторскую работу с кадрами всех уровней. Нам удалось многое сделать в этом важнейшем звене управления производством. Безусловно, были недостатки и упущения. Бюро обкома решило обсудить вопрос о работе Нижневартовского горкома партии с кадрами по отчёту В. В. Бахилова.

Для изучения данного вопроса комиссию возглавил заведующий орготделом обкома Виктор Иванович Ерофеев. Но за месяц до заседания бюро произош-

ли кадровые перестановки, Василий Васильевич был переведён в окружком. Следовательно, мне предстояло делать отчёт. В сложившейся практике за вопросы кадровой политики отвечали первые секретари и орготделы. Учитывая это обстоятельство, я обратился к В. И. Ерофееву с просьбой снять этот вопрос и перенести на более поздний срок. Виктор Иванович мне ответил: «Вопрос подготовлен и стоит в повестке заседания бюро и будет обсуждён в сентябре. Лучше готовься к отчёту, ты же был вторым». Я ему выразил своё недовольство тем, что горком партии не проинформирован об итогах проверки и не располагает справкой, с которой должны быть ознакомлены и члены бюро.

Теперь могу точно сказать, что данную справку от нас утаивали. Виктор Иванович постарался меня успокоить: «Тебе, Сергей Дмитриевич, нечего бояться, ведь работаешь первым всего месяц, члены обкома об этом знают и будут к тебе снисходительны. Прилетишь в Тюмень накануне бюро, ознакомлю со справкой». На мой вопрос, будет ли присутствовать на заседании Бахиллов, он ответил: «Бахиллов находится в командировке в Нефтеюганске, знакомится с работой горкома. Руководством принято решение его не приглашать». При Б. Е. Щербине на бюро всегда приглашали секретарей окружкомов партии в зависимости от рассматриваемого вопроса и распределения обязанностей между ними. На сей раз этого не было. Меня это обстоятельство ещё более насторожило. Но пришлось подчиниться партийной дисциплине. Собрав необходимый справочный материал, аппарат горкома в спешном порядке готовил отчёт.

Прилетев в Тюмень, из аэропорта направился к В. И. Ерофееву. Встретил он меня радушно, даже предложил чашку чаю, что тогда было не принято. Я отказался и попросил справку. Ознакомившись с её содержанием, указал ему на ряд положений, которые не соответствовали действительности, и о тех несправедливых выводах комиссии, которые касались Василия Васильевича. Ерофеев успокоил меня, сказав, что так надо. Откровенного разговора у нас не получилось. Перед тем, как покинуть обком, я связался по телефону с Бахиловым, который действительно находился в Нефтеюганске. Выслушав меня, Василий Васильевич сказал: «Сергей, тебе не раз придётся встречаться с подобным подходом, успокойся. Я уверен, ты доложишь о нашей работе объективно. Прошу позвонить сразу же после заседания бюро, буду ждать твоего звонка». Мне предстояла бессонная ночь: необходимо срочно перекраивать свой отчёт и быть готовым ко всему.

На следующий день в десять часов утра меня пригласили в зал заседаний бюро обкома партии. Согласно регламенту для отчёта отводилось семь минут. Доложил. После меня выступил В. И. Ерофеев. Он значительно расширил официальную справку негативными примерами, критическими замечаниями, а главное — выводами о серьёзных недостатках в работе бюро горкома партии и его первого секретаря В. В. Бахилова в вопросах подбора, расстановки и воспитания кадров в городской партийной организации. Я был буквально ошеломлен. Ведь В. В. Бахилов пошёл на повышение, а при такой постановке вопроса надо было снимать его с работы.

На меня посыпались вопросы. Скажу откровенно: досталось. Оценка бюро обкома нашей деятельности была неудовлетворительной. Выходя из зала заседаний, В. И. Ерофеев попросил зайти к нему. Я ответил: «Улетаю через час. От вас, Виктор Иванович, я этого не ожидал. Спасибо за науку». Как и обещал, позвонил Бахиллову. Он ждал моего звонка. «Василий Васильевич, — сказал я, — должен сегодня встретиться с вами и переговорить о моей дальнейшей работе. Вылетаю в Нижневартовск, а оттуда в Нефтеюганск». Так и решили. Затем позвонил Игорю Михайловичу Сосновских и попросил подготовить вертолёт для вылета в Нефтеюганск и сообщить жене о моём решении.

Прилетел в Нижневартовск. Погода была ужасной — белой стеной шёл первый снег. В таких метеоусловиях через три с половиной часа полёта вертолёт призем-



Д. А. Смородинсков, В. В. Бахиллов, Л. Г. Тайлашев. Саянтлор, 1972 г.

лился в Нефтеюганске. День был на исходе. Из аэропорта отправился в гостиницу, где остановился Бахиров. Я рассказал ему о ходе заседания бюро обкома, о выводах и странном поведении В. И. Ерофеева. И сказал, что дальше работать не буду. Выслушав меня, Василий Васильевич сказал: «По собственному опыту знаю: тебе нелегко. Знаю, трудно и больно выслушивать критику, чаще всего незаслуженную. Но горячиться не надо. О нашем разговоре и о твоих намерениях уйти с работы не говори больше никому. Что касается выводов в мой адрес, то я их в очередной раз стерплю, выдержу. Теперь ты первый, ты в ответе за всё, что делается в районе и городе, за тобой — люди, вот о них больше думай, проявляй заботу и внимание. Это главное, понял? А теперь, — улыбнулся он, — пойдём на ужин». Так по-отцовски мог поступить только Василий Васильевич, и я ему благодарен и за науку, и за поддержку в трудную минуту. Погода свирепствовала ещё два дня. Я был счастлив, что в течение этих дней мне о многом удалось с ним поговорить по душам, выслушать его советы, ещё раз оценить его мудрость и человечность.

Говоря о свойствах его беспокойной натуры, хочу подчеркнуть, что он был смел и решителен. Я это видел и в экстремальных ситуациях. Так было, когда произошёл мощнейший газовый взрыв на центральном товарном парке — на входной линии газопроводов первого газоперерабатывающего завода, и погибли люди. Он взял на себя координацию действий всех, кто в этом участвовал.

А однажды он совершил настоящий подвиг. Произошло это летом. Василий Васильевич нахо-

дился на Самотлоре. Сюда вертолётom Ми-8 доставляли конструкции ЛЭП-500 для строящейся линии электропередачи к Белозёрному товарному парку и нефтеперерабатывающему заводу. Так уж случилось, что на его глазах вертолёт начал терять высоту из-за сильно раскачивающегося подвесного груза. В таких ситуациях, как правило, командиром принимается решение о сбросе аварийного груза. Вертолёт упал в болото на расстоянии 300–400 метров от дороги.

Василий Васильевич с шофёром, утопая по пояс в болотной топи, бросились спасать экипаж. У командира вертолётa была сломана нога. Они вынесли его на руках и доставили в городскую больницу. На одном из совещаний в обкоме начальник управления гражданской авиации, Герой Социалистического Труда Иван Тихонович Хохлов вручил Василию Васильевичу именные часы за этот подвиг. Таким был Бахиров.

В окружке партии Василий Васильевич стал внедрять своё видение проблем по руководству районными и городскими партийными организациями округа. До этого окружком как вышестоящий руководящий орган в ряде случаев формально выполнял свои функции, находясь на вторых ролях. Всё на себя брал обком. В. В. Бахиров сразу же приступил к его реформированию, стремился поднять авторитет и значимость окружкома в решении хозяйственных и политических задач. Работники аппарата вспоминают: «Василий Васильевич вдохнул новый ритм, обеспечил новую, беспокойную жизнь. Мы стали регулярно выезжать в партийные комитеты для изучения дел на месте. По итогам командировок на аппаратных совещаниях

шли горячие дебаты, как улучшить дела, а главное — мы видели как результаты своей работы, так и свои недостатки». Пришлось освободиться от некоторых «засидевшихся» работников, влить свежие молодые кадры, имеющие опыт работы в райкомах и горкомах, парткомах и первичных парторганизациях».

Василий Васильевич довольно хорошо знал Сургутский и Нижневартовский районы, поэтому спешил познакомиться с хозяйствами и коллективами других районов, вникал в их особенности. Таков был стиль его работы. Но изменить положение «с налёта» было не так-то легко, и, конечно, некоторым это не нравилось.

Придя к выводу, что следует повысить и укрепить роль окрисполкома, он решил заменить его председателя Антонину Георгиевну Григорьеву. На эту должность он рекомендовал Леонида Георгиевича Тайлашева, более молодого, энергичного, хорошо знающего жизнь местного населения. В обкоме партии данное предложение сначала было одобрено. Но вмешался ЦК, и кадровая перестановка не состоялась. Для Василия Васильевича же этот вопрос был принципиальным. Не найдя поддержки в обкоме партии, он поставил вопрос о своём уходе, хотя и проработал только два года в должности первого секретаря окружкома партии. Но куда? Обком партии срочно вводит дополнительную должность секретаря облсовпрофа и предлагает её Василию Васильевичу.

Интересно была обставлена процедура его освобождения на внеочередном пленуме окружкома партии. В Ханты-Мансийск прибыл секретарь обкома П. М. Телепнёв, ранее здесь работавший, а теперь веда-

ющий кадровыми вопросами. Сценарий был таков. В назначенный день в 11 часов планировалось провести пленум окружкома, а в 14 часов в Тюмени должен был состояться пленум облсовпрофа.

Перед заседанием Пётр Максимович собрал первых секретарей горкомов и райкомов и держал с ними совет. Присутствующие задали ему правомерный вопрос: «Почему нет Василия Васильевича? Мы должны узнать истинную причину его ухода и по-человечески поблагодарить за двадцатипятилетнюю работу в окружной партийной организации». Пётр Максимович, конечно, ожидал этих вопросов. Но выслушать столько замечаний и критики в свой адрес и в адрес обкома ему пришлось впервые. Он объяснил собравшимся, что Бахиллов просит освободить его по состоянию здоровья, да и жене врачи рекомендовали сменить место жительства. Но это была полуправда. Истинная причина была в другом: его надо было убрать с партийной сцены. Пленум облсовпрофа утвердил Василия Васильевича секретарём. В этой должности он добросовестно проработал последние восемь лет жизни и также оставил о себе прекрасное впечатление.

Можно, конечно, по-разному относиться к работе парторганов. Но в том, что районный и городской комитеты партии были связующими звеньями и сыграли существенную роль в экономическом и социальном развитии района, в строительстве Нижневартовска, нет никакого сомнения. Сейчас, по прошествии лет, можно смело сказать, что любая партийная работа была не просто должностью, а профессией времени. Хозяйственным руководителям

различного ранга, партийным комитетам, всему выборному партийному, комсомольскому, профсоюзному активам, Советам народных депутатов надо отдать должное — они внесли огромный вклад в создание крепких, дружных рабочих коллективов, которые обеспечивали решение сложнейших и уникальных задач своего времени.

Теперь материалы о жизни партийных комитетов и их руководителей находятся в архивах. Для тех же, кто жил, творил и сделал многое для России, — это целая жизнь. И надо отдать должное тем, кто уже ушёл из жизни, вечная им память.

Судьба Людмилы Семёновны Бахиловой, жены партийного работника, во многом схожа с судьбами других женщин, по воле сердца выбравших мужей, которые посвятили себя без остатка интересной, беспокойной и нужной профессии партийного вожака. И когда на их пути оказывались препятствия, трудности, жёны всегда были готовы разделить их.

Людмила Семёновна покорно переезжала с Василием Васильевичем туда, куда ему указывала партия, и требовал долг. Только вздох тяжёлый выдавал её тревогу за мужа. И таких, как она, было большинство: верных, понимающих, любящих. Место работы Василия Васильевича менялось часто: Ишим, Сургут, Ханты-Мансийск, снова Сургут, Нижневартовск, снова Ханты-Мансийск и, наконец, Тюмень, где он обрёл вечный покой. С первого дня их совместной жизни и до конца они остались верными друг другу. Прожили счастливую жизнь. Вырастили двух сыновей и дочь, всегда были вместе: на отдыхе, митингах, demonstra-

циях, в кругу друзей и соратников. С ними было приятно и интересно.

Диву даешься, как эта удивительная, скромная женщина всюду успевала? Она делала всё, что от неё требовалось, чтобы облегчить тяжёлую партийную ношу своего мужа. Жили они скромно, без привилегий, ибо жили и работали для людей, а те сполна отдавали им своё уважение и признательность.

Да, время неумолимо и стремительно. Из жизни уходят прекрасные люди, стоявшие у истоков экономического подъёма округа. Среди них и Василий Васильевич Бахиллов, который с энтузиазмом и большой ответственностью работал над созданием могущества страны — становлением Западно-Сибирского нефтегазового комплекса. Его именем названы нефтяное месторождение и одна из улиц в Сургуте. Так была увековечена память о В. В. Бахиллове.

Мы рано потеряли человека высоких личных и моральных качеств, редких способностей. Тюменский областной общественный Фонд имени В. И. Муравленко счёл необходимым обратиться к руководству округа о присвоении В. В. Бахиллову посмертно звания «Почётный гражданин Ханты-Мансийского автономного округа» за большие заслуги в развитии народного хозяйства округа.



ВОЛКОВ
ИВАН ГРИГОРЬЕВИЧ

ЛЕСНОЙ БОГАТЫРЬ

Благодаря моим личным архивам, записям и дневникам, официальным источникам, встречам с коллегами и друзьями у меня сложился образ «лесного богатыря» Ивана Григорьевича Волкова.

Он не лучше и не хуже других, а просто особый, неповторимый среди представителей моего поколения. Иван Григорьевич — часть моей жизни, за тридцать лет дружбы я знаю про него почти всё, вплоть до того, каким он был до приезда на тюменскую землю, до моего знакомства с ним.

После окончания Саратовского сельхозинститута с дипломом инженера-лесомелиоратора Иван Григорьевич трудился 15 лет в Зырянском лесхозе, что расположен в горной Восточно-Казахстанской области. Десять лет он был его директором. Безусловно, он слышал об открытии нефти на тюменской земле. И ему тоже хотелось испытать себя в большом деле, душа рвалась в новое, неизведанное. Вот, что об этом рассказывал Иван Григорьевич: «Откроешь страницы центральных газет, включишь радио или телевизор, и с каждым днём, месяцем, годом всё ярче и голосистее звучал для меня тюменский «меридиан». Сразу представлял географическую карту, на которой расположена Западно-Сибирская низменность. Именно там, на её широких просторах, создавалась крупнейшая база нефтяного и газового могущества страны. Передо мной стояли вопросы: как поступить? С чего начать? Сначала свои задумки скрывал от жены и друзей. Но был твёрдо уверен — моё место там».

А тут ещё младший брат Геннадий, энергетик по специальности, подбрасывал «огонька». В 1968 году он уже строил опоры электропередачи на участке Тюмень — Тобольск — Мегион. Этой всесоюзной комсомольской стройкой руководил молодой, энергичный, легендарный Игорь Алексеевич Киртбая, рано ушедший из жизни.

Геннадий при встречах с Иваном горячо, восторженно рассказывал о Тюменском крае, о перспективах по освоению подземных кладовых. «Именно сюда, — говорил он, — устремилась молодёжь: летят, плывут, едут отовсюду». Он убеждал Ивана, что там, в Сибири, и для него, лесника, есть большое дело.

Романтика, трудности и неизвестность, конечно, будоражили ум и сердце, и он долго раздумывал, как поступить. Здесь у Ивана Григорьевича было всё налажено. Лесхоз числился одним из лучших в районе. Его очень уважал и поддерживал руководитель Лениногорского лесхоза Сергей Ефимович Стремоусов. Многопрофильное хозяйство И. Г. Волкова заготавливало и отгружало древесину в больших объёмах для комбината «Алтайлес». Более 25 тысяч кубометров в год перерабатывалось на месте. Волков занимался восстановлением лесного фонда, имел лесопитомник площадью два гектара.

У лесхоза было хорошее подсобное хозяйство: две пасеки на 150 ульев каждая, конеферма, так как без лошадей невозможна лесная охрана в горах, на площади более ста гектаров выращивали овёс, ячмень, пшеницу. В посёлке лесников имелось всё для нормальной цивилизованной жизни: одно- и двухквартирные дома,

школа, детсад, магазин, пекарня, баня. Жена Руфина Хасановна работала директором школы.

И всё же Ивана Григорьевича тянуло в Тюмень, на Север. Под предлогом, что едет в командировку в Усть-Каменогорск, Иван Григорьевич повернул на Тюмень. Из аэропорта отправился к начальнику комбината «Тюменьлес» Михаилу Ивановичу Адрову. Вот, что рассказывал Иван Григорьевич об этой встрече: «Принял он меня радушно и уважительно. Внимательно посмотрел трудовую книжку, а в ней было всего четыре записи: Саратовский институт, лесничий Журавлихинского лесничества, главный инженер и директор Зыряновского лесхоза. Возвращая книжку, Михаил Иванович спросил: «Наверное, член партии? На что вы рассчитываете? У нас в области нет ни лесомелиоративных работ, ни борьбы с эрозией почв, ни строительства водоёмов



Посещение семьи Волковых. Нижневартовск, 1975 г.

и прудов. А в Среднем Приобье предстоят небывалые объёмы лесозаготовок для нужд нефтяников и строителей». Выслушав, я ответил: «Согласен начать с должности главного инженера небольшого леспромхоза, а там посмотрите, на что гожусь. Согласен поехать на Север». И Михаил Иванович мне предложил: «В 1969 году в Нижневартовске планируем на базе двух лесопунктов Сургутского леспромхоза организовать самостоятельный леспромхоз для обеспечения нефтяников Самотлора древесиной. Предлагаю начать с должности главного инженера планируемого хозяйства». Сделав паузу, продолжил: «Кстати, к вам в область первым секретарём обкома партии ЦК направляет Александра Константиновича Протозанова. Он у нас разбудил вековую тайгу и тундру. Это энергичный человек, с неординарным



*Фото на память. После регистрации брака сына Олега Ивановича.
Нижневартовск*

мышлением и талантом. Думаю, он вас тоже потрянёт, о нём вы услышите сразу же, дремать не будете. Жаль, что он уезжает отсюда в такой решающий момент. Но там, «наверху», решили, не поспоришь».

На том они и расстались. Иван Григорьевич вернулся в Казахстан.

Я часто встречался с Михаилом Ивановичем Адровым. Он мне напоминал протозановский тип руководителя. Это был опытный руководитель областного масштаба, умудрённый жизнью человек, порой непредсказуемый, хитрый, хозяйственный политик. Решал он вопросы настолько смело, что сложилось мнение: для него не бывает нерешаемых задач.

Спустя год, находясь в отпуске, супруги Волковы приехали в Тюмень. В приёмной столкнулись с М. И. Адровым. Он торопился, уезжал в командировку на неделю. Узнал, поздоровались. «Ну что, казахстанец? Приехал с женой, значит, всерьёз и надолго. Поживите в городе, познакомьтесь, вернусь, тогда и поговорим. До свидания». Волковы устроились в единственной в городе гостинице «Заря». И за неделю многое узнали о «столице деревень» — так тогда называли Тюмень. Ходили в драмтеатр, по магазинам, были на колхозном рынке. Поразило их изобилие рыбы и рыбных продуктов.

Через неделю Михаил Иванович был на месте и принял Волкова. «На чём же мы остановились в прошлом году?» — спросил он. «На Нижневартовске», — ответил Иван Григорьевич.

«Да, верно, — сказал Михаил Иванович. — Но главный инженер уже есть, а директора нет. Вот и поезжай сразу же директором. Позвоню, встретят, покажут».

Предложение Волков принял, прилетел в Нижневартовск самолётом, а затем вертолётom в посёлок лесников Зайцева Речка, где находился один из основных участков и контора.

Поначалу был очень разочарован. Представлял увидеть нечто другое. На самом же деле базы не было практически никакой, техника разукomплектована, побита, жилищно-бытовые условия ужасные. В магазине полки голые, бани нет, жильё и клуб требуют капитального ремонта. Всюду грязь, улицы разбиты тяжелой техникой, электростанция работает только в ночное время. В конторе неуютно.

Этим же вертолётom вернулся в Нижневартовск. Знакомиться с другим лесouчастком не было никакого желания. В райкоме партии первого секретаря М. П. Страхова не оказалось, принял А. И. Исыпов, второй секретарь. Об этом Иван Григорьевич вспоминает так: «Он расспросил меня, кто я и откуда. Я в свою очередь рассказал о своём посещении и впечатлениях от Зайцевой Речки и выдвинул условие: работать директором буду, если райком партии и райисполком выделяют в старой части Нижневартовска участок под собственную базу леспромхоза и строительство жилья. Не решив этого вопроса, нет смысла рассчитывать на большие дела лесников в оказании услуг нефтяникам. С доводами, что здесь, в Нижневартовске, легче набрать людей, создать базу, здесь ближе к Самотлору, здесь легче обеспечить рабочих социально-бытовыми и жилищными условиями, А. И. Исыпов согласился. Дал письменное подтверждение, что райком партии не возражает против моей кандидатуры. С этим документом я вернулся на комбинат «Тюменьлес».

На следующий день вместе с начальником отдела кадров комбината Вороновым Иван Григорьевич отправился в промышленно-транспортный отдел обкома партии. Тут и случилась первая заминка. У Волкова при себе не оказалось партийного билета. Пришлось оформлять пропуск. Принял их заведующий отделом Лев Иванович Кудрявцев, которого через три месяца после этой встречи изберут первым секретарём Ханты-Мансийского окружкома партии. Лев Иванович спросил начальника отдела кадров: «Скажите, как же Адров так легко подбирает директоров леспромхозов? Эта должность является номенклатурой обкома. Существует порядок представления документов.

О Волкове уже могу сделать нелицеприятные выводы. Как же так? Зная, что он должен встречаться в партий-

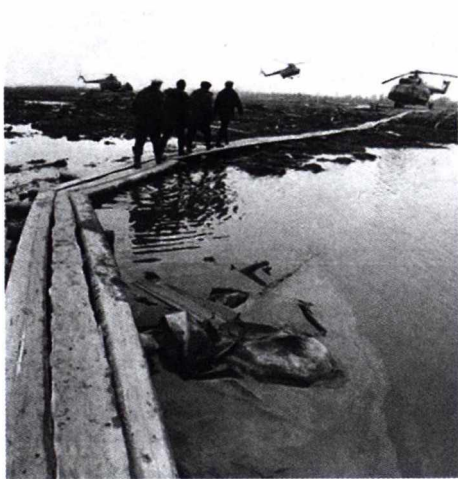


*Фото на память. Поздравление с днём рождения жены
И. Г. Волкова – Руфины Хасановны. Нижневартовск, 1975 г.*

ных органах, не взял с собой партбилет, который у коммуниста должен быть всегда при себе. А что, в Казахстане другой порядок? А вдруг окажется, что он не тот, за кого себя выдаёт? Может, он пьяница или проходимец? Будем рассматривать предложение комбината лишь при наличии всех документов. В первую очередь нам нужна партийная характеристика с прежнего места работы».

Вот такая состоялась «задушевная беседа». Это было неожиданностью для И. Г. Волкова. На самом же деле, Лев Иванович, работая директором Тюменского механического завода, был внимательным, спокойным, опытным инженером и руководителем. Я его хорошо знал. В обкоме он тоже пользовался уважением. Не случайно сразу с должности заведующего отделом он был избран первым секретарём окружкома партии.

Мы со Львом Ивановичем на протяжении 15 лет поддерживали деловые и дружеские отношения



Без леса не пройти по болотам Сомотлора ни технике, ни людям

до самых последних дней его жизни. Став министром строительства предприятий нефтяной и газовой промышленности, Б. Е. Щербина начальником управления руководящих кадров взял именно Кудрявцева.

Волкову стало не по себе после этой встречи. Надо было возвращаться назад. На обратном пути Иван Григорьевич обдумал план своих дальнейших действий и сделал остановку в Усть-Каменогорске. У начальника областного управления лесного хозяйства Б. П. Левченко он попросил производственную характеристику. Борис Петрович спросил: «Иван Григорьевич, а зачем она тебе нужна?» Правду говорить не хотелось, и он ответил: «Думаю поступать в заочную лесотехническую аспирантуру».

Характеристику выдали. По содержанию она была такой же, как ранее представленная в республиканский комитет леса Казахской ССР при утверждении Волкова в должности директора лесхоза.

Вернувшись домой, Иван Григорьевич зашёл в Зырянский горком. Курирующий инструктор сообщил, что звонили из Тюмени и наводили о нём справки. Первый секретарь М. Ф. Кузьмин ответил тюменцам, что он не намерен Волкова отпускать и снимать его с партийного учёта.

Тогда Волков предпринимает следующее: в выданной ему характеристике по его просьбе секретарь партийной организации лесхоза допечатывает: «Характеристика дана в Тюменский обком КПСС» и подписывает. Теперь с этим документом Волков приходит к первому секретарю горкома Кузьмину. Между ними состоялся такой разговор:

— Иван Григорьевич, решил вырваться в Тюмень? Не выйдет, я им уже ответил, будешь работать здесь.

— Николай Фёдорович, ведь еду в Западную Сибирь. Там сегодня моё место. Предлагают практически нулевой леспромхоз, — ответил Волков, передавая Кузьмину характеристику.

Прочитав, Кузьмин позвонил начальнику управления и сказал:

— Борис Петрович, ты что, Волкова отпускаешь?

— Так ведь Иван Григорьевич решил поступать в аспирантуру!

— Слушай, он тебя и меня обманывает. Он в Тюмень собрался, покорять Западную Сибирь. Видишь ли, второй Ермак объявился, — и положил трубку.

А посмотрев характеристику, воскликнул: «Да ты ещё и подделкой документов занимаешься!»

Изорвал характеристику и выгнал Волкова из кабинета...

Итак, у Ивана Григорьевича возникли большие осложнения. Он решил посоветоваться, как ему поступить в данной ситуации, с прокурором города Т. И. Терещенко. Рассказал ему всё как на духу и спросил: «Как же мне быть? Не отпускают, с партучёта не снимают. К тому же мы с женой являемся депутатами Зырянковского горисполкома. Теперь мне не работать директором». Терещенко, выслушав внимательно, сказал: «Товарищ Волков, закон для всех один. Советую: дайте телеграммы своему начальству в Алма-Ату и Усть-Каменогорск, такие же телеграммы отправьте в «Тюменьлес» и Тюменский обком партии. Если в течение двух недель не получите положительно-

го ответа, то не выходите на работу». Тут же составили текст телеграммы.

Иван Григорьевич поступил так, как посоветовал прокурор. Получив телеграмму из Тюмени, он по акту сдал лесхоз своему главному лесничему. Без снятия с партийного учёта в декабре 1969 года с семьёй прибыл в Тюмень. Адров отнёсся к Волковым с пониманием и сделал всё, что зависело лично от него. Его порядочности и твёрдости в принимаемых решениях, особенно по кадрам, можно было просто позавидовать. Первых руководителей он подбирал сам и, как правило, в них не ошибался. Они же в свою очередь работали на совесть, старались его не подводить. Его указания и приказы исполнялись «под козырёк». В числе преданных оказался и Иван Григорьевич. В обкоме над ним подшучивали: «Зачем столько волокиты завели, не проще было бы поменять секретаря обкома А. К. Протозанова на директора лесхоза Волкова».

И вот Иван Григорьевич в Нижневартовске, семья — в Зайцевой Речке. Отсчёт времени его работы в районе начался одновременно с моим. С ним я познакомился на второй день после проведения внеочередного пленума райкома партии, который избрал секретарями Н. Я. Токарева и меня. Это было в кабинете второго секретаря.

Мы поздоровались. Передо мной стоял мужчина среднего роста, плотного телосложения, круглолицый, со светло-русыми волосами, подстриженными под «бобрик», большими голубыми глазами. Одет был в теплую одежду и валенки. Я присоединился к обсуждению проблем вновь рождённого леспромхоза.

Он, естественно, нуждался в нашем совете и конкретной помощи. Стоял вопрос о быстрой передислокации основного коллектива Зайцевореченского лесоучастка в Нижневартовск. Для этого райисполком должен был определить место его расположения.

И. Г. Волков принял дела двух лесоучастков, которые не выполнили план 1969 года по заготовке и вывозке древесины для НПУ «Мегионнефть». Лесозаготовители поставили в трудное положение буровиков, вышкомонтажников и дорожников. Правда, на то были объективные причины: неукomплектованность бригад вальщиками, трактористами, не хватало бензопил, тросов, блоков для погрузки леса. Участки остро нуждались в квалифицированных рабочих и инженерно-технических кадрах.

Решение многих производственных и организационных вопросов усложнилось и тем, что директор Сургутского леспромхоза Александр Григорьевич Тутов, которому подчинялись нижневартовские участки, не баловал их своим вниманием. Более того, если ему удавалось выпросить у нефтяников дополнительно технику и оборудование, то она, как правило, оставалась в Сургуте. Нам было понятно, что без помощи комбината «Тюменьлес», Главтюменнефтегаза, внимания и контроля со стороны райкома и райисполкома Волкову и главному инженеру В. С. Ерёмину не выполнить планируемые объёмы по поставке древесины для нефтяников Самотлора. Тем более что в 1970 году леспромхозу предстояло в два-три раза увеличить поставки.

Слушал я тогда Ивана Григорьевича и убеждался: это не старой закваски руководитель, над которым висело «давай, давай», а новый, хозяин. Тот, который

нам нужен, кто хорошо знает своё лесное дело, кто сумеет почти с нулевой отметки организовать работу и создать коллектив. Он действительно, как русский сказочный Иван-богатырь, знал, что всё зависит от него самого, что надо действовать, чтобы не оказаться на обочине большого дела. В разговоре с нами Иван Григорьевич держался на равных, без подобострастия, без стеснения и чинопочитания. Отвечал на вопросы, высказывал предложения, отличался независимостью.

Мне показалось, что трудности момента для него — не преграда. Была уверенность, что леспромхоз быстро встанет на ноги. Но сегодня ему нужна экстренная, эффективная помощь «Тюменьлеса» в выделении финансовых средств, материальных ресурсов, спецтехники и машин. При этом заказчик тоже не должен был остаться в стороне. Задача перед ним стояла наиболее сложная: следовало незамедлительно разворачивать бригады, снимая с Зайцевой Речки и Сарт-Егана, и перебрасывать их на Самотлор. Вместе с ними перебазировать тракторы и лесовозы. Следовало начать заготавливать в сутки не менее двух тысяч кубометров леса. Трудность усугублялась отсутствием в Нижневартовске промбазы, жилья и общежитий. Люди должны были жить в полевых условиях. Оргнабор для работы приходилось вести прямо в аэропорту среди прибывающих в Нижневартовск. С этой целью был организован передвижной отдел кадров. В порядке исключения райисполком разрешил принимать на работу людей с временной пропиской. На этом же совещании были подготовлены предложения: райисполкому выделить место для леспромхоза в старой части Нижневартов-

ска, начальнику НПУ «Мегионнефть» Р. И. Кузоваткину оказать помощь в переброске техники и машин, выделить 50 мест в общежитии и несколько квартир для ИТР и семьи Волкова.

В сложный момент становления леспромхоза М. И. Адров помогал, чем мог: с леспромхозов, находящихся вдоль железной дороги Ивдель — Обь, командировал в Нижневартовск вальщиков и трактористов. По его инициативе Сургутскому и Усть-Балыкскому леспромхозам пришлось поделиться техникой и машинами. Он нашёл дополнительные источники финансовых и материальных ресурсов, чтобы как можно быстрее включить нижневартовских лесозаготовителей в решение усложняющихся задач нефтяников Самотлора.

Скажу честно, нашему району повезло с незаурядным, умным руководителем, понимающим заказчиком, каким был Р. И. Кузоваткин. Так уж создала его природа, такова была его судьба — предлагать помощь в трудную пору тем руководителям, которые не сидят сложа руки. Вовремя оказывая реальную помощь, он рассчитывал на их активное участие в преодолении той сложнейшей ситуации, в которой находились нефтяники Самотлора. Роман Иванович вынужден был регулярно проводить производственные планёрки, специально посвящая их лишь работе лесников, детально рассматривать их вопросы и помогать, помогать. Ибо понимал, что без поставленной в необходимых объёмах древесины не решить задачи по строительству площадок для вышкостроителей, буровиков, по прокладке лежневых дорог. В деловой древесине, причём в больших количествах, нуждались и строители города.

Знаю, как трудно было ему откликнуться на просьбу о выделении мест в общежитиях и квартир для работников леспромхоза, поскольку остро нуждался в этом. Но он был по-настоящему государственный человек, политик в лучшем смысле этого слова.

Всякий раз в очередной приезд начальник Главтюменнефтегаза В. И. Муравленко и его заместитель М. М. Крол проводили совещания в гостинице «Самотлор». На совещания приглашались И. Г. Волков и А. Г. Тутов. Помню, Виктор Иванович начинал совещание, как правило, с рассмотрения вопросов лесников. И этого раз и навсегда заведённого порядка он придерживался сам и приучал своих заместителей. Останутся в памяти моей и нижевартовцев его слова, которые он сказал, обращаясь к руководителям: «Друзья, обсуждать наши дела начнём только после рассмотрения вопросов лесников, памятуя о том, что нижевартовская и сургутская нефть идёт через лес. Наш «лесной богатырь» Иван Григорьевич должен понимать нас, нефтяников, а мы — его».

М. М. Крол располагал большими полномочиями, чтобы решать вопросы материально-технического обеспечения. Муравленко поручил ему курировать наш нефтяной район. И Матвей Маркович последовательно выполнял указания своего начальника. Ему неоднократно приходилось брать на себя ответственность и выделять самолёты Ан-12 и Ан-22 для переброски из Тюмени грузов и машин для леспромхоза. Каждый такой рейс дорого обходился Главку. Но другого пути не было. Самотлор требовал немалых капитальных вложений, но он многократно окупал эти затраты.

Матвей Маркович всячески поддерживал директора леспромхоза, а тот в свою очередь никогда не подводил — древесина поступала в необходимых количествах. Уважал Волкова и заместитель по бурению Главтюменнефтегаза Михаил Николаевич Сафуллин. В становлении коллектива Нижневартовского леспромхоза значительная роль принадлежит другим работникам Главка: П. П. Коровину, В. С. Кветкину, Н. К. Горскому, А. А. Тюкалову и А. А. Алееву.

Этот период Иван Григорьевич вспоминает с благодарностью: «Насколько важно, что те, кто в той ситуации оказались рядом со мной и помогли мне, были настоящими руководителями. Я их никогда не забуду. Они помогли создать работоспособный коллектив лесозаготовителей, обрести «крылья» и вместе выполнить государственную задачу — создать мощный топливно-энергетический комплекс». Да, прав был Иван Григорьевич в том, что и по сей день тюменский комплекс верно служит его создателям и спасает Россию от полного упадка.

Сам же Иван Григорьевич прекрасно осознавал, что оказанная помощь — это полдела. Необходимо было ему принимать такие решения, которые бы обеспечили производственный успех на Самотлоре зимой 1970 года.

Он наладил в Зайцевой Речке изготовление из бруса обогреваемых жилых домиков на санях, которые предназначались для десяти созданных малокомплектных бригад, располагающихся непосредственно на лесосеках. Каждой бригаде выделили трелёвочный трактор типа ТТ-4, с помощью которого специально установленной трособлочной системой хлысты после обрубки сучьев грузились на лесовозы и отправлялись к смеж-

никам — специализированным управлениям. Доставленный лес укладывался на предварительно промятые, замороженные площадки и дороги, а затем засыпался песком. Такая технология на Самотлоре была предложена проектным институтом ВНИПИ-нефть. Лес, естественно, требовался в больших количествах. Для этих целей рубили в основном лиственные породы. Хвойный же лес предназначался для строительных трестов Нижневартовска и Мегиона. Жалко ли было вырубать это богатство? Да, безусловно. Но альтернативы не было.

Оставшиеся бригады в Зайцевой Речке заготавливали в основном деловую древесину для сплава. Навигации выдавались разными, но для сплавщиков всегда были очень трудоёмкими. Сроки сплава леса на малых реках — Пасол, Ермаковский Еган, Сарт-Еган, Колек-Еган, притоках Ваха и Оби — были очень короткими, а сами реки извилистыми, что препятствовало буксировке больших плотов. Вывоз леса с малых рек на магистральную Обь обеспечивался катерами леспромхоза. На Оби формировались плотокараваны, которые вели теплоходы Обь-Иртышского пароходства.

Мне неоднократно приходилось с Иваном Григорьевичем бывать в этих местах и видеть воистину адский, небезопасный труд сплавщиков в момент сброса леса с берегов вниз, где вязались плоты в период малой воды. Видел виртуозную работу капитанов, знающих особенность каждой речушки. Они понимали цену своего груза, доставляя дорогостоящий лес.

Наступила первая весна Ивана Григорьевича в Сибири. Он не мог предположить, что в один момент рухнут зимники, а Самотлор покажет, как он трудно-

доступен лесозаготовителям и строителям. Надо было срочно менять тактику ведения дальнейших работ по заготовке леса в запас. Как известно, Самотлор был сложен по почвенно-геологическим условиям. 45 процентов месторождения находилось под водой, 40 процентов — торфяные залежи, и только 15 процентов — более или менее сухие места. Работать по привычной технологии было совершенно невозможно, даже вездеходы не могли одолеть болота.

Иван Григорьевич не растерялся. Решили искать возвышенные лесные массивы. На таких островках приходилось сосредоточивать бригады, которые должны были работать вахтовым методом и вести заготовку леса к следующей зиме. Таких мест на Самотлоре было выбрано шесть. Каждая точка имела в обязательном порядке вертолётную площадку.

Обустривались такие вахтовые городки собственными силами леспромхоза. В них размещались жилдомики, столовая, баня, холодильная камера, электростанция и ёмкости для ГСМ. Бригады работали по 15–20 дней, а затем люди отправлялись на отдых в Нижневартовск или Зайцеву Речку. С авиаотрядом нижневартовского аэропорта леспромхоз ежегодно заключал договор на 500 лётных часов для перевозки людей, продуктов питания, оборудования, всего того, что необходимо было для жизнеобеспечения бригад.

Параллельно с основной работой на месторождениях коллектив леспромхоза занимался в Нижневартовске строительством своей производственной базы, жилья, конторы, хранилищ для отдела рабочего снабжения. Пока же временно располагались в здании бывше-

го райотдела милиции в старой части посёлка. Решение райисполкома о выделении земельного участка в Нижневартовске под строительство леспромхоза было негативно воспринято в обкоме партии. Однажды, облетая на вертолёте строительную площадку города, один из секретарей обкома, увидев «волковскую» новостройку, дал указание председателю райисполкома Н. Я. Устьянцеву немедленно прекратить строительство и вывести леспромхоз за пределы города. Райкому партии пришлось долго его убеждать, подключив к решению этого вопроса Адрова и Муравленко. В итоге обком согласился с решением райисполкома.

Ивану Григорьевичу пришлось выдержать и другой прессинг. Но уже со стороны вновь избранного первого секретаря райкома В. В. Бахилова. Обком и окружком партии направили его из Сургута для укрепления Нижневартовского райкома. Дело в том, что Василий Васильевич был в дружеских отношениях с директором Сургутского леспромхоза А. Г. Тутовым. Не разобравшись, сразу же принял решение о переподчинении Нижневартовского леспромхоза А. Г. Тутову. Ему даже удалось убедить в этом Адрова, и он своим приказом в 1973 году преобразовал наш леспромхоз в сургутский филиал. Естественно, был закрыт расчётный счёт, а, значит, вся заработанная прибыль пошла в Сургут. В таком подвешенном состоянии Волкову пришлось работать около двух лет. При всём глубоком уважении к Бахилову должен сказать, что и у него были ошибки в подборе кадров. Одна из них — безоглядная вера в тех, с кем он когда-то учился или работал в Ишиме и Сургуте. К сожалению, не все и не всегда они оказы-

вались на деле такими специалистами и руководителями, какими он их помнил и представлял. Они часто его подводили, разочаровывали. Таким был и Тутов.

Будучи уже первым секретарём горкома партии, я убедил министра лесной и деревообрабатывающей промышленности СССР В. Н. Тимофеева и заведующего сектором отдела лесной промышленности ЦК КПСС Н. П. Потапова, находящихся в деловой поездке по нашему району, в выделении из состава Сургутского леспромхоза коллектива Волкова и образовании самостоятельного леспромхоза. Николая Петровича я хорошо знал, когда он работал первым секретарём Октябрьского райкома партии в нашем округе. Он представлял наши трудности в освоении Самотлора, понимал значимость лесников в его обустройстве и поддержал меня в беседе с министром.

А пока коллектив Ивана Григорьевича продолжал наращивать темпы заготовки древесины для Самотлора. Несмотря на нелёгкие жилищно-бытовые условия, нехватку специалистов и рабочих, леспромхоз сумел ликвидировать сезонность при проведении лесозаготовок, что дало возможность буровикам претворить в реальность лозунг «Бурить зимой, как летом!»

Иван Григорьевич видел смысл своей жизни в служении любимому делу без громких слов, без привлечения к себе излишнего внимания. Он просто честно выполнял долг перед нефтяниками. Порой нас удивлял этот неугомонный руководитель, который умел работать с нелёгким контингентом рабочих, имевших не одну судимость. Сам же Иван Григорьевич с некоторой гордостью нас убеждал: «Нынешний лесоза-

готовитель не то чтобы совсем бросил пить, но уже избегает выпивать на работе. Пьющих стало мало, они у нас в бригадах не держатся. Почему? А потому, что мы изменили материальные и моральные стимулы, внедрились новую систему оплаты труда и сделали более совершенной организацию работы. Вальщики, чоке-ровщики, трактористы, сучкорубы стали зарабатывать приличные деньги. При этом они знают, что желающих на их место сколько угодно».

И люди у И. Г. Волкова работали действительно самоотверженно, держались за свой рабочий достаток. Формировался здоровый трудовой коллектив. На этой основе можно было расширять деятельность «вширь и вглубь», смело выходить на новые нефтяные площадки района. Горком партии и я лично понимали, что мы не ошиблись в Волкове. Чувствовали его твердую жизненную позицию. Он стал популярен, уважаем руководителями города и района. Его избрали членом горкома партии и депутатом райисполкома. Но главным направлением в работе директора всегда оставался Самотлор. Здесь был особый спрос на всех уровнях: центральной, областной и местной власти. Здесь была велика цена ошибки, которая сразу же сказывалась в общей цепи управления.

С переездом в Нижневартовск из Урая известного на всю страну коллектива УБР под руководством профессионала высокого класса, неутомимого Авзала Гизятовича Исянгулова задачи леспромхоза на Самотлоре возросли вдвое. Теперь у Нижневартовского УБР-1, которым руководил Валентин Иванович Хлюпин, появился конкурент в социалистическом

соревновании буровых бригад за 100-тысячную проходку по строительству скважин. Над Волковым подшучивали: «лесному богатырю» Самотлора противостоят буровые богатыри Г. М. Лёвин, В. В. Китаев, А. Д. Шакшин, Г. К. Петров, С. Ф. Ягафаров. Теперь шла бескомпромиссная борьба за каждую подготовленную площадку для бурения. Был составлен жёсткий график ввода и сдачи их буровикам.

Установился такой порядок, когда Главтюменнефтегазом и объединением «Тюменьлес» на каждый очередной год издавался совместный приказ по леспромхозам, работающим в нефтяных районах Среднего Приобья. В приказе определялись объёмы заготовки древесины и сроки поставки. На основании этого составлялись графики и сроки строительства площадок и лежневых дорог по каждому месторождению.

Раз в декаду проводились селекторные совещания, на которых строго контролировался данный приказ и график. Нефтяники обязывались оказывать техническую помощь лесникам, если возникали проблемы.

В девятой пятилетке (1970–1975 гг.) леспромхозу определили план по заготовке древесины в следующих объёмах: в 1970 году — 130 тысяч кубометров, в 1971-м — 197, в 1973-м — 391, в 1973-м — 350, в 1974-м — 400 и в 1975 году — 500 тысяч кубометров. Только в первый год пятилетки за три с половиной зимних месяца для Самотлора под строительство площадок для кустового бурения и лежневых дорог, соединяющих их, предстояло заготовить и поставить 80 тысяч кубометров леса, т. е. ежедневно — свыше полутора тысяч кубометров. Тогда казалось, что таких темпов

и объёмов не достичь. Старт работ был дан 15 января, а финиш намечен к середине апреля. Вот такая задача стояла перед коллективом заготовителей и Иваном Григорьевичем. Это было суровое испытание и своего рода экзамен на умение организовать работу в таких непростых условиях.

Сначала шести комплексным бригадам Самотлорского лесопункта, где начальником был И. П. Шиш, до 1 февраля удалось достичь объёма в 570 кубов суточной выработки на бригаду и поставить за пятнадцать рабочих дней 3,5 тысячи кубометров. В феврале были созданы Северный и Южный лесопункты, и десяти бригадам предстояло перейти рубеж с выработкой на бригаду 900–1000 кубов. Лишь трём бригадам удалось довести заготовку леса до 1900 кубов. Всего за февраль было заготовлено 15,9 тысячи кубометров леса. В марте пятнадцати бригадам предстояла новая задача: довести ежедневную выработку до 1600–1700 кубов. В результате за два с половиной месяца было заготовлено и отгружено 59,5 тысячи кубометров.

Оставалось пятнадцать дней до весенней распутицы. А нужно было заготовить 19 тысяч кубов! К этому периоду на Самотлоре были созданы два крупных лесопункта Комсомольский и Октябрьский, возглавляемые опытными начальниками Н. Ф. Клепиковым и В. С. Крючковым. И хотя леспромхозу не удалось заготовить намеченный объём, но было поставлено 64,5 тысячи кубометров, что позволило нефтяникам построить одиннадцать площадок для буровиков и двадцать километров лежневых дорог, тем самым

создать условия для уверенной работы в летне-осенний период двум управлениям буровых работ.

Не забыть радостный праздник. По итогам второго квартала 1971 года впервые коллективу Нижневартовского леспромхоза присудили переходящее Красное Знамя министерства лесной и деревообрабатывающей промышленности и ЦК профсоюза с вручением денежной премии. В клубе «Нефтяник» собрались вальщики, трактористы, шофёры, бульдозеристы, чокеровщики, сплавщики, бригадиры и начальники лесопунктов, чтобы принять первую заслуженную награду.

При получении Красного Знамени из рук заместителя министра В. П. Батракова у Ивана Григорьевича на глаза навернулись слёзы. Он сказал: «Нам всем было нелегко. Мы не подвели нефтяников Самоглора и их руководителя Романа Ивановича Кузоваткина. Всех нас радует их успешная работа и особенно то, что в этом есть и доля нашего труда. Особо отмечу работу бригадиров Михаила Иванца, Владимира Белоусова, Станислава Волынца, Ивана Стесова, Михаила Сухорукова, Александра Крамского, Ивана Толчеева, Евгения Стулая и многих других. Сегодня наш коллектив взял хороший старт. Есть уверенность в том, что текущую пятилетку мы можем выполнить за 4,5 года! А что касается переходящего Красного Знамени, то мы его надолго пропишем в нашем коллективе». Данное слово Иван Григорьевич сдержал.

Леспромхоз, начиная с 1971 года, стал регулярно поставлять древесину не только Самоглору, но и ещё десяти месторождениям района. Помогал нефтяникам-соседям Стрежевского района Томской области.

Древесину с нетерпением ждали более 30 предприятий и организаций Нижневартовска, Сургута, Ханты-Мансийска, Мегиона. Деловая древесина в основном поставлялась трестам «Нижневартовскжилстрой» и «Мегионгазстрой», Сургутскому домостроительно-му комбинату, мостоотряду-29. Последний соорудил железнодорожный мост через Обь. Для него поставка осуществлялась в полном объёме и в намеченные сроки, ибо этот объект с вводом в эксплуатацию коренным образом менял судьбу Тюменского Севера. В таком напряжённом ритме работал коллектив и его директор.

Конечно же, в стадии становления леспромхоза, особенно в первые три года, нельзя было избежать недостатков и упущений. Они были. Видны они в организации труда, в комплектовании кадров, неустроенности жилищно-бытовых условий. Зачастую в бригадах не хватало техники, транспорта, запасных частей. Были перебои с продуктами питания, хлебом, медикаментами. Отсутствие постоянного жилья, мест в общежитиях, собственной производственной базы сказывалось на текучести кадров и дисциплине труда. И. Г. Волкову, его заместителю В. Ф. Протасову, председателю профкома Г. И. Мартынову приходилось часто сполна отвечать за упущения и недостатки в горкоме, в горрайисполкомах, перед руководством объединения «Тюменьлес», подвергаться жёсткой критике в местной газете «Ленинское знамя». Волков и его заместители делали правильные выводы, принимали меры.

Эти временные трудности, просчёты руководителей леспромхоза видели и рабочие, которые доверяли им, знали, что быстро проблем не решить. Они верили

в своего директора, знали, что строится жильё, создаются нормальные условия для труда и быта. В Нижневартовске они обрели свой настоящий дом, хорошую работу.

Посёлок Зайцева Речка, доставшийся И. Г. Волкову в наследство от прежнего руководителя, стал с каждым годом меняться в лучшую сторону. Я неоднократно бывал в этом посёлке и видел разительные перемены в жизни лесников. Отремонтированы клуб, жильё, построены баня, магазин, пекарня, десяток новых домов на средства нефтяников, которые выделялись леспромхозу для производственных задач, а Иван Григорьевич вкладывал их в посёлок.

Сегодня в сознание людей намеренно вбивается стереотип, что во всех проблемах виноваты коммунисты. Кому это выгодно? Именно коммунисты — и это не громкие слова — были на самых трудных участках освоения земли тюменской, руководствовались единственным словом «надо». Вот и Иван Григорьевич из этой славной плеяды.

За 15 лет руководства леспромхозом он создал не просто коллектив единомышленников, а семью, для которой он был отцом, другом и старшим товарищем.

Ивану Григорьевичу очень повезло. Рядом с ним идёт по жизни его верная жена Руфина Хасановна, обеспечивая надёжный и крепкий тыл, так нужный каждому мужчине. Она умела вдохновить на достижение новых целей, утешить в трудные минуты, радоваться его успехам, разделить горечь поражения. Так было всегда. У них много общего. Оба были молоды, когда впервые шагнули на древнюю Югорскую землю. Оба завоевали своим трудом известность, оба интерес-

но и вдохновенно делали нужное дело в Нижневартовске, где кипела жизнь.

Правда, её стезя была другой. Работа с детьми стала не просто её предназначением, а смыслом жизни. Этой деятельности она отдавала и отдаёт себя без остатка. Уже 30 лет она бессменный руководитель детских дошкольных учреждений Нижневартовска. Руфина Хасановна работает нестандартно, по натуре напористая, энергичная женщина. Она имеет редкий дар и, я бы сказал, талантливо руководит коллективом детского сада. Её детские комбинаты практически с нуля превращались в образцовые.

Конечно, было нелегко подобрать творческий педагогический коллектив, сплотить его, добиться целеустремлённости. В основе всего — любовь к детям, понимание того, что «все мы родом из детства». Руфина Хасановна хорошо ориентировалась в жизни, а жизнь, как известно, развивается по своим законам. Даже при жёстких рыночных отношениях удалось выжить, не стоять на месте, а двигаться вперёд. Она превратила детский сад № 91 в оазис тепла и доброты.

Вопрос, где взять деньги для осуществления всего задуманного, для неё был сложным и трудным. Она сумела найти понимание у генерального директора НГДУ «Белозёрнефть» В. С. Алиева, который откликнулся на просьбы, помог коллективу. Говорят, что ей всегда помогали, что её всегда поддерживали. Да, это так. Отказать было невозможно, настолько она была убедительна в своих просьбах, настолько проникновенна в словах. Ведь недаром говорят: под лежащий камень вода не течёт. Казалось бы, есть слава, есть признание,

можно бы и поживать на лаврах, успокоиться. Но, нет! Именно ей можно посвятить слова «...и вечный бой, покой нам только снится...» Проходят годы, а она энергична, по-прежнему полна идей, задумок, нацелена в будущее.

Не будет преувеличением, если скажу, что это одна из самых красивых женщин Нижневартовска. Высокая, стройная, с лучистыми серыми глазами, обаятельной улыбкой, безупречными манерами. Я видел её в разных ситуациях: выступающей на совещаниях, принимающей всевозможные делегации, обращающейся с различными просьбами, беседующей с детьми и родителями. И всегда подкупали её естественность, благородство, достоинство. А как она умеет принять гостей! Их хлебосольный дом, построенный руками Ивана Григорьевича, всегда открыт для друзей. Руфина Хасановна — прекрасная хозяйка. Умеет готовить всё: и пироги, и торты, и заливное. И всё приготовлено с выдумкой, во всём своя изюминка.

Руфина Хасановна и Иван Григорьевич понимали друг друга, были единомышленниками, имели двух сыновей. Им было радостно и интересно жить, всё обещало прекрасное будущее... Но случилась страшная трагедия: они потеряли обоих прекрасных сыновей. Какими словами можно описать родительское горе? Но они выстояли, не сломались, поддерживая друг друга и отдавая себя любимому делу, воспитанию оставшихся без отцов троих внуков.

В народе говорят, что время лечит, но оно лишь притупляет боль утраты, оставляя навечно ушедших из жизни в твоём сердце, твоей памяти. Есть такие сло-

ва: надо жить. Надо жить, какое бы горе ни случилось. Надо жить, несмотря ни на что, жить во имя тех, кого нет рядом...

С семьёй Волковых мы знакомы и дружим давно. Видимся сейчас редко, но каждая встреча остаётся в памяти. Семья эта особая, в ней есть прекрасное светлое сибирское начало. От неё всегда ждешь ответа на многие вопросы жизни, а, значит, есть шанс выжить в сегодняшней угнетающей обстановке.

Верю: пройдут годы, но потомки будут поражаться тому, каких великих успехов добились советский строй и народ. За каких-то 70 лет в необычайно тяжёлых условиях царского наследия, ликвидируя нищету и разруху после гражданской войны, смогли отстоять независимость и свободу в минувшей войне с фашизмом, подняться из руин и стать супердержавой мира, с которой считались все.

А подвиг советского народа в развитии Западной Сибири? Всего за 15 лет этот особый регион стал мощнейшим источником богатства и процветания всей страны. И почти за такой же промежуток времени после 1985 года из-за горбачёвской «перестройки» и ельцинской «демократии» великая страна развалена. Мы не только ничего не создали, но унизили, опозорили, разворовали нашу Россию. Дальше уже некуда.

Мой герой Иван Григорьевич верит, что Россия начнёт восстанавливаться и обретать прежнюю значимость, а экономика должна начать работать, ибо в ней заложена энергия народа. И это будет в наступившем XXI веке!



**ГОРОВАЯ
РАИСА ЯКОВЛЕВНА**

ВЕРНОСТЬ

С возрастом уже не так часто бываю в Нижневартовске. При встречах с Евгением Ивановичем Куропаткиным разговор сводился только к его работе, обсуждению проблем ЗАО «Нижневартовскстройдеталь», к застройке города, а под конец общения, как правило, к рассуждениям о политике, к сравнению своей жизни в СССР и в современной России.

Он никогда не рассказывал о своей личной жизни, а мне как-то было неудобно об этом спрашивать. Шли годы, продолжались наши встречи, но до одного момента... Был приглашён со своими друзьями С. И. Денисовым, В. Ф. Голубничим и А. И. Заклунным на его 70-летний юбилей.

Из воспоминаний Раисы Яковлевны: «...По жизни мой Женя был очень скромным человеком. Он не любил выпячивать свои возможности, достижения, дни рождения, юбилеи, праздники любил отмечать в кругу семьи и только 70-летие решил отпраздновать красиво, ярко, содержательно, как будто чувствовал, что это был его последний юбилей. Я вспоминаю, какой праздник был в моей душе: радость, счастье, гордость, что в зале за праздничными столами собрались самые близкие и родные люди, преданные единомышленники, коллеги и верные друзья, приехавшие из самых разных уголков России, а также из ближнего зарубежья. И я считаю, что такая огромная собравшаяся команда была для Евгения Ивановича самым большим достижением и самой большой ценностью, которая выразила свою

искреннюю признательность и любовь к нему. Моей гордости за дорогого мне человека не было предела...»

В ресторане, построенном Евгением Ивановичем, в вестибюле он встречал гостей с женой. Только тут произошло мое знакомство с его женой, которую он представил мне. Она первая подала руку, чтобы поздороваться, при этом сказала: «Много хорошего наслышана о Великопольском от Евгения Ивановича. Спасибо, что приняли приглашение поучаствовать в нашем семейном празднике». Произнесла это приятным, немного приглушённым голосом, лицо отражало внутреннее благородство, достоинство, женское счастье.

Это первое впечатление прочно отложилось в памяти. Во время дальнейших встреч с Раисой Яковлевной убеждался в том первом впечатлении, которое занимало меня, запало в мою душу.

На неё невозможно было не обратить внимания, не влюбиться тут же в эту очаровательную, красивую женщину. Подумал, перед такой женщиной трудно устоять любому мужчине. Теперь стало ясно, почему Евгений Иванович, увидев её, как мальчишка влюбился без памяти, искал очередных встреч, добиваясь одного — быть навсегда вместе.

Внешне Раиса Яковлевна показалась мне похожей на Тамару Синявскую — жену Муслима Магомаева, мою любимую певицу, народную артистку СССР. Хотя говорят, что сравнивать с другой — дело неблагодарное, ибо каждая женщина индивидуальна и неповторима.

Наш столик располагался с левой стороны, да так удачно, что позволяло нам разглядеть всю большую дружную семью Куропаткиных.

По их взаимоотношениям чувствовалось, что центр притяжения именно Раиса Яковлевна. На неё были устремлены все взгляды и, в первую очередь, Евгения Ивановича. Мне захотелось побольше узнать обо всех членах семьи и особенно о любимой женщине друга — Раисе Яковлевне Горовой. Ибо до этого не раз задавал себе вопрос: «Кто она? Какая она? Счастлив ли он?» На них отвечает Виктор Логинов, автор и составитель книги «Характер»: «...Вопрос в том, ждал или не ждал Евгений Иванович такую любовь. Наверное, все-таки ждал. Отдыхая в Кисловодске, он встречает Раису Яковлевну и как мальчишка влюбляется в неё с ходу, с первого взгляда, раз и навсегда. Словно лавина с гор, нагрязнула нечаянно любовь и пленила солидного мужчину.



*Посещение малой родины —
деревни Рождествено
в Тверской области*



*Какое счастье — быть вместе
всегда...*

Но пришлось ещё более года завоёвывать сердце любимой исподволь, душевным теплом, заботой и лаской приручать к себе, сманивая из тёплых южных краёв на суровый Север.

И Раиса Яковлевна приходит к пониманию, что Евгений Иванович человек незаурядный, благородный, надёжный и искренний в чувствах, а его любовь к ней — безгранична и отказа не приемлет. Она отправляется в Сибирь и создаёт с Евгением Ивановичем семью, пока сугубо свою, небольшую, но счастливую и надёжную».

У Раисы Яковлевны большая семья, где много сестёр, братьев, внуков, племянников, близких и дальних родственников. И всем она помогает — участием и заботой, морально и финансово поддерживает, не забывая ни о ком. Помнит все дни рождения, праздники, юбилеи.



Российские просторы

Поражаюсь, как у неё хватает сил, времени, душевной теплоты, чтобы никого не забыть, ко всем проявить участие и внимание.

В подтверждение мною сказанного о семье вновь обращаюсь к Виктору Логинову: «...Тесными родственными узами были связаны около пятидесяти человек, старых и молодых. И неважно, что кто-то проживал в Нижневартовске, а кто-то — за его пределами, даже в другом государстве. Никто не оставался без внимания и участия супругов Куропаткиных, всегда готовых радушно принять, выслушать, подсказать и реально помочь каждому».

Раиса Яковлевна всегда подставит плечо. Она среди своих — главная скрипка, фундамент, двигатель по жизни, ей подходят слова «Дорогу осилит идущий».

Она хранительница семейного очага, замечательная мама и любящая бабушка. В её сердце есть место для каждого из них. Жизнь подтвердила это. Как говорится, другой такой не бывает.

Уход Евгения Ивановича в мир иной невольно ещё больше сплотил семью, хотя в ней всегда дорожили родственными связями, оберегали их, укрепляли и воспитывали детей в этом же духе.

Имея некоторый опыт в организации проведения презентаций книг, ведь Фондом имени В. И. Муравленко их издано 49, я был восхищён тем, как неординарно, творчески и нешаблонно провела Раиса Яковлевна презентацию дорогой её сердцу книги «Характер».

Со сцены актового зала каждому, кто поделился своими воспоминаниями о её муже, о Евгении Ивано-

виче — а их немало, тридцать восемь соратников, друзей, коллег, в том числе и я, — сказала слова благодарности, подчеркнув, в чём особенность, изюминка написанного им воспоминания о товарище, друге. Она дарила нам эту книгу с благодарностью и признательностью. Разве можно было удержаться от ответного слова? Конечно же, нет. А если их приплюсовать к изданным, то получится дополнительное издание. Здорово, превосходно, умно, по-женски нежно и тепло!

Невольно приходишь к мысли, что Раиса Яковлевна могла бы сегодня побольше обращать внимания на себя. Но ей этого достаточно. Это уже и характер, и привычка, и смысл жизни.

Она человек высоких нравственных качеств, личность, которая дорожит не только близкими, но и друзьями своего мужа. Эти её качества ценятся нами, мужиками. Удивляюсь, что она всех нас знает, помогает, и мы на деле присутствуем в её жизни.

Насколько легче любому мужчине, тем более руководителю, переносить все трудности, переживать несправедливость, предвзятость, мириться с потерями и утратами, если рядом верная, всё понимающая, умеющая прощать, вдохновляющая на новые свершения женщина. Именно такой верной женой была для Евгения Ивановича Раиса Яковлевна.

Скажу откровенно, мне приятно общаться с Раисой Яковлевной и чувствовать тепло её красивой и богатой души. Эти её качества ценятся в кругу друзей.

Мне как президенту Тюменского областного общественного Фонда имени В. И. Муравленко уже более

двадцати одного года приходится заниматься организацией торжественных мероприятий по случаю открытия памятников, мемориальных досок, памятных знаков, вносить предложения по присвоению имён героев-первопроходцев вновь открытым нефтегазовым месторождениям, воздушным лайнерам, школам, проспектам, улицам, скверам, заниматься издательской деятельностью, выпуском видеофильмов, проведением спортивных мероприятий, конкурсов, посвящённых памяти В. И. Муравленко, его соратников, всем тем, кто в прошедшем столетии совершил беспримерный трудовой подвиг ради будущего.

Правда, цена такой победы была немалой. Превратив Тюменский Север в крупнейший топливно-энергетический комплекс, они позволили выстоять России после разрушительного «урагана» — распада великой державы СССР. Нас, мужчин, всегда вдохнов-



ляли и поддерживали именно женщины, наши жёны. Я восхищаюсь деловыми способностями этой мудрой женщины, которой присуща особая харизма, нестандартность мышления, готовность сделать что-то хорошее и важное.

Редко встречал в жизни таких, как она. Она, в общем-то, разная и, в отличие от многих других, неунывающая и не жалующаяся. Она не созерцает, не наблюдает, а живёт активной деловой жизнью, таков её принцип.

И то, что сделано под её руководством для сохранения памяти любимого мужа, по увековечению памяти первого руководителя ЗАО «Нижевартовскстройдеталь» Е. И. Куропаткина, для коллектива, молодого поколения достойно глубокого уважения и признательности.



Фото на память. Одна из встреч с друзьями Е. И. Куропаткина

Нет таких весов, на которых можно было бы точно взвесить, какой вклад она внесла в жизнь коллектива, города, округа, области. За большую работу, проделанную Раисой Яковлевной, коллектив отвечает ей глубочайшим уважением, прислушивается к её советам и рекомендациям.

Мои рассуждения подтверждает Виктор Логинов: «...ЗАО «Нижевартовскстройдеталь» учредило свою высокую награду — медаль имени Е. И. Куропаткина «За трудовые достижения и высокий профессионализм». Её вместе с денежным вознаграждением вручают на торжествах лучшим строителям. Оформлена комната памяти, открыт монумент в его честь, памятная мемориальная доска на Храме-часовне. В городе появился проезд Куропаткина, где установлен монумент Е. И. Куропаткину...»

В последний приезд по приглашению Раисы Яковлевны мы, ветераны города, участвовали в открытии памятных мемориальных досок на зданиях подшефной школы № 2 и ЗАО «Нижевартовскстройдеталь».

Хотел бы пожелать Раисе Яковлевне здоровья, оптимизма, всегда двигаться только вперёд и ценить каждый миг своей жизни.



**ГРИГОРЬЕВА
АНТОНИНА ГЕОРГИЕВНА**

МАМА ЮГРЫ

В июне 1970 года я впервые посетил город Ханты-Мансийск по приглашению секретаря окружкома КПСС по идеологии Л. Г. Тайлашева. Я находился у него в кабинете и выслушивал его напутствие мне, входящему в роль секретаря Нижневартовского райкома КПСС. Неожиданно в кабинет входит молодая, красивая, среднего роста женщина в строгом чёрном костюмчике, на лацкане которого на левой стороне был прикреплён нагрудный знак «Депутат РСФСР».

Леонид Георгиевич, выйдя из-за стола ей навстречу, поздоровался, спокойно сказал: «Сергей Дмитриевич, знакомьтесь — Антонина Георгиевна Григорьева, председатель окрисполкома. Мы в своём кругу её любовно называем «нашей мамой». Мы поздоровались. Она сказала: «Б. Е. Щербина поведал о вас много хорошего, уверена — будете достойным партийным работником».

Так состоялось моё знакомство с Антониной Георгиевной, с этой удивительной, умной женщиной, одарённой личностью, которую повсеместно уважали в округе, области и стране.

С этого момента и до конца её жизни много лет совместно работали, общались. Когда меня избрали депутатом Ханты-Мансийского окружкома, я возглавил комитет по работе с молодёжью и имел немало личных и деловых встреч с ней, которые запомнились и оставили след в душе.

Конечно же, меня заинтересовала судьба Антонины Георгиевны. Постепенно я узнал, что она коренная

сибирячка, родилась в деревеньке Богданы, что расположена более чем в ста километрах от районного центра Кондинска. По национальности — ханты. Она рано осталась без родителей, жила у родной тётки, а потом воспитывалась и училась в школе-интернате. По натуре любознательная, добрая и отзывчивая, она не чувствовала себя сиротой — учителя, воспитатели, люди старшего поколения, подруги по школе, а затем по Ханты-Мансийскому педучилищу помогли обрести самостоятельность, профессию, выработать характер настоящего лидера.

Антонина Георгиевна из той породы женщин, что «...коня на скаку остановит, в горящую избу войдёт...» Её твёрдый характер был замечен ещё в годы учебы в педучилище.



Сотрудники Кондинской районной газеты «Ленинский путь».

1947 г.

Отличная учёба, начитанность, независимость суждений и поведения, снискали ей уважение в кругу друзей и коллег. Она была неформальным лидером, а такие, как она, умные, инициативные молодые специалисты были востребованы везде, в частности в округе, тем более выходцы из коренных народов, хорошо знающие край и местные обычаи.

Она вспоминает: «Я мечтала стать учительницей». После окончания педучилища её направили на работу в деревенскую школу. Хороший опыт получила, работая на разных должностях в комсомоле. Дочь Эльвира, с которой познакомился в Сургутском аэропорту, рассказывала мне: «Мы с нетерпением ждали её из постоянных командировок. Её присутствие, словно луч света, озаряло весь дом. Прижавшись к ней, мы,



Среди участников ансамбля хантыйской песни посёлка Ширкалы Октябрьского района. 1957 г.

затаив дыхание, слушали, как она читает нам книжки. А с каким аппетитом мы ели всё, что было приготовлено мамой. Нам, детям, было невдомёк, что мама приезжала уставшая с лесозаготовок, где наравне с мужчинами в зимнюю стужу и проливной дождь пилила и рубила. Ведь она была инструктором Кондинского райкома комсомола и считала, что главное — личный пример, в ущерб своему здоровью и женской красоте.

В один из зимних дней мама спешила к нам и не стала ждать, когда утихнет пурга. Решила сократить путь, поехала напрямик через речку. Лед был ещё тонок, и она провалилась вместе с лошадей в ледяную воду. Ей удалось выбраться, а вот лошадь спасти не смогла. По законам того времени подобное не прощалось. Но бригадир,



*Закачка в трубопровод первой Сургутской нефти
на Южно-Балыкском промысле. 1964 г.*

учитывая обстоятельства — мать троих детей, пожалел её, не придал огласке этот трагический случай.

Когда мы стали постарше, мама брала нас в тайгу собирать ягоды, грибы, орехи. Бродить с мамой по тайге было одно удовольствие. Она много рассказывала, чем богата Югорская земля. Эту любовь к родной природе она сохранила на всю жизнь. Возможность подышать таёжным ароматом, послушать, как шумит лес, пение птиц, она всегда использовала, даже живя в городе на пенсии».

Постепенно, изо дня в день Антонина Георгиевна взрослела, приобретала опыт выступлений и организаторской работы с людьми. Особую закалку она получила в Октябрьском районе, работая редактором районной газеты, заведующей отделом культуры, секретарём райкома КПСС.

Если Октябрьский район был её трудовой молодостью, в Ханты-Мансийске прошла её юность, а на таёжной реке — кружевнице Конде — детство, то с Сургутом связаны зрелые годы, время расцвета её профессиональных способностей. Именно в Сургутском районе особенно ярко проявились её знания, широкий кругозор, эрудиция, понимание жизненных явлений, умение находить неординарные решения в любой ситуации, а главное — способность понимать людей. Она их искренне любила и делала всё возможное для улучшения жизни коренного населения.

Оказавшись в центре Сургутского района, где шло небывалыми темпами освоение нефтяных богатств Среднего Приобья, её жизнь приобрела особый смысл и значение. Антонина Георгиевна постоянно была

среди первооткрывателей в геологических партиях, на буровых, в бригадах нефтяников и строителей, помогала им, чем могла.

Из воспоминаний А. Г. Григорьевой этого периода: «Я благодарю судьбу за то, что мне довелось быть свидетелем и участником этого сложного, напряжённого времени создания и развития нефтегазовой промышленности на Югорской земле. Мы не знали, когда заканчивается трудовой день, мы не знали выходных и праздников. Казалось, работа была непрерывной. Но сколько было радости потом, когда нефтяные и газовые фонтаны символизировали открытие всё новых и новых месторождений, когда отправляли первый танкер из Усть-Балыка с первой сибирской нефтью на Омский НПЗ в первую навигацию 1964 года».

Вот как оценивал её труд в книге «Сибирь — моя судьба» тюменский геолог, лауреат Ленинской и Государственной премий, Герой Социалистического Труда, академик Фарман Курбан оглы Салманов: «Дочь северного народа ханты первой сообщила делегатам XXII съезда КПСС о кладовых на родной Югорской земле. Все эти годы Антонина Георгиевна помогала геологическим экспедициям обживать на Тюменском Севере. Сотни центнеров рыбы, добытой в бригадах коренных жителей, тысячи кубометров добротного северного леса — всё шло на нужды освоения. На оленьей упряжке, в моторной лодке добиралась она до самых отдалённых факторий, и в языки ханты и манси входило понятие «геолог», «нефть», «первооткрыватель», не зафиксированные ранее в словарях малых народностей».

Бурные штормовые времена — шестидесятые и семидесятые годы — научили Антонину Георгиевну мыслить масштабно, по-государственному, жить перспективно.

Известный писатель Вадим Кожевников писал: «Мэр Сургута Антонина Георгиевна всецело увлечена будущим сургутского нефтяного края. Она смело смотрит вперёд и видит будущее вполне реально и конкретно».

Антонину Георгиевну в районе все называли хозяйкой, позднее, когда она возглавила окрисполком, с любовью говорили «наша мама». Так оно и было. У неё душа болела за родную сторону, она любила этот край, делая всё, что было в её власти, чтобы он процветал. В то же время она была решительной, беспощадной к тунеядцам. С сильным мужским характером,



*Беседа с буровиками Нижневартовского УБР-1
на Самотлорском месторождении. 1974 г.*

но справедливая, она была и властной, и принципиальной, и требовательной, заставляя всех вкалывать, при этом показывая личный пример.

В книге «Дело жизни» Н. К. Байбаков, возглавлявший в это время Госплан СССР, пишет: «Побывал я в Сургуте в начале 60-х годов. Пришлось нам ночевать в холодном здании райисполкома, спать прямо на столах. Председателем Сургутского райисполкома была Антонина Георгиевна Григорьева. Эта милая, весёлая, неунывающая женщина, представительница малой народности Севера ханты, осуществляла огромную работу в начальный, а потом в особенно трудный период становления сибирского нефтяного края. Она с честью делала это важное дело, которое не каждому мужчине по плечу. И при такой нагрузке, требующей постоянного напряжения, она не теряла чисто женского



Среди детей национального посёлка Угунт Сургутского района. 1969 г.

обаяния, в чём мы сами убедились, когда она кормила нас своими домашними соленьями и приготовленными пирогами, печь которые была великая мастерица. Порой диву даёшься — и как у таких занятых женщин хватает времени на всё?»

Эта замечательная женщина сыграла заметную роль и в моей судьбе. Вспоминаю торжества в Ханты-Мансийске, посвящённые 65-летию образования округа. С особой радостью воспринял решение правительства о присвоении учреждённого звания «Почётный гражданин Ханты-Мансийского автономного округа» А. Г. Григорьевой, Ф. К. Салманову, В. И. Муравленко и В. В. Бахилову (двум последним — посмертно). Все они этого достойны. Антонина Григорьевна, получая награду, даже прослезилась. Нам всем, кто знал её близко, была понятна её радость.



На стойбище юрт семьи ханты Каймысовых. 1969 г.

С первого дня моей работы в Нижневартовске у меня с А. Г. Григорьевой сложились деловые и дружеские отношения. Ко мне она относилась, как к сыну, и я был уверен, что она в трудный момент поможет словом и делом. В действительности так оно и было до последних дней её жизни.

Приходит на память один эпизод. Предстояло принять добавленную нам территорию Аганского поселкового совета Сургутского района. Двухсторонняя согласительная комиссия райисполкомов подготовила необходимые для этого документы. Антонина Григорьевна решила сама поучаствовать в «сдаче» и «приёме». Да и мне надо было решать много вопросов по организации партийной работы на этой присоединённой территории Сургутского района. К тому же хотелось побывать там, где двадцать лет назад начинал свою трудовую биографию мой друг В. Д. Салмин.

Холодным январем 1977 года мы выехали из Нижневартовска. Предстояло преодолеть расстояние около 200 километров. По просьбе Антонины Георгиевны новенький райисполкомовский «УАЗик» должен был сопровождать вездеход, так как стояли 40-градусные морозы. И это оказалось кстати. Временно проложенный нефтяниками и строителями зимник с многочисленными деревянными мостовыми переходами, проходящий по глухим местам, чистили от случая к случаю, и был он настолько разбит, что наш «УАЗик» болтало из стороны в сторону, и он постоянно застревал в снежных заносах. Дорога на Аган пролегла без промежуточных поселений, поэтому нам постоянно встречались застрявшие, поломанные большегрузные машины, водители которых

грелись возле костров из запасных скатов. Такой была дорога, по которой геологам, нефтяникам и строителям доставляли грузы.

Световой день в этот период года самый короткий, большую часть пути пришлось ехать с включенными фарами. Покинув Нижневартовск в 6 утра, добрались до Агана только за полночь. Естественно, в дороге говорили обо всём: о делах, о проблемах, да и просто о жизни, лучше понимая и становясь ближе друг другу.

Антонина Георгиевна предложила заехать в школу-интернат и там переночевать. Зашли в школу, где нас никто не ждал. Растерявшаяся заведующая сказала, что на ужин ничего не может предложить, кроме мороженой рыбы и хлеба. Решение проблемы ужина взяла



*Посещение оленеводческих
стойбищ Сургутского района.*

1969 г.



*На охоте в свободное время
на просторах родной Югры.*

1970 г.

на себя Антонина Георгиевна. Разбив обухом топора замороженную щуку, велела принести из машины «аварийную» бутылку водки, соль, перец и пригласила всех к столу. Отлично поужинали!

На память приходит приезд в Нижневартовск депутата Верховного Совета СССР, секретаря ВЦСПС Л. А. Землянниковой. Сопровождал её в поездке председатель Тюменского облсовпрофа Ю. К. Меркулов. На встречу гостей прилетела А. Г. Григорьева. Как позднее выяснилось, она была дружна с Людмилой Андреевной. Бывая в Москве на сессиях Верховного Совета РСФСР, депутат А. Г. Григорьева встречалась с ней даже в домашней обстановке.



*Выступление на V сессии
Верховного Совета РСФСР.
Москва, Кремль, 1976 г.*



*Тюменская делегация
на II сессии Верховного Совета
СССР в Георгиевском зале
Кремля. 1966 г.*

Тогда было время, когда всех, кто прилетал к нам, прежде всего, интересовал Самотлор. Стоял уже прохладный октябрь. Встретив гостей в аэропорту, на микроавтобусе мы отправились на главный нефтепромысел страны. В буровой бригаде Героя Социалистического Труда мастера Г. К. Петрова задержались надолго. Начальник Нижневартовского УБР-2 Герой Социалистического Труда, лауреат Государственной премии СССР А. Г. Исянгулов и председатель Нижневартовского райкома профсоюза нефтяников Н. Ф. Прохоров подробнейшим образом рассказывали Землянниковой о тяжёлой профессии буровика, об условиях быта, отдыха, о питании на буровой. Свободные от вахты бурильщики в беседе с гостьей говорили о своих жилищно-бытовых условиях, заработке, учёбе детей, о проведении летнего отпуска.

После посещения в городе школы, детского садика и больницы вернулись в гостиницу «Самотлор». И тут удивила Антонина Георгиевна, предложив нам отдохнуть и поговорить, а сама отправилась на кухню, пообещав приготовить ужин. Спустя некоторое время пригласила за стол, заставленный дарами северной природы. Угощала удивительно вкусной, лично ею приготовленной рыбой по-хантыйски.

Для меня её гостеприимство не было в диковинку, ибо в Ханты-Мансийске на сессиях окружного совета или на других мероприятиях Антонина Георгиевна нас, первых секретарей горрайкомов КПСС, частенько приглашала в столовую окружкома КПСС и окрисполкома и угощала либо приготовленными ею самой блюдами, либо выполненными по её «спецзаказу».

За столом Антонина Георгиевна была в роли гостеприимной хозяйки, рассказывала много интересного, а порой и смешного из самобытного уклада жизни и многовековых традиций ханты и манси. И я вновь поразился, какая теплота звучала в её словах. Никакой насмешки, а только добрый юмор и искренняя любовь к своему маленькому народу, среди которого она росла, училась и жила.

Особо запомнился её рассказ: «По долгу службы в навигацию на катере я часто объезжала национальные посёлки. Во время таких наездов мы с работниками окрисполкома, народного образования, здравоохранения, кооперации на местах с жителями обсуждали и решали проблемы, накопившиеся за зимний период. Для меня важно было знать настроение людей. Это помогало в планировании работы окрисполкома.

Подплываем к Угуту. Капитаном на берег выброшен трап, по которому сходим на берег. На берегу собрались стар и млад. Ребяшня с визгом и криками бросилась к реке. Из динамика слышу голос диктора: «Селяне! На этом местный радиоузел заканчивает передачу. К нам приехало высокое начальство, шибко большая гулянка будет!»

Когда она уже находилась в Тюмени на пенсии, мы продолжали поддерживать добрые отношения. Часто встречались и обязательно о многом вспоминали. Антонина Георгиевна и в Тюмени была активна, несмотря на тяжёлую болезнь. Она стала инициатором создания в областном центре Ханты-Мансийского землячества «Югра». Её избрали первым председателем совета. Я входил в его состав.

Антонина Георгиевна создала инициативную группу из числа бывших партийных и советских работников округа, чтобы помочь Тюменскому госуниверситету в составлении трехтомного энциклопедического словаря «Югория». Эту работу она выполняла очень тщательно.

Я видел, как она мужественно преодолевала недуг и как была счастлива, отмечая своё 80-летие. Нашла в себе силы побывать в родном городе, встретиться с сослуживцами. Это был её последний приезд в Ханты-Мансийск...

Когда мы собрались в представительстве Ханты-Мансийского округа в Тюмени у заместителя губернатора округа Н. М. Добрынина, чтобы обсудить вопросы, связанные с проводами её в последний путь, для меня стало большой неожиданностью, что в своей



С космонавтами в Кремлёвском Дворце съездов в дни празднования 50-летия образования СССР. 1972 г.

предсмертной записке, адресованной дочери Людмиле Фёдоровне, она попросила, чтобы именно я возглавил комиссию по её похоронам.

Антонина Георгиевна занимает достойное место в плеяде ярких представителей земли Тюменской, являясь единственной женщиной в области, возглавлявшей Ханты-Мансийский окружной Совет народных депутатов.

По нашей инициативе на доме в Тюмени, в котором проживала Антонина Георгиевна, установлена памятная мемориальная доска.



*Фото на память. Празднование 85-й годовщины со дня рождения
В. И. Муравленко. Тюмень, 1997 г.*



Такой мы запомнили её навсегда



**ДЕНИСОВ
СЕРГЕЙ ИВАНОВИЧ**

ИСПЫТАНИЕ ВРЕМЕНЕМ

Сергея Ивановича Денисова природа одарила лучшими человеческими качествами — умом, доброжелательностью, обаянием, он по-мужски красив, прост в общении с людьми, друзьями, а главное — обладает высоким профессионализмом в делах.

С. И. Денисов — человек духовной крепости, устремлён к запредельным и глубинным целям. Его жизненные горизонты тесно связаны со строительством собственной личности: духовным, душевным и телесным. Это и есть проявление основ бытия, заложенных в себе самом: идти туда, где тяжелее всего, где необходимо. Идти наперекор трудностям и находить там своё счастье! Познакомлю читателя с этим удивительным человеком.

Денисов Сергей Иванович родился 1 января 1945 года в городе Запорожье Украинской ССР в многодетной семье военнослужащего. Окончил семилетку, затем в 1963 году с отличием Запорожский строительный техникум по специальности техник-строитель. Вступив в ряды ВЛКСМ, во время учёбы в техникуме принимал активное участие в деятельности комсомольской и профсоюзной организаций. Трудовую деятельность начал, когда ещё обучался в техникуме, работая каменщиком и монтажником первого разряда. По результатам окончания техникума имел возможность поступить в институт без экзаменов, но не стал. По комсомольской путёвке Запорожского обкома ВЛКСМ добровольно отправился на строительство

крупного химзавода в городе Стерлитамак Башкирской АССР, объявленного всесоюзной ударной комсомольской стройкой. Трудился каменщиком, затем мастером СУ-3 треста «Стерлитамакстрой».

В 1964 году был призван в ряды Советской армии. В период учёбы в техникуме, работы в Стерлитамаке и службы в армии занимался многими видами спорта — вольной борьбой, боксом и тяжёлой атлетикой, по которым имел спортивные разряды. Преуспел в вольной борьбе, принимал участие во всесоюзных, республиканских и армейских соревнованиях.

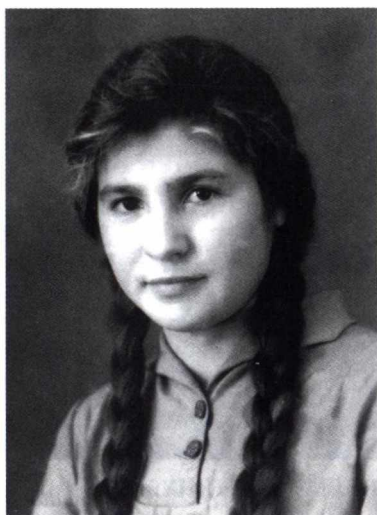
В 1965 году досрочно был демобилизован по причине серьёзной травмы, полученной на соревновании. Вернулся в родной город к родителям, а тянуло в Башкирию, в свой коллектив, откуда уходил в армию. Но была у него ещё одна причина возвратиться в Стерлитамак — там его ждала любимая девушка. Поступил по зову сердца: вернулся в свой родной коллектив и к своей Машеньке, ставшей впоследствии его женой, с которой уже отметили изумрудную свадьбу. Спустя два года был назначен старшим прорабом (начальником участка). В комсомольской организации треста избирался членом бюро комитета ВЛКСМ с правами райкома комсомола, был заместителем начальника штаба всесоюзной ударной комсомольской стройки по строительству объектов Стерлитамакского химзавода.

Сергей Иванович, успешно работавший и активно участвовавший в общественной работе, понимал, что дальше по службе не продвинется, не имея высшего образования. Работа, семья, дети усложняли выполнение

этой задачи. И всё же в 1963 году он поступает на заочное отделение Казанского инженерно-строительного института. Оканчивает институт и получает любимую долгожданную специальность инженера-строителя в 1976 году, уже работая в Нижневартовске.

Я прекрасно понимал, как сложно учиться заочно. На собственной шкуре испытал, что такое работа и учёба на вечернем отделении Уральского политехнического института имени С. М. Кирова. Не зря говорят: кто ничего не хочет делать — ищет причину. Убедился лично, что работа и учёба — лучший способ наслаждаться напряжённой жизнью во имя поставленной цели.

На строительстве города Нижневартовска участвовало несколько строительных управлений Минпромстроя СССР, которые были разъединены. Такая «самостоятельность» снижала производительность строительно-монтажных работ. В этой обстановке горком КПСС



взял на себя не свойственные ему функции — обязывать начальников сосредоточивать усилия, прежде всего, на целевых важнейших строительных объектах. Это видели все...

Н. К. Байбаков, Б. Е. Щербина и В. И. Муравленко убедили А. Н. Косыгина обязать министра А. Н. Токарева образовать трест в Нижневартовске, который должен был их объединить. Такая обстановка диктовалась резким увеличением строительно-монтажных работ по вводу жилья, школ, детсадов, объектов здравоохранения, торговли, быта, культуры.

В итоге, в 1971 году создаётся трест «Нижневартовскжилстрой», заместитель министра Н. Г. Островский назначается его куратором. По его предложению приказом министра Я. М. Малинский и В. В. Бригарь,



Большая дружная семья

ранее работавшие на строительстве Стерлитамакского нефтехимического завода, утверждают управляющим и главным инженером треста соответственно. Они, в свою очередь, знали способности и возможности молодого строителя С. И. Денисова.

Я. М. Малинский приглашает С. И. Денисова на должность главного инженера СУ-28, а через четыре месяца утверждает его в качестве начальника генподрядного СУ-27. В коллективе он столкнулся с объективными трудностями, как в организации производственных процессов, так и в организации труда. Преобладал ручной труд, не хватало нужных механизмов для изготовления в местных условиях строительных конструкций и материалов.

Управление испытывало трудности, особенно в зимнее время. Для приготовления растворов и бетона приходилось подогревать их на кострах, вручную делать замесы. При этом негде было размещать людей. Жили в балках, вагончиках, готовых к вводу домах, а после их сдачи переходили в следующий строящийся. В преодолении этих трудностей в течение шести лет Сергеем Ивановичем приобретался опыт руководителя, умение находить пути оптимального эффективного решения имеющихся проблем. Казалось, именно в преодолении трудностей сплачивались коллективы, налаживалось умение работать с людьми.

Перед моим отъездом в Москву на учёбу в Академию общественных наук при ЦК КПСС мои обязанности принял Э. Д. Бушмакин, которого я рекомендовал обкому и окружкому КПСС. С моим мнением согласились. Безусловно, мы с Э. Д. Бушмакиным думали

о его преемнике, сходились на одной кандидатуре — С. И. Денисова.

По производственным и общественным делам его хорошо знал и ценил первый секретарь обкома КПСС Г. П. Богомяков, который согласился с нашим предложением.

В сентябре 1978 года на внеочередном Пленуме горкома КПСС Э. Д. Бушмакин был избран первым секретарём, а С. И. Денисов — вторым. Это был удачный тандем: нефтяник Бушмакин и строитель Денисов. Он сразу же проявил свои способности и умение эффективно организовать дело. Но судьба вновь испытывает его на прочность. Произошло два трагических случая — ЧП на Нижневартовском ГПЗ и выход из строя котельной в микрорайоне нефтяников в Мегионе во время декабрьских морозов. Их ликвидация потребовала от Сергея Ивановича принятия нестандартных, но необходимых решений, мужества, твёрдости, принципиальности и человечности. И он всё выдержал достойно.

В связи с избранием Н. А. Москаленко первым секретарём Ноябрьского горкома КПСС, на сессии городского Совета народных депутатов С. И. Денисова избирают председателем. Под его руководством депутаты и работники аппарата горисполкома продолжили работу по укреплению материальной базы народного образования, здравоохранения, торговли, культуры, спорта и связи. Было уделено большое внимание строительству детских садов, школ, больниц, почтовых отделений связи, Дома бракосочетаний, стадиона.

Этот последний объект был объявлен всенародной стройкой. Об этом С. И. Денисов вспоминает: «Один из чиновников в Госплане СССР заявил: «Зачем городу стадион, ведь люди там сидят долгое время, а это вред для здоровья. Да и нет такого количества спортсменов для такого стадиона». Лишь настойчивость представителя для хождения по кабинетам В. И. Коротченко и личная поддержка Председателя Госплана СССР Н. К. Байбакова помогли делу: было получено согласование на строительство стадиона. Трудно решалась проблема с привязкой московских домов в строящихся микрорайонах. Первоначально планировалось строительство одного микрорайона из домов московской серии. Горисполком и лично С. И. Денисов настояли, чтобы их привязку осуществлять по одному-два дома в каждом микрорайоне. Это позволило городу



Нижневартовские заботы



Соратник по жизни Н. А. Москаленко

надёжно обеспечить дома горячей водой, так как каждая группа московских домов требовала строительства отдельного ЦТП, а их во введённых микрорайонах не было. Пришлось выдержать давление из Москвы, получив поддержку руководства области. Руководя городом, С. И. Денисов оставил хорошее наследство.

В 1983 года Сергея Ивановича избирают первым секретарём горкома КПСС. Надо признать, что руководители города и района были «обласканы» и не обделены вниманием со стороны центральных органов страны — ЦК КПСС, Совета Министров СССР, ЦК ВЛКСМ, ВЦСПС, министерств и ведомств. Они не только контролировали нашу деятельность, но и существенно помогали в развитии экономики, строительства объектов социальной и промышленной инфраструктуры.



Встреча ветеранов партийного, советского и комсомольского активов Нижневартовского района, посвящённая 60-летию образования Тюменской области. Тюмень, 2004 г.

С рабочими поездками в Нижневартовске были секретари ЦК КПСС М. С. Горбачёв, Е. К. Лигачёв, В. И. Долгих, трижды Председатель Совета Министров СССР А. Н. Косыгин, более десятка раз заместитель председателя Совета Министров СССР, председатель Госплана СССР Н. К. Байбаков, секретари ЦК ВЛКСМ Е. М. Тяжельников, Б. Н. Пастухов, председатель ВЦСПС С. А. Шалаев, министры, начальники главков и ведомств, их заместители. Все они старались помочь решать государственные задачи, стоящие перед городом Нижневартовском и районом. Нам, руководителям города и района, приходилось встречать и размещать гостей, организовывать мероприятия, следуя официальным протоколам.

Сергею Ивановичу пришлось выдержать «шторм» нападков и претензий, когда Самотлор и район перестали выполнять планы по добыче нефти, срывались планы по строительству городов Нижневартовска, Мегиона, Радужного, Лангепаса.

Ему, единственному из секретарей горкомов и райкомов КПСС в областной и окружной партийных организациях, пришлось держать ответ на секретариате ЦК КПСС по вопросу «Об организаторской и политической работе Нижневартовского горкома партии по мобилизации трудящихся на выполнение государственных планов и социалистических обязательств по добычи нефти». Об этом он вспоминает: «Секретариат вёл член Политбюро, второй секретарь ЦК КПСС Е. К. Лигачёв. На отчёт выделялось около 40 минут, из них мой отчёт — 7,5 минут, ответы на вопросы секретарей ЦК КПСС — в пределах 15 минут. Во время моего

доклада у меня на макушке появлялись холодные водяные образования, которые текли по хребту вниз. Секретариат ЦК КПСС потребовал принять все меры для выполнения планов к концу 1986 года. Мы справились, выполнив планы и задания».

Я болезненно реагирую, когда кто-то из недоброжелателей пытается у человека увидеть недостатки и потом «прощупать его нервишки». У каждого руководителя и человека есть свои слабости, но одно заявляю твёрдо: недостатков, которые могли бы опорочить, у Сергея Ивановича не было и нет. Я имею право это сказать, потому что был с ним по-товарищески близок, он не раз делился со мной своими сокровенными мыслями и чувствами. Отмечу, что Денисовы живут скромно, несмотря на свои чины, звания и известность. В семье у него порядок. Это о многом говорит!

Для Сергея Ивановича важно поддерживать связь с друзьями, выслушивать советы старших, оставаясь постоянным во взаимоотношениях и дружбе.

Каждый свой приезд в Нижневартовск я считал своим долгом его навестить. В один из таких визитов поднимаюсь к нему на третий этаж, меня останавливает милиционер и спрашивает, к кому я иду. Представился, объяснил, но этого оказалось недостаточно. Услышав разговор на повышенных тонах, секретарь приёмной Наталья Яковлевна узнала меня и дала команду милиционеру меня пропустить.

Захожу к С. И. Денисову и спрашиваю: «Почему держишь пост в лице сотрудника МВД? Он не прибавляет авторитета первому секретарю горкома КПСС». Ответил: «Такое новшество введено М. С. Горбачёвым».

Посоветовал: «Сергей Иванович, коль так установлено, так этот пост сделайте на первом этаже, и пусть проверяют входящих в здание горкома КПСС». Моему совету он последовал.

В июле 1987 года на сессии областного Совета народных депутатов Сергей Иванович был избран первым заместителем председателя облисполкома и назначен начальником Главного планово-экономического управления облисполкома. В 1991 году он был освобождён по собственному желанию в связи с избранием учредителями президентом Тюменской товарно-фондовой биржи, а в феврале 1994 года данный контракт был расторгнут по его заявлению. Причина в том, что руководители области Ю. К. Шафранник и Л. Ю. Рокецкий, генеральные директора объединений прекратили реализовывать свои нефтяные квоты через биржу. После этого Сергей Иванович длительное время болел.



*На отдыхе на Черноморском побережье
в санатории «Нефтяник Сибири»*

В 1994 году ему была предложена должность первого вице-президента промышленно-коммерческой компании «Центр экономического содействия», затем переводом перешёл в Тюменское региональное отделение Фонда социального страхования Российской Федерации на должность начальника контрольно-ревизионного отдела. В 2006 году он уволился в связи с выходом на пенсию.

В кругу друзей Сергей Иванович о жене всегда говорит с достоинством: «Маша для меня — подарок судьбы. Она у меня зам по тылу, а это дорогого стоит. Вот и завидуйте, братцы». И на самом деле, она сполна посвящает свою жизнь любимому дорогому другу. В этом видит своё главное предназначение женщины, жены, матери. Она преданная хранительница семейного очага, отдаёт себя без остатка своим близким и род-



На отдыхе в санатории «Лермонтово»

ным людям. Она идеальная хозяйка — гостеприимная, добрая, скромная. Семья — это её жизнь, её религия, её любовь.

Это удивительная во всех отношениях женщина, щедрая, великодушная, отзывчивая. За огромное трудолюбие родные, близкие, друзья называют её «пчёлкой». В квартире всегда чистота, уют и свежий запах стирки, в том числе всеми любимых пирожков с различной начинкой. На даче и на участке — также порядок, там вызревают диковинных размеров овощи и композиции из цветов.

Цветы и катание на велосипеде — её хобби. А ещё она питает непреходящую любовь к стихам и русским песням. Дома и на даче всегда напевает. Песни звучат за праздничным столом.

Говорят, муж и жена со временем становятся похожими друг на друга. Пылкая любовь молодости переходит в уважение, человеческие ценности объединяются, а дом становится крепостью, где тебя всегда ждут, где ты можешь открыть душу, где тебя понимают без лишних слов и никогда не подведут. Именно по этим законам людской мудрости живёт семья Денисовых.

На вопрос о счастье ответила стихами: «Я бы хотела, чтоб тепло очага в доме моём не истлевало, чтобы оно согревало нас всех. Вот что для счастья б хотелось...» И я полностью разделяю эти мысли Марии Алексеевны, и от всей души желаю их осуществления.



ДУНАЕВ
НИКОЛАЙ ПЕТРОВИЧ

ПРОМЕЛЬКНУЛ МЕТЕОРИТОМ

Впервые годы наступления на нефтяную целину Западной Сибири многие отечественные и зарубежные издания обошла фотография: сибирская нефть в человеческих ладонях. Для ветеранов-нефтяников эта фотография глубоко символична и дорога, она напоминает о неимоверных трудностях на пути первопроходцев.

Проходят десятилетия, поменялся общественно-политический строй страны, изменились подходы к освоению недр, стали более совершенными техника и оборудование на промыслах, но пара ладоней, олицетворяющих тысячи рабочих рук, останется символом нашего движения вперёд. В этих руках, несущих тепло сибирской земли, — экономическое благополучие России. Этими руками совершён героический трудовой подвиг тюменцев.

Передо мной лежит небольшая по объёму серая папка «Личное дело» под № 49 — Николая Петровича Дунаева. Теперь её место в архиве.

Открываю первый, более чем двадцатилетней давности, пожелтевший лист фирменного бланка Главтюменнефтегаза. Приказ № 76/К от 6 июня 1980 года. Читаю: «Дунаева Николая Петровича, главного инженера — первого заместителя начальника Главтюменнефтегаза, исключить из списков аппарата Главка в связи со смертью. Основание: свидетельство о смерти IV-МЮ № 337133 от 5 июня 1980 года. Заместитель начальника А. М. Шарапов».

Вот так, сухо, казённо, стандартно. Мы же, друзья, единомышленники, знаем истинную причину, приведшую его к гибели всего в 41 год от роду. Смерть — она и есть смерть. Но у всех она разная. Кто-то потихоньку долго тлеет, а кто-то сгорает мгновенно, ярко мелькнув в небе светлым пламенем метеорита.

И всё же для последующих поколений эта истина будет тайной, загадкой, ибо в том же «Личном деле» вы, читатель, ничего не найдёте душевного, и оно останется не востребованным. Нам, живым, хорошо знавшим Николая Петровича, необходимо рассказать обо всём, случившемся с ним в расцвете его сил.

Итак, Николай Петрович Дунаев... Каким он был на самом деле? Каким он остался в нашей памяти?

Биография его, годы детства и юношества очень схожи с жизнью таких же мальчишек и девчонок до и послевоенного времени. Родился Николай Петрович 18 января 1939 года в селе Кузоватово Ульяновской области в семье рабочего лесничества.

Отец Петр Игнатьевич в первые дни Великой Отечественной войны ушёл на фронт. Погиб. Семья извещение получила только после Победы. Мать Пелагея Сергеевна осталась с дочерью и сыном Николаем. Голод и холод тяжелейших лет того времени были повсеместно. Исключением не была и семья Дунаевых.

Инвалидом вернулся с фронта друг Петра Игнатьевича — Николай Александрович Олезов. Для Николая он стал вторым отцом, семья пополнилась ещё тремя девочками. В многодетной семье рос Коля, оставаясь за главного мужика. На зиму заготавливал дрова и сено, летом работал в поле, на лошадях перевозил грузы в кол-

хозе. Учился хорошо. Семейные трудности не позволяли ни ему, ни старшей сестре окончить десятилетку. Надо было выжить, а это требовало скорейшего приобретения специальности и работы, чтобы помогать матери.

В те годы мальчик из села Кузоватово вряд ли мог предположить, что станет со временем не только свидетелем, но и активным участником начала освоения недр Западной Сибири. Профессию Николай выбрал нефтяную, поступив в Сызранский нефтяной техникум, считавшийся одним из престижных в нефтяной отрасли. В техникуме платили большую стипендию, учащихся одевали в спецформу, предоставляли общежитие. В свободное от занятий время Николай, как и многие другие его сверстники, вечерами, а порой и ночами, разгружали баржи на Волге. После окончания



*С любимой женой
Тамарой Григорьевной*



Постоянная учёба

техникума в 1958 году устроился на работу оператором по добыче нефти и газа на Саушинском нефтепромысле Волгоградской области.

Летом 1971 года, находясь в командировке в Нижневартовске, начальник Главтюменнефтегаза В. И. Муравленко в беседе с первым секретарём горкома партии В. В. Бахиловым особо подчеркнул: «В условиях комплексного освоения Самотлорского месторождения необходим грамотный специалист и опытный руководитель, который квалифицированно разбирается в производственных вопросах, дружен с коллективом, владеет современными методами внедрения автоматизации и механизации технических процессов в добыче нефти. Кузоваткину нужен хороший помощник».



*Открытие Мамонтовского месторождения нефти.
Нефтеюганск*

В сентябре этого же года было образовано новое НГДУ «Нижневартовскнефть». Главным инженером созданного предприятия приказом В. И. Муравленко был назначен Николай Петрович Дунаев, уже достаточно опытный и испытанный «нефтяной боец», прошедший школу от оператора по добыче нефти до начальника участка на Дмитриевском нефтепромысле НГДУ «Первомайнефть» в Куйбышевской области. С 1966 года он работает на тюменских месторождениях, где прошёл путь от старшего инженера до главного инженера НПУ «Юганскнефть».

Помню первую встречу с Н. П. Дунаевым. В кабинет зашёл молодой, симпатичный человек с хорошо тренированной, спортивной фигурой. Одет был в светлый, тщательно отглаженный костюм, в белоснежную рубашку с красивым галстуком, как выяснилось позже, они были его «слабостью», он их приобретал во всех поездках. Здоровый крепыш с большой головой, чёрными волнистыми густыми волосами, широким высоким лбом, большими карими глазами. Одним словом — красавец.

Обратил внимание, что Николай Петрович открытый, доступный собеседник, который демонстрировал уверенность и твёрдую убеждённость в своих действиях. У меня сложилось впечатление, что он как бы парит над землей, что он человек масштабного видения и понимания проблем, стоящих перед ним. На протяжении своей работы в Нижневартовске он ни разу не разочаровал нас, руководителей города и района.

Природа щедро наделила Дунаева талантами. Когда мы собирались в неофициальной обстановке, он был

душой компании, любил шутки и русские песни. Николай Петрович был нефтяником, специалистом высшей квалификации и своему делу был предан бесконечно. Роман Иванович Кузоваткин оценивал его однозначно: «Он инженер высшей пробы, инженер нового времени, инженер-новатор, инженер организатор, инженер человеческих душ».

Он был необычаен в экстремальных ситуациях, где особенно требуется собрать всю волю воедино, ярко проявить характер человека, руководителя. Он предвидел надвигающуюся беду. Лучше бы таких ситуаций не допускать. Руководители в верхних эшелонах власти — правительстве и ЦК КПСС, в министерстве — не слышали или просто не хотели слышать предостерегающие сигналы молодого главного инженера. Им нужна была нефть как можно быстрее, больше и любой ценой. Такая постановка вопроса в нефтяной отрасли ничего хорошего не предвещала. И беда случилась.

Центральный товарный парк Самотлорского месторождения, спешно сооружённый в 1969 году и сданный в эксплуатацию по временной схеме, не отвечал необходимым нормативным и пожарным требованиям, практически не был готов к приёму хлынувшего мощного потока нефти. Перегрузка сепарационных установок, отсутствие третьей ступени, позволяющей отделять нефть от газа, приводили к его утечке: газ распространялся по всей территории, скапливался на низких участках.

Усложняло общую обстановку и другое обстоятельство — отставание со строительством комплексно-сборных пунктов с резервуарным хозяйством

на самом месторождении: нефть направлялась непосредственно на ЦТП без предварительной обработки. Сказать, что Р. И. Кузоваткин и Н. П. Дунаев не понимали серьёзности обстановки, конечно, нельзя. Но они были вынуждены работать в аварийной обстановке, ежеминутно грозящей непредсказуемыми последствиями, делая всё для того, чтобы по возможности их нейтрализовать.

Не зря гласит народная мудрость «Где тонко, там и рвётся». Таким местом и оказался Центральный товарный парк. В субботний день 14 августа 1973 года произошёл мощный газовый взрыв. Погибли тринадцать человек. Ускорил эту трагедию жаркий и безветренный август. По сильному удушающему запаху нефтяного газа эксплуатационники чувствовали надвигающуюся опасность и предупреждали руководителей — начальника



Первая демонстрация трудящихся Нефтеюганска

ЦТП Николая Ивановича Драгунова, его заместителя, начальника по производству Юрия Дмитриевича Малясова, исполняющего обязанности главного инженера НГДУ «Нижневартовскнефть» Наиля Султановича Галиева. Необходимо было срочно принять меры по ограничению поступления нефти и создать безопасные условия труда. К сожалению, никакие меры приняты не были. В результате — газовый взрыв, пожар и гибель людей.

Помню, мне на квартиру позвонил дежурный центральной диспетчерской службы управления и сообщил, что на ЦТП произошёл взрыв, погибли люди, горят несколько резервуаров. Я попросил его доложить В. В. Бахилову, позвонить в дежурную часть горотде-



*В. И. Муравленко и Н. П. Дунаев знакомят
А. Н. Косыгина с проблемами обустройства крупнейшего
Самотлорского месторождения. 1976 г.*

ла милиции, найти начальника милиции, прокурора и главного врача больницы.

Выбежав на дорогу, остановил первую попавшуюся машину «Татра», сообщил водителю о случившемся и попросил срочно доставить на ЦТП, находившийся в шести километрах от города в сторону Мегиона. По мере приближения, а уже начало смеркаться, хорошо высвечивались четыре горящих, как свечи, десятитысячных резервуара. Прибыв на место, я увидел ужасную картину. В кирпичной стене строящейся котельной от удара взрывной волной образовалась огромная брешь. Смонтированные котлы, пробив противоположную стену здания, оказались отброшенными на 300–400 метров. В развалинах оказались две операторские, выведены из строя насосные установки. В четырёх охваченных пламенем резервуарах сгорал попутный газ. Пожарные парка и города вели борьбу с огнём, обильно поливая водой два соседних резервуара, наполненных нефтью, предохраняя их от возгорания и взрыва.

Одновременно пожарные готовили четыре боевых расчёта для пенной атаки, так как только с её помощью можно было укротить огонь на горящих «бочках».

В этой схватке с огнём принимали участие два руководителя, находившиеся на горящих резервуарах — И. И. Рынковой и Н. И. Драгунов. Стоящие внизу люди кричали им, требовали покинуть горящие «бочки», которые могли взлететь на воздух в любую минуту. Но они не обращали внимания на призывы и продолжали таскать пожарные рукава.

Тщательно подготовившись к пенной атаке, пожарные с первого раза сбили пламя одновременно на всех горящих резервуарах, а затем обрушили на них всю имеющуюся мощь водяного потока. Пожар был ликвидирован.

Так уж случилось, что накануне этого несчастного случая Р. И. Кузоваткина вызвали в Главк. Н. П. Дунаев с женой и дочкой находился в очередном отпуске в родном селе Кузоватово Ульяновской области, где жила его мать. Позже семья отправилась на отдых в пансионат «Нефтяник Сибири» на Черноморском побережье.

Там Дунаева уже ждали. При встрече сообщили страшную весть из Нижневартовска, о том, что он должен немедленно прибыть в Тюмень, где его ожидает Генеральный прокурор СССР. Жена Дунаева Тамара Григорьевна позже рассказала: «Ужасная весть из Нижневартовска была для Николая, как гром среди ясного неба. Он не находил себе места. Сразу отправился в Краснодар, а оттуда вылетел в Тюмень. Переживал он не за себя, а за погибших людей».

Для расследования причин взрыва на ЦТП с человеческими жертвами и принятия мер по ликвидации его последствий в Нижневартовск прилетела правительственная комиссия, которую возглавил министр нефтяной промышленности СССР В. Д. Шашин. В ночь после взрыва из Тюмени прилетели В. И. Муравленко, Ф. К. Аржанов и Р. И. Кузоваткин. После встречи в Тюмени с генпрокурором прилетел и Николай Петрович. Увидев его, я был потрясён: он мгновенно постарел, в глазах было горе. Мы стремились как-то помочь,

успокоить, но наши старания не имели успеха. Казалось, он нас не слышал. Весь был погружён в себя.

Перед заседанием бюро Нижневартовского горкома партии, которое должно было дать оценку всему случившемуся, мне удалось переговорить с Николаем Петровичем. На мой вопрос о его вине он ответил: «Нужно потерять последние остатки совести, чтобы отрицать мою, нашу виновность перед этими несчастными людьми, ставшими жертвами нашей безответственности и трусости. Я, Сергей Дмитриевич, буду всегда помнить об этой ужасной трагедии». Помолчал некоторое время, затем, положив руку себе на грудь, добавил: «Выдержит ли это мое сердце?»

Комиссия приступила к работе, но результаты и итоги расследования широко не афишировались.



*Круиз по Дунаю. Слева направо: Н. Н. Шibaкин, Т. Г. и Н. П. Дунаевы.
Будапешт, 1972 г.*

Мне показалось, что их хотели скрыть умышленно. Тогда в большей степени рапортовали о победах, достижениях. О недостатках, а тем более о гибели людей предпочитали умалчивать. Казалось, надо было объявить траур. Однако предпочли похоронить погибших тихо.

И все же правительственной комиссии, министру, Главку, горкому партии надо было принимать решение о наказании виновных, передаче дел в судебные органы. Комиссией были установлены причины: технические и технологические упущения, работа ЦТП в аварийном состоянии. Вскрыты были серьезные недостатки в строительстве, и как результат — срыв сроков ввода объектов, что привело к трагическому исходу.



*Путешествие по горной системе Карпат.
Югославия, 1978 г.*

Плохо, что у нас эти выводы делаются и меры принимаются, как правило, когда уже грянет гром. К чести руководителей Главка, они сделали всё возможное и невозможное. В течение полутора месяцев круглосуточного и напряжённого труда строителей треста «Нижневартовскнефтестрой» под руководством управляющего Михаила Корнеевича Михайлова на ЦТП был выполнен такой объём работ, который до этого мог затянуться на длительное время.

Николай Петрович как технический руководитель Самотлорского нефтепромысла понимал, что такие бешеные темпы добычи нефти требовали многократного опережающего строительства всего комплекса. Вспоминаю одну из многочисленных бесед с ним: «У нас есть своё видение проблемы, есть проекты, есть предложения, но каждый раз сам же прихожу к одной грустной мысли: а что же дальше? Что я буду делать с нашими предложениями, если меня, Кузоваткина и других специалистов никто слушать не хочет, если всё решается без нас наверху? Мы по существу превратились в простых технических передатчиков не только принимаемых, но уже и оформленных там решений».

Об этом разговоре я напомнил ему в Москве, когда он стал вторым человеком в Главтюменнефтегазе. Он улыбнулся: «Сергей Дмитриевич, к сожалению, одному человеку ничего не изменить. Нужно в корне менять всю систему управления экономикой».

Николай Петрович был сильным организатором. Если ему поручалась какая-то задача или он брал обязательства сам, можно было не сомневаться, что он их выполнит. Я часто прибегал к его советам.

Должен отметить его отличительную черту: Дунаев никогда не жаловался. Мне нравилась его постоянная целеустремлённость и заряженность на работу.

Разве можно забыть его личный вклад в строительство Нижневартовска? В 1976 году Николай Петрович по собственной инициативе решил за лето переложить инженерные сети в первом микрорайоне. Они, в основном, пришли в негодность, что приводило к частым порывам и авариям. К тому же имели низкую пропускную способность. Своё решение в горисполкоме он обосновал так: «Прошу набраться терпения, не реагировать на жалобы, ибо перерою весь микрорайон». Для выполнения поставленной перед собой задачи Николай Петрович решил вопросы финансирования, собрал воедино строительные силы, необходимую технику, материалы и оборудование. Сам же добровольно лишился летнего отпуска, практически стал прорабом, сменив костюм на рабочую спецовку. В итоге к отопительному сроку инженерные сети были сданы в эксплуатацию.

Николай Петрович оставил о себе добрую память в Нижневартовске. Все знали его восприимчивость к нуждам и заботам людей.

Для многих был неожиданностью быстрый карьерный рост Н. П. Дунаева: так сразу и первый заместитель — главный инженер Главтюменнефтегаза в возрасте 38 лет! Мы, нижевартовцы, хорошо знали способности этого молодого, энергичного инженера-нефтяника и гордились этим продвижением. Но это настроение было недолгим.

5 июня 1980 года Н. П. Дунаев умирает в Москве, как три года назад почти в то же время и точно так

же остановилось сердце В. И. Муравленко. Несчастье произошло в вестибюле московской гостиницы «Россия». Что это? Мистическое стечение обстоятельств? Всё повторилось, как в кошмарном сне.

Накануне, за день до смерти, Н. П. Дунаев отчитывался на коллегии Министерства нефтяной промышленности. Он был основным докладчиком — рассматривались задачи тюменских нефтяников на очередную пятилетку. Министр Н. А. Мальцев устроил «порку» Дунаеву. Он грубо обозвал нефтяников Главтюменнефтегаза бездельниками. Уверен, он не позволил бы себе сказать подобное, будь перед ним В. И. Муравленко. Но его уже не было в живых. Николай Петрович, члены коллегии не ожидали такого разговора в их присутствии и промолчали...



Торжественный митинг трудящихся Нижневартовска, посвящённый прибытию первого пассажирского поезда. 1976 г.

Начальник Главка Р. Т. Булгаков присутствовал как член коллегии, но не вступился за своего первого заместителя. Н. П. Дунаев побледнел, лицо его покрылось капельками пота, но нашёл в себе силы встать и твёрдо, с достоинством, ответить: «В Главтюменнефтегазе нет и никогда не было бездельников». Эта коллегия стоила ему жизни. Сорок лет, пора расцвета. Это была не просто смерть, а гибель на самом переднем крае. Был ли виновен именно Мальцев? Слышал от друзей, что неофициально на его совести «числится» чуть ли не одиннадцать смертей.

Мне не раз приходилось встречаться в Нижневартовске с Н. А. Мальцевым, он пьяница и матерщинник. Так он себя вёл в моём присутствии в гостинице «Самотлор», как и подобный ему Б. Н. Ельцин. При посе-



*Последняя командировка на Самотлорское месторождение.
Обсуждение проблем его обустройства. Нижневартовск, 1980 г.*

щении одной из буровых бригад на Самотлоре Мальцев посчитал, что его не так встретил мастер. Он схватил его за воротник и в грубой форме высказал: «Ты что, не знал, что у тебя в бригаде будет министр?!» Те, кто шёл за мной, просто опешили от такого дурного тона... Твёрдо знаю — смерть Н. П. Дунаева на его совести.

Я был дома у В. И. Муравленко перед его отъездом в Москву на юбилейную сессию Верховного Совета СССР. Он мне тогда сказал: «Вернусь из Москвы и подам в отставку. Больше не могу так дальше работать». Чем это закончилось, всем известно.

В это время я был на учёбе в Москве. Мы с Борисом Сергеевичем Трофимовым присутствовали на проводах Н. П. Дунаева на малую родину, чтобы предать родной земле его прах.

Кадры Главтюменнефтегаза были действительно людьми со своими особенностями и характерами. Все они были увлечены одним любимым делом и задачами, которые опять же аккумулировал В. И. Муравленко. И, видя его целеустремлённость, волю, требовательность, за ним шли массы людей, шли, как организованное войско...

Для меня Николай Петрович был и остаётся в душе, в моём сердце, пока оно бьётся...



КИТАЕВ
ВИКТОР ВАСИЛЬЕВИЧ

ПРЕОДОЛЕНИЕ

Приезжая в очередной раз на Самотлор, обязательно вспоминаю время, когда здесь всё кипело. Ландшафт украшали сотни буровых, создавая картину напряжённого труда, созидания. Сегодня их практически нет, а на обустроенных площадках, где раньше трудились вышкостроители, буровики и бригады освоения скважин, теперь монотонно работают станки-качалки. Это сравнение позволяет по-настоящему оценить то героическое время и то поколение людей, которые без дорог, жилья, зачастую без еды, в ненормальных бытовых условиях взялись овладеть — и овладели! — несметными богатствами Тюменского Севера, в том числе таившимися под Самотлором.

Освоение акватории больших и малых озёр, болот глубиной до 7–10 метров казалось невозможным. Но огромное желание, патриотизм помогли людям моего поколения освоить разбуженный край быстро и эффективно.

В 1969 году, в первый год промышленной эксплуатации месторождения, страна получила с него 1,3 миллиона тонн нефти. Через 8 лет, в 1977 году, добыча составила свыше 130 миллионов тонн. В сто раз больше! А к концу 1978 года была получена уже полумиллиардная тонна самотлорской нефти. Достичь этого можно было только увеличением количества буровых коллективов. Стратегия определялась формулой В. И. Муравленко: «Нефть находится на острие долота». Это было время великих свершений и сверхчеловеческих усилий,

эпоха, которую вряд ли повторят представители последующих поколений нефтяников.

Имена Г. Норкина, С. Малыгина, Н. Исангулова, Е. Геча, З. Бадретдинова, С. Повха, И. Ретилова, М. Маслова — тех, кто строил на Самотлоре первые скважины, — уже вошли в историю, обрастают легендами, сегодня это гордость всего бурового братства.

В. В. Китаев не дожил до своего 70-летия. 2009 год был бы для него трижды значимым: его личный юбилей, 45 лет со дня отправки водным путём первой тюменской нефти из Шаима, Усть-Балыка и Мегиона на Омский НПЗ и 40 лет с начала промышленной эксплуатации Самотлорского месторождения, которое «распечатала» скважина № 200, пройденная бригадой Степана Повха.

Начавшаяся в 1965 году работа В. В. Китаева в Тюменской области была определена Л. И. Вязовцевым, управляющим трестом «Тюменнефтегазразведка». Виктор Васильевич оказался в Шаимской конторе бурения, в бригаде Григория Кузьмича Петрова, в вахте Николая Бурдыко — верховым, помбуром, а затем мастером по освоению. Бригада Петрова добивалась высоких показателей и по скорости проходки, и по качеству сдаваемых скважин. Секрет успеха был прост: рационально организованный труд, умелое использование оборудования. Как результат — скважины глубиной свыше полутора тысяч метров бурились за 69 часов, вместо 12–15 суток. Всё это давало возможность Виктору Китаеву получить хороший практический опыт и профессиональные навыки. Позднее он скажет: «Недолгое время пришлось поработать

в бригаде, понял, как нелёгок хлеб буровика. За вахту выкладываешься полностью. Лишь бы добраться до постели...»

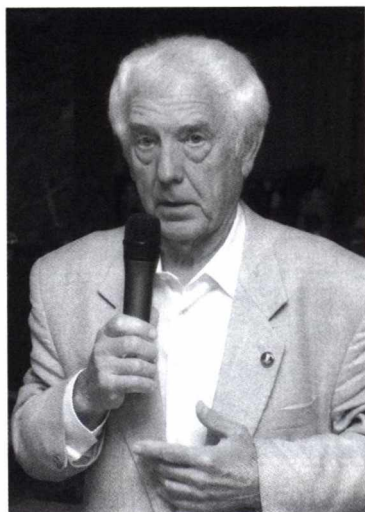
Шаимская контора бурения под руководством А. Г. Исянгулова считалась одной из передовых в объединении «Тюменнефтегаз», а позднее и в Главтюменнефтегазе. Буровые бригады А. Д. Шакшина, Г. К. Петрова и С. Ф. Ягофарова, прибывшие в Урай со своими коллективами из Татарии и Башкирии, тюменцы с любовью считали былинными героями, называя их «тремя богатырями». Впоследствии все они стали Героями Социалистического Труда. А. Г. Исянгулов и А. Д. Шакшин были удостоены Государственной премии СССР. Они первыми в Тюменской области перешагнули рубеж в 50 тысяч метров проходки при плане 35 тысяч.



Беседа с В. П. Горчаковым и З. К. Замалетдиновым

Всё складывалось удачно для Виктора Китаева. Работал в дружном коллективе, работа устраивала, были нормальные бытовые условия. В 1965 году он был принят в члены КПСС. Однако с ним сыграли злую шутку, уговорив стать партийным работником, — сначала инструктором Кондинского райкома партии, а при создании в Ханты-Мансийском окружкоме КПСС сектора нефтяной, газовой промышленности и геологии Виктора Васильевича утвердили его руководителем.

Два мучительных года на партийной работе высветили поспешность принятого решения. В этом вина не Китаева, а секретарей П. Е. Плесовских и П. М. Телепнёва. Не знаю, чем они руководствовались. Ведь у молодого нефтяника был всего один год партстажа, ни одного дня на руководящей хозяйственной работе, ни опыта деятельности в комсомоле или в первичной парторганизации. Добавьте к этому незнание



обстановки в округе в пору развития нефтяной и газовой промышленности. Чтобы стать профессиональным партийным работником, нужен талант, даже призвание. В. В. Китаев вскоре понял, что это не его дело, и внутренняя неудовлетворенность не давала ему покоя. Он предпринимал настойчивые попытки убедить первого секретаря Ханты-Мансийского окружкома П. М. Телепнёва, что его место — среди буровиков. Хотел попасть непременно в Нижневартовский район, который к концу 1968 года превратился в центр громадных объёмов буровых работ. Задачу решал коллектив Мегионской конторы бурения, позднее переименованной в Нижневартовское управление буровых работ (УБР) № 1.

Скважины бурились на Мегионском, Ватинском и Аганском месторождениях, а комсомольско-молодёжная бригада мастера С. А. Повха бурила эксплуатационную скважину непосредственно на Самотлоре. Именно здесь закладывался нефтяной потенциал, концентрировались силы нефтяников, нефтегазовых строителей, сюда стремилась молодёжь, которая руководствовалась не только романтикой, но и горела большим желанием показать себя в конкретном большом деле — на всесоюзной ударной комсомольской стройке.

В Нижневартовске создавался и надёжный социальный потенциал. Началось интенсивное строительство города. Именно сюда хлынул основной поток профессионалов-нефтяников, незаурядных личностей, руководителей, которые впоследствии в полной мере раскрылись при обустройстве Самотлора и строительстве города.

Дух созидания витал в 60–70-х годах над Тюменским Севером. Магнетизм недр повлиял на решение Виктора Китаева работать только на Самотлоре. Это был его выбор. Осознанный, взвешенный, продуманный. Безусловно, находясь в уютном партийном кабинете, при высокой должности в городе Ханты-Мансийске, он мог бы спокойно просидеть до выхода на пенсию, но это не в его характере.

Надо было что-то менять, парторбота не стала его призванием, он был настроен всё начать с нуля, непременно быть среди буровиков, физически сильных, крепких, из породы тех, кто добывал большую тюменскую нефть. Те, кто с ним трудился или даже просто общался, могли убедиться: истинную радость ему доставляла работа в бригаде, ибо такой труд соответствовал его внутреннему состоянию. Действительно, чем больше человек отдаёт, тем больше получает



Фото на память. На малой родине В. И. Муравленко в станции

жизненных сил и энергии. Это наполнение происходит постепенно, от удачи и радости в любом деле. Это же происходит и со временем, но уже на практике, опытным путём. Эта внутренняя потребность есть в каждом человеке.

В 1968 году семья Китаевых переезжает в Нижневартовский район. Виктор Васильевич устраивается в возглавляемую талантливым руководителем Валентином Ивановичем Хлюпиным Мегионскую контору бурения. Первоначально был определён бурильщиком в бригаду Г. М. Лёвина, которая считалась одной из лучших в Нижневартовском районе, а спустя месяц стал помощником бурового мастера. Тут он прошёл неплохую стажировку.

Весной 1970 года я увидел его в «лёвинской» бригаде. Внешне В. В. Китаев выглядел непрезентабельно: невысокого роста, худенький, в замазанном раствором рабочем



Незамаевская Павловского района Краснодарского края. 2009 г.

полушубке и грязных сапогах, в нахлобученной на голову большой шапке, поверх которой высилась каска. Да и речь его была не слишком впечатляющей. В моём представлении этот человек как-то не ассоциировался с буровым мастером. Однако первое впечатление оказалось ошибочным. При последующих встречах я оценил многие его замечательные человеческие качества.

Валентин Иванович понимал, что Китаева нужно определить на самостоятельную работу. При создании бригады Фёдора Сухорукова он назначил Виктора Васильевича к нему помощником. Фёдор Сухоруков раньше считался одним из лучших бурильщиков, у него учились, как нужно работать. Но была одна беда: мог подвести бригаду в любой момент, прогулять, выпить и не выйти на работу. Руководители управления считали, что назна-



Фото на память. С руководством станции Незамаевская — малой родины В. И. Муравленко. 2010 г.

чение буровым мастером поможет делу, однако с самодисциплиной у Сухорукова не получилось. Пришлось его отстранить от руководства бригадой, оставив бурильщиком, а мастером назначить Виктора Китаева.

Сбылась мечта: он стал мастером! Теперь следовало заняться комплектованием бригады, сделать её не хуже «повховской» или «лёвинской». Из отдела кадров в коллектив направлялись молодые ребята, только что окончившие учебные заведения, начинающие бурильщики и специалисты из других нефтяных районов страны. Выбор был, надо было из них создать единую трудовую семью. Виктор Васильевич был катализатором в организации работ. Предстояло на деле продемонстрировать свой почерк, бросить вызов проходчикам Г. М. Лёвина, показать, что и комсомольско-



Встреча с ветеранами в Нижневартовске

молодёжная бригада способна брать высоты скоростной проходки. Об этом он вспоминал: «Все мы работали тогда, забывая о границах рабочего дня, не зная ни суббот, ни воскресений, ни праздников. Каждый стремился как можно лучше сделать дело, как можно больше пробурить метров, чтобы досрочно и качественно сдавать скважины нефтяникам».

Вскоре бригада Виктора Китаева оказалась в центре внимания комсомольских органов — от местных до ЦК ВЛКСМ. В. И. Хлюпин поддерживал молодых мастеров. «Китаевцы» смело брались за внедрение новых технологий с применением гидромониторных долот, высокомоментных турбобуров, отечественных насосов повышенной мощности. В производстве появились легкосплавные бурильные трубы, которые первой внедрила именно бригада Китаева. Коллектив славился новаторством, организованностью, образцовой дисциплиной и активным участием в общественно-политической жизни города и района, округа и области.

Бурение посреди озера Самотлор, под которым находился нефтегазовый купол, таило массу неожиданностей. Одна из них — газовые проявления. В. И. Хлюпин знал, насколько серьёзная задача встанет перед буровым мастером. Нужен был очень подготовленный человек, ведь малейшая неосторожность — и возможна авария. Выбор пал на Виктора Китаева. Среди мастеров управления он один имел высшее образование, прошёл все ступени от верхового, помбура, бурильщика до мастера, бригадира. Но главное — он грамотно разбирался в тонкостях производственного цикла и технологии, готов был к бурению сложных структур. И решением техсо-

вета управления ему поручили пробурить первую скважину на геологически сложном участке месторождения. Скважина была пройдена с оценкой «отлично». После этого эксперимента весь участок, то есть центр месторождения, разбуривался только «китаевцами».

Самотлор собрал настоящих профессионалов, уже обладающих опытом бурения в условиях мерзлоты, бездорожья, суровой сибирской зимы. Сюда был переброшен десантом коллектив Урайского УБР, вскоре были образованы два новых управления буровых работ, которые возглавляли Ю. А. Аладжев и В. Д. Родионов. Таким образом, на Самотлоре работали четыре УБР, а в них — около сорока буровых бригад, которые были способны обеспечить такие темпы работы, которых не знала отечественная и мировая практика.

Это было время творческих поисков, дерзких инженерных решений, внедрения передовых методов и технологий в проводке скважин, широкого распространения соперничества за скоростное бурение. Буровые мастера В. Т. Громов, С. А. Повх, Г. М. Лёвин, В. М. Давыдов, Г. К. Петров, А. Д. Шакшин, С. Ф. Ягофаров, В. С. Глебов, В. М. Колесников, В. В. Китаев были известны всей стране.



*С другом по жизни
с А. В. Усольцевым.
Нижневартовск, 1974 г.*

На Самотлоре, впервые в отрасли, буровой бригадой Г. М. Лёвина был достигнут 100-тысячный рубеж годовой проходки, который затем стал нормой для буровых бригад Главтюменнефтегаза. Бригада освоения Л. Фенько сдавала за год 100 скважин, а бригада вышкостроителей Я. С. Вагапова строила более 100 буровых в месяц. Руководители буровых предприятий В. И. Хлюпин, Н. К. Камалов, Ю. А. Аладжев, А. Г. Исянгулов, В. Д. Родионов, Ю. Д. Логанов, В. С. Алиев, Л. Г. Титов воспитали новое поколение буровиков, которые мужали с каждым годом, осваивая недра Западной Сибири.

По долгу службы мне, секретарю Нижневартовского горкома партии, часто приходилось сопровождать



*Тюменские нефтяники на Всемирном нефтяном конгрессе
в Румынии. Бухарест*

гостей разного уровня на Самотлор. Как правило, знакомство заканчивалось обязательным посещением буровой бригады «лёвинцев». Приезжих интересовало буквально всё: почему коллектив Геннадия Михайловича в полном составе из города Отрадного Куйбышевской области прибыл в Тюменскую область? С особым пристрастием расспрашивали членов бригады, есть ли у них жильё, устроены ли на работу жёны, ходят ли дети в школы и детсады. Сам мастер и его заместитель Игорь Михайлович Сосновских были прекрасными гидами, они могли в доступной форме рассказать о сложных процессах бурения скважин, о применяемых технических новшествах, о том, как переносят суровую сибирскую зиму и летний гнус.

Вспоминаю знаковую встречу в бригаде Виктора Васильевича Китаева, когда решением бюро Нижневартовского горкома ВЛКСМ его коллективу было присвоено имя Николая Островского. Владимир Лейтланд, член бюро, возглавлявший Самотлорский дорожный участок имени Николая Островского, горячо напутствовал «китаевских» ребят, объясняя, как много для них значит это имя.

Звание присудили не случайно. Бригада Китаева впервые досрочно выполнила пятилетку. Сам мастер был награждён орденом Трудового Красного Знамени, а два члена бригады удостоились премии Ленинского комсомола. 1975 год был весьма удачным для молодых буровиков: коллектив перешагнул сотысячный рубеж проходки. Они встали в один ряд с бригадами Г. М. Лёвина, Г. К. Петрова, В. Т. Громова, для которых данный показатель стал нормой.

Бригада Виктора Китаева была инициатором соревнования с комсомольско-молодёжными бригадами Мангышлака. Они также выступили с инициативой строительства «интернациональной скважины» на Самотлоре. В проходке приняли участие молодые бурильщики из Татарии, Азербайджана, Коми АССР, Украины, Белоруссии. Сводная бригада пробурила скважину глубиной две тысячи метров за восемь дней, вместо четырнадцати. Интернациональный состав, возглавляемый Китаевым, был приглашён в ЦК ВЛКСМ. Их имена занесли в «Летопись комсомольской славы». Виктор Васильевич и комсорг бригады Рафгат Юсупов стали участниками X Фестиваля молодёжи и студентов в Берлине.

О бригаде Китаева уже знала страна, о ней писали во многих центральных газетах и журналах, рассказывали в теле- и радиопередачах. Теперь приезжающие на Самотлор гости непременно стремились побывать в ней. Этого желали руководители ЦК ВЛКСМ, писатели, поэты, космонавты, деятели искусства и культуры.

Работа на Самотлоре продолжалась, она увлекала и вдохновляла. Занимаясь любимым делом, Виктор Васильевич испытывал огромный душевный подъём, внутреннюю окрылённость. Это был особый период в его жизни, когда он действительно «творил, выдумывал, пробовал», когда был равным среди своих, всем нужен, и все были дороги ему.

Особенно счастливыми для него были те моменты, когда он стоял на площадке буровой, осуществляя спускоподъёмные операции, когда твёрдо знал, что он делает, каков будет результат. И приходила очередная победа.

Но так было не всегда. Случалось, он сидел неподвижно, обхватив руками голову, с тревогой прислушивался, как в груди начинало ныть и щемить сердце. Были неудачи! После таких срывов у него всё валилось из рук, и для того, чтобы настроиться на рабочий лад, ему требовалось какое-то время.

В такие моменты он нуждался в поддержке — и получал её от друзей, старших товарищей по работе. Встреча со своим земляком, буровиком, главным инженером УБР-1 А. В. Усольцевым стала началом крепкой мужской дружбы, которая вносила в состояние душевного разлада светлые струи, какую-то радостную приподнятость, рассеивала мрачное настроение.

Он вспоминал: «Я с грустью думаю, что однажды мне придётся возвращаться в другой мир, в другое измерение, где нет конца и суеты. Для меня как тогда



Выездная коллегия Академии наук СССР во главе с президентом А. П. Александровым на Самотлоре. Пояснения учёным даёт Р. И. Кузоваткин. 1976 г.

не было дела до разного рода наград, так и сейчас нет. Это говорю без всяких обид, потому что прожил жизнь и многому знаю цену».

В. В. Китаев неожиданными переменами в своей жизни всегда поражал своих друзей и знакомых. Опытный нефтяник, месяцами пропадающий на буровой, вдруг резко меняет направление и переходит в другую сферу.

Вспоминаю две наши встречи в 1975 году.

Первая. В управлении, где работал Виктор Китаев, заболел секретарь парткома Михаил Трофимович Парфенюк. Это был один из опытных и уважаемых партийных вожakov городской партийной организа-



*Одна из встреч с молодёжью в городе Муравленко.
Слева направо: Г. К. Петров, А. В. Юрченко, В. П. Бирюков,
С. Д. Великопольский, В. С. Глебов и В. В. Китаев*

ции. Требовалось найти ему достойную замену. Я знал, что Виктор Васильевич некоторое время работал в окружке партии и предложил ему должность освобождённого секретаря парткома в родном управлении. Он отказался, мотивируя: «Пока не время, не достиг нужного мастерства». С ним беседовал и начальник В. И. Хлюпин, которому он тоже не дал согласия.

Вторая встреча. Приглашаю Виктора Васильевича и задаю вопрос: «Почему вы согласились на работу в Тюменском обкоме партии на должности заместителя заведующего отделом нефтяной, газовой промышленности и геологии, а мне отказали?» По лицу было видно, что вопрос был для него неожиданным. А до этой встречи у меня состоялся телефонный разговор с секретарём обкома КПСС, которому я высказал своё отношение к члену партии В. В. Китаеву, полгода назад отказавшемуся от моего предложения перейти на работу в городской комитет.

Казалось бы, неожиданные перемены в судьбе Китаева нелогичны, но одно знаю точно: они лишены карьерных соображений. После обкома его изберут первым секретарём Ханты-Мансийского окружка партии, а затем и секретарём Тюменского обкома КПСС.

Но особенно яркая страница его биографии — Самотлор, где он, его бригада были на виду, на слуху. Он учился сам и учил молодых ребят-буровиков. Виктор Васильевич сумел создать способный трудовой коллектив, который достиг высокой производительности и качества выполняемых работ. Я уважал в Китаеве его замечательное качество — порядочность. Знал, что ни при каких условиях этот человек не подведёт.

Многое проверяется жизнью. Друзей, как правило, остаётся немного, но они есть, они рядом и в радости, и в трудные моменты в жизни.

В. В. Китаев любил таких людей, высоко ценил их мужскую дружбу и был счастлив. Он частенько повторял фразу: «Счастье — когда чувствуешь себя нужным, востребованным. Когда есть семья, дети, внуки. Когда хватает сил и здоровья. Когда просыпашься и не думаешь о плохом. Когда на работу идёшь с желанием...»

Мы часто с ним бывали наедине, говорили об этом, порой задавая себе вопрос: поменяли бы мы что-то в жизни, если б могли, правильно ли выбрали свой путь? И отвечали себе, что ничего не стали бы менять, готовы вновь и вновь повторить свою судьбу.

Его жизнь оборвалась неожиданно. Большая её часть неразрывно связана с нефтяной отраслью. Он прошёл путь от рабочего до бурового мастера, а, находясь на партийной работе, тоже был связан с нефтяниками и газовиками области. Это происходило в непростые годы становления специалиста-профессионала и руководителя-управленца.

Он был человеком чести. Для него как руководителя в центре всегда стояли люди. Находясь на заслуженном отдыхе, В. В. Китаев уделял большое внимание ветеранской работе, являясь членом правления Тюменского областного общественного Фонда имени В. И. Муравленко, принимал активное участие в проводимых мероприятиях. С его участием был создан Совет ветеранов Югры. Многие не получалось, он переживал, что отражалось на его здоровье. Китаев сполна отдавал

себя обществу, особенно в период становления и развития Тюменского нефтегазового комплекса.

...На обратном пути с Самотлора в город всегда останавливаюсь на перекрестке дорог, ведущих с месторождения в Мегион и Нижневартовск. Здесь установлен монумент «Покорителям Самотлора». Он стал визитной карточкой города, жители с любовью называют памятник «нижневартовским Алёшей». Считаю своим долгом выполнить завет Виктора Ивановича Муравленко, который считал, что у подножия этого монумента должны быть высечены имена первопроходцев — покорителей Самотлора. Среди этих имён будет и имя Виктора Китаева.

Фонд имени В. И. Муравленко обратился к руководителям города, района, Тюменской нефтяной компании с просьбой осуществить такой проект. Это будет доброй памятью о тех, кто стоял у истоков освоения самотлорских недр.



КОНЕВ
МИХАИЛ МИХАЙЛОВИЧ

ПАРЕНЬ НАШ САМАРСКИЙ

Михаил Михайлович Конев — истинный сын своей малой родины — Югры. Его имя, его дела, стали яркой страницей в истории развития и становления Тюменской области.

С ним у меня сложились хорошие партнёрские и товарищеские отношения. В друзья я ему не набивался, но знаю, что у него было такое же чувство. Михаил Михайлович — интеллигентный, образованный человек. Его внутренняя культура, его такт, неординарность мышления множились на его удивительную работоспособность, преданность и абсолютную добросовестность, когда дело, которому посвятил себя, требовало его постоянного внимания. Вот такие качества сочетались в одном человеке. Таким он остался в моей памяти.

По мере нашего дальнейшего общения Михаил Михайлович стал для меня примером особого уважения. К тому же, он человек убеждённый, крепко стоящий на ногах, при этом умеющий слышать другого, понять его сердцем, что является важнейшим качеством партийного работника.

Эти человеческие качества Михаила Михайловича для меня были очень важны, ведь став партийным работником, я старался воспитывать их в себе. По натуре мы с Михаилом сходились во многом. Я тоже люблю ясное, внятное понимание проблем, чёткие пути их решения реальными делами. Открытость, целостность в человеке, с которым общаюсь, — главное. Не люблю, как и он, людей инертных, безучастных, безразличных.

Как известно, длина и ценность жизни определяются сделанным, а вовсе не количеством прожитых лет. Михаил Михайлович прожил столько, сколько ему определил Всевышний. И это была яркая, полноценная жизнь, насыщенная большими и малыми событиями.

Прибыв в Нижневартовск, о Михаиле Коневе был наслышан от многих руководителей Сургута, Ханты-Мансийска и Тюмени, с которыми пересекался в ходе официальных и неофициальных встреч, поскольку в этот первоначальный период моей работы на Севере очень нуждался в их помощи и советах. Я проходил, что называется, свой «северный университет».

Получилось так, что меня с М. М. Коневым познакомили заочно. Первым о нём упомянул Владимир Алексеевич Абазаров, который вернулся в свой родной геологический Мегион и вторично возглавил Мегионскую нефтеразведочную экспедицию. Прибыл он из Сургута, где более трёх лет был управляющим трестом «Обънефтеразведка». С Владимиром Алексеевичем как с членом бюро Нижневартовского райкома КПСС я был в постоянном контакте, а впоследствии мы стали друзьями. И от него я много хорошего услышал о М. М. Коневе: «Да, это наш парень, самарский, наш геолог». Это действительно так, поскольку В. В. Бахиллов и М. М. Конев оказались в гуще героических геологических дел. Сургут был центром Среднего Приобья, средоточием геологических предприятий, которые вписали новую веху в историю развития экономики Тюменской области. Из Сургута высаживались первые десанты нефтяников — объединение «Тюменнефтегаз», НПУ «Сургутнефть», которые дали дорогу НПУ «Меги-

оннефть» и «Юганскнефть». Отсюда в 1964 году с Мегиона и Усть-Балыка отправили первую тюменскую нефть водным путём — баржами на Омский нефтеперерабатывающий завод.

Михаил Михайлович, став партийным работником в эти годы, отработывал систему партийного руководства и управления всем сложным производственным механизмом и возникшими социальными проблемами, накапливающимися в Сургутском районе и городе Сургуте. Значимость сделанного позволила М. М. Коневу стать вровень с деловыми напористыми талантливыми руководителями — Я. И. Кореляковым, В. П. Шаповаловым, В. В. Абазаровым, Я. И. Галяном, Ф. К. Салмановым, Л. Д. Чуриловым. Именно они помогли ему создать имидж партийного лидера.

Вторым человеком, от которого я получил новую информацию о Михаиле Коневе, был Салманов Фарман



Курбан оглы. Его геологическая биография началась в Сургутском районе, где он формировал Сургутскую нефтеразведочную экспедицию, а затем работал главным геологом Усть-Балыкской НРЭ и начальником Правдинской НРЭ, где под его руководством строился посёлок геологов Горноправдинск. Он мне поведал следующее: «Михаил мне понравился сразу своей открытостью, простотой в общении, умением слушать простых людей и порядочностью. Михаил — прекрасный организатор, человек незаменимый, а когда нужно создать необычное, он непременно сделает».

В конце беседы Фарман Курбанович раскрыл одну тайну: «Михаил Михайлович, — сказал Салманов, — выступит на пленуме райкома партии и внесёт предложение о представлении В. В. Бахилова к званию



В домашней обстановке с братом Ю. М. Коневым

Героя Социалистического Труда за большие личные заслуги в освоении недр Сургутского нефтяного региона и развитие экономики и социальной сферы района и города».

Поводом послужило решение Тюменского обкома КПСС о направлении Василия Васильевича первым секретарём Нижневартовского райкома партии. Принятое постановление пленума Сургутского горкома КПСС поставило бюро обкома, окружкома, да и ЦК КПСС в весьма затруднительное положение. В то время отсутствовала подобная практика награждения столь высокими званиями партработников низшего звена — райкомов и горкомов партии. Решение сургутских коммунистов перечеркнуло эту традицию. В. В. Бахиллов оказался в числе первых в област-



*С председателем горисполкома Г. С. Мачехиным
на расчистке трассы*

ной партийной организации, удостоившихся этого звания.

И, наконец, третьим стал сам Василий Васильевич Бахиллов, который в ноябре 1970 года на внеочередном пленуме Нижневартовского райкома партии был утверждён первым секретарём. Он дал мне развернутую положительную характеристику М. М. Конева и посоветовал встретиться с ним: «Уверен, вы будете большими друзьями, у вас много общего — в прошлом комсомольская работа, в настоящее время — ответственная партийная деятельность, у него в Сургуте, а у тебя здесь». Для М. М. Конева и для меня Василий Васильевич был и навсегда останется учителем.

В Сургутском горкоме партии идеологом была Евгения Ивановна Калентьева, и мне предстояло наладить



*Изучение схемы разбуривания
Фёдоровского месторождения*



В кругу друзей

с ней деловые соседские связи. В феврале 1971 года в Сургуте состоялась наша первая встреча с Евгенией Ивановной. Михаил Михайлович принял и меня. Это была моя первая встреча с ним, положившая начало нашему дальнейшему общению. Как был прав В. В. Бахиллов, который изначально верил в нашу мужскую дружбу.

Он был моим консультантом по работе с малыми народностями Севера — хантами и манси, проживающими в наших районах. Для меня его советы и пожелания были весьма поучительными, полезными и нужными.

Поверьте, у нас с Михаилом была какая-то взаимная симпатия, нас тянуло друг к другу. Мы любили свою работу и гордились ей, поскольку считали себя



В семейном кругу

не пешками, а значимыми фигурами на большом тюменском поле. Эту память я храню до сих пор.

Михаил — не простая личность. Он не всем нравился, он не являлся обычным исполнителем указаний какого-либо вышестоящего чиновника. У него всегда было своё обоснованное мнение. Он мне нравился своей прямоотой, своим желанием решить возникшие проблемы и добросовестнейшим отношением к порученному партийному делу.

Я люблю толковых, умных людей. Их видно сразу. Если этих качеств нет, такой работник не может быть личностью. И это особенно заметно, когда ты находишься в аудитории, которая ждёт от тебя необычно-



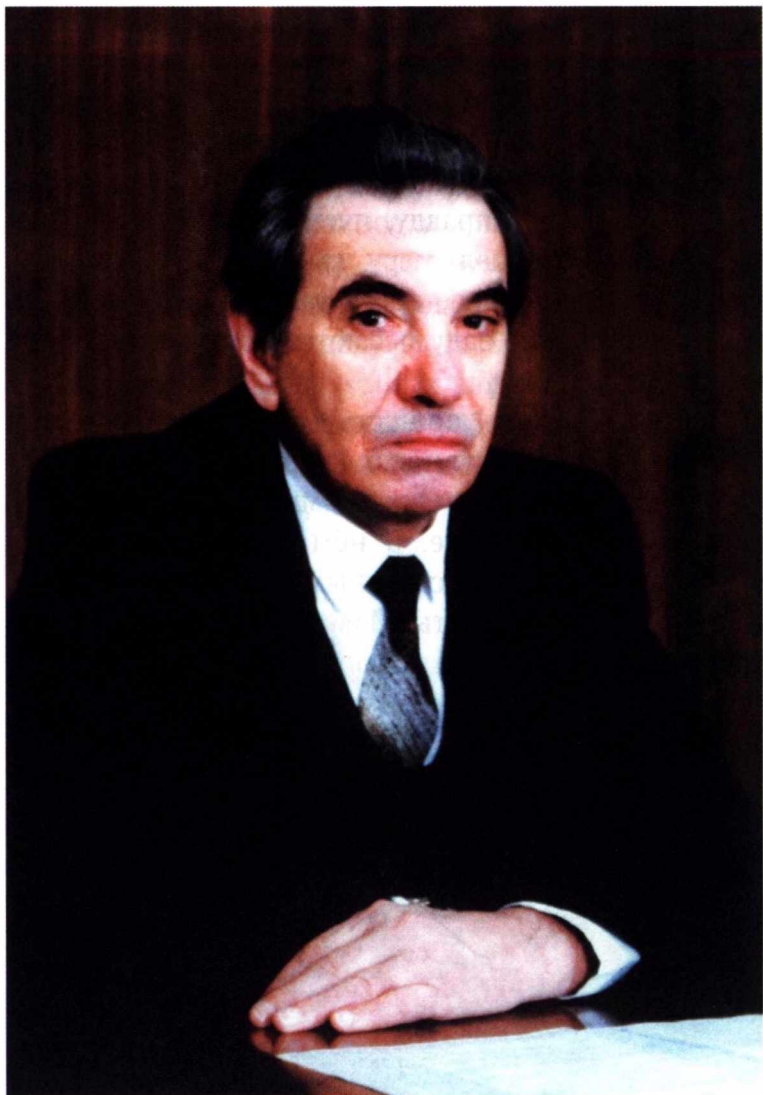
Фото на память. Первые секретари райкомов и горкомов ВЛКСМ Югры. Первый ряд: М. Конев, В. Салмин, В. Бирюков, Г. Мясников. Второй ряд: И. Пермяков, Л. Тайлашев, В. Лавринов и П. Ржанов

го решения той или иной ситуации. Порой смотришь на такого работника, который не понимает и не видит, что несёт ерунду... Смотришь на него и думаешь, неужели он этого не понимает. Но ведь он доволен собой!

В противовес подобным «личностям» Михаил Конев мог сказать людям правду, пусть иногда и горькую, поскольку чётко знал меру своей ответственности перед людьми. Правда, есть «талантливые» руководители, которые не задумываются об этом, выступая перед аудиторией.

Михаил Конев — личность многогранная, и тем он интересен. Его не спутаешь с другими. В его характере отсутствовали показуха и многозначительность, снобизм и высокомерие. В нём не было позёрства. Его реакции были естественными, что в обыденной жизни большая редкость. Известны его терпимость и уважительность к коллегам по работе. Он был хорошо воспитан, интересы были разносторонними, что вызывало порой зависть у окружающих

Есть люди, которые с возрастом что-то теряют. У таких людей наступает спад, инертность, но Михаил оставался бойцом до конца своей жизни.



**КУЗОВАТКИН
РОМАН ИВАНОВИЧ**

ЛЕГЕНДА САМОТЛОРА

Роман Иванович Кузоваткин... Самотлор Иванович... Роман Самотлорович... Эти слова стали синонимами. Мне лично важно то, что они сегодня пока на слуху, а для истории слились воедино — название самого мощного и самого знаменитого нефтяного месторождения с именем одного из крупнейших и, наверное, одного из скромнейших руководителей нефтяной промышленности в Тюменской области.

Мне памятливы годы совместной работы в Нижневартовске. Самотлор для Романа Ивановича стал поистине звёздным часом, это особо яркая страница в его биографии. Именно в Нижневартовске он в полной мере показал свою жизнеутверждающую энергию и энтузиазм, проявил яркие организаторские и профессиональные способности, именно в Нижневартовске он завоевал безграничное признание и уважение нефтяников, строителей, руководителей, инженеров и простых рабочих.

Я часто обращаюсь к этой необыкновенной личности. Как известно, жизненная позиция человека проявляется в том, что один верит в «да», другой предпочитает «нет». Один ищет, доказывает, преодолевает, другой же сомневается, осторожничает, выжидает как бы чего не вышло. Людские симпатии на стороне первых, и в памяти народной они остаются как создатели и творцы.

Наша первая встреча и последовавшая за ней тридцатилетняя дружба оставили в моей жизни неизгладимый

глубокий след. Роман Иванович — целая эпоха, время больших свершений и преобразований на Тюменщине. Роман Иванович — один из самых известных и активных участников создания Западно-Сибирского нефтегазового комплекса.

Хочу отметить нашу общую, увы, неизлечимую особенность: по заслугам мы воздаём человеку лишь тогда, когда его уже нет среди живых. Ну, подумаешь, был Кузоваткин начальником НПУ «Мегионнефть», откуда пошла первая мегионская нефть самого перспективного Нижневартовского региона. Ну, назначили его начальником НГДУ «Нижневартовскнефть», специально созданного для освоения Самотлора — месторождения одновременно и сказочно богатого, и дьявольски недоступного. Потом им закрыли «брешь», образовавшуюся из-за отставания добычи нефти в Нефтеюганском регионе, неприглядно выглядевшем на фоне «нефтяного бума» и тюменского благополучия в целом.

Для меня и для всех нижневартовцев стала ошеломляющей новостью о его назначении генеральным директором объединения «Юганскнефтегаз», а не «Нижневартовскнефтегаз». Это произошло в тот критический для Самотлора момент, когда ещё можно было сделать обоснованный выбор между «пиком» и «палкой», определяющим всю дальнейшую судьбу месторождений. Да, это уже было время, когда публично не обсуждались и не оценивались принимаемые наверху решения. А тут ещё в 1977 году случились две невосполнимые потери: в марте ушёл из жизни глава Миннефтепрома В. Д. Шашин, а в июне не стало

В. И. Муравленко. Кузоваткин был лишён надёжной поддержки и опоры.

Новый министр Н. А. Мальцев и обком КПСС, наверное, считали, что только Кузоваткин способен «вытащить» Нефтеюганский регион в число выполняющих не только планы, но и дополнительные задания. Для этого Роману Ивановичу потребовалось более трёх лет. В итоге громадной работы объединение «Юганскнефтегаз» оказалось наиболее подготовленным к механизированной добыче нефти. Опыт юганских нефтяников стал изучаться. Главное было сделано — обеспечена стабильная добыча именно в те годы, когда «трясло» уже всю Тюменскую область.

Потом, кстати, он стал заместителем министра нефтяной промышленности СССР. Казалось, что в этом



Знакомство с обустройством Самотлора заведующим сектором тяжёлой промышленности ЦК КПСС В. И. Кремнёвым

особенного, ведь так положено по должности, раз его назначили начальником крупнейшей нефтедобывающей фирмы мира Главтюменнефтегаз. Именно при нём удалось достичь максимального уровня добычи нефти в Тюменской области — более одного миллиона тонн нефти в сутки! Всё вроде шло нормально, как говорится, в порядке вещей. Но многое осталось за «кадром». В 2000 году Романа Ивановича не стало...

К вершине славы Роман Иванович шёл нелегко. Всем известно, что любое дерево сильно своими корнями. Родился Роман Иванович 14 октября 1930 года в селе Ново-Алексеевка Николаевского района Ульяновской области в бедной крестьянской семье. Детей было четверо, он — старший. Отец, Иван Трофимович Кузоваткин, погиб 18 сентября 1945 года в Германии,



*Встреча друга, геолога Ф. К. Салманова
в Нижневартовском аэропорту. 1972 г.*

когда уже была повержена фашистская машина, когда наступила долгожданная Великая Победа, когда прошёл на Красной площади парад воинов-победителей. Старший лейтенант Иван Трофимович был откомандирован в специальные воинские части, которые выполняли подписанный договор по демонтажу оборудования с немецких военных заводов и отправке его в нашу страну. Недобитые фашистские фанатики продолжали сопротивление. Именно такой вражеской пулей, ставшей роковой, был убит И. Т. Кузоваткин.

Мать Анна Андреевна, ставшая в 34 года вдовой, пережила с детьми и суровые дни войны, и тяжёлое послевоенное время, но сумела всех четверых вырастить, воспитать и выучить. Молодость Романа — голодная, трудная, но честная и чистая. Надо было выживать.

Окончив семь классов, Роман Иванович поступил в 1947 году в Сызранский нефтяной техникум. В учёбе преуспевал, стремился скорей получить специальность, начать работать, зарабатывать, помогать матери.

Эта удивительная черта — помогать родным, друзьям и просто людям.

Родных он опекал постоянно. Окончив техникум и приступив к самостоятельной работе, сразу же перевёз к себе мать. Когда работал генеральным директором объединения «Юганскнефтегаз», забрал брата Юрия и сестру Сталину. Об этом времени он вспоминал: «В семье я был старшим. Надо было помогать маме материально, чтобы учить двух сестёр и брата. Я, конечно, как многие мальчишки, был ершистым, не всегда примерно вёл себя в школе, в техникуме,

на улице. Жили среди нефтяников. Профессия мужская, тяжёлая, но завидная и популярная. Заработок у нефтяников был более высоким в сравнении с другими профессиями. Техникум считался одним из лучших в отрасли. Хотел испытать долю нефтяника и стал таковым на всю жизнь».

Роман Иванович, заменив в семье отца, подрабатывал вечерами, каникул вообще не знал — старался добыть лишнюю копейку. В период учебной практики всегда просился на рабочую должность, где больше платили.

Друг детства Евгений Николаевич Смирнов-Емелин, с кем он сидел за одним столом в техникуме, вспоминает: «Многое пережили мы с Романом. Было всё: холод, голод, лишения, но крепкой была наша дружба. Друг друга поддерживали во всём. К нему с большим уважением относились студенты-ровесники и преподаватели. Роман не был отличником, но был ярко выраженным лидером, заводилой. Люди прислушивались к нему, каким-то образом попадали под влияние этого немногословного, чуточку угловатого парня. Наверное, потому, что был он во всём основательным, твёрдым, надёжным, никогда не врал и всегда выполнял обещанное».

Евгений Николаевич более пятнадцати лет проработал на предприятиях объединения «Куйбышевнефть», семь лет — на нефтепромыслах НПУ «Чапаевскнефть» и восемь лет — в институте Гипростокнефть в городе Куйбышеве. По приглашению главного инженера «Тюменнефтегаз» Юрия Владимировича Филановского-Зенкова Евгений Николаевич в 1965 году прибыл

в Тюмень с группой специалистов и работал до выхода на пенсию в должности старшего инженера в отделе добычи нефти и газа Главтюменнефтегаза.

В трудовой биографии Романа Ивановича было два жизненных периода. Первый — на нефтепромыслах Куйбышевской области, второй — в Тюменской области. Куйбышевский нефтяной район получил бурное развитие уже после войны. Сюда были брошены новые ресурсы, которые позволили в короткие сроки успешно решать проблемы, связанные с вводом в строй и обустройством новых месторождений. Этот район находился в исключительно благоприятных географических условиях, располагаясь в индустриально развитом Поволжье. Успехи нефтяников этого района были бы невозможны без огромного труда сотен тысяч рабочих,



Р. И. Кузоваткин, С. Д. Великопольский, А. Л. Резников знакомят с Самотлором лётчика-космонавта СССР В. В. Лебедева. 1974 г.

инженеров и учёных. Важным фактором в освоении этого региона стал энтузиазм нефтяников, хорошо понимавших огромное значение нефтяной отрасли в послевоенном восстановлении страны.

После окончания техникума Роман Иванович более трёх лет трудился на нефтепромысле № 2 треста «Кинельнефть» оператором, помощником мастера, мастером и начальником участка. Эти первоначальные годы в нефтяной отрасли и определили всю дальнейшую жизнь. С первых лет самостоятельной работы он показал, на что способен, был инициативным, тянулся к знаниям. Он вспоминает: «Родители приучили меня к труду с малолетства. Я очень люблю работать, причём добросовестно, хорошо и много.



Первый секретарь обкома КПСС Мандашлага Каракалпакской АССР с визитом в Тюменской области, знакомится с освоением Самотлорского месторождения. 1975 г.

И, верите, я никогда не стремился сознательно занять должностную ступеньку повыше. Как-то само собой всё получалось».

Через четыре года его назначили начальником комплексного хозрасчетного участка по добыче нефти НПУ «Первомайскнефть», а спустя ещё четыре года — заведующим промыслом. Р. И. Кузоваткину повезло в том, что на промысле, как и в объединении «Куйбышевнефть» в целом, закладывались хорошие основы. В разработке нефтяных месторождений происходили большие изменения, особенно в технологии и технике. Это обеспечивало высокий рост добычи. Ему повезло ещё и в том, что по соседству бурно развивался другой нефтяной район — Башкирия. Это позволяло сравнивать достигнутое, соперничать, перенимать и внедрять опыт лучших бригад, участков и управлений.

На нефтепромысле Роман Иванович стремился использовать новое отечественное оборудование для фонтанной эксплуатации скважин, широко применять электроцентробежные и поршневые насосы. Он подверг коренной реконструкции весь набор оборудования для эксплуатации скважин штанговыми скважинными насосами. Удачно использовал новое оборудование для систем поддержания пластового давления путём закачки воды.

Два года руководства промыслом не прошли даром. В 36 лет Роман Иванович был назначен заведующим Мухановского нефтепромысла, по тем временам самого крупного в объединении «Куйбышевнефть». Он сумел подобрать команду из молодых специалистов, опытных инженеров и практиков, активно подключил к решению

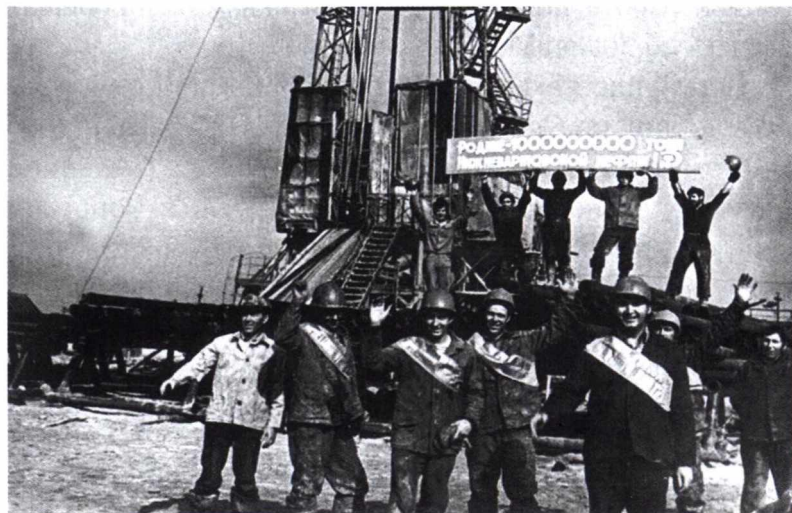
проблем научно-исследовательские нефтяные институты. Он смело шёл на эксперимент. Впервые стал внедрять новые схемы сбора нефти и газа, что позволяло значительно снизить капиталовложения и металлоёмкость в обустройстве месторождений, сократить потери нефти и газа. Роман Иванович увлёкся внедрением систем автоматизированного управления и контроля работы скважин, средств по автоматизации отдельных производственных процессов, связанных с эксплуатацией скважин, процессами сепарации нефти и газа, подготовки нефти и воды, а также заводнением нефтяных пластов. На промысле широко применялись различные виды оборудования для механизации текущего и капитального ремонта скважин. Особое внимание уделялось наклонному бурению и обустройству кустов скважин.



*Первая миллиардная тонна самотлорской нефти откачана
на Нижневартовский Центральный товарный парк*

Его увлечённость повлияла на выбор будущей специальности в Московском нефтяном институте имени И. М. Губкина: технология и комплексная механизация разработки нефтяных и газовых месторождений. Роман Иванович частенько цитировал нашего знаменитого земляка Д. И. Менделеева: «Без светоча науки и с нефтью будут потёмки».

Целенаправленная и успешная работа молодого руководителя не могла остаться незамеченной со стороны руководства НПУ «Первомайскнефть» и объединения «Куйбышевнефть». Начальник управления нефтяной промышленности Средне-Волжского совнархоза В. И. Муравленко тогда руководил работой крупнейших нефтяных объединений «Татнефть», «Башнефть», «Куйбышевнефть», «Пермнефть» и «Оренбургнефть».



«Почётная вахта» нефтяников НГДУ «Нижневартовскнефть» имени В. И. Ленина в честь добытой первой миллиардной тонны самотлорской нефти

Профессиональный путь Виктора Ивановича — это все стадии развития нефтяной промышленности СССР. Сначала работал буровиком на грозненских промыслах, затем долгие годы (за исключением военных лет, проведённых на Сахалине) — в Куйбышевской области, во «втором Баку», где он прошёл путь от простого инженера до начальника объединения «Куйбышевнефть».

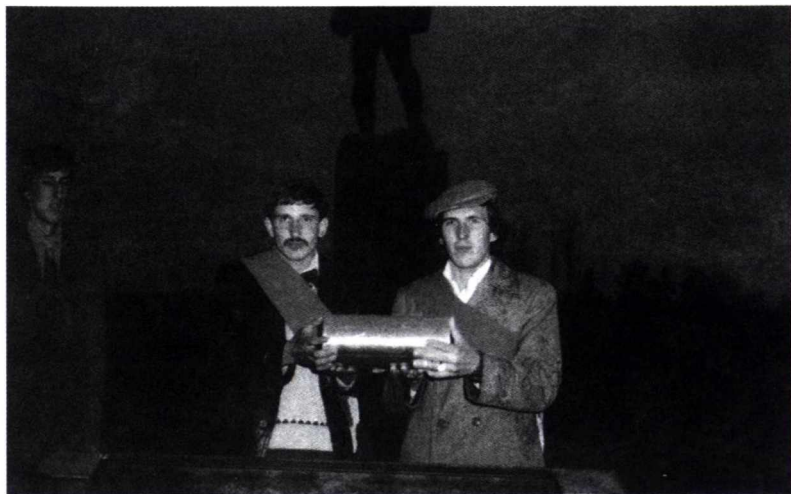
Виктор Иванович выделил Романа Ивановича, взял себе на заметку, бывал у него на участке, на промысле. При встречах и беседах расспрашивал, интересовался производственными задумками и, как более опытный, советовал, а иногда давал отдельные поручения. В один из своих очередных приездов с главным инженером объединения «Куйбышевнефть» В. Н. Пчелинцевым предложил Кузоваткину на одном из участков приступить к работе по автоматизации скважин, пообещав всяческую поддержку и помощь.

Поручение такого высокого и уважаемого в среде нефтяников руководителя как В. И. Муравленко ко многому обязывало. Роман Иванович от предложенной идеи буквально «вспыхнул». В сравнительно короткий срок сумел комплексно механизировать участок, располагающий тремястами скважинами. О выполненной работе доложил В. И. Муравленко. На «смотрины» Виктор Иванович приехал не один, а прихватил с собой более десятка ведущих специалистов управления, руководителей нефтепромыслов.

Из воспоминаний: «Я буквально был ошеломлён, у меня даже ноги подкосились, когда из автобуса вышло столько народа! Увидев мою растерянность, Виктор Иванович сразу же приступил к делу: «Роман

Иванович, начнём рассказывать и показывать». Придя в себя, собравшись с мыслями, я чётко отрапортовал о сделанной коллективом работе. «Смотрины», на мой взгляд, удались. Виктор Иванович, подводя итоги, сказал много приятного в наш адрес».

Второе поручение В. И. Муравленко было более сложным. На соседнем Черновском нефтепромысле, где Кузоваткин некоторое время работал, ежегодно не выполнялся план по бурению. Виктор Иванович предложил взять шефство. Роман Иванович согласился, а задачка оказалась не из простых. Пришлось внедрить в бригады своих мастеров, помбуров и механиков. Конечный результат оказался плодотворным. Черновские буровики не только выполнили план, но и значительно перекрыли дополнительное задание.



*Закладка капсулы с самотлорской нефтью и с посланием
к нижневартовской молодёжи XXI века у основания монумента
«Покорителям Самотлора»*

После этого В. И. Муравленко стал чаще общаться с Кузоваткиным. Звонил, иногда приглашал на совещания, активы и заседания совета управления. Видел в нём растущего руководителя, умеющего держать данное слово.

Промысел Кузоваткина, насчитывавший более 500 работников, по тем временам был весьма крупным в объединении. Наряду с производственными задачами, ему приходилось решать жилищные и социальные проблемы рабочего посёлка Первомайский, в котором проживало свыше трёх тысяч человек.

В 1965 году ЦК КПСС и Совет Министров СССР утвердили В. И. Муравленко в должности начальника Главтюменнефтегаза. В том же году в стране были упразднены совнархозы как институты управления экономикой.



По традиции, молодожёны должны были побывать на Самотлоре и возложить цветы к первой скважине

По предложению Виктора Ивановича, руководство страны приняло решение направить лучших специалистов упразднённого аппарата нефтяного управления Средне-Волжского совнархоза для комплектования кадрами вновь созданного Главтюменнефтегаза.

Ввиду отсутствия собственных кадров на огромной территории Тюменской области Совет Министров СССР принимает специальное постановление о направлении в Западную Сибирь руководителей, инженеров и рабочих из других нефтяных районов страны. Руководители министерств и ведомств были вынуждены отпускать на освоение Западной Сибири опытных работников, изъявивших желание поехать в новый нефтяной район. В то время это был, пожалуй, единственно верный выход в сложившейся ситуации. Был дан «зелёный свет» быстрому притоку кадров в Тюменскую и Томскую области. Так, за восьмую пятилетку (1966–1970 гг.) сюда прибыло около 1200 выпускников вузов и техникумов — почти треть из них составили костяк аппарата Главтюменнефтегаза, более 40 % специалистов были не старше 35 лет. Среди рабочих такие кадры составляли около 60 %.

Собственные специалисты начнут пополнять ряды нефтяников, приехавших в Сибирь, лишь после того, когда даст первый выпуск Тюменский индустриальный институт, первый набор студентов которого пришёлся на лето 1964 года.

С именем В. И. Муравленко связан подлинный подъём нефтедобычи Западной Сибири. Таких темпов развития не знала ни одна нефтяная индустрия мира. В этом феномен СССР 1960–1980-х годов.

Находясь уже в Тюмени, В. И. Муравленко помнил о Кузоваткине и знал, что придёт его время, и он будет нужен здесь. И такой момент настал.

Думал ли Роман Иванович, что когда-нибудь окажется на Севере, а Тюмень станет родным домом? Выбор этот был нелёгким.

Безусловно, о Западной Сибири он и не помышлял. В семье Кузоваткиных было трое детей. Жена Галина Егоровна, по профессии тоже нефтяник, работала рядом с ним. Кругом родные места и друзья, а главное — им уже были взяты некоторые жизненные высоты. В городе Отрадном, где работал Кузоваткин, были налажены производство и быт работников. Это давало ему право отказаться от предложенной Муравленко должности, хотя он подсознательно уже был готов на большее.

В. И. Муравленко не торопил, давал время Роману Ивановичу подумать. Теперь он был нужен ему здесь, в Тюменской области. Виктор Иванович поручает своему другу по Куйбышеву Василию Васильевичу Корелякову, ставшему начальником объединения «Тюменнефтегаз», располагавшегося тогда в Сургуте, пригласить Кузоваткина на работу. Василий Васильевич хорошо знал Кузоваткина. Почти год он убеждал Романа Ивановича переехать. Ничего не получалось. Кореляков пытался действовать и через Галину Егоровну, чтобы она повлияла на мужа. Но Роман Иванович придумывал всё новые и новые причины для отказа, вплоть до того, что с партийного учёта его не снимает Отраденский горком партии. Пришлось вмешаться В. И. Муравленко. По его просьбе заведующий секто-

ром ЦК КПСС Владимир Иванович Кремнёв приглашает в Москву Романа Ивановича на беседу. Разговор был не из лёгких и закончился тем, что коммунист Кузоваткин должен прибыть в Сургут, на месте ознакомиться с предложенной ему работой и только после этого принять решение.

Кто из нас не помнит первое впечатление от холодного, сурового, снежного Тюменского Севера? Роман Иванович вспоминал: «При посадке в Сургуте стюардесса объявила погоду: «Минус 41». А когда вылетали из Куйбышева, было минус 12. Вышел из самолёта. Сбивающий с ног ветер. Мои чувства невозможно было передать. В голове мысли: «Зачем сюда, когда там лучше? Но не бежать же обратно? Посмотрю!»

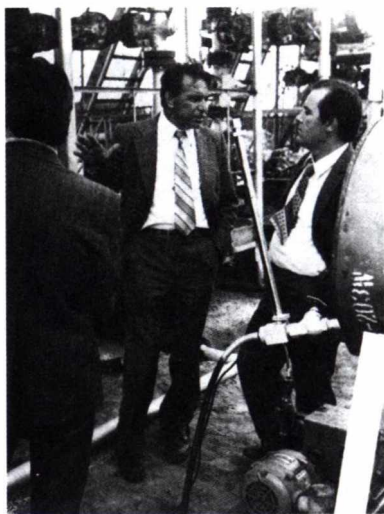


*Чествование начальников НГДУ «Нижневартовскнефть»
имени В. И. Ленина.*

Слева направо: Х. Х. Гумерский, Н. Д. Сергеев, Р. И. Кузоваткин

Р. И. Кузоваткин встретился с В. В. Кореляковым и начальником НПУ «Юганскнефть» Л. Д. Чуриловым, предложившим ему должность начальника НПУ «Правдинскнефть». Роман Иванович не согласился. Василий Васильевич по «нефтянке» соединился с Муравленко и доложил ему об этом. Виктор Иванович пригласил Кузоваткина в Тюмень.

Перед тем, как встретиться с начальником Главка, Кузоваткин зашёл в кабинет к заместителю начальника по геологии Юрию Борисовичу Фаину. На столе лежала карта Самотлорского месторождения. Увидев Самотлор, Роман Иванович сразу же определился: он даст согласие Муравленко при одном условии — только



Обсуждение проблем с кустовым бурением скважин на Самотлоре



Решение житейских проблем нефтяников Самотлора — главная забота начальника Р. И. Кузоваткина

на Самотлор! Позднее об этом скажет: «Моё воображение потряс Самотлор. Таких огромных месторождений я не видел. Я попросил Муравленко направить меня в Нижневартовский район. В то время промышленная разработка этого месторождения ещё не намечалась, но ясно было, что скоро она наступит. Меня назначили начальником НПУ «Мегионнефть», которое разрабатывало два месторождения — Мегионское и Ватинское. Самотлор начали разрабатывать только в апреле 1969 года. Поначалу было очень тяжело, но очень интересно. Работали по 12–14 часов. Кроме обустройства месторождений, много времени приходилось уделять строительству будущего города Нижневартовска».

В кабинете у Муравленко он хотел сразу сказать о своём желании. Тот обнял его по-отцовски, посадил рядом и сказал: «Ну что, Роман, вот и наступил твой черёд. Вот тебе приказ: ты назначен начальником НПУ «Мегионнефть». Тебе предстоит через год-два начать освоение Самотлора». Кузоваткин был удивлён тому, насколько совпало его желание с принятым Муравленко решением. Взял приказ от 12 февраля 1968 года и вышел из кабинета.

Рабочий день был на исходе. Вновь зашёл к Юрию Борисовичу. Ему показалось, что пока он находился у Муравленко, тот не отходил от большого стола и, как коршун, завис над картой Самотлора. «Ну, теперь, — сказал он, обращаясь к вошедшему, — тебе надо знать всё об этом высокодебитном месторождении. Подобного в России нет. Хотя тюменские геологи предполагают найти второй Самотлор».

Геолог и промысловик засиделись допоздна. Обсуждали, продумывали, как лучше выйти на южную часть

месторождения, предлагаемую для разработки. Юрий Борисович сообщил, что на сегодняшний день эта залежь ещё мало изучена, а начальная разработка Самотлора требует крайне осторожного и взвешенного научного подхода. Юрий Борисович, высочайший специалист промысловой геологии, был весьма сдержан в оценке запасов нефти, имел своё мнение, которое многим в министерстве, обкоме партии и ЦК КПСС не нравилось. Позднее ему одним из секретарей обкома будет приклеен ярлык «предельщика». А вот начальники нефтедобывающих управлений главного геолога очень уважали, ценили и считались с его мнением и рекомендациями.

Из всего услышанного и увиденного Роман Иванович понял, в каких труднейших условиях предстоит ему выполнять приказ начальника Главка. Он должен, обязан был взять на себя всю полноту ответственности за его воплощение в реальность. Будучи в Куйбышеве, он знал, что 27 января 1968 года на Самотлоре начата проходка первой эксплуатационной скважины № 200. Она должна была дать ответ на многие вопросы как производственникам, так и политикам.

Ю. Б. Фаин раздвинул занавеску, за которой находилась карта тюменской нефтегазовой провинции. Больше всего условных обозначений — вышек — приходилось на Среднее Приобье. «Смотри, Роман Иванович, — сказал он, — чем привлекателен Самотлор для нас. Расположен он в непосредственной близости от первого действующего нефтепровода Нижневартовск — Усть-Балык — Омск, что позволяет обеспечить эффективность капиталовложений и выполнить зада-

чи, поставленные правительством: довести добычу нефти в 1970 году до 28–30 миллионов тонн. Без Самотлора эти цели недостижимы».

Перед Главтюменнефтегазстроем была поставлена сложная задача: к 1 апреля 1970 года ввести нефтепроводы Самотлор — Нижневартовск и Нижневартовск — Усть-Балык. Спрессованный узел проблем вокруг Самотлора предстояло решать комплексно, совместными усилиями геологов, нефтяников, строителей и транспортников.

На этом они расстались. С той встречи стали друзьями и коллегами до конца жизни Юрия Борисовича.

На следующий день заместитель начальника Главка Александр Евгеньевич Михайлов повёл Романа Ивановича на «смотрины» в обком КПСС. Состоялась



*Учёные Новосибирского отделения Академии наук СССР
на Самотлоре. 1975 г.*

беседа с заведующим отделом нефтяной, газовой промышленности и геологии Геннадием Павловичем Богомяковым, а затем с первым секретарём Борисом Евдокимовичем Щербиной.

До вызова Р. И. Кузоваткина в Тюмень В. И. Муравленко в личных беседах с Б. Е. Щербиной дал ему развернутую характеристику как компетентного и энергичного руководителя, который способен поднять на новый уровень работу НПУ «Мегионнефть» и организовать предстоящую самотлорскую кампанию.

К чести Тюменского обкома, там поддержали предложение Муравленко о назначении Романа Ивановича начальником НПУ «Мегионнефть». Все согласились с кандидатурой руководителя уникального нефтяного проекта. Выбор оказался правильным и своевре-



*В таких условиях обустривался
Самотлор и не только...*



*Чёрное золото Самотлора
в руках буровика*

менным. Это в большой степени определило успех в выполнении важнейшего государственного задания.

Б. Е. Щербина в беседе обратил особое внимание на вопросы строительства жилья, объектов соцкультбыта в Нижневартовске и Мегионе, а также производственных баз, без которых тяжело будет начинать обустройство месторождения.

В тот же день Роман Иванович вылетел к новому месту работы. Принял дела у начальника НПУ «Мегионнефть» Бориса Ивановича Осипова. Так начался отсчёт его времени и работы в этой должности. Начальником «Мегионнефть» он работал с 1968 по 1971 годы. Кузоваткин попал в неведомую ему обстановку, столкнулся с новизной производственных проблем и острейшей жилищно-бытовой ситуацией.

Вот как вспоминал Роман Иванович первую сибирскую зиму: «Своё знакомство начал с Мегионского и Ватинского нефтепромыслов, находящихся в режиме действующих. На деле многие объекты были заморожены и не работали. Люди выходили на работу, считались «при деле», получали зарплату, а по сути изнывали от безделья. Меня поразило царящее равнодушие. Пришлось сразу принимать меры к начальникам цехов и бригадирам, которые не сумели подготовиться к зимним условиям. И к зиме 1969 года мы были готовы и работали, как полагается».

Зимний период считался самым благоприятным для работающих. Значительная часть болот промерзала, это позволяло доставлять на промыслы тяжёлое оборудование. Более 60 % годового объёма работ вышкостроителями, буровиками, строителями выполнялись

зимой. Весной паводковые воды покрывали нефтяные площади Мегионского и Ватинского месторождений, а Саямтор становился практически недоступным для строителей. Наступало бездорожье, объём работ резко сокращался из-за отсутствия дорог с твёрдым покрытием.

Зная Романа Ивановича ещё по куйбышевской работе, а теперь уже в должности первого заместителя главного инженера Главтюменнефтегаза, В. Ю. Филановский-Зенков относился к нему предельно требовательно. Владимир Юрьевич был решительным противником упрощённых подходов к разработке месторождений. От специалистов и служб Главка, начальников нефтедобывающих управлений он добивался кропотливой, вдумчивой инженерной работы.

С первых дней он внимательно следил за его действиями и принимаемыми решениями, порой усматривая в них некоторую «лёгкость» или ненужную поспешность. На одном из совещаний Владимир Юрьевич подверг его критике. Начальник НПУ «Юганскнефть» Л. Д. Чурилов, присутствовавший на данном совещании, вспоминает: «Роман Иванович в своём отчёте обрушился на инженерные службы Главка, обвиняя работников в медлительности в вопросах поставок материально-технических ресурсов, транспорта, техники, бурового оборудования, труб, неудовлетворительного строительства жилья, дорог, объектов добычи, сбора нефти, Нижневартовского товарного парка со стороны единственного в районе треста «Мегионгазстрой» Главтюменнефтегазстрой и СУ-909 объединения «Тюменьдорстрой». Владимир Юрьевич, не перебивая его, терпеливо всё выслушал,

а затем в резкой форме ответил: «Роман Иванович, всё, что вы сказали, имеет место. У нас не всё ладно. Мы примем меры. Но вы ничего не доложили о состоянии проектных работ, а без документации любое строительство невозможно. Вы не занимаетесь подбором специалистов своей службы капитального строительства, без которой вы «ни туда, ни сюда», и, наконец, неудовлетворительно строите жильё и базы собственными силами».

Такого оборота Р. И. Кузоваткин не ожидал. К его достоинству можно отнести то, что к концу уходящего 1968 года Роман Иванович нашёл себе заместителя по капитальному строительству — начальника ОКСа Григория Михайловича Кукуевицкого. Вместе с ним быстро укомплектовали отдел опытными кадрами. Своим приказом значительно расширил права и самостоятельность в принимаемых решениях. ОКС стал одним из самых организованных и боеспособных среди аналогичных управлений в системе Главтюменнефтегаза.

Забегая вперёд, отмечу одну особенность. С приходом в Главк Феликса Григорьевича Аржанова вместо Ю. В. Филановского-Зенкова у Романа Ивановича взаимодействие и понимание с главным инженером улучшились. По складу своего характера и принимаемым решениям Феликс Григорьевич был несколько схож с Романом Ивановичем. Он принимал организационные меры решительно и смело. По принципиальным вопросам согласовывал их с Муравленко. При встречах с В. Ю. Филановским-Зенкиным Роман Иванович не скрывал к нему свою «симпатию». Эти две личности, несмотря на разительное несходство характеров, привычек и порой сложные отношения друг с другом,

внесли огромный вклад в развитие и становление нефтяной промышленности Тюменской области.

С начала разработки Мегионского, Ватинского и Аганского месторождений до приезда Р. И. Кузоваткина было добыто 2,6 миллиона тонн нефти. Суточная добыча составляла около 3 тысяч тонн. Мегионцы уступали НПУ «Шаимнефть» и «Правдинскнефть».

Кузоваткин относился к категории людей творческих, постоянно ищущих нетрадиционные подходы. Чёткий распорядок дня, плотный режим работы, умение преодолевать трудности — таким стал стиль его деятельности. По его предложению создаётся Ватинская контора бурения, впоследствии переименованная в Мегионское УБР. Первым начальником стал Юрий Дмитриевич Логанов. Для обеспечения надёжной и бесперебойной работы нефтепромыслового оборудования создаётся участок ПРЦЭО. Строителями треста «Нижневартовскнефтьстрой» под руководством М. К. Михайлова и И. А. Волкова вводятся дополнительные мощности на Ватинском товарном парке, позволяющие готовить в больших объёмах нефть и откачивать ее в систему нефтепровода Нижневартовск — Усть-Балык — Омск, вводятся системы утилизации попутного нефтяного газа.

Под руководством Романа Ивановича внедряется также ряд новшеств в процессы разработки месторождений, в технику и технологии добычи нефти, строительство объектов для сбора и перекачки нефти, поддержания пластового давления и автоматизации. Мегионский и Ватинский нефтепромыслы переводятся на диспетчерскую систему управления. Поступив-

шие установки «Спутник» устанавливаются на первых кустах скважин, две насосные станции автоматизируются с внедрением телемеханики. Понимая важность главного резерва добычи нефти и газа, Роман Иванович всячески содействует работе двух УБР (Мегионского и Нижневартовского) в наращивании объёмов проходки, особенно наклонного бурения. Этому росту способствовал перевод буровых станков на электропривод, который сразу же снизил время проходки скважины на 15–20 %, повысил производительность труда, улучшил условия работы буровиков.

На промыслах быстрыми темпами строится сеть высоковольтных линий электропередачи, которая позволила применять совершенно новое нефтяное оборудование, с высокой производительностью использовать имеющиеся механизмы и агрегаты. На всех месторождениях стали использовать методы одновременно-раздельной эксплуатации скважин, поддержания пластового давления, что положительно сказалось на увеличении добычи нефти фонтанным способом.

Во всех перечисленных делах велика роль института Гипротюменнефтегаз и других отраслевых научно-исследовательских институтов, которые обеспечили квалифицированное комплексное обустройство месторождений района, повышая эффективность строймонтажных работ и гарантируя быстрое внедрение в производство научных достижений. Комплекс технических и организационных мер позволил коллективу НГДУ «Мегионнефть» в 1970 году в 22 раза увеличить добычу нефти по сравнению с 1965 годом. В 1971 году было добыто 26 122 тысячи тонн, а в 1972 году — 31 852 тысячи тонн. В 1971 году

создаётся НГДУ «Нижневартовскнефть», целевым назначением которого становится освоение Самотлорского месторождения. Начальником назначается Р. И. Кузоваткин, а НГДУ «Мегионнефть» возглавил В. А. Абазаров.

Тот Кузоваткин, которого знали, не был бы им, если бы ему не удалось в сжатые сроки сформировать квалифицированный работоспособный и деятельный костяк единомышленников, способных решать масштабные государственные задачи, стоящие перед управлением. Среди этих людей были Г. С. Арнопольский, И. И. Рынковой, В. У. Литваков, И. А. Абзалов, Г. М. Кукуевицкий, А. М. Силаев, В. Е. Ванин, Ю. Д. Малясов, Б. К. Золин, В. Н. Иванов, М. А. Харин, Р. Х. Хананов, Н. П. Дунаев, В. М. Секерин. Роман Иванович всегда в своей работе опирался на опыт лучших рабочих-операторов по добыче нефти Н. П. Сливина, С. Пузарецкого, В. Л. Плотникова, А. И. Суздальцева, Е. В. Болыматина, Н. Назарова, Д. Беуйлина, В. Шишкова, Н. Ф. Нюняйкина, Б. Фирхова, В. Н. Трояна, Г. В. Нежуры и многих других.

Если в Нижневартовске велось строительство жилых домов, хоть и деревянных, но в капитальном исполнении, то в Мегионе нефтяники жили в невероятно тяжёлых условиях, отсутствовало сколько-нибудь приличное жильё, очень плохо было с продуктами питания, почти полностью отсутствовали объекты соцкультбыта. Стояла задача — как можно быстрее организовать нормальный быт живущих и прибывающих людей. На ведомство Кузоваткина была возложена обязанность единого генерального заказчика. Теперь Роман Иванович был в ответе за всё: обустройство месторождений, добычу нефти, строительство города,

создание нормальных жилищно-бытовых и социально-культурных условий нефтяникам и их семьям.

В Мегионе и Нижневартовске вопрос с размещением людей многие руководители решали просто: люди жили преимущественно в «балках» — деревянных вагончиках, сделанных в заводских условиях. Балок устанавливался на полозья, временное жильё легко можно было перетащить с одного места на другое. Позднее из их числа возводились целые поселения, микрорайоны. Особенно неискоренимы были они на территориях производств и промбаз.

При высоких темпах прироста населения в Мегионе и Нижневартовске проблема жилья становилась всё острее и острее. Динамика роста населения действительно была поразительная. Так, в 1965 году в Нижневартовске насчитывалось лишь чуть больше трёх тысяч человек, а к 1975 году их было уже 200 тысяч! В Мегионе соответственно была одна тысяча человек, а стало 35!

Первоначальные идеи возведения современных городов Нижневартовска и Мегиона были заменены попытками хоть как-то обеспечить людей жильём, не говоря уже о внешнем виде домов и комфорте. Несмотря на меры, предпринимаемые руководством страны, области, округа, создать нефтяникам все условия для уютного проживания в 60–80-е годы так не удалось.

Ритм жизни был таков, что складывалось впечатление, будто Роман Иванович ежедневно находится на поле битвы. О себе он частенько говорил: «Я по-настоящему понял смысл фразы: я не политик, я — хозяйственник». Он не всегда был спокойным,

сдержанным с подчинёнными и окружающими людьми. Только усталые глаза, слегка сморщенный лоб и полная пепельница выкуренных сигарет говорили о напряжении.

Государственное дело, которое ему доверили, требовало большой работы над собой, осмысления каждого шага, поступка, действия. Мудрость делового человека заключается не в стремлении к безошибочности как самоцели, а к сведению к минимуму возможных ошибок, которых нельзя избежать в любом сложном деле. Для Романа Ивановича особенно динамичными были 1968–1972 годы, и, пожалуй, самыми трудными. Они стали проверкой, испытанием на прочность, предстартовыми перед Самотлором. Он полностью вписался в этот ритм. Безусловно, во всём прослеживалась целенаправленная и организованная работа обкома, окружкома, районного, городского комитетов партии и парткома НГДУ «Мегионнефть», которые опирались на творческую инициативу нефтяников-коммунистов, а они отдавали общему делу свою силу, энергию, упорство.

Пусть о Романе Ивановиче скажут его соратники, друзья и ученики...

Владимир Никишин, вице-президент ГР «АМОКО»: «Сначала он подробно расспросил нас об учёбе в институте: где проходили практику, на какие темы писали дипломные проекты, где бы хотели трудиться. Рассказал об уникальном месторождении, на котором нам предстояло работать, о структуре предприятия. Он говорил простым языком, без излишнего пафоса, поэтому его слова доходили до нас, и мы не чувствовали фальши. Перед нами сидел немного уставший,

но очень энергичный человек, который в течение получаса обратил нас в свою веру. Мы готовы были хоть сейчас приступить к работе и сутками трудиться без отдыха под началом такого руководителя, как Роман Иванович Кузоваткин».

Авзал Исянгулов, Герой Социалистического Труда, лауреат Государственной премии СССР: «Буровикам очень повезло работать с таким заказчиком, как НГДУ «Нижневартовскнефть», которым руководил Кузоваткин. Он был одним из крупнейших организаторов отрасли, инициативным, проницательным и человечным. Кузоваткин среди моих друзей занимает особое место. Меня привлекали в нём такие качества, как открытость, откровенность, душевная теплота. Он обладал прекрасным чувством юмора: порой своими шутками доводил меня до слёз. Благодарю судьбу за то, что она свела меня с этим замечательным человеком».

Владимир Абазаров, лауреат Ленинской премии: «Когда он был заместителем министра — начальником Главтюменнефтегаза, начались попытки «надавить», «прибрать» Кузоваткина к рукам. Любой ценой давать больше нефти, хотя это возможно было сделать только при грубейшем нарушении режима разработки. Не тут-то было! Кузоваткину, высококвалифицированному специалисту-разработчику, понятия о чести, достоинстве и глубокое понимание последствий так называемого «форсированного» отбора не позволили перешагнуть через свою совесть».

Виктор Горбачёв, журналист: «При разработке Самотлорского месторождения наиболее ярко проявился

организаторский и инженерный талант Кузоваткина, его человеческие качества — воля, упорство в достижении цели, решительность, принципиальность. В личных встречах и беседах Роман Иванович раскрылся передо мной как совершенно изумительный рассказчик — бездна юмора, великолепное владение словом, изумительная память на «вкусные» детали. Полагаю, что из него мог бы получиться прекрасный журналист».

Иван Нестеров, член-корреспондент АН СССР (РАН), профессор, лауреат Ленинской премии, заслуженный геолог РСФСР: «Зная несовершенство систем разработки и сложно построенные продуктивные пласты Самотлора, Роман Иванович создал при НГДУ научный центр, пригласив туда талантливую молодёжь. Одновременно он поддерживал связь с наукой и всегда выступал оппонентом. Наша дружба с Романом держалась на полном взаимопонимании и в постоянном противостоянии мнений по всем вопросам геологии и разработки.

Никто не верил Роману Ивановичу Кузоваткину, когда он говорил, что из баженигов можно извлечь 120 % нефти от первоначального её объёма. Не верят, что в баженигах Тюменской области можно получить дополнительно 60 миллиардов тонн нефти. Не верят, что чёрные сланцы России и всего мира — это главный резерв жидких углеводородов, значительно больший, чем вся нефть на Ближнем и Среднем Востоке Азии».

Юрий Пчелинцев, доктор технических наук, Почётный нефтяник России и Тюменской области: «Роман Иванович, всегда основательный в словах и поступках, неспешный, несуетливый, решительный, спокойный и доброжелательный в общении, никогда не терялся

перед начальниками любого ранга, которые не обижали Самотлор своим вниманием. Мог и неприятную правду-матку выдать на совещании любого ранга, а порой с неподражаемым чувством юмора мгновенно и неожиданно решить самый запутанный вопрос. В его поведении не было ничего лишнего, показного. Такая манера поведения располагала к нему людей. Не могу припомнить каких-либо разносов и выговоров на совещаниях и в беседах, но сказанные спокойно поручения или просьбы хотелось выполнить добросовестно».

Иршат Алеев, лауреат Государственной премии СССР, лауреат премии Совета Министров СССР: «К решениям, предложениям проектировщиков Роман Иванович обычно относился критически, почти всегда предлагал поискать лучшее решение. Но когда уже был убеждён, что найден оптимальный вариант, он его не только поддерживал, а становился непосредственным участником внедрения. Именно при его поддержке и непосредственном участии на этом месторождении впервые в стране внедрились коридорную систему прокладки инженерных коммуникаций вдоль автомобильных дорог, совмещённое размещение на единой площадке нефтепромысловых объектов различного технологического назначения, безыторфовочный метод строительства автомобильных дорог и некоторых нефтепромысловых объектов, блочный метод строительства, при котором основной объём работ выполняется на заводах».

Сергей Барышников, генеральный директор «ИМПЕКС-ОЙЛ»: «Роман Иванович был в курсе про-

изводственных дел и проблем молодых специалистов, умел строго и требовательно спрашивать, решал сам принципиальные кадровые вопросы. При огромных темпах роста добычи нефти, капитальном строительстве, обустройстве месторождений, создании социальной сферы у Романа Ивановича хватало сил и энергии на работу с советом молодых специалистов, на помощь в научно-технической деятельности, на решение бытовых вопросов».

Виталий Горишний, заместитель генерального директора ОАО «РИТЭК»: «Он никогда ни на кого не давил своим авторитетом, не принимал ответственных решений без совета со специалистами объединения по вопросам, которые считал важными. Кузоваткин выслушивал информацию от заместителей и специалистов, при необходимости вносил коррективы в намеченные решения и задавал вопрос: «Какая нужна помощь с моей стороны?» И если такая помощь требовалась, он принимал все меры для её оказания».

Фёдор Маричев, доктор технических наук, Почётный нефтяник СССР и Тюменской области: «Главная черта Кузоваткина — человечность. Прежде чем спросить с людей, он обязательно должен был знать, как они живут, созданы ли условия для работы, как отдыхают. У него был принцип: раз пришёл — значит, работай, будут вопросы — обязательно задавай. Люди на нефтепромыслах его любили и уважали, он разговаривал с ними на равных, вникал в проблемы, пытался решать».

Геннадий Храмов, президент Российского управления нефтяного общества: «Кузоваткин присутствовал в моей жизни в виде телефонного аппарата, который

звонил редко, но уж если звонил, то это было равнозначно звонку из Кремля. Отдалённый громкой связью голос небожителя отдавал отрывистые, иногда не совсем понятные для меня команды. Но переспрашивать было не принято и надо было расшифровать их уже у непосредственных начальников и немедленно исполнять. Начальников смены центральной диспетчерской называли «ночными директорами Самоглора».

Леонид Рокецкий, член Совета Федерации РФ: «Роман Иванович остро ставил вопросы, которые в полной мере не решены и сегодня. Он настаивал на глубокой переработке углеводородного сырья на месте, в нашей области. Предлагал строить здесь заводы по выпуску горючего и масел. Ратовал за комплексное развитие региона. Он хотел, чтобы Тюменская область перестала быть сырьевым придатком, чтобы мы поставляли на рынок готовые продукты и товары, имеющие высокую степень обработки и, естественно, высокую ценность. Он мыслил как человек масштабный, государственный».

Патриотический порыв нефтяников преобразил Западную Сибирь. Авторы беспримерного подвига, прокладывая путь к недрам Тюменской области, могли ли предполагать, что их труд сведётся к нулю при развале Советского Союза в 90-е годы? Чем больше думаешь, тем большее восхищение и уважение вызывают эти героические люди, выдающиеся руководители и организаторы, создавшие огромный топливно-энергетический потенциал страны.



**КУКУЕВИЦКИЙ
ГРИГОРИЙ МИХАЙЛОВИЧ**

ГЛАВНЫЙ СТРОИТЕЛЬ

Писать в прошедшем времени об этом человеке мне очень больно и трудно. Он остался в памяти, в сердце, порой в моих снах... Но в живых его уже нет... Лишь фотографии и память...

С другой стороны, как сказал поэт: «Лицом к лицу лица не увидать, большое видится на расстоянии...» Теперь, по истечении времени, жизнь Григория Михайловича Кукуевицкого, его дела становятся более яркими и зримыми.

Нас объединяла с ним 24-летняя дружба, работа, душевная привязанность. Его не стало 7 октября 1994 года. Он умер в возрасте 59 лет. Смерть любого человека — горе, смерть близкого человека, друга — горе вдвойне. Провожая Григория Михайловича в последний путь, на траурном митинге я сказал: «...Он ушёл из жизни, полным сил и новых замыслов. Мы знали его не только как большого руководителя, высококвалифицированного инженера, но и как порядочного, совестливого, равнодушного человека, который в случае необходимости мог быть и строгим, и непреклонным, и требовательным. 28 лет жизни Григорий Михайлович отдал Сургутскому и Нижневартовскому районам. Он был главным строителем двух красивейших городов Среднего Приобья. Сургут и Нижневартовск — два вечных ему памятника».

Безусловно, траурный митинг — не место для длинных речей. И, тем не менее, как много ещё нужно было сказать. И эта потребность жила во мне все годы!

Сегодня, дорогой мой друг, я хочу вспомнить и тебя, и наше удивительное время, и всех тех, кто был рядом с нами.

Говорят, жизнь прожита не зря, если человек вырастил сына, посадил дерево, построил дом. Ты с лихвой перевыполнил эту задачу. И помог тебе в этом Тюменский Север.

После громких открытий нефтяных месторождений коренным образом изменилась судьба как нашего поколения в целом, так и жизнь каждого отдельного человека, сумевшего подчинить свою волю, мужество, знания единственной цели — оставить след на этой прекрасной Югорской земле.

Сегодня спрашивают, что искали мы в своей жизни? Счастья? Думаю, нет. Славы? О ней, честно говоря, не думали. Искали смысл жизни. Без счастья жить трудно, но можно. Без смысла не нужна и сама жизнь. А смысл жизни заключался в нашей причастности в меру сил и возможностей ко всему здесь происходившему.

На Всесоюзной конференции писателей, проходившей в Тюмени, первый секретарь правления Союза писателей СССР Г. М. Марков сказал: «Товарищи, мы приехали на землю героев. Ими гордится страна. Гордится по праву. Гордится вдвойне. Во-первых, потому, что они действительно замечательные люди. А во-вторых, такими они стали на тюменской земле. Строя свой комплекс, они построили себя».

На освоение Тюменского Севера Григорий Михайлович прибыл в 1966 году из Татарии, оставив хорошую должность, квартиру, налаженный быт и имея опыт работы в нефтяной отрасли. Как он потом признался:

«Хотелось проверить себя в новом деле, манили размах и масштабность решаемых здесь задач».

Но реальность превзошла все ожидания. «Страна Тюмения» начиналась, как и Комсомольск-на-Амуре, Днепрогэс, Магнитка, целина, с палаток, обеда на костре. Только ещё с добавкой — трескучими морозами, глубокими снегами, непроходимыми болотами да с гнусом летом.

Вот как вспоминал об этом Григорий Михайлович: «Призыв к специалистам обустроенных нефтяных районов Татарии, Башкирии, Куйбышевской области и Азербайджана поехать на постоянную работу в Западную Сибирь воспринял с горячим желанием. Хотелось участвовать в работе с нуля, сделать своё дело. В объединении «Тюменнефтегаз» я встретился



Рассмотрение первого варианта генерального плана строительства города Нижневартовска. 1971 г.

с главным инженером В. Ю. Филановским и заместителем начальника по строительству Е. И. Павловым. Мне предложили должность заместителя начальника нефтепромыслового управления «Сургутнефть». Я без колебаний дал согласие и вылетел в Сургут».

Это было в 1968 году. Да, Сургут тогда звучал, был у всех на слуху. В то время образовалось нефтедобывающее управление «Мегионнефть», а позже «Правдинскнефть» и «Юганскнефть». Объёмы строительно-монтажных работ постоянно росли, поэтому стали создавать и строительные организации при объединении «Тюменнефтегаз». Были привлечены и значительные силы трестов «Татнефтепроводстрой», «Башнефтепромстрой», «Шкаповнефместрой», «Туймазанефместрой» — Тюменский нефтегазовый комплекс создавала вся страна.



Строительство промышленной зоны города Нижневартовска

Исследованиями, инженерными изысканиями, проектированием объектов занимались более ста научно-исследовательских и проектных организаций. Вот как об этом вспоминает Ш. С. Донгарян, заместитель министра нефтяной промышленности по строительству: «В 1964 году мы столкнулись с тем, что в Западной Сибири с существующими нормами ничего проектировать нельзя. В наших нормах не было сказано, как можно проектировать сооружения и объекты на болотах. В феврале 1966 года в Тюмени мы провели конференцию, где постарались выработать новые нормы строительства на болотах в условиях низких температур, высокой влажности и других условиях Севера».

По заданию Госстроя проектировщикам предписывалось в сжатые сроки определить районы сосредоточения строительства, решить проблемы



Жилые микрорайоны будущего города

рационального размещения промыслов, промбаз, «коридоры» для нефтегазопроводов, ЛЭП, дорог, аэропортов, городов и посёлков.

Московский проектный институт № 2 при помощи других институтов разработал генеральные планы предстоящего строительства. Их было пять: сургутский, нижневартовский, нефтеюганский, урайский и стрежевский. Но в выборе площадок для будущих городов была допущена некоторая поспешность, которая сказалась впоследствии при строительстве.

Например, площадку под строительство Нижневартовска выбирала комиссия, которую возглавлял секретарь обкома партии Е. А. Огороднов, с борта вертолёта. В тридцати километрах от выбранного места уже находился рабочий посёлок геологов Мегион, имеющий ряд преимуществ: Обь в весен-



В столице любимой Родины

ние паводки не разрушала берег, место было незаболоченное. Но решили все же строить город на новом, понравившемся с высоты «птичьего полёта» месте. Весной выяснилось, что выбранная под будущий город площадка заболочена, все весенние потоки и речушки, впадающие в Обь, проходят через неё. Пришлось отводить водопоток. К тому же река подмывала берега.

Пришлось срочно изыскивать огромные средства для укрепления берега.

Аналогичная ситуация сложилась и с выбором места под строительство Нефтеюганска. Здесь пренебрегли уже существующим посёлком Мамонтовским и вновь предпочли строить город на голом месте. Действительно, строить на чистой площадке легче, но построить труднее. Почему-то часто получается совсем не то, что предусмотрено в проекте.

Руководство нефтяной промышленностью во главе с министром В. Д. Шашиным и начальником Главтюменнефтегаза В. И. Муравленко старалось избежать ошибок, допущенных в Татарии, в частности, частой «посадки» новых посёлков и городов, привязанных к нефтяным месторождениям, как, например, в Кузбассе, Донбассе, в Приморье. Сколько заброшенных посёлков осталось от шахтеров, когда закрывали нерентабельные шахты и люди оттуда уезжали!

К сожалению, этого не удалось избежать и на Севере. И это может стать причиной социального взрыва, когда добыча нефти резко сократится. Мы по-прежнему предпочитаем учиться на собственных ошибках.

При строительстве объектов в Западной Сибири нефтяники столкнулись с проблемой материально-технического обеспечения, поскольку отсутствовали база стройиндустрии, необходимое сырьё для изготовления бетона, кирпича. Приходилось всё завозить по рекам за короткий срок навигации. Спустя некоторое время пришли к разумному решению — строить свои заводы панельного домостроения, кирпичные, сборных железобетонных изделий,

сантехнических заготовок, металлоконструкций, деревоперерабатывающие.

С Г. М. Кукуевицким познакомился я буквально на второй день моего пребывания в Нижневартовске — 2 января 1970 года. Григорий Михайлович в это время был заместителем начальника по строительству НГДУ «Мегионнефть».

В посёлке был праздник — сдавали первый пятиэтажный панельный дом. Здесь я встретился с управляющим трестом Г. И. Пикманом. В комиссии по приёму дома участвовал и второй секретарь Ханты-Мансийского окружкома П. Е. Плесовских. Оценку сдаваемому дому поставили «отлично».

Григорий Михайлович произвёл на меня благоприятное впечатление. Как заказчик он, принимая объект,



Фото на память. Весьма редко, но находили время для отдыха в окрестностях города Сургута

был весьма дотошным: требовал правильного оформления документации, задавал вопросы, лично проверял надёжность инженерного обеспечения. В то же время вёл себя свободно, раскованно, шутил. Чувствовалось, что это человек волевой, решительный, строительное дело знает хорошо, умеет требовать, что подтвердили прорабы и мастера.

Хорошее впечатление произвёл и Г. И. Пикман. Он был опытным, весьма неординарным руководителем, добросовестным трудягой, много раз «битый», но умеющий с достоинством выходить из трудных ситуаций, шуткой снять напряжение. Могло показаться, что он делал своё дело, как бы шутя, но это была лишь видимость, скрывающая колоссальное напряжение, плохое настроение и сердечную боль.



Фото на память. Руководители предприятий и организаций объединения «Сургутнефтегаз» на природе

У Нижневартовска — своя летопись, в которую вписаны имена многих героев освоения Севера. Одну из самых главных страниц в этой летописи занимает имя Григория Михайловича Кукуевицкого. В течение десяти лет он сотрудничал с генеральным проектировщиком города — Новосибирским зональным научно-исследовательским институтом экспериментального проектирования, настойчиво добивался, чтобы в план строительства включали объекты соцкультбыта. Он был организатором ежегодных координационных совещаний и практических конференций, в которых принимал активное участие первый заместитель председателя облисполкома В. Д. Степанов.

Произнёс это имя, и сразу он встал перед глазами как живой. Степанов был культурным, интеллигент-



*Торжественное открытие очередной средней школы в городе
Нижневартовске. 1974 г.*

ным и порядочным человеком. С ним можно было поделиться и мыслями, и впечатлениями, и сомнениями. Я до сих пор благодарен судьбе за то, что мне довелось с этим человеком работать. Владимир Дмитриевич, работая уже в правительстве РСФСР, курировал Иркутскую и Новосибирскую области, но всегда интересовался делами нижевартовцев, непременно спрашивал о Кукуевицком, которого уважал и ценил за компетентность и порядочность. Бывая в Москве, я встречался с ним, хорошо знал его семью. В. Д. Степанов погиб в автомобильной катастрофе в Новосибирске, и я тяжело переживал эту утрату.

Всегда помогал и поддерживал нас Юрий Михайлович Рогачёв, работавший в обкоме партии, облисполкоме. На нашей стороне всегда были Владимир Александрович Бешкильцев, заведующий отделом строительства и архитектуры облисполкома, а также сменивший его Анатолий Николаевич Отрадных. Именно они настояли на том, чтобы в штате горисполкома появилась должность архитектора, которую доверили молодой, энергичной, талантливой Г. А. Поткиной. До этого ни в области, ни в округе на такой должности женщин не было.

Хочется вспомнить и о Дмитрие Сергеевиче Галчине, учёном, главном архитекторе проектного института № 2 Госстроя СССР. Он сумел технически обуздать и покорить болотную площадку: все объекты строили на фундаментах, под которые забивали сваи.

Я часто бывал у Кукуевицкого в кабинете. В отделе капитального строительства работали одарённые инженеры, архитекторы, способные принимать нетрадиционные решения.

В первом микрорайоне, в основном, строили пятиэтажные дома из конструкций, которые привозили из Казани, Омска, Перми, Тюмени. Из-за отсутствия стройматериалов не строили объекты соцкультбыта. Спрос был только за введенные квадратные метры, требовалось только жильё. В конце концов, пришлось менять такой подход к строительству. Кукуевицкий правильно оценил обстановку, и сотрудники ОКСа быстро выдали строителям рабочую документацию, перепланировав первые этажи зданий под объекты бытового и коммунального назначения: магазины, отделения связи, пункты медицинского обслуживания и т. д. В министерстве и Главке были другого мнения: кто позволил за счёт жилого фонда размещать данные объекты? Этот натиск ретивых начальников райко-



Первый секретарь ЦК ВЛКСМ Е. М. Тяжельников и лётчик-космонавт СССР, полковник Б. В. Волинов принимают доклад

му пришлось взять на себя. И всё же это решение, как позднее выяснилось, было правильным.

Нельзя забыть и добрые дела инженеров-архитекторов Б. С. Рябова, И. Н. Бедова, Е. Д. Поткина, В. А. Кравца, А. Е. Бедного, которые были для Кукуевицкого палочкой-выручалочкой. К своим подчинённым Григорий Михайлович относился с уважением, ценил их и часто повторял: «Запомните, только сделав одну работу, можно браться за другую». Он был внимательным к просьбам сослуживцев. Старался помочь всем, кто к нему обращался.

Меня поражали его эрудиция, кругозор, мышление, умение быстро решать проблемы, брать ответственность на себя. Он был ещё и политиком, правильно оценивал ситуацию и определял стратегию строительства.



командира студенческого стройотряда, расположенного в зоне проживания посёлка Нижневартковский. 1969 год.

Город быстро рос, увеличивалось население, и встал вопрос об укреплении правопорядка. Чтобы наводить порядок на улицах, обеспечить охрану нефтеобъектов и материальных ценностей, необходимо было создать соответствующие условия для работы милиции, суда, прокуратуры, отдела госбезопасности. Размещались они в приспособленных деревянных помещениях, а сотрудники нуждались в жилье. Горисполком принял решение: в каждом вновь вводимом доме выделять служебные квартиры.

Кузоваткин и Кукуевицкий предложили передать строящееся административное здание для НГДУ административным органам, но при этом было одно условие — об этом должен был знать Муравленко.

Было уже построено трехэтажное здание. Тогда Кукуевицкий просит Б. С. Рябова рассчитать нагрузку на фундамент, и, если она позволит, то можно достроить ещё два этажа. Здание надстроили и передали городу. Узнав об этом, Муравленко обрушил свой гнев на Кузоваткина и пригрозил снять с работы. Пришлось решение и этой проблемы взять на себя горисполкому. На областном активе в своём выступлении я подчеркнул особую заботу о милиции и похвалил Виктора Ивановича. Инцидент был исчерпан, а Кузоваткин продолжал работать.

Несколько раз изменялся план строительства города, который разрабатывал Новосибирский проектный институт. Первоначально планировали город для 40-тысячного населения, затем для 80–100-тысячного, а в итоге в городе в то время уже насчитывалось около 300 тысяч жителей. Такое увеличение сказалось

и на расчётах инженерного обеспечения. Р. И. Кузоваткин, Г. М. Кукуевицкий, Б. С. Рябов, председатель горисполкома И. Г. Салихов и я вылетели в Новосибирск.

Пока я находился в Новосибирске, меня разыскивал первый секретарь обкома Г. П. Богомяков. Я позвонил в Тюмень, он мне и говорит: «Почему уехал и не доложил? К тебе прилетают из Москвы руководители ЦК КПСС и правительства, ты их должен встречать». Объяснил ему, что двумя выходными могу распоряжаться сам. Но услышал в ответ: «Прошу впредь ставить меня в известность о подобных ситуациях». Такова была обстановка, такой был ритм жизни в Нижневартовске.

По нашей просьбе ОКС в короткие сроки спроектировал свинокомплекс на базе совхоза «Нижневартовский» и тепличный комплекс. При помощи ОКСа

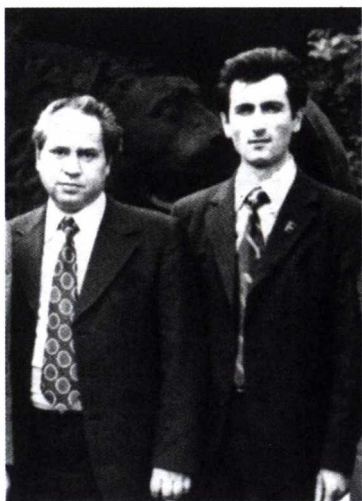


*Памятная встреча с бойцами студенческого стройотряда
в Нижневартовске. 1969 г.*

расширили существующую базу для отдела рабочего снабжения и сняли проблему размещения и хранения сельхозпродукции, которую завозили с юга области.

В Нижневартовске возводили дома устаревших серий, которые не отвечали температурным режимам Севера. И Кукуевичкий брал на себя смелость не принимать построенные дома без дополнительных мер по их утеплению. И был всегда твёрд, требовал от подрядных организаций лучшего качества работ, надёжности сдаваемых промышленных и гражданских объектов.

Григорий Михайлович умел находить контакты с управляющими трестов, а их у нас было более десятка, и превращал их в своих союзников. Ян Михайлович



Фотографии на память. С заместителем начальника по строительству, начальником ОКСа НГДУ «Мегионнефть» Г. М. Кукуевичким и директором совхоза «Нижневартовский» Ю. А. Назаретяном

Малинский скажет о Григории Михайловиче: «Работая на строительстве Стерлитамакского обогатительного комбината, видел много «заказчиков», но этот своими неотразимыми аргументами обращал нас, подрядчиков, в свою веру. Его беседы «по душам» ставили нас в такое положение, что соглашаться с ним было необходимо. Нам ничего не оставалось, как идти и выполнять его требования».

Кукуевицкий горел на работе, не считался ни со временем, ни с положением. Встречался с начальниками управлений, бригадирами, прорабами, хотя был нездоров. У него сильно болела нога, и ему трудно было ходить, не то что лазить по стройкам.

Дважды с Кукуевицким ездили в Москву. В первую поездку решили сразу две проблемы. В городе больше года простаивало готовое помещение для городской АТС, но оборудования для неё не было. Мы добились приёма у министра связи В. В. Талызина, и он поручил своему заместителю И. С. Равичу решить нашу проблему. Таким образом, один комплект АТС передали Нижневартовску. Со второй проблемой отправились в Министерство внутренних дел, где нас принял заместитель министра по кадрам Н. Н. Никитин. Документ об образовании районного отдела внутренних дел подписал министр Н. А. Щёлоков.

Цель второй поездки в Москву — решение вопроса о приобретении специальной техники для коммунальных служб города и специального оборудования для строящегося свинарника, а также ламп освещения для теплиц. И эти проблемы нам удалось в Москве решить.

Но не следует думать, что Григорий Михайлович никогда не допускал ошибок, и наши дружеские отношения сглаживали принципиальные вопросы.

Мой рабочий день начинался в восемь утра и заканчивался поздно. Для приёма по личным вопросам у меня не было специального «окошка», и люди шли в любое удобное время. Не было никаких охранников, и попасть к партийным или советским работникам не представляло никаких трудностей. Двери кабинетов были открыты для всех желающих.

Однажды утром ко мне в кабинет зашли два молодых человека, операторы по добыче нефти. Поздоровались, я пригласил их пройти, сели за стол. Один говорит: «Сергей Дмитриевич, когда же будут тепло и горячая вода в третьем микрорайоне?» Вопрос был задан не случайно. Была вторая половина августа, стояла прохладная погода. Дело в том, что строители должны были установить на теплотрассе тепловые компенсаторы новой конструкции, поэтому трассу, естественно, отключили. Я рассказал об этом молодым людям, пояснил, что проведение таких работ необходимо.

Тогда один из собеседников прервал меня и сказал: «Сергей Дмитриевич, нам всё понятно, но... Знаете, я с женой и маленькой дочкой приехал сюда в 1987 году, мы жили в вагончике. Условия, понимаете, какие были. Дочку простудили, она заболела пневмонией, спасти её не удалось, она умерла. Теперь, спустя пять лет, мы получили благоустроенную квартиру. У нас есть всё: мебель, ковры, холодильник, телевизор, а недавно родился сынишка. Так вот, жена согревает его своим телом. Если он умрет, кто будет виноват?»

Такой вопрос застал меня врасплох. Я не знал, что ответить, и сказал: «Наверное, я». Успокоил их, пообещал принять меры, чтобы к 30 августа тепло в домах появилось. Они ушли.

Я попросил секретаря Наталью Яковлевну, незаменимую и добросовестную помощницу, пригласить к 10 часам членов бюро горкома и руководителей трестов Малинского, Луценко, Кукуевицкого. В назначенное время все собрались. Присутствующим я рассказал о встрече с рабочими, спросил, как идут работы, какие сроки окончания и пуска теплотрассы. У строителей, как бывает в таких случаях, нашлось что сказать. Стали объяснять причины срыва графика работ. Пришлось их прервать: «Срок окончания всех работ — 30 августа. Организуйте круглосуточную работу. Если не будет в этот срок подано тепло, то прошу Малинского, Луценко и Кукуевицкого добровольно сдать партбилеты, а значит, вы лишитесь своих должностей. Вы, Григорий Михайлович, будете докладывать мне и председателю горисполкома ежедневно о ходе работ. А редактору газеты «Ленинское знамя» Корчемкину и директору местного телевидения Ворошилову рекомендую рассказать о нашей встрече и ежедневно сообщать жителям города о результатах работы на теплотрассе». Я следил, как ведутся работы. Огни электросварки сверкали во мгле ночей. Строители сделали всё возможное и невозможное, и 29 августа эксплуатационники подали тепло и горячую воду в дома третьего микрорайона. Я ещё раз убедился в организаторских способностях Кукуевицкого.

Григорий Михайлович стремился, чтобы в городе строили девятиэтажные дома улучшенной планировки,

более комфортные. По его инициативе удалось построить школу искусств, аэровокзал, кинотеатр «Октябрь» с рестораном и кафе, детские сады с плавательными бассейнами, спортивные объекты, а также Дворец нефтяников. Спустя некоторое время в Нижневартовск пригласили московских строителей. Они возвели 16-этажные дома, которые помогли решить жилищную проблему в городе.

Кукуевицкий также считал, что в городе должны быть памятники. Судьба первого такова. Приближалась 30-летняя годовщина начала Великой Отечественной войны. Григорий Михайлович пришёл в горком с предложением: заложить 22 июня 1971 года памятный камень в парке отдыха, а затем построить памятник погибшим нижевартовцам. Он нашёл художников и скульпторов, которые быстро сделали несколько эскизов памятника. Один из предложенных вариантов мы одобрили. Григорий Михайлович профинансировал стройку, не предусмотренную сметой. Теперь у горожан есть памятник, к которому идут и стар, и млад поклониться и в горести, и в радости. Второй памятник — всем известный монумент «Покорителям Самотлора».

Безусловно, большую помощь в строительстве Нижневартовска оказывал Главтюменнефтегаз. Наши проблемы занимались и В. И. Муравленко, и А. С. Парасюк, заместитель начальника по строительству, и начальник отдела капитального строительства И. А. Гуля. Они оперативно решали все вопросы комплексного обустройства месторождений, строительства города и вахтовых посёлков, часто бывали у нас.

Парасюк так отзывался о Кукуевицком: «Деловых способностей ему не занимать. Считаю его одарённым, грамотным руководителем. Предложения и советы Григория Михайловича учитывались при выделении капитальных вложений. На него всегда можно было положиться, знал, что не подведёт».

Опирался Кукуевицкий на помощь своих друзей из института Гипротюменнефтегаз Н. К. Праведникова, Я. М. Кагана, В. Б. Гамарника, И. Ш. Алеева, В. Т. Пермякова. В институте было много профессионалов, которые делали по просьбе Григория Михайловича всё возможное, а иногда и невозможное. Хорошо знали организаторские способности Кукуевицкого руководители Миннефтегазстроя Б. Е. Щербина, Ю. П. Баталин, В. Г. Чирсков, Г. И. Шмаль, Г. Н. Судобин, А. И. Сорокин, И. И. Мазур. Будучи в разные годы заведующими отделом строительства обкома В. П. Курамин, В. Я. Возняк, В. Д. Филатов, Г. М. Голощапов активно помогали ему. С пониманием и уважением относились к нему и руководители горкома партии и горрайисполкомов Н. Я. Токарев, Э. Д. Бушмакин, И. М. Сосновских, В. Д. Салмин, Н. А. Москаленко, С. И. Денисов.

С Кукуевицкими мы жили в одном подъезде. Дружили семьями, часто ходили друг к другу в гости. Я видел, каким он был прекрасным семьянином. Он был надёжным во всём. Жена Валентина Алексеевна вспоминает о нём: «Каким бы ни было настроение у Гриши, не помню случая, чтобы он кому-нибудь из домашних нагрубил, наоборот, всегда старался подбодрить добрым словом. В семье царило доверие и уважение».

Григорий Михайлович очень любил своих дочерей и, конечно, баловал их. Как правило, всегда из командировки привозил подарки.

Нижневартовск неоднократно посещали секретари ВЦСПС С. А. Шалаев, А. П. Бирюков и В. Ф. Богатиков. Однажды я обратился к Богатикову с просьбой о выделении нижневартовцам туристических и санаторно-курортных путёвок. Владимир Фёдорович предложил комплектовать группу и возглавить её.

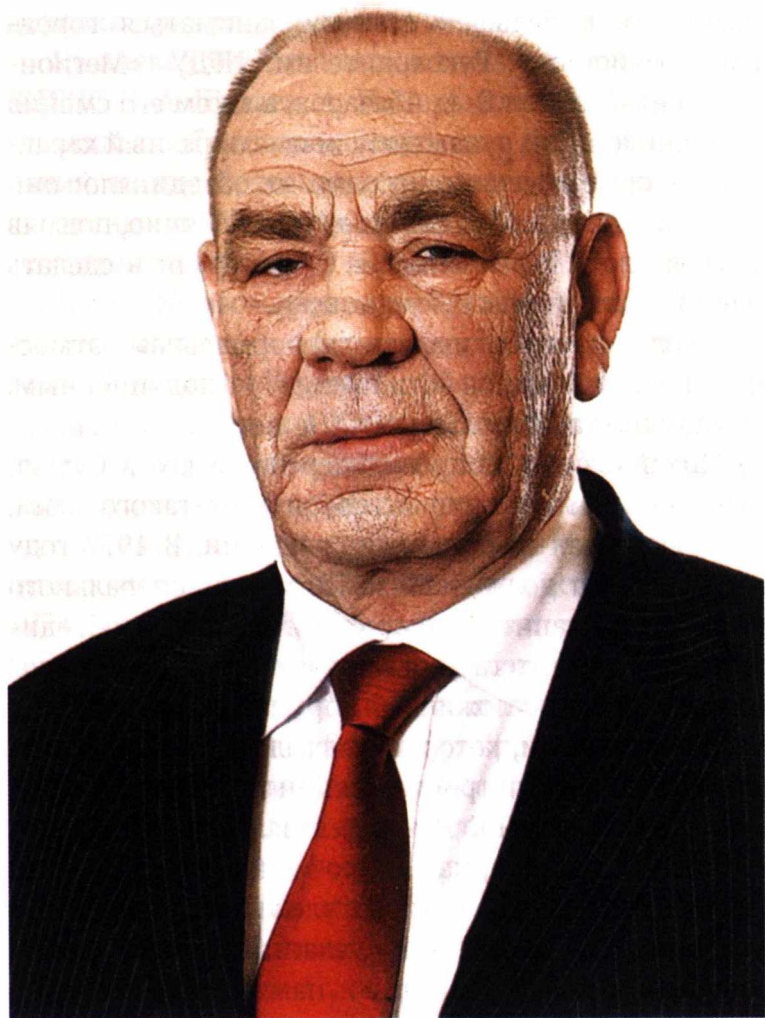
Таким образом группа нижневартовцев из 35 человек отправилась в 14-дневную турпоездку на теплоходе «Советская Украина». Мы побывали в Турции, Греции, на Кипре и в Египте. В этой поездке я ближе узнал о взаимоотношениях между Кукуевицкими. Они отличались от других. Одевались модно, постоянно были вместе, принимали активное участие в проводимых мероприятиях. На теплоходе встретили Новый 1974 год. Григорий любил шашлык и был большим специалистом по его приготовлению. Даже туристы из Узбекистана подтвердили, что шашлык Кукуевицкого ничем не уступает узбекскому. Кроме того, Григорий Михайлович знал много анекдотов, разных баек, с ним было легко и весело. Большинство туристов устремлялось за покупками, а Кукуевицкие старались посмотреть исторические места и памятники тех стран, в которых мы останавливались.

Р. И. Кузоваткин доверял Кукуевицкому, предоставлял ему свободу действий, поэтому заместителя начальника по строительству уважали, с его мнением считались. Когда было образовано НГДУ «Нижневартовскнефть», Кузоваткина назначили на должность

начальника, а Кукуевицкий остался на прежней должности в НГДУ «Мегионнефть», на которое возлагалась обязанность в большей степени заниматься городским хозяйством. Руководителем НГДУ «Мегионнефть» сначала стал В. А. Абазаров, а затем его сменил А. Л. Резников. Эти руководители имели разный характер и деловые качества, но одно их объединяло: они любили власть, распоряжались ею единолично, подмяв под себя своих заместителей. Оба старались сделать это и по отношению к Кукуевицкому.

В коллективе создалась ненормальная атмосфера, неуважительное отношение к подчинённым. Сотрудники стали увольняться. Не выдержал и Григорий Михайлович и попросил перевести его в Сургут. Я, конечно, пытался его отговорить от такого шага, но он настаивал на принятом решении. В 1977 году он перешёл на должность заместителя генерального директора по капитальному строительству в объединение «Сургутнефтегаз» и занимал её до конца своей жизни. У него сложились нормальные отношения с В. Л. Богдановым, который уважал Григория Михайловича, считал его патриотом земли тюменской.

Дорогой Григорий! Вот рассказал о тебе, и сразу стало легче на душе, как будто исполнил свой долг. Казалось бы, вся твоя жизнь уложилась в несколько страниц. Но каких! Всё, сделанное тобой, остаётся людям. Вечная тебе слава и память, дорогой друг и товарищ!



**КУРОПАТКИН
ЕВГЕНИЙ ИВАНОВИЧ**

БЕССТРАШИЕ И ОДЕРЖИМОСТЬ ЕВГЕНИЯ КУРОПАТКИНА

По приглашению генерального директора ЗАО «Нижевартовскстройдеталь» Александра Фёдоровича Литуса еду в родной город. Предстояло участвовать в мероприятии по увековечению памяти дорогого для меня человека, соратника Евгения Ивановича Куропаткина. До Нижневартовска в вагоне СВ еду один, без попутчиков. Времени предостаточно, чтобы обдумать многое, вспомнить совместную работу.

В памяти, как в калейдоскопе, мелькали основные моменты нашего общения. Всё началось с первого знакомства в только наступившем 1970 году при сдаче муравленковского первого пятиэтажного панельного дома. Спросите, почему муравленковского? С самого начала своей работы в Тюменской области первый начальник Главтюменнефтегаза В. И. Муравленко по-особому относился к застройке будущего города нефтяников — Нижневартовска. Он настоял, чтобы новосибирский проектный институт за основу генерального плана взяли застройку города Тольятти.

Тут же договорились с Евгением Ивановичем встретиться в райкоме партии на следующий день. Момент этот запомнил на всю жизнь. В кабинет вошёл высокий мужчина в унтах, в тёплом свитере ручной крупной вязки. Особо обратил внимание на его широкий открытый лоб, густые брови, азартно сверкающие глаза, добрую улыбку, приятное лицо.

Крепко пожали друг другу руки. Сразу почувствовал его физическую силу. Говорил, в основном, он, негромко, хрипловато, но с приятной баритональностью. Для меня встреча это была весьма актуальной, нужной в моей работе с коллективами строительных организаций, которые увеличивались в разы.

Евгений Иванович был старше меня, ему было 33 года. С виду он показался человеком простым, открытым, как говорят в народе — душа нараспашку. Но это было лишь видимостью. На самом деле это был целеустремлённый, собранный и сдержанный человек, знающий своё место в деле и в обществе. На мои вопросы отвечал чётко и аргументированно, имел своё мнение, которое открыто высказывал.

Я часто задумывался, откуда он черпает силу? Что помогает ему быть уверенным, вести себя достойно, выходить из сложных ситуаций, при этом всегда идти вперёд, быть успешным? Приходил к одному выводу. У него надёжный тыл: его семья и, прежде всего, его жена Раиса Яковлевна, его верный друг и соратник. Очевидность этого я особенно понял, когда Евгения Ивановича не стало. Раиса Яковлевна уверенно продолжает его дело, свято чтит его память.

Евгений Иванович был из породы трудоголиков. И за это приходилось расплачиваться напряжёнными днями, а порой и ночами, когда ему уже никто не мешал. Он был яростным курильщиком, везде и много курил. В его кабинете стоял крепкий табачный аромат, ибо он выкуривал одну сигарету, тут же брал новую, что, вероятно, и сократило его жизнь. Как-то признался: «Мало ли что в табачном дыму пригрезить-

ся». Тогда он не задумывался, что когда-то это скажется на его здоровье. Он совсем не думал о себе, главным были люди, для которых он строил и строил. Мастерство руководителя Евгения Ивановича заключалось в том, что он старался с уважением относиться к тому, что говорилось в рабочей среде, и многое брал себе на заметку. За открытость и доброжелательность горожане платили ему доверием, откровенностью и уважением. Безусловно, большую роль играли его личный авторитет и коммуникабельность. Хватка у него была поразительная, как правило, она позволяла достичь поставленной цели, приводила его к положительному конечному результату. Отсюда и разительные перемены в трудовом коллективе объединения «Нижневартовскстройдеталь». Ещё при жизни ему заслуженно



*Опытный руководитель
и строитель от Бога*



*Среди строителей ЗАО
«Нижневартовскстройдеталь»*

было присвоено высокое звание «Почётный гражданин города Нижневартовска».

Надо признать, что Евгений Иванович был народным не только по характеру, но и в своей доступности, простоте, отзывчивости. К нему мог прийти, кто угодно и когда угодно. И шли... Кто со своей бедой, кто с заботами и нуждами, кто просто посоветоваться, надеясь выслушать умное, тёплое слово. Он мог ободрить, помочь, если не делом, так отеческим отношением и вниманием к собеседнику. Я так скажу: он был по-настоящему народным.

В 1983 году в жизни Евгения Ивановича произошло важное событие. Как одного из самых опытных руководителей его назначили директором Нижневартовского ДСК, который впоследствии стал крупней-



*Поощрение рабочих ДСК на стройплощадке
было правилом Е. И. Куропаткина*

шим домостроительным комбинатом в округе, области и в Министерстве промышленного строительства СССР. Мощность комбината позволяла выпускать до 300 тысяч квадратных метров в год панельных домов. Ввод в эксплуатацию комбината позволил значительно ускорить темпы строительства жилья в городах и посёлках Нижневартовского района: Нижневартовске, Мегионе, Лангепасе, Покачах, Радужном и Излучинске. В год только в Нижневартовске сдавалось более 200 тысяч квадратных метров, а это 13 шестиэтажных и девятиэтажных домов. Е. И. Куропаткину удалось применить перспективные серии в ДСК, что изменило внешний облик городов Среднего Приобья, увеличило приток населения. Эти перемены помогли нефтяникам значительно повысить рост добычи нефти, её переработки, увеличить утилизацию попутного нефтяного газа, и в целом — ускорить развитие и становление Тюменского нефтяного комплекса.

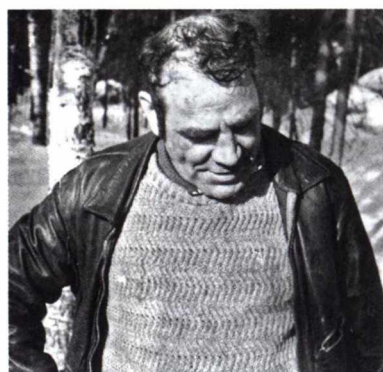
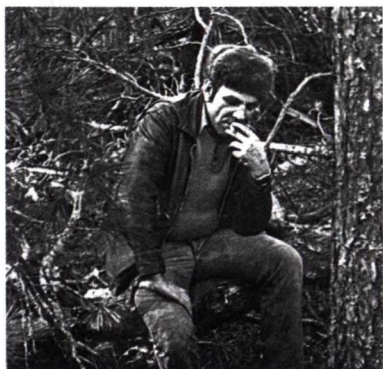
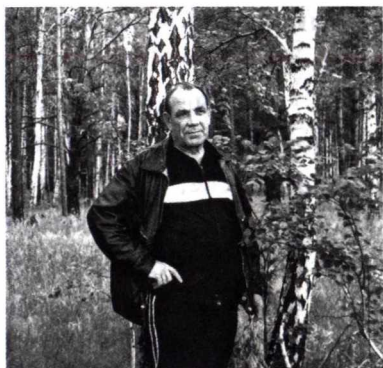
В период экономического кризиса в начале 90-х годов рушилось буквально всё, в том числе и отлаженный строительный комплекс в районе и регионе. Спад в экономике не обошёл стороной и Нижневартовск. Нужно было искать и находить выходы из сложившейся обстановки, и здесь как никогда пригодился многолетний опыт строителя от Бога Е. И. Куропаткина.

В начале периода глубочайшего кризиса в стране Евгений Иванович возглавил управление по капитальному строительству во вновь образованном банке и сумел построить в Нижневартовске ряд архитектурно современных зданий. Казалось бы, всё шло хорошо, но он тосковал по реальному, большому

производственному делу. В 1998 году его приглашают возглавить коллектив завода КПД, который «лежал в лёжку». Обстановка на предприятии была ужасающая, не работало большинство цехов. Лучшие инженерные и рабочие кадры разбежались, оборудование было испорчено и разграблено. Евгений Иванович вновь встал у руля коллектива, и, узнав об этом, многие вернулись вслед за ним. В сжатые сроки была собрана высокопрофессиональная команда. В тяжелейших условиях ему удалось восстановить производство, большую часть реконструировать, внедрить новые технологии в домостроении, улучшить планировку квартир, значительно повысить этажность, что способствовало более динамичному развитию панельного домостроения в Нижневартовске и городах Среднего Приобья.

Большим преимуществом ЗАО «Нижневартовскстройдеталь» стало наличие собственного производства по выпуску строительных конструкций, отвечающих требованиям Госстандарта. В домах компании устанавливаются стеклопакеты, застекляются лоджии и балконы, утепляются технические подвалы, монтируются домофоны, счётчики холодной и горячей воды, терморегуляторы, пожарные гидранты, современные скоростные лифты. Словом, делается всё для удобства и комфорта жильцов.

Внедрён проект долевого строительства. Компания предлагает всем, кто желает приобрести квартиры, индивидуальный подход к системе оплаты. Это может быть оплата полная, частичная или внесение сумм долями. В этот проект вовлечены банки,



Таким он был в жизни...

Соратники, друзья*Н. Г. Островский**В. В. Тихонов**С. С. Великий*

администрации городов, районов и предприятий Ханты-Мансийского автономного округа — Югры.

Мне приходилось бывать в Нижневартовске, несмотря на то, что давно покинул Тюменский Север. Всегда считал своим долгом встретиться с Евгением Ивановичем. Наше общение было обоюдно полезным. Он рассказывал о болевых производственных и социальных точках трудового коллектива, взаимоотношениях с руководителями городов, районов и округа, о сложностях при заключении договоров на строительство домов. Как он помудрел за прошедшие годы!

Беседа с ним, поражался его суждениям, они часто были неожиданными и настолько глубокими, что всегда наводили на размышления. Никогда нельзя было предугадать, что он скажет по тому или иному поводу. Да и он сам признавался, что выступает обычно экспромтом. Видел, как он прикладывал немало сил, для решения задач, которые требовали делового подхода. Видел, что чем старше он становился, тем щедрее старал-

ся раздавать накопленный строительный опыт, делился мудростью руководителя.

Он всегда готовил себе замену, растил будущих руководителей сложного строительного производства. При этом руководствовался одним правилом — они должны быть умными, добрыми и продолжить дело, когда его не станет...

При каждой встрече с ним я видел, как он требовательно относился к себе, делился успехами, гневно возмущался по поводу тех, кто его не понимает и не желает помочь коллективу выжить в непростых условиях, в которых оказалась страна.

Это я видел и в советское время, когда только начиналось строительство города. Были и такие, которые предпочитали брюзжать, ныть, были недовольными всем и вся, озабоченными больше всего тем, как бы спокойно отсидеться, пережить. К таким он был беспощаден, стараясь эту «пену» смыть, а опирался только на тех, кто с ним шёл в «бой».

Евгений Иванович не был слабонервным, мог держать удар

Соратники, друзья



А. Ф. Литус



Р. Г. Одокиненко



С. Д. Великопольский

Соратники, друзья*С. И. Денисов*

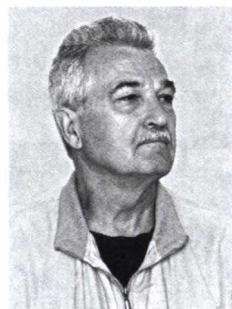
любой силы, для него главным было «скрепить» коллектив, делая его более работоспособным, поднимая на новые высоты и вновь добиваясь успехов.

Предприятие не снижает взятых темпов при сдаче жилья и объектов соцкультбыта. Искренне порадовался, когда узнал, что «куропаткинский» коллектив перешагнул сотысячный рубеж по вводу жилья.

Сейчас, когда Евгения Ивановича с нами нет, созданное им предприятие по-прежнему остаётся лидером жилищного строительства в городе, округе и Российской Федерации.

Мои воспоминания о Евгении Ивановиче на этом как бы обрываются, к сожалению, новых уже не будет. Вместо последних слов «прости и спасибо за всё» хочется сказать о важных, порой судьбоносных моментах совместной жизни, мужской дружбы.

Нижневартовцы достойно проводили Е. И. Куропаткина в последний путь. Его имя не забыто. Память о нём живёт в коллективе — сохранили его рабочий каби-

*В. Ф. Голубничий**Ю. В. Чекрыгин*

нет, установлены мемориальные доски на административном здании «Нижневартовскстройдеталь», на подшефной школе № 2. В городе сооружён памятный мемориал, позволяющий горожанам, проходя мимо, склонить свои головы. Стало доброй традицией коллектива принимать здесь молодых «стройдеталевцев» в рабочие, награждать памятными медалями ветеранов и передовиков производства. Возведённый храм-часовня Всех Святых на городском кладбище, где покоится его прах, построенный под его руководством и на его личные средства, всегда будет вечным памятником.

Евгений Иванович удостоен звания лауреата областной премии имени В. И. Муравленко, ему присвоено звание «Почётный нефтяник Тюменской области», его имя внесено в энциклопедию «Поколение В. И. Муравленко», изданную Фондом, и в книги воспоминаний его соратников и единомышленников. Спасибо ему за всё. Буду помнить его, пока живу на свете.

Соратники, друзья



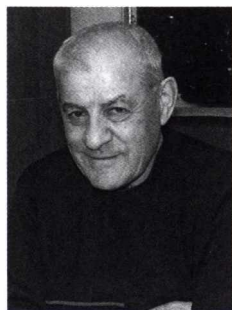
А. И. Заклунный



М. Р. Хасанов



П. П. Юрченко

Соратники, друзья*И. М. Чекмарёв**В. Г. Пысенок**Н. Я. Крупинин**И. В. Бондаренко**С. Н. Бакунин**Я. М. Малинский**М. З. Резник**Г. Н. Емельянов**Е. А. Луценко*

Соратники, друзья



В. И. Короченко



Г. М. Кукуевицкий



Г. И. Пикман



В. М. Захаров



Г. М. Метелица



Ю. Н. Пониждов



З. С. Гатауллин



Я. А. Ланге



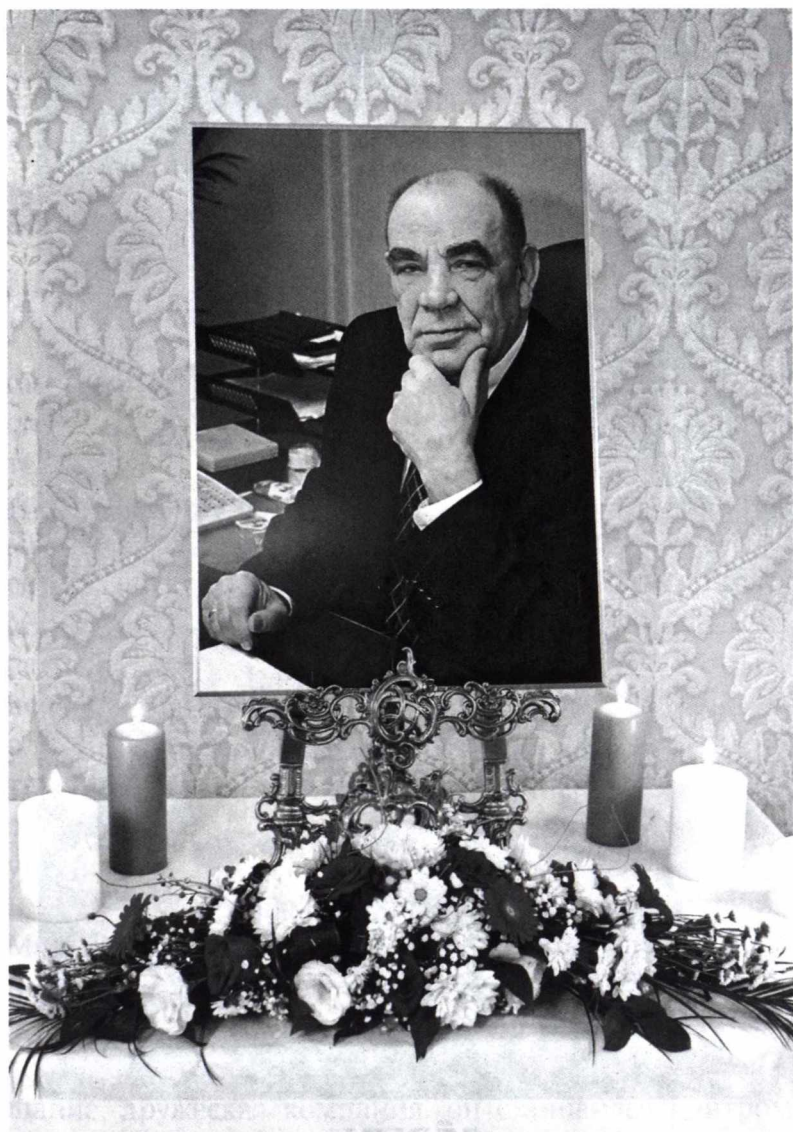
Ю. Г. Шереметьев



После посещения могилы Е. И. Куропаткина на Нижневартовском городском кладбище



*Мемориал памяти Евгения Ивановича Куропаткина
в городе Нижневартовске*



*Светлая память о Евгении Ивановиче Куропаткине
в наших сердцах*



**ЛЁВИН
ГЕННАДИЙ МИХАЙЛОВИЧ**

БУРОВОЙ МАСТЕР — ЗАМЕСТИТЕЛЬ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ ВЕРХОВНОГО СОВЕТА РСФСР

Каждому из нас в жизни встречается много людей. Одни остаются просто знакомыми, другие — коллегами по работе или добрыми соседями. Но есть те, кто становятся друзьями на всю жизнь. Это, как правило, те, кто идёт с тобой по жизни рядом, кто исповедует те же принципы, что и ты, кто твой соратник и единомышленник, на кого ты можешь положиться в любой ситуации. Именно из числа таких людей — Геннадий Михайлович Лёвин — буровой мастер, Герой Социалистического Труда, Заместитель Председателя Верховного Совета РСФСР. Согласитесь, практически не было в то время стран, да и в современной России это характерно, где бы простой рабочий был избран в высший орган государства, достойно представляя его на всех уровнях.

Но, несмотря на все регалии и звания, Геннадий Михайлович был доступным для общения, интересным собеседником, без зазнайства и апломба, добрым и внимательным человеком. В любой ситуации, будь то официальное мероприятие, производственное совещание, дружеская компания, он становился центром притяжения. Он был профессионалом до мозга костей, умел донести до слушателя свои суждения, вычлняя, как правило, самую суть, заразить присутствующих

оптимизмом, умением полемизировать, способностью прислушиваться к другому мнению, принимать компромиссные решения. Он всегда был «на высоте».

Мы с Геннадием Михайловичем одногодки, но я считаю его своим наставником в познании производственной специфики работы буровика. Это был мой фундамент, на который я опирался в период своего становления как партийного работника, руководившего и участвовавшего вместе с ним в решении ответственных государственных задач развития и становления нефтяной промышленности в Нижневартовском районе, в деле освоения знаменитого Самотлора, строительства города нефтяников Нижневартовска.

Более 40 лет назад бригада бурового мастера Г. М. Лёвина первой в отрасли преодолела рубеж проходки в 100 тысяч метров горных пород! Все эти годы бережно храню у себя защитную каску с полустёртой надписью «100 000 — Г. М. Лёвин», которую он подарил в качестве экспоната в кабинет-музей В. И. Муравленко, где сейчас находится Тюменский областной общественный Фонд его имени. Трудовой подвиг «лёвинцев» повысил качество развернувшегося социалистического соревнования среди буровых бригад в Западной Сибири. Такое новаторство многим не нравилось, да и завистников у них было предостаточно.

Пришлось встать на защиту. В газете «Социалистическая индустрия» был опубликован мой материал «Самотлор — передний край», в котором мне пришлось убеждать «неверующих», что такие результаты — это не предел, есть резервы, которые ещё не в полной мере использованы. Ведь не секрет, что в зимний пери-

од производительность была значительно ниже, чем в летний. Дело в том, что в сильные морозы, которые стояли постоянно, правила эксплуатации оборудования запрещали вести проходку. Да и станки, выпускаемые Волгоградским заводом «Баррикады», предназначались для Центральной полосы России. У нас их переделывали заново с учётом местных условий, на это уходило много сил, времени и средств.

За новые агрегаты БУ-80 сразу же принимались газорезчики, чтобы облегчить станок, поставив его на железнодорожное основание. Недостатки были при освоении пробуренных скважин. Посудите сами, бригада Г. М. Лёвина пробурела скважину 16 мая, а приток нефти получили только 31 октября. Спрашивается, стоило ли биться за часы и минуты, если практических результатов пришлось ждать пять месяцев?!



Лёвинская улыбка

Много проблем на Самотлоре возникало при сдаче в эксплуатацию 15–20 наклонно-направленных скважин, стоящих «батареями» на одной площадке. Требования техники безопасности были таковы, что пока не пробурена последняя скважина, их нельзя подключить к системе сбора. В итоге — длительный простой, значительные средства заморожены. Несмотря на все эти обстоятельства, бригаду Г. М. Лёвина всегда отличали качество и высокие скорости проходки. В этом он был убеждён: чем быстрее буришь, тем лучше качество. Когда бригада работает без ошибок, то у неё само собой получатся 100 тысяч метров. На такие показатели мы должны выходить? Правда, некоторые «умники» говорят, что качество при таких результатах теряется.



Канадские нефтяники на Самотлорском месторождении.

Пояснения дают: Г. М. Лёвин и В. И. Муравленко

Чепуха всё это! Когда думаешь о тех, кто так рассуждает, то приходишь к выводу, что они ничего не понимают в бурении.

Этот стиль работы Г. М. Лёвин перенёс в Сургутское УБР-2, где он стал начальником. Геннадий Михайлович был у руля данного предприятия свыше 20 лет! Без преувеличения могу сказать, что он буровик высшей пробы, личность, оставившая в нефтяной отрасли заметный след.

Но лидер всегда один! Сегодня мало кого из той великолепной первой плеяды буровых мастеров можно увидеть на производстве в нефтяных компаниях, за исключением ПАО «Сургутнефтегаз». Но тем и ценен подвиг бригады мастера Г. М. Лёвина, первой пока-



Группа артистов «Мосфильма» во главе с Народным артистом СССР, кинорежиссёром Иваном Переверзевым в бригаде мастера Г. М. Лёвина на Самотлоре. 1970 г.

завшей ориентир для идущих за ними. В 1970–1980-е годы Г. М. Лёвин был стахановцем-буровиком, это был человек-символ, человек-легенда своего времени. Его опыт взят на вооружение молодыми буровыми бригадами во всех трёх УБР ПАО «Сургутнефтегаз».

Г. М. Лёвин родился в нефтяном Баку, в многодетной крестьянской семье. У него было пять братьев и четыре сестры. Отец и три брата работали на нефтяном промысле.

С открытием нефтяных месторождений в Башкирии, Татарии, Куйбышевской и Оренбургской областях, названных «вторым Баку», семья Лёвиных переезжает в город Сызрань, где работают на промыслах.

Геннадий Михайлович в 1957 году успешно окончил Сызранский нефтяной техникум и после демобилизации из рядов Советской армии вернулся в город Отрадный, где начал трудовую биографию помощником бурильщика Коханской конторы бурения объединения «Куйбышевнефть». В 23 года Г. М. Лёвин возглавил буровую бригаду, когда начальником объединения «Куйбышевнефть» был уже широко известный в стране В. И. Муравленко, с которым они неоднократно встречались. На дела бригады Г. М. Лёвина Виктор Иванович «положил глаз».

Г. М. Лёвин так вспоминает о событии, которое повлияло на его дальнейшую жизнь и судьбу его бригады: «В 1965 году мы узнали, что В. И. Муравленко, наш буровой «покоритель», которого мы искренне уважали, переезжает в Тюменскую область. Для нас, нефтяников-буровиков, эта новость была неожиданной. Для тех, кто знал Виктора Ивановича, было понят-

но: если ЦК КПСС и Совет Министров СССР «заслали» его в Западную Сибирь, то надо ждать перемен в отрасли. Здесь точно будет новый перспективный нефтяной регион. За В. И. Муравленко потянулась плеяда куйбышевских нефтяников, буровиков, операторов, специалистов, уже имевших большой опыт работы. В. И. Муравленко предложил мне и всей нашей бригаде переехать в Нижневартовск, где в разработке находилось пять нефтяных месторождений, и был открыт Самотлор. Согласились!»

Итак, в разгар сибирской зимы, в праздничный День Советской армии и Военно-Морского флота СССР десант куйбышевских буровиков прибыл в рабочий посёлок Нижневартовский. В нефтяной отрасли это был первый эксперимент, когда члены бригады вместе с семьями



*В составе делегации Миннефтепрома СССР Г. М. Лёвин
знакомится с работой буровиков Канады*

отправились из насиженных мест на необжитые пространства Сибири. Об этом Г. М. Лёвин вспоминает: «Нас поселили в клуб нефтяников, в помещении стояла такая стужа, что не позволяла снимать верхнюю одежду. Пришлось соорудить «козлы», чтобы согреть зрительный зал, где нас расселили. В этот же год, в середине июня, мне первому дали трёхкомнатную квартиру. Выехал в Отрадный забрать семью. Вместе с моими приехали ещё четыре семьи, которых поселил в нашей квартире».

По указанию В. И. Муравленко бригаде был передан двухэтажный деревянный дом. Этот дом не удалось сохранить, сегодня на его месте возведена 16-этажная высотка.

1970 год был знаменит двумя событиями — 100-летие со дня рождения В. И. Ленина и заверше-



*Лётчик-космонавт СССР В. А. Джанибеков
в гостях у буровой бригады Г. М. Лёвина*

ние восьмой пятилетки, по результатам которой были досрочно перевыполнены директивы XXIII съезда КПСС. Значительный вклад в это внесли нефтяники Тюменской области.

Впервые в области проходили Дни советской литературы, организованные Союзом писателей СССР и Тюменским обкомом КПСС. В маршрут писательских встреч был включен и Нижневартовск. Для меня это было первым испытанием, предстояло не только встретить множество гостей «с хлебом и солью», а главное — организовать встречи писателей и поэтов с читателями, показать Самотлорский нефтепромысел, где нужно было провести встречу с коллективом буровой бригады Г. М. Лёвина. На теплоходе «Генерал Карбышев» из Тобольска по Иртышу и по Оби они дошли до Нижневартовска. С нас начинался отсчёт «писательского марафона» по городам и районам двух автономных национальных округов.

Группу писателей возглавлял секретарь Союза писателей СССР писатель Алим Кешоков, сопровождал делегацию секретарь Тюменского обкома КПСС по идеологии Д. А. Смородинсков. Мне посчастливилось общаться с такими известными советскими писателями и поэтами, как Сергей Смирнов, Чингиз Айтматов, Михаил Дудинин, Александр Кукарский, Алексей Ананьев, Андрей Вознесенский, Юлия Друнина и Ольга Берггольц. Были и тюменские знаменитости — писатель Константин Лагунов, поэты Юван Шесталов и Леонид Лапцуй, поэт-художник Иван Истомина.

Во время составления программы пребывания писателей в нашем рабочем посёлке Нижневартовский

я познакомился с Г. М. Лёвиным, И. М. Сосновских, В. И. Хлюпиным и И. И. Рынковым.

Встречали гостей на берегу Оби в створе улицы Мусы Джалиля. Это было единственное место, свободное от сплошного берегового «безобразия». Вся прибрежная часть была завалена стройматериалами, трубами, разбитыми баржами и катерами. Отделом культуры для встречи были подобраны две высокие, красивые девушки, одетые в праздничные яркие костюмы. Им было поручено преподнести гостям «хлеб и соль». Для встречи столь высоких гостей собралось много народу. Этому способствовал солнечный и тёплый летний день. Среди встречающих были участники художественной самодеятельности, молодёжь, передовики производства — нефтяники, геологи, строители и руководители.

Встретили торжественно, гостеприимно и все вместе направились в ДК «Юбилейный», где должна была состояться первая встреча. Вели эту встречу заведующий отделом пропаганды райкома КПСС В. Д. Салмин и председатель райисполкома Н. Я. Устьянцев. Выступали писатели и поэты, дарили свои книги, раздавали автографы. Их порадовали своим искусством наши коллективы художественной самодеятельности. Другая группа гостей в количестве 11 человек во главе с С. С. Смирновым, мною и Г. М. Лёвиным вылетела на вертолёте МИ-4 на Самотлорский нефтепромысел, где предусматривалась встреча с известной бригадой буровиков. Нижневартовск был связан с Самотлором только воздушным путём, поскольку автомобильной дороги ещё не было. Посадку произвели на ДНС-1.

От вертолётной площадки до ДНС надо было пройти около 70 метров по «дорожке» из сбитых друг с другом двух досок. Шедший за мной С. С. Смирнов оступился и одной ногой по щиколотку провалился в самотлорскую болотину. Он мужественно перенёс эту неприятную оплошность. На площадке нас встретил первый начальник Самотлорского промысла И. И. Рынковой, который распорядился, чтобы помогли Сергею Сергеевичу смыть грязь с брюк и ботинка. Остальным он с юмором начал рассказывать о подобных эпизодах, о встрече с медведем, который нарушил спокойную жизнь нефтяников. «Миша» дважды ночью беспокоил вахтовиков, находившихся в жилвагончике, и перетоптал красочный информационный стенд, приготовленный для встречи гостей. Лишь после этого Иван



С ветеранами на мероприятии, посвящённом 40-летию образования Главтюменнефтегаза. Тюмень, 2010 г.

Иванович в доступной форме начал рассказ о первопроходцах Самотлора, о работе буровиков, операторов, строителей, дорожников и транспортников. Всё это было интересно, гости задавали много вопросов, фотографировались, снимали на видеокамеру. После этой встречи на ДНС перешли на «куст», сооружённый искусственным путём на озере, где бурила очередную скважину бригада Г. М. Лёвина. Гостей радушно встретили начальник Нижневартовского управления буровых работ № 1 В. И. Хлюпин, секретарь парткома М. Т. Парфенюк, председатель профкома М. Г. Атоян, Г. М. Лёвин и его замбурмастер И. М. Сосновских.

Имя Г. М. Лёвина уже было широко известно в стране. Бригаде Геннадия Михайловича доверили бурить

вторую скважину на озере Самотлор. Первую эксплуатационную скважину № 200 пробурила бригада бурового мастера С. А. Повха. В 1970 году бригадой Г. М. Лёвина было пробурено 65 тысяч метров проходки методом наклонного бурения с одного куста.

Встреча писателей на буровой затянулась. Разделившись на две группы (одна — с Г. М. Лёвиным, другая — с И. М. Сосновских), гости знакомились со сложным буровым хозяйством



У памятника В. И. Муравленко на его малой родине — станции Незамаевская

и процессом бурения. Они наяву увидели, что трудовая слава приходит к физически крепким мужикам в результате профессиональной слаженной работы каждого участника вахты. Их тяжёлый изнурительный труд не прерывался ни на минуту во время технологического бурения скважины. Свободные от вахты бурильщики, смежники собрались в столовой, где общались с писателями, задавая им множество вопросов. Гостей, конечно, интересовало, как проходят трудовые будни, как обустроен быт, учатся ли дети, работают ли жёны? Особенно их волновал один вопрос: что ими двигало, когда, оставив насиженное место в Отрадном с комфортными условиями проживания, они всей бригадой с семьями приехали в Нижневартовск, где всё создаётся с нуля? Ответ один: «Надо! Где мастер, там и бригада. У нас один коллектив — и в этом наш общий успех». Безусловно, в центре внимания был Г. М. Лёвин. Я тоже радовался умению Геннадия Михайловича заинтересовать гостей, а сам подумывал, что именно он будет моим помощником в подобных встречах.

На память о встрече каждому гостю и мне «лёвинцы» подарили необыкновенные сувениры, изготовленные их руками. Это была простая, но такая ценная вещь: сосновая чурочка с просверленным отверстием, куда была вставлена стеклянная пробирка, наполненная нефтью, плотно закрытая резиновой пробкой и залитая парафином. На закрепленной металлической пластинке была надпись «От покорителей Самотлора. 1970 год». Все были в восторге. Каждый оставил свой автограф в вахтовом журнале бригады. Вернулись в Нижневартовск вертолётом. Чуть позже я наблюдал

на теплоходе, как наши гости с восхищением показывали сувенир своим коллегам по перу. Этот подарок я храню до настоящего времени. Он мне очень дорог — первая нефть Самотлора!

Подводя итог пребывания в Нижневартовске, Д. А. Смородинков подчеркнул важность данного мероприятия, высказал организаторам встречи и мне лично слова благодарности от всей делегации. Теплоход взял курс на Сургут.

С 1974 года литературные встречи в нашем городе стали ежегодными. Для доставки писателей и поэтов на Тюменский Север теперь использовался железнодорожный транспорт, дошедший от Сургута до Нижневартовска. Были прямые воздушные рейсы из многих городов страны, в том числе и из Москвы. Писательские «десанты» положительно сказывались на повышении интереса нижевартовцев к советской литературе и поэзии, приобщении молодых людей к чтению художественной советской литературы, к познанию русского языка. Несмотря на сложный период в Нижневартовске, на острую нехватку жилья, школ, детских садов, торговых площадей, общественного питания и быта, я обратился к заказчику НГДУ «Мегионнефть», и в 1971 году один из вводимых продовольственных магазинов был переоборудован в книжный. Он стал центром продажи художественной литературы и подписных изданий, что способствовало повышению культурного уровня горожан, и многие пожелали иметь семейные библиотеки. К их числу отношу и себя. В моей семейной библиотеке насчитывалась почти тысяча книг, приобретенных в Нижневартовске, которые позже перевез в Тюмень.

Это памятное мероприятие дало старт для всех последующих, а их будет предостаточно: встречи с работниками культуры и спорта, писателями и поэтами, артистами кино и театров, со знаменитыми руководителями страны, лётчиками-космонавтами СССР, с зарубежными делегациями журналистов... И каждый раз я обязательно планировал экскурсию в бригаду Героя Социалистического Труда, депутата Верховного Совета РСФСР, Почётного и заслуженного нефтяника СССР бурового мастера Г. М. Лёвина. Несмотря на занятость, он давал возможность членам своей бригады поучаствовать в мероприятиях, а сам был в центре внимания как интересный и радушный хозяин.

Бригада Г. М. Лёвина ставила рекорды в бурении в отрасли и Главтюменнефтегазе. О легендарных мастерах писали книги, снимали документальные фильмы, их показывали по Центральному телевидению. Имя Лёвина можно было услышать из уст высоких работников ЦК КПСС, Совета Министров СССР, Госплана СССР, Миннефтепрома СССР, на сессиях Верховного Совета РСФСР, на съезде ЦК КПСС. На местном уровне их имена звучали на областных, окружных и городских митингах, на партийно-хозяйственных активах, собраниях, совещаниях, конференциях с участием Г. М. Лёвина.

Для нас, нижевартовцев, было почётно и радостно выдвинуть кандидатуру беспартийного бурового мастера, Героя Социалистического Труда Г. М. Лёвина в Верховный Совет РСФСР. Он был избран народом достойно, единодушно.

Наибольшая радостная весть пришла из Москвы, когда Геннадий Михайлович на первом заседании был избран заместителем председателя Верховного Совета РСФСР. Он был в числе восьми заместителей! Хорошо помню день, когда мы с начальником УБР-1 В. И. Хлюпиным и председателем профсоюзного комитета М. Г. Атаяном провели волнующий митинг, на котором столько добрых слов было сказано о бригаде «лёвинцев». Встречали его прямо у трапа самолёта, как государственного деятеля. Мы, руководители, были уверены, что у нас есть напористый, авторитетный член Правительства РСФСР, который будет помощником в реализации грандиозных планов экономического и социального развития района, строительства Нижневартовска, наращивания объёмов добычи нефти на открытых месторождениях и Самотлоре. Он таким был в действительности.

Конечно, у Геннадия Михайловича значительно прибавилось общественных дел. Стали меньше видеть его в бригаде. По депутатским обязанностям ему приходилось ежемесячно выезжать в Сургут, Нефтеюганск, Ханты-Мансийск и Тюмень, вести ежедневный приём людей. И каждый приходил со своими проблемами: не хватает жилья, квартиры, места в детском саду, вопросы по работе, сложности с приобретением товаров, продуктов питания и т. д. И это всё надо было решать. И так было десять лет, поскольку Г. М. Лёвин был дважды избран в Верховный Совет РСФСР, хотя на второй срок он упрашивал его не выдвигать. Не получилось. Настолько он был нужен стране в этом статусе.

Для меня был важный момент в жизни Геннадия Михайловича, когда я добился его вовлечения в ряды КПСС. Я отмечал его организаторские способности, умение быть руководителем, его авторитет, не раз предлагал те или иные должности, на которые без членства в КПСС было сложно претендовать. В его партбилете, который он хранит, есть моя подпись! Я этим горжусь. И был чрезвычайно рад, когда В. А. Усольцев и В. Л. Богданов пригласили его на работу в ПАО «Сургутнефтегаз», доверив высокую должность начальника Сургутского УБР-2.

Уходят в прошлое дни и годы, связывающие меня с Г. М. Лёвиным. Но они всегда в моей памяти. В процессе нашего общения я не переставал удивляться искренности и душевному богатству этого человека. Доступный, эрудированный, энергичный, участливый в решении проблем друзей, благодарный всем, с кем свела его жизнь, Геннадий Михайлович был и остаётся моим кумиром, как профессионал, как человек огромной душевной щедрости, потрясающего чувства долга, верности своим принципам и необыкновенных моральных качеств.

Я бы к нему в полной мере отнёс слова В. Маяковского, выражающие его кредо:

*...Светить всегда, светить везде,
До дней последних донца,
Светить — и никаких гвоздей!
Вот лозунг мой и солнца...*



ЛУЦЕНКО
ЕФИМ АРКАДЬЕВИЧ

МОРСКАЯ ДУША

Среди руководителей города Нижневартовска В. И. Муравленко высоко ценил Ефима Аркадьевича Луценко. И вот почему. В годы Великой Отечественной войны Виктор Иванович работал на Сахалине, где с особым чувством относился к морякам, восхищался их мужеством и героизмом. Его первый заместитель, главный инженер Главка Феликс Григорьевич Аржанов был моряком, юнгой, воспитанным на Соловках, участником морских сражений Великой Отечественной. Е. А. Луценко тоже был моряком.

В Нижневартовск Е. А. Луценко приехал из Москвы. Принял участок строймеханизации. Заместитель министра Миннефтестроя СССР Н. Г. Островский на базе участка создаёт специализированное управление механизации. С учётом возрастания объёмов по строительству жилья и объектов соцкультбыта через год был создан трест «Нижневартовскспецпромстрой», первым управляющим которого назначается Е. А. Луценко. Успех выполнения напряжённых планов по вводу жилья и объектов соцкультбыта во многом зависел от слаженной работы одного треста.

Для всех субподрядных организаций, занятых на строительстве города, земельные и сваебойные работы, подготовка фундаментов, прокладка инженерных сетей и благоустройство территорий выполнялись данным трестом.

Для формирования нового коллектива из фондов Главтюменнефтегаза выделяется землеройная техника:

бульдозеры и экскаваторы, высокогрузные самосвалы, автокраны. Была поставлена задача — в сжатые сроки создать собственную базу. В. И. Муравленко просил своих руководителей в Нижневартовске оказывать всяческую помощь коллективу Луценко.

В совещании, которое проводил министр Минпромстроя СССР А. М. Токарев, участвовали первый секретарь обкома КПСС Б. Е. Щербина, В. И. Муравленко, А. Г. Островский, Г. И. Голтвянский, Я. М. Малинский. Министр подверг серьёзной критике Е. А. Луценко за невыполнение планов по прокладке инженерных сетей во втором микрорайоне, которые не принимались заказчиком НГДУ «Мегионнефть» из-за срыва графика забивки свай в III и IV микрорайонах.

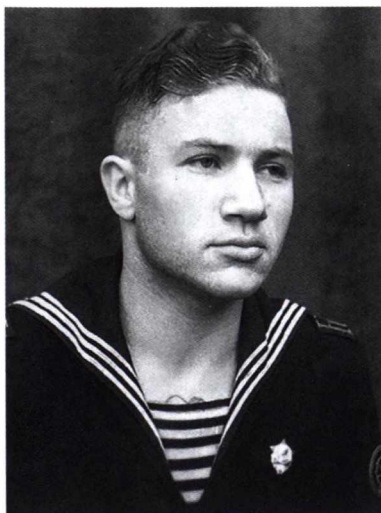
Я наблюдал за Ефимом Аркадьевичем, как он будет воспринимать критику в свой адрес. Терпел тот недолго, потом встал и давай... Обрушился, в свою очередь, с критикой на Министерство, сказал, что под объекты строительно-монтажных работ не хватает сваебоев, свай, экскаваторов, тёплых бетономешалок и другой техники. В связи с этим коллектив треста сдерживает работу других строительных организаций.

Министр А. М. Токарев прерывает Е. А. Луценко и в приказном тоне говорит: «Если услышу подобное второй раз, будете работать рабочим. Найдём управляющего трестом, который не будет ждать министра и объяснять свою работу только одним — недостатком спецтехники». В защиту Е. А. Луценко выступили В. И. Муравленко и Г. И. Голтвянский, которые заверили, что найдут возможность доукомплектования треста недостающей техникой. А. М. Токарев обязал

А. Г. Островского в двухнедельный срок решить проблемы треста.

Вообще Ефим Аркадьевич был резок, не стеснялся в выражениях и, как правило, на производственных планёрках нападал на управляющего трестом «Нижневартовскжилстрой» Я. М. Малинского. Естественно, тут же начинался «словесный бой», доходивший порой до ругани. Его можно было понять: коллектив Е. А. Луценко давал фронт работ всем остальным трестам. Несмотря на свою горячность, он был, безусловно, опытным инженером и руководителем, работал творчески, на совесть, создал прекрасную производственную базу.

Те годы ушли в прошлое. Далеко не все сегодня могут представить, в каких условиях пришлось работать коллективу Е. А. Луценко. Отсутствие круглогодичных



*Морская душа.
В школе юнг на Соловках*

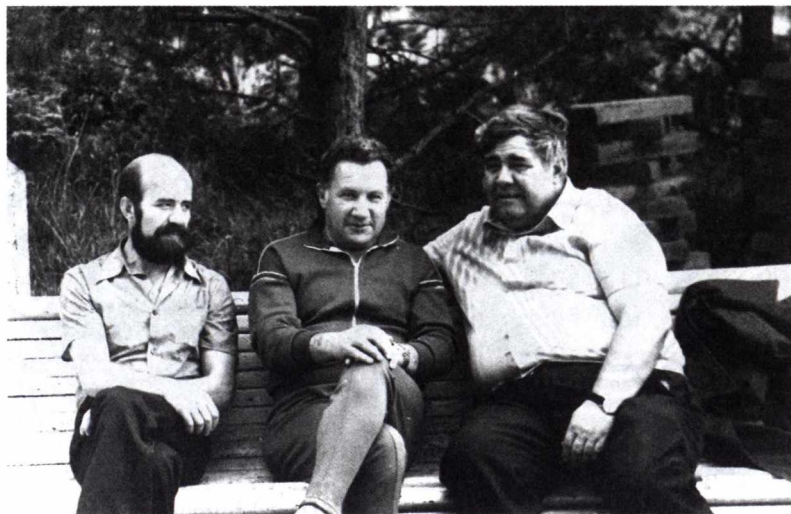


*Перед демонстрацией
трудящихся Нижневартовска*

транспортных связей было самым трудным препятствием в организации материально-технического снабжения стройки. Одни только сваи доставлялись из пяти регионов страны, не хватало цемента, железной арматуры. Когда забивка свай стала основой в подготовке фундаментов для домов, проблема с ними стала особенно острой. На месте сваи не изготавливали, и до Нижневартовска они доходили с дефектами. При ударах сваебоя зачастую они просто рассыпались.

Пришлось наладить их производство на месте, не имея соответствующих производственных площадей и условий. Е. А. Луценко не паниковал, а, наоборот, принимал смелые, нестандартные решения для преодоления трудностей.

Особенно было трудно из-за отсутствия железной дороги, доходящей до Нижневартовска. Строительные



На даче у Г. И. Голтвянского. Тюмень, 1973 г.

грузы — сваи, железобетонные колодцы, трубы различных диаметров для прокладки инженерных коммуникаций — приходилось вывозить из Сургута, куда они доставлялись железнодорожным транспортом. До Нижневартовска сваи везли на автомобилях «Урал», что было настоящим трудовым подвигом. Не было мостов через множество мелких речушек, поэтому зимой тяжёлые машины шли через ледовые переходы, а летом — с перевалами на барже, а затем снова на автомобилях доставлялись в город. Было и такое, что нефтяники ради ускорения сдачи и заселения домов шли на прямые нарушения проектов благоустройства прилегающих территорий и дорог. Они разрешали только Е. А. Луценко снимать дорожные плиты с тех «кустов», где бурение было окончено. Об этом знали в Главтюменнефтегазе и в Миннефтепроме, но никого из начальников НГДУ не наказывали.



Фото на память. С коллективом треста

В. И. Муравленко при каждом приезде в Нижневартовск интересовался ходом застройки города и особенно работой коллектива Е. А. Луценко, от которого зависело выполнение планов и обязательств по вводу жилья и объектов соцкультбыта. Он приглашал его к себе, выслушивал его просьбы и тут же обязывал своих начальников выделять необходимую технику, мощные бульдозеры «Комацу». После использования эта техника с объекта снималась, возвращалась на промыслы, на строительство трубопроводов.

По поводу поручений В. И. Муравленко никто из руководителей не возмущался. Не жаловались они и в горком КПСС. Е. А. Луценко был человеком бескомпромиссным. Он мог, невзирая на авторитеты, прямо сказать, что думает. Эти схватки я видел на оперативных совещаниях и на стройке, где руководители спо-



Встреча в Сочи. 1974 г.

рили, доказывали до хрипоты каждый свою правоту. Это были не личные амбиции, а желание решить задачи быстрее и качественнее. Приходилось частенько их успокаивать. Производственные схватки не сказывались на личных отношениях. Ефим Аркадьевич умел находить общий язык с подчинёнными, с вышестоящими руководителями. Это качество помогало ему решать непростые задачи.

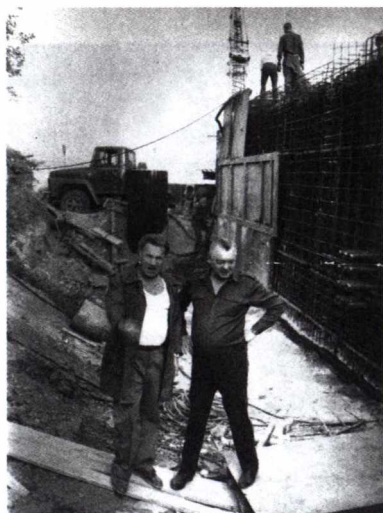
Горком партии и горисполком поддерживали, ставили в пример коллектив Е. А. Луценко. Оказывали помощь, которая, в основном, заключалась в подборе и расстановке кадров, создании условий для собственного развития, в поддержке и доверии в работе, в формировании в коллективе строителей-механизаторов чувства гордости за сделанное.



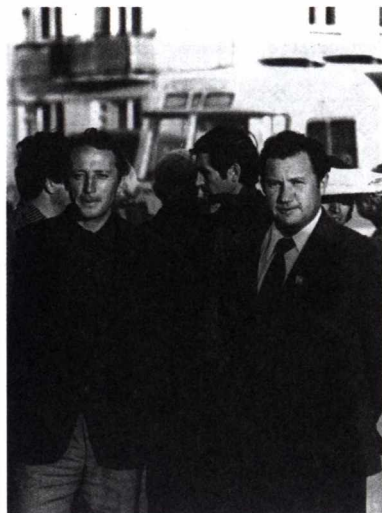
Ефим с женой Надеждой на природе. 1974 г.

У Ефима Аркадьевича было лучшее административное четырёхэтажное здание, построенное собственными силами. У него была лучшая художественная самодеятельность, лучшая футбольная и хоккейная команды, которые занимали первые места в городе, округе и области. Работали спортивные секции по вольной борьбе, боксу и тяжёлой атлетике. По его личной инициативе по этим видам спорта проходили соревнования, на которые приглашались чемпионы и призёры из Москвы, Тюмени и других городов.

Е. А. Луценко все годы работы в Нижневартовске жил без семьи. Нас это беспокоило. Но, учитывая, что его жена работала ведущим специалистом в аппарате Совета Министров СССР у В. Э. Дымшица и помогала нам в решении вопросов выделения допол-



На объекте канализационной станции перекачки. 1978 г.



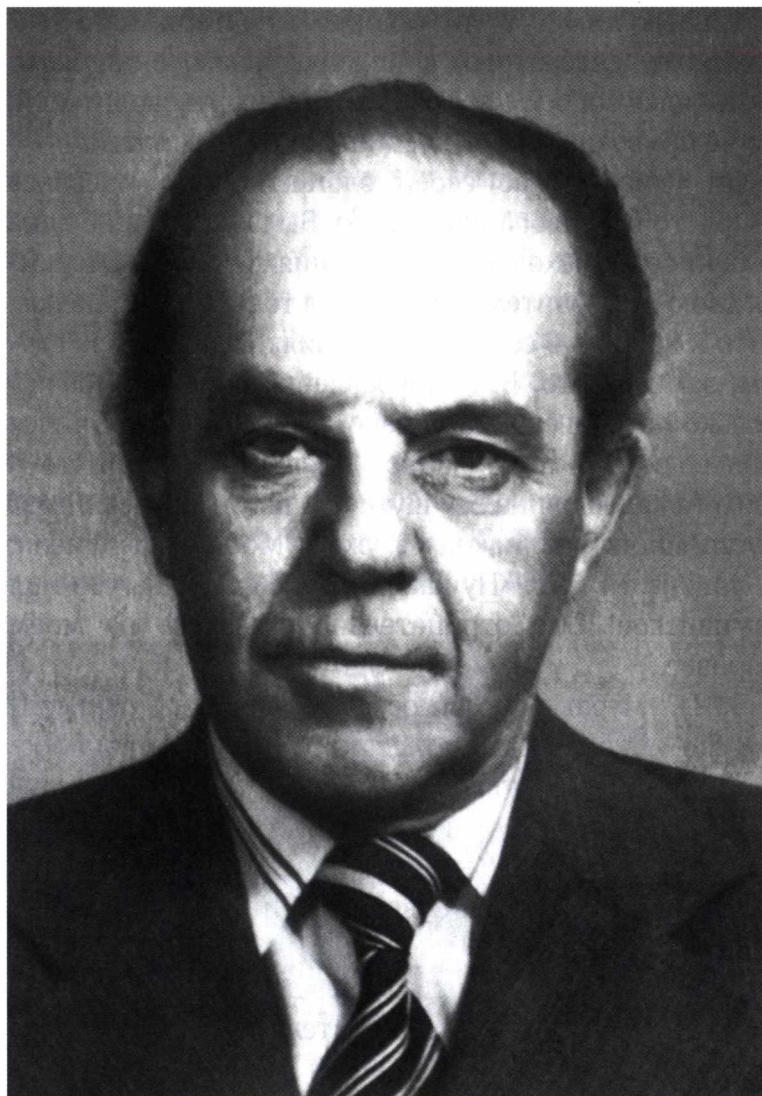
С заместителем по спецработам С. С. Романовым

нительных лимитов по технике и материально-техническому снабжению, в порядке исключения нами не ставился вопрос о его работе. Других руководителей, кто не привозил семью, отстраняли от должности.

Он удивлял нас своей элегантностью, одевался не просто красиво, а изысканно. Была у него ещё одна особенность: находясь в компаниях, тоже подчеркивал свою исключительность — пил только шампанское. И это в наших-то северных условиях! Однажды за столом, заметив это, В. И. Муравленко спросил: «Ефим, сколько лет живешь на Севере? Ты так и не научился пить водку?» — этот вопрос вызвал всеобщий смех. Ефим Аркадьевич на эту шутку лишь улыбнулся. Лишь спустя много лет, находясь уже в Москве на пенсии, он признался мне: «Ну какой же я был дурак, что пил шампанское! Оно отрицательно сказалось на моём здоровье...»

В. И. Муравленко с особым чувством относился к Е. А. Луценко как к бывшему моряку, всегда восхищался их мужеством и героизмом в годы войны на Сахалине. Ефим Аркадьевич тогда был юнгой, служил матросом-подводником, участвовал в морских сражениях, имел Орден Суворова, которым заслуженно гордился.

Наша дружба продолжалась до последних дней его жизни. При каждой встрече, телефонном разговоре Ефим Аркадьевич интересовался всем, что происходит в Нижневартовске, судьбами тех, с кем связало его то героическое время. Память о нём в наших сердцах.



**МАЛИНСКИЙ
ЯН МИХАЙЛОВИЧ**

ВСЁ ДЛЯ ГОРОДА

Высший нравственный подвиг человека — жизнь, отданная во имя чего-то или кого-то. Часто с восхищением мы говорим: «Он отдал жизнь за Родину, за идею, за друга». Я же хочу рассказать о человеке, который отдал свою жизнь за город.

Раздался внутренний звонок от первого секретаря райкома партии Василия Васильевича Бахилова: «Сергей Дмитриевич, зайди». Захожу. За большим столом, кроме Василия Васильевича, второго секретаря Николая Яковлевича Токарева и председателя райисполкома Николая Фёдоровича Фоменко, сидят трое неизвестных мне гостей. Василий Васильевич представил меня и говорит: «Теперь Нижневартовск в надёжных руках опытных строителей. К нам надолго пришли строители Минпромстроя, которые имеют свой почерк, свои подходы и результат — где они работают, встают города и заводы, отступает тайга, обеспечивается успех дела!»

Так я познакомился с Николаем Григорьевичем Островским, первым заместителем министра Минпромстроя, Григорием Ивановичем Голтвянским, начальником строительно-монтажного объединения «Тюменьпромстрой», и, наконец, Яном Михайловичем Малинским, назначенным приказом министра управляющим вновь образованного треста «Нижневартовскжилстрой».

В ответ Николай Григорьевич сказал: «Благодаря добрым деловым отношениям между министром нефтяной промышленности В. Д. Шашиным и нашим

министром А. М. Токаревым начальнику Главтюменнефтегаза Виктору Ивановичу Муравленко и Тюменскому обкому партии удалось «втянуть» министерство в Западную Сибирь. Нам предложили самим выбрать район освоения. Мы определили — Нижневартовск. Здесь мы должны построить современный город, создать надёжную базу стройиндустрии, построить домостроительный комбинат производительностью 140 тысяч квадратных метров общей площади в год. Он будет выпускать новую серию жилых домов более высокого уровня комфорта, а также конструкции для объектов сферы обслуживания».

«С вводом комбината, — продолжал он, — будут сняты проблемы по доставке сюда из других регионов страны конструкций жилых домов устаревших серий. Снимутся вопросы строительства в городе объектов социального и культурного назначения. Это наша стратегия. Задача сегодняшнего дня треста, его руководителя — незамедлительно сформировать команду, заняться строительством собственной производственной базы, современного причала для приёма стройматериалов, оборудования и техники».

Голтвянский попросил руководство горкома партии и райисполкома помочь Яну Михайловичу в подборе руководящих кадров на месте, а нефтяников — оказать тресту техническую помощь. Тут же Василий Васильевич поручил Н. Я. Токареву и Н. Ш. Фоменко лично заняться данными вопросами.

В ходе совещания я ознакомился с представленной «объективкой» на Я. М. Малинского. У нас к нему было много вопросов. Задал и я: «Как скоро думаете

перевезти семью?» Ответ: «Сразу же. Будет квартира — будем в Нижневартовске. Правда, жена несколько задержится, она у меня директор школы, должна закончить учебный год. А сын в этом году оканчивает строительный институт в Уфе. Начнёт работать здесь».

Василий Васильевич сказал новому управляющему: «Вот, Ян Михайлович, постройте первую школу, жену назначим директором. Что касается сына, то, надеюсь, ему место в строительстве города найдётся. Пожелайте ему, пусть успешно защищает диплом и приезжает в Сибирь на работу».

Тут же Василий Васильевич обратился к Николаю Фёдоровичу и ко мне с предложением: «Все вместе поезжайте на Саяны, покажите гостям, как там работают нефтяники и дорожники. В поездке поближе познакомьтесь, а в 17.00 представим Яна Михайловича руководителям строительно-монтажных управлений».



На отдыхе в Сочи. 1973 г.

Такова была моя первая встреча с этими удивительными людьми. С того момента и до конца жизни Н. Г. Островского и Я. М. Малинского мы были друзьями, соратниками в большом деле строительства города. С Г. И. Голтвянским общались, несмотря на то, что он давно переехал в Москву. Два года назад его не стало.

Самотлор произвёл на гостей огромное впечатление. Мы побывали в буровой бригаде известного мастера Геннадия Михайловича Лёвина. На дожимной станции встретились с нефтяником, человеком-легендой нашего района Иваном Ивановичем Рынковым, а на обратном пути пообщались с молодым, энергичным инженером, руководителем комсомольско-молодёжного участка дорожников СУ-903 Владимиром Лейтландом.



В составе комиссии Нижневартовского райисполкома по выбору площадок под строительство будущих микрорайонов города

В этой поездке я узнал о жизненном и трудовом пути Николая Григорьевича и Яна Михайловича. Первый — участник Великой Отечественной войны, возглавлял горком партии в Уфе, был заведующим строительным отделом Башкирского обкома КПСС. Затем был на хозяйственной работе: заместитель председателя Башкирского совнархоза, заместитель председателя Средне-Волжского совнархоза, где председателем был известный в стране хозяйственник Алексей Тихонович Шварев. С назначением министром промышленного строительства Александра Максимовича Токарева Николай Григорьевич стал его заместителем, будучи первым секретарём Куйбышевского обкома КПСС.

Ян Михайлович до приезда в Нижневартовск многие годы избирался секретарём парткома (на правах райкома) строящегося Стерлитамакского нефтехимического комбината. Стройку курировал Н. Г. Островский, который хорошо знал деловые и организаторские качества Малинского. Он и рекомендовал министру и Тюменскому обкому КПСС назначить его управляющим трестом «Нижневартовскжилстрой».

Ян Михайлович выглядел весьма интеллигентным человеком. Роста он был невысокого, большеголовый, с редкими светло-русыми волосами. Обладал необычайно широкой эрудицией. Говорил ярко, образно, живо. Его было приятно слушать. Речь грамотная. Умел убеждать людей личным примером. В мыслях и суждениях был откровенен. Ценил мужскую дружбу. Отдыхал тоже с удовольствием, неплохо пел, играл на гитаре.

Первое же знакомство показало, что он обладал всеми необходимыми качествами для руководителя.

От него исходила положительная энергия. Он умел расположить к себе собеседника, завоевать его симпатию.

Несколько забегая вперёд, хотел бы вспомнить эпизод из его жизни на Тюменском Севере. В один из его приездов в Ханты-Мансийск на сессию окружного Совета произошёл интересный случай при встрече с первым секретарём Советского райкома партии Иваном Никитовичем Хмаруком в гостинице «Обь». Здороваясь с Хмаруком, Малинский назвал свою фамилию, а тот ему в ответ: «Я ведь из Малино». Ян Михайлович ему отвечает: «Я тоже из Малино». Хмарук: «Не может быть!» И, обращаясь к окружающим: «Товарищи, можете поверить: мы оба с Украины, из одного города Малино Житомирской области!» Все, конечно, заинтересовались. Любопытство достигло апогея, кто-то тут же предложил заключить пари. Иван Хмарук решил поспорить на ящик коньяка. Когда оба паспорта были раскрыты, то оказалось, что они действительно родились в одном городе! Это вызвало всеобщий восторг. Проспоривший в буфете расплатился за коньяк, который был расставлен на столы для присутствующих на ужине. С этого момента они, И. Н. Хмарук и Я. М. Малинский, были всегда вместе. На сессиях и совещаниях сидели рядом. Так земляки встретились на Тюменском Севере за тысячи километров от родных мест.

Голтвянский в сравнении с коллегами выглядел тяжело. Большой, полный, с волнистой чёрной шевелюрой. Говорил громко, отрывисто. Выглядел весьма строгим. Умел командовать, требовать от подчинённых неукоснительного выполнения приказов и распоряжений, при этом мог выразиться крепким русским словом. Однако в жизни человек он был добрый.

Поездка на Самотлор позволила приехавшим понять, чем живут здесь люди, увидеть масштабность происходящего и стремление нефтяников делать своё дело основательно. Они даже заразились энтузиазмом, царившим здесь.

Вернувшись в город, Н. Г. Островский представил Яна Михайловича присутствующим руководителям строительных подразделений: Е. А. Луценко, Е. И. Куропаткину, Я. А. Ланге, А. Г. Еникееву, Е. Д. Поткину, В. М. Сильченко, С. И. Денисову, А. М. Счастливецеву. Выразил твёрдую убеждённость, что вновь созданный трест способен выполнить стоящие перед Минпромстроем задачи, обозначенные правительством и лично его председателем А. Н. Косыгиным.



Первая демонстрация трудящихся города.

В строю — строители треста «Нижневартовскжилстрой». 1972 г.

Надо сказать, что приезды заместителей министров в наш город были довольно частыми. И каждый оставлял след. Но именно первый замминистра Николай Григорьевич Островский был нашим покровителем и помощником. Стремление быстрее создать строителям нормальные производственные и жилищно-бытовые условия было его долгом. Он интересовался буквально всем, вплоть до мелочей. Всячески помогал в трудные моменты. В то же время был требовательным, не закрывал глаза на упущения, не прощал ошибок. Но, и это очень важно, умел постоять за своих наверху. Николая Григорьевича очень уважал первый секретарь обкома партии Г. П. Богомяков. Он один из немногих московских руководителей был награждён медалью «За освоение и развитие нефтегазового комплекса Западной Сибири». Только благодаря



Коллектив Нижневартовского ДСК на первомайской демонстрации

его настойчивости руководящие работники аппарата министерства постоянно вникали в дела коллектива треста, помогали всем необходимым. За такое отношение к строительству города я благодарен В. А. Пятибрату, В. С. Татаринovu, А. М. Николаеву, Л. Ф. Колесникову, Е. В. Портникову, А. В. Зайцеву.

Часто бывали в Нижневартовске руководители Тюменского объединения, а потом и созданного на его базе Главтюменьпромстроя: С. И. Калиниченко, М. Н. Алексеев, И. Б. Дубовой, В. П. Кравченко, В. В. Калмыков, А. С. Вознесенский, И. Л. Школьник, В. П. Гаевский, Б. Н. Петренко, Л. Н. Чистякова.

В создании Тюменского нефтегазового комплекса участвовали все отрасли, вся страна. Это была уникальная стройка! Она развернулась одновременно на огромной территории — ведь область по размерам не имеет себе равных в России. Стройка велась на мало-заселённой северной территории, которая подверглась интенсивному промышленному освоению. Кроме того, события происходили сразу в трёх климатических районах. Имели место невероятные трудности, связанные с отсутствием надёжных транспортных связей, надлежащей базы стройиндустрии, собственных кадров. Все это усугублялось суровым климатом и чрезвычайной заболоченностью. Процесс градостроительства на Тюменском Севере ставил много неизвестных ранее вопросов. Искать ответы на них следовало как можно быстрее.

Первый период характерен системой расселения по принципу «базовый город — вахтовый посёлок». Базовые города были обозначены: Нижневартовск, Сургут, Нефтеюганск, Урай, Ноябрьск, Надым, Новый Урен-

гой. Предполагалось, что люди, занятые на обустройстве нефтяных и газовых месторождений, отработав определённое время на вахте, возвращаются в базовый город. На смену прибывает другая вахта. На практике же эта система себя не оправдала. Жизнь диктовала свою схему расселения. Так, в Нижневартовском районе на карте появились сначала вахтовые посёлки, затем они превратились в рабочие посёлки и, наконец, в города. Это Ваховск, Радужный, Покачи, Когалым, Лангепас.

Строительство Нижневартовска велось в крайне сложных условиях. Много делалось методом проб и ошибок. Обнаруживались большие просчёты в определении численности населения, которая в генеральном плане города, как правило, основывалась на прогнозах основного заказчика — Министерства нефтяной промышленности в лице НГДУ «Мегион-нефть». Эти данные подвергались частым корректировкам, а иногда требовали кардинального пересмотра, в связи с новыми расчётами геологов о запасах нефти, ошибками в определении потребности в трудовых ресурсах для освоения и эксплуатации месторождений, постоянным изменением схем добычи нефти в районе.

Так что расчёты численности населения носили в значительной степени условный характер. Сначала ориентировались на 40 тысяч человек, потом цифра увеличилась до 80–100 тысяч, а затем и до 170–200 тысяч человек. В настоящее время население города составляет почти 300 тысяч человек.

Ни требования горисполкома, ни предложения научно-технических конференций, ни рекомендации координационного совета, созданного проектными

институтами, в полной мере не учитывались. Не велось фундаментальных исследований перспектив комплексного развития района и особенно города, промышленного узла. Поэтому и возникала каждый раз потребность корректировать генплан.

Нефтяники рассчитывали, что им удастся снять проблемы растущего посёлка, а затем и города за счёт привлечения строителей из других регионов. В Нижневартовске работали строители Казани, Уфы, Омска, Иркутска, Перми, Тюмени, Москвы. В Урае и Нягани работали свердловские строители. В Ноябрьске — с Украины и из Узбекистана. Когалым возводился прибалтами, а Лангепас — белорусами.

Но этот вариант был временным, так как не решал всех проблем. Требовалось создание базы строи-



*Строители преумножают традиции первых трестов
и объединения «Нижневартовскжилстрой»*

дустрии. Без этого просто нельзя было жить дальше. Улучшения появились лишь в 1979 году, когда был введён в эксплуатацию Нижневартовский домостроительный комбинат.

Несмотря на интенсивное строительство, жилья в городе не хватало. Огромные очереди на получение квартир, неустроенность быта заставили центральные и областные органы власти пересмотреть градостроительную концепцию и изменить генплан, выделив территорию для двухэтажного и индивидуального строительства.

Среди руководителей города В. И. Муравленко высоко ценил и Ефима Аркадьевича Луценко. Помимо его профессионализма, была ещё одна причина. Вик-



Прогулка с Я. М. Малинским
в парке Победы.
Нижневартовск, 1980 г.



В окрестностях Нижневартовска
с Г. И. Голтвянским. 1974 г.

тор Иванович с особым чувством относился к морякам, восхищался их мужеством и героизмом в период своей работы на Сахалине. Его первый заместитель, главный инженер Феликс Григорьевич Аржанов, также был моряком, воспитанником школы юнг и участником войны. Ефим Аркадьевич был юнгой, служил матросом-подводником, участвовал в морских сражениях, имел Орден Суворова, которым заслуженно гордился.

В Нижневартовск он приехал из Москвы раньше Я. М. Малинского. Под его руководством участок механизации стал управлением, а затем трестом «Нижневартовскспецстрой», от которого зависела судьба выполнения напряжённых планов по вводу жилья, объектов соцкультбыта. Дома первых семи микрорайонов стоят на свайных основаниях с полным инженерным обеспечением и благоустройством, выполненными его трестом.

Я часто участвовал в работе оперативных производственных совещаний, на которых два темпераментных руководителя, Малинский и Луценко, порой схватывались и доказывали до хрипоты свою правоту. Но это были не личные амбиции, а желание решить задачи быстрее и качественнее. Приходилось их успокаивать. Но эти производственные схватки не сказывались на личных отношениях. Мы часто ставили Луценко в пример Малинскому и многим другим руководителям. У Ефима Аркадьевича было лучшее четырёхэтажное административное здание, построенное своими силами. У него была лучшая художественная самодеятельность, лучшая футбольная и хоккейная команды, которые занимали первые места не только в городе и округе,

но и области. Работали спортивные секции по вольной борьбе, боксу и тяжёлой атлетике. По его личной инициативе проходили соревнования, на которые приглашали чемпионов и призёров Москвы, Тюмени и других городов по этим видам спорта.

Ещё он удивлял своим стилем в одежде, одевался не просто красиво, а изысканно. При этом он жил в Нижневартовске без жены, поскольку она работала ведущим специалистом в аппарате Совета Министров СССР у В. Э. Дымшица.

Наша дружба с Ефимом Аркадьевичем продолжается. И при любой встрече, телефонном разговоре он интересуется всем, что происходит в Нижневартовске, судьбами тех, с кем его связало то героическое время.

1975 год ознаменовался важным событием: Главтюменнефтегаз был награждён Орденом Ленина. Этот год стал переломным в застройке Нижневартовска. Подводились итоги выполнения планов. 25–27 марта в город приехали сразу три министра: промышленного строительства А. М. Токарев, нефтехимической и нефтеперерабатывающей промышленности В. С. Фёдоров и нефтяной промышленности В. Д. Шашин. И это было не случайно. Им по всем направлениям деятельности предстоял отчёт в правительстве. Сопровождали их первый и второй секретари Тюменского обкома партии Г. П. Богомяков и Г. И. Шмаль.

Если Шашин и Токарев были активными участниками производственного и социального развития области, то министр Фёдоров приехал к нам впервые. Богомяков буквально «втаскивал» данное ведомство в процесс освоения, ставя перед ним очень важную

задачу — комплексную переработку нефти и попутного газа. Прошло десять лет промышленного освоения месторождений, а организация комплекса переработки продвигалась очень медленно. Задача обкома на данном этапе состояла в том, чтобы ускорить строительство газоперерабатывающих заводов, Тобольского нефтехимического комбината с предусмотренной площадкой для нефтеперерабатывающего и нефтехимических заводов в районах Среднего Приобья и Ямала, а также прокладку к этим объектам продуктопроводов. Считаю, что всё это удалось бы довести до конца, если бы не горбачёвская «перестройка» и не развал Союза.

Программа работы трёх министров в Нижневартовске была насыщенной. Они осмотрели строящийся город. Причём Александр Максимович Токарев, находясь впервые в нашем городе, потребовал подробнейших докладов генерального заказчика НГДУ «Мегионнефть» Г. М. Кукуевицкого, управляющего трестом «Нижневартовскжилстрой» Я. М. Малинского и директора СибЗНИИЭП, генерального проектировщика города В. Г. Терехина. Первым докладывал заместитель начальника НГДУ по капитальному строительству Григорий Михайлович Кукуевицкий. Он, ссылаясь на постановление правительства, в котором были определены конкретные объёмы жилищного и соцкультурного строительства в Нижневартовске, доложил о ходе его реализации. Сказал следующее: «Планы строительства жилья, общеобразовательных школ, детских садов, поликлиник будут выполнены, но объекты торговли, общепита, коммунального и бытового назначения, кинотеатр, универмаг строятся со значительным

отставанием, и часть этих объектов перейдёт в следующую пятилетку». Объяснил и причины: нечёткое планирование, распыление средств, недостаток сил у подрядных организаций, срывы поставки материалов, конструкций домов, острая нехватка башенных кранов и специальной техники.

Григорий Михайлович обратил внимание министра на работу треста Я. М. Малинского, описал их трудности. В частности, отсутствие специализированных организаций, способных высококачественно выполнять необходимые инженерные работы. Имеющиеся участки были не способны выполнить предложенные объёмы. Как результат — в первых трёх микрорайонах инженерные сети не приняты заказчиком в эксплуатацию. За весь период с начала строительства трестом освоено лишь 25 % капвложений.

Директор института В. Г. Терехин рассказал о запланированном в одиннадцатом микрорайоне эксперименте по всему комплексу архитектурных, градостроительных, инженерно-технических проблем. Цель — выявить наиболее целесообразные проекты жилого района, микрорайона, жилой группы. Остановился на недостатках и принимаемых институтом мерах. Виктор Григорьевич отметил, что одной из отрицательных сторон по-прежнему остается продолжение строительства в 1, 2 и 3-м микрорайонах жилых домов, не отвечающих местным природно-климатическим условиям, некомплексная застройка микрорайонов, в связи с чем отстаёт строительство школ, детских садов, учреждений культуры, быта, торговли, озеленение и благоустройство.

Последним докладывал министрам о работе треста Малинский. До приезда начальства и начала совещания Ян Михайлович очень волновался, переживал, просил у меня совета, как ему вести себя при докладе. Мы договорились, что говорит он «правду и только правду», не сглаживая углов, не скрывая упущений и недоработок. Я ему сказал: «Ваш честный доклад поможет коллективу треста, обратит внимание министра на объективные сложности, и он непременно окажет помощь».

Ян Михайлович свой доклад начал с организационных вопросов. Подробно говорил о структурных изменениях в тресте, о кадрах, о выполнении плана за два года. Остановился на ходе работ по сооружению первой очереди ДСК, который принципиально изменит положение дел, обеспечит выпуск жилых домов новой серии. Стоимость всего комплекса базы составляет свыше 50 миллионов рублей, освоено же лишь около десяти... Последнюю фразу Малинского Александр Максимович прервал, выразив своё недовольство работой на строительстве ДСК, и предложил перенести разговор непосредственно на строительную площадку.

На следующий день утром все собрались на стройке. Министр в резкой форме высказался в адрес Островского и Голтвянского, потребовал в недельный срок представить ему сетевой график строительства на утверждение, пообещал лично контролировать его выполнение и дал задание подготовить приказ по созданию так нужного городу треста «Нижевартовскспецстрой». Отмечу, что после посещения Александра Максимовича коренным образом улучшилась обстановка в строительстве как города, так и ДСК.

Тем временем министр Фёдоров ознакомился со строительством Нижневартовского газоперерабатывающего завода и перспективами выхода со строительством ГПЗ на группу Белозёрских месторождений.

Объективности ради надо сказать, что, став управляющим трестом, Я. М. Малинский сначала чувствовал себя неуверенно, был даже чуть растерян, ибо сознавал, что начинать надо с нуля. Мы это видели и старались помочь ему обрести уверенность. Никогда не отмахивались от его предложений и просьб, ибо понимали, что на него возложено ответственнейшее дело.

Обстановка действительно была сложной. Перед Яном Михайловичем была поставлена задача — в короткие сроки создать работоспособный коллектив строителей, от которого напрямую зависели жизнь и быт нефтяников. Тресту необходимо было объединить усилия строительных управлений, высадившихся десантом, и участков уже год проработавших здесь омичей, пермяков, уфимцев, казанцев, иркутян, тюменцев. На их базе создать единую структуру на основном объекте — городе Нижневартовске.

Постепенно Ян Михайлович обретал уверенность, не робел перед министерством и объединением, настойчиво отстаивал своё мнение. Понятно, что подобная «ершистость» была не по вкусу начальству. Он не раз подвергался давлению сверху, но был твёрд и последователен.

Регулярно по понедельникам у него проходили производственные планёрки. Я по мере возможности старался присутствовать на них. В разные годы в их работе участвовали председатели горисполкома

Н. Ф. Фоменко, Н. Г. Салихов, Н. А. Москаленко. Эту традицию поддерживали и первые секретари горкома партии Э. Д. Бушмакин, С. И. Денисов. Всегда присутствовал Г. М. Кукуевичский, иногда были и начальники НГДУ Р. И. Кузоваткин, В. А. Абазаров, А. И. Резников. На планёрки привлекались руководители других министерств и ведомств, поскольку здесь же приходилось решать оперативные вопросы, координировать действия всех заинтересованных сторон.

Горком партии помог тресту в подборе руководящих работников. Приходилось порой принимать непопулярные меры, направляя сюда лучших руководителей и специалистов из других подразделений. Эта мера себя оправдала. В короткие сроки удалось сформировать работоспособный, грамотный аппарат треста, значительно укрепить кадрами и строительно-монтажные управления. В команде Малинского работали главный инженер Виктор Васильевич Бригарь, заместители управляющего Валентин Юрьевич Ишкинин, Геннадий Иванович Постнов, Алим Галеевич Еникеев, главный механик Виктор Семёнович Виличенко, начальник технического отдела Николай Николаевич Мальцев.

Еще одна задача стояла перед Малинским — создать на берегу Оби материально-техническую базу для приёма, размещения и переработки поступающих материалов, техники и машин. Эту работу возглавили В. Ю. Ишкинин и В. А. Рябенький. Ввиду отсутствия железной дороги, надо было в короткие навигационные сроки получить все стройматериалы вплоть до песка и щебня, а затем зимником доукомплектоваться недостающими материалами. В. Ю. Ишкинину удалось

собрать коллектив снабженцев, которые работали круглосуточно, не знали ни выходных, ни праздничных дней. В отпуск, как правило, уходили только зимой. Эти люди первыми начали сооружать причальную стенку, которая впоследствии стала продолжением берегоукрепления и затем набережной города. Для выполнения этих работ был создан специальный участок.

Приближалась весна, а с нею и ледоход. Шпунтовая стенка длиной в 150 метров была забита, оставались работы по засыпке песком вырытого котлована. С этой проблемой ко мне пришли Малинский и Ишкинин. Срочность работ была вызвана быстрым подъёмом воды. Возникла реальная угроза, что льдом срежет забитую стенку, если срочно не засыпать котлован. Не принять меры — значит погубить большое сделанное для города дело.

Я пригласил к себе начальника районного отдела милиции Дмитрия Николаевича Суетина и поставил ему задачу: «Организовать пост ГАИ. Направить все самосвалы, следующие в город с грунтом, на засыпку котлована. Если кто из руководителей будет возмущаться — отправлять ко мне!»

Надо сказать, песок был основным строительным материалом, а самосвал — главным техническим средством его доставки на строящиеся площадки, которые отсыпались на высоту 3–4 метра. Песок в город доставлялся только самосвалами, собирая в округе на расстоянии в 30–40 километров. Первоначально песок брали на возвышенных местах, а когда таких мест вокруг города не осталось, пришлось срочно создавать около десятка специализированных участков по его гидронамыву

из близлежащих озёр и реки Вах. Дмитрий Николаевич чётко выполнил задачу. Понимая всю важность проблемы, никто из руководителей не пришёл ко мне, хотя этим мы сорвали какие-то строительные работы. Таким образом, первоначальный участок причальной стенки сохранили. В дальнейшем к таким мерам больше не прибегали.

Хотя основная ответственность за обеспечение комплексной жизнедеятельности города лежала на плечах заказчика — НГДУ «Мегионнефть», но отвечать за судьбы людей, проживающих в нём, руководить всей структурой хозяйства приходилось райгорисполкомам. За период моей работы в Нижневартовске пришлось работать с четырьмя председателями: Н. Я. Устьянцевым, Н. Ф. Фоменко, Н. Г. Салиховым и Н. А. Москаленко. Каждый из них, несомненно, вложил немало сил и знаний в руководство исполкомом, оставил свой яркий след в развитии города и района.

Наиболее весомым, на мой взгляд, был вклад председателя горсовета Николая Андреевича Москаленко. Его и поныне горожане знают, помнят и уважают. После освобождения от должности Н. Г. Салихова, проработавшего около года председателем Нижневартовского горисполкома, передо мной встал вопрос: кто будет следующим? В нашем партийном кругу о Москаленко я был наслышан, причём только с положительной стороны.

Познакомил меня с ним Юрий Артемьевич Долгих, первый секретарь Нефтеюганского горкома партии. Долгих я знал по совместной комсомольской работе в Тюмени. Он был секретарём обкома ВЛКСМ,

а я работал первым секретарём Тюменского горкома. Потом обком партии рекомендовал Долгих секретарём парткома Шаимских нефтепромыслов. С преобразованием рабочего посёлка Нефтеюганский в город Юрия Артемьевича избрали там первым секретарём горкома, а Николай Андреевич более четырёх лет проработал председателем Нефтеюганского горисполкома.

На отчётно-выборной окружной конференции в Ханты-Мансийске я познакомил Москаленко с управляющим трестом Малинским. После ухода Салихова Николай Андреевич приехал в Нижневартовск, на организационной сессии городского Совета его избрали председателем Нижневартовского горисполкома. Так мы стали вместе работать и жить. Дружим по настоящее время семьями.

Его стиль работы мне импонировал. Свой первый день работы в исполкоме Николай Андреевич начал с того, что сам поехал в трест к Малинскому, в отдел капитального строительства НГДУ к Кукуевицкому, хотя мог поступить наоборот, вызвав их к себе. Под его непосредственным руководством была разработана программа практической реализации генерального плана строящегося города. Именно в этот период наиболее ярко высветились его аналитический склад ума и прекрасные организаторские способности. С приходом Москаленко была полностью пересмотрена и изменена стратегия и тактика работы исполкома как коллективного органа, а также его отделов и депутатов.

Искусство власти состоит в том, чтобы услышать и реализовать разумные предложения, тем более, когда речь идет о стратегическом вопросе — строительстве

целого города. Имея нефтеюганский опыт, Москаленко определил роль и место в этой работе членов исполкома. Они становились не сторонними наблюдателями, а созидателями, активными участниками строительного процесса. Работа планировалась так, чтобы они от начала и до конца отвечали за вверенный участок, лично контролировали весь ход работ. Горно — за строительство школ и детских дошкольных учреждений; торговый отдел — за объекты торговли, общественного питания, базы по хранению картофеля, овощей, складского хозяйства и холодильников; отдел культуры и спорта — за объекты данного профиля и назначения.

Все эти мероприятия позволили на новый уровень поднять работу горсовета, который самостоятельно, настойчиво и последовательно, шаг за шагом снимал «методом исключения» накопившиеся острейшие проблемы в жизни города. Более активно стали привлекаться депутаты, депутатские комиссии, не остались в стороне и депутаты областного, окружного уровней. Из их числа создавались постоянные и временные посты, инициативные группы, приобретала системный характер шефская работа с национальными посёлками района.

Николай Андреевич лично контролировал ход этих мероприятий, ежедневно посещал строящиеся городские объекты. Малинский увидел в горисполкоме надёжного помощника.

Н. А. Москаленко удалось в короткие сроки подобрать и сплотить вокруг себя способных, умных и хороших организаторов. Отработал он честно и добросовестно на этой нелёгкой должности шесть лет.

Конечно, в районе не обходилось без ЧП на объектах бурения нефтяных скважин, в товарных парках, на газоперерабатывающих заводах, в лётном отряде аэропорта, а также на объектах энергообеспечения, тепло- и водоснабжения. Каждое такое происшествие больно сказывалось на работе трудовых коллективов, которые несли большие материальные, финансовые и моральные потери. Очень тяжело воспринималась гибель людей.

Страшно пережил Нижневартовск ЧП на центральной котельной. Причём пережил это дважды — в 1975 и 1979 годах. В сорокапятиградусные морозы декабря 1975 года были мгновенно разморожены более пятидесяти многоэтажных домов. На выходе горячей воды на центральной котельной — единственном источнике тепла в городе — лопнула чугунная задвижка. По проекту она должна быть стальной. Пришлось остановить подачу тепла в четыре микрорайона. Последствия могли быть непредсказуемыми, если бы не экстренные меры, принятые горкомом партии, горисполкомом, Я. М. Малинским и жителями города.

Обращение к жильцам по местному радио и телевидению председателя горисполкома Н. А. Москаленко и секретаря горкома партии И. М. Сосновских, информация о происшедшей аварии на котельной, о принимаемых мерах городским штабом по ликвидации аварии позволили предотвратить панику. Обращаясь к руководителям всех рангов, штаб просил срочно направить слесарей, монтажников, шофёров, механизаторов по домам для слива воды из батарей, организовать круглосуточное дежурство в подъездах, оказать

всяческую техническую помощь службам обеспечения города. Несмотря на срочность принятых мер, более тысячи квартир все же были разморожены, особенно пострадали лестничные площадки — там батареи лопались, как рвущиеся снаряды. Ян Михайлович в этой сложной обстановке проявил бойцовские качества. Ему удалось спасти от размораживания пять домов, готовившихся к сдаче, мобилизовать на это весь коллектив строителей. Тресту пришлось заменить более трёх тысяч батарей, провести большие ремонтно-восстановительные работы. Четыре дня и четыре ночи шла борьба за выживание города.

В день аварии в командировке в Нижневартовске оказались А. С. Парасюк, заместитель начальника Главтюменнефтегаза по строительству, и П. Д. Алексеев, начальник отдела капитального строительства Министерства нефтяной промышленности, которые вместе с нами включились в борьбу и оказали большую практическую помощь. Срочные меры по доставке четырёх тысяч батарей самолётами из Тюмени принял М. М. Крол, первый заместитель начальника Главтюменнефтегаза.

После этого ЧП заказчик и горисполком решили строить вторую котельную, которая позволила закольцевать систему теплообеспечения и получить дополнительные мощности для города.

При Малинском темпы строительства были высокие. Школу на 1176 мест во втором микрорайоне трест «Нижневартовскжилстрой» построил полностью из кирпича и ввел в эксплуатацию всего за десять месяцев. Это был рекорд! Как обещал В. В. Бахиллов, жену

Малинского Евгению Михайловну районный отдел народного образования назначил директором.

Евгения Михайловна вместе со строителями готовила школу к сдаче. Комплектовала кадры, приобретала оборудование, вела приём первых учеников. 1 сентября 1972 года школа была торжественно открыта.

Как секретарь райкома партии по идеологии я курировал народное образование и часто встречался с Е. М. Малинской, этой удивительной, обстоятельной и трудолюбивой женщиной. Евгения Михайловна принимала самое активное участие в общественно-политической жизни Нижневартовска, пользовалась уважением своих коллег.

Школа по праву была в числе передовых, педколлектив дружный, ищущий. На базе школы постоянно проходили совещания, семинары, конференции, «круглые столы», открытые уроки. Здесь молодому учителю можно было приобрести опыт, пополнить знания. Прекрасные кабинеты, уютная пионерская комната, ленинский зал для комсомольцев, множество содержательных стендов, плакатов, чистота и уют — всё это было сделано по инициативе директора.

Евгения Михайловна родилась в башкирской деревне Архангельская, там училась, преподавала после окончания Стерлитамакского педучилища. Война. Страстно желала пойти на фронт добровольцем. Не взяли. Убедили в том, что педагоги нужны в тылу, дети должны учиться. Трудные послевоенные годы. Евгения Михайловна пережила тяжёлое время. Окончила пединститут в Уфе. В эти годы и встретились с Малинским. Поженились, жили в Стерлитамаке. Рабо-

тали, она в школе, а он на стройке нефтехимического комбината.

Евгения Михайловна приехала в Нижневартовск, имея более 35 лет педагогического стажа. В одной из школ Башкирии более 20 лет проработала директором. В Стерлитамаке ей, одной из первых среди учителей города, было присвоено высокое звание «Заслуженный учитель Башкирской АССР». Малинская преподавала литературу. Скольких ребят она обучила и воспитала, научила их понимать доброту, ценить прекрасное, любить литературу, русский язык!

Я неоднократно бывал в школе, участвовал в работе партийных и комсомольских собраний, видел, какой это душевный человек. С ней легко было вести беседу на любую тему. Бывал у Малинских и дома. Какая великолепная личная библиотека! Оказывается, они эту библиотеку привезли с собой, зная, что в Сибири, в городе-новостройке с книгами проблема. Мне показалось, что даже методический кабинет района не располагал таким количеством книг. Коллеги и ученики Евгении Михайловны свободно пользовались этим богатством.

Заместителю директора школы Александру Григорьевичу Резуненко я как-то задал вопрос: «Что вы больше всего цените в Евгении Михайловне?» Он ответил: «Самоотверженность и энергичность. Она ведь на службе с утра до позднего вечера, всегда в курсе всех школьных событий».

В тот период три типовые школы были перегружены, работали в две-три смены. Ежегодно в Нижневартовск прибывали до полутора тысяч

детей школьного возраста. Начиная с 1972 года, трестом Малинского ежегодно вводилось по две школы и обязательно к началу учебного года. За эту работу Ян Михайлович был награждён знаком «Отличник народного образования РСФСР». Этой же награды был удостоен и я. Народное образование города по праву занимало в соревновании первые места в округе и области.

Надо отметить, что супруги стоили друг друга. Они как бы подпитывали, стимулировали, вдохновляли один другого, переживая вместе и горе, и радость. Евгения Михайловна мягкая, добрая, прекрасная хозяйка. Пока мы с Я. М. Малинским беседуем о делах, она, неслышно двигаясь по комнате, быстро собирала на стол, на ней держались уют и благополучие в доме.

В семье Малинских был один сын — Сергей. Окончив Башкирский строительный институт, он работал в строительном управлении отцовского треста прорабом, начальником участка. Большое горе выпало на долю Евгении Михайловны. Сначала она похоронила мужа, а в 1992 году в Краснодаре трагически погиб сын. В настоящее время Евгения Михайловна живет в Уфе, на пенсии.

Все, кому пришлось работать с Яном Михайловичем, знали его прекрасные организаторские способности, профессионализм, инженерную смекалку, высокую культуру поведения. Он обладал удивительной особенностью видеть строительную проблему комплексно. Был весьма корректен в работе с горисполкомом. Умел ставить и решать задачи, при необходимости маневрируя. Не просил помощи в тех делах, с которыми мог

справиться сам. Но там, где кончалась его компетенция, ему требовалась поддержка.

Он не стеснялся признаваться в слабых сторонах работы треста, СМУ. Главное его качество в руководстве коллективом — никогда не перекаладывать вину на других за свои действия. Эта черта высоко ценилась его подчинёнными. Он был заводилой, лидером, его авторитет был непререкаем. В то же время никто из его заместителей и начальников СМУ не боялся возражать ему, так как знали, что он всегда учтёт их мнение при необходимости, ибо истина была для него превыше всего.

Ян Михайлович не боялся и менять свои решения, если ему аргументированно доказывали их ошибочность. Это весьма редкое качество для руководителя.

Объекты строительства посещал, как правило, один или с заказчиком. Руководители все же его побаивались. Он был активен в общественно-политической жизни города, района, округа.

Пленум горкома в октябре 1975 года обсудил вопрос «О задачах партийной организации по улучшению качества строительства и комплексной застройки первой очереди города Нижневартовска». Проблемы, связанные с планировкой, размещением жилья и объектов соцкультбыта, систематически рассматривались на сессиях и заседаниях горисполкома, постоянной комиссией по строительству и архитектуре, на объектах действовали депутатские посты. Во всех этих мероприятиях Я. М. Малинский участвовал, выступал, вносил деловые предложения.

Про него я ни разу не слышал ни одного плохого слова, хотя он был всё время на виду. Зависть, склоки,

сплетни его не касались. В это трудно поверить, но его любили практически все.

К сожалению, в жизни Яна Михайловича произошла трагедия. Закончилась очередная навигация. Коллектив управления производственно-технической комплектации пригласил управляющего на подведение итогов своей работы. Они были успешными. Рано утром он ехал на машине к месту встречи, и произошёл несчастный случай — столкновение с машиной начальника аэропорта. Больше всех пострадал Малинский. Сильный ушиб ноги. Больница. Операция. Вышел из больницы с тростью.

В этот же день он приступил к работе. Как и прежде, был требователен и внимателен к подчинённым, делал всё по выполнению планов застройки города. Родные, друзья и мы просили, уговаривали его какое-то время отдохнуть. Но он не представлял жизни без работы, слушать об отдыхе не желал. Стройка с утра до вечера. Дома же из-за страшных болей были бессонные ночи. А утром вновь работа... И никакой поправки себе. Он как будто чувствовал, что времени ему отпущено мало, и спешил сделать как можно больше.

Через год началась гангрена. Лишился сначала одной ноги, а затем и второй. Этот ужасный удар принял достойно. Его мужеством восхищались все. Человек с неуёмной энергией и жизнелюбием прикован к постели. Словами это передать трудно, правда, рядом были друзья, семья, коллеги, которые его не забывали. За окнами — родной город, его город, которому он отдал лучшие годы своей жизни. Когда-то замечательный поэт Расул Гамзатов мечтал о том, чтобы «хлеб стоил чуть-чуть дешевле, а человек ценился чуть-чуть

дороже». Как это справедливо по отношению к каждому, но вдвойне справедливо к тем, кто отдал жизнь.

Когда я перешагивал порог его квартиры, сердце щемило от боли. А он спрашивал и спрашивал обо всём, что происходит в городе. И у меня было ощущение, что я, первый секретарь горкома, держу перед ним отчёт. И по его глазам я видел реакцию на всё, о чём ему рассказывал. Он никогда не давал повода его пожалеть, не замкнулся, не ожесточился. Всё переживал в себе. А в общении по-прежнему был добрым, сердечным, мудрым. Таким и остался навсегда в моей памяти.

Родное министерство предоставило ему квартиру в Уфе. Они с женой переехали, а через год его не стало.

У нас, у живых, есть много прав: на работу, дружбу и любовь, на счастье. Но не может быть права забывать тех, кто отдал свою жизнь за Родину, за друзей, за идею.

На мой взгляд, ценность жизненного пути Яна Михайловича определяется тем, насколько он смог, сохраняя свою индивидуальность, слиться воедино со всеми, кто создавал на Тюменском Севере богатство, будущность страны.

Да, он прожил короткую жизнь, но оставил яркий след в делах нижевартовцев. Ян Михайлович своеобразен, уникален, неповторим. Высшая цель его бытия как раз и состояла в том, чтобы главное дело жизни сделать основательно.

Да, его жизнь сполна отдана городу. И когда я смотрю на дома и школы, больницы и кинотеатры современного Нижневартовска, то я вижу его, Я. М. Малинского, настоящего человека, строителя-созидателя.



**МОСКАЛЕНКО
НИКОЛАЙ АНДРЕЕВИЧ**

ВЕРШИНА ЖИЗНИ

У каждого человека бывают в жизни свои вершины, малые и большие. У Николая Андреевича Москаленко она была одна — большая. Вершиной был Тюменский Север! Он был активным участником освоения подземных кладовых. В этой грандиозной государственной кампании участвовали сотни тысяч, миллионы людей, разных по возрасту, национальностям и профессиям. Тюменская нефтегазовая эпопея была огромным полем сражения. И была Великая Победа, одна для всех, как в 1945 году над фашизмом. Массовый трудовой подвиг больших и малых народов СССР имел огромное значение для экономики и обороноспособности страны.

Решающую схватку за нефть и газ выиграли тысячи молодых людей, среди которых был и Николай Андреевич. По зову сердца, с огромным желанием проявить себя он приехал в этот край. Невероятная вера в успех, одержимость, заряженность каждого на достижение намеченных целей ощущалась всюду. В этом ритме жил и трудился Николай Андреевич.

Каков был Тюменский Север? Ранее он был местом ссылки. Сюда в царское и советское время изгоняли людей за непослушание, высылали неугодных, непокорных, всякие асоциальные элементы общества — тунеядцев, бродяг, проституток, воров, вышедших из мест заключения. В народе бытовала поговорка: «Дальше Сибири не сошлют. Сибирь-матушка всё спишет».

Север Тюменского края — это сплошные болота и озёра. Люди высаживались в непригодные для жизни районы. У первопроходцев в буквальном смысле слова не было твёрдой почвы под ногами. Предстояло на необжитых территориях создавать промыслы и заводы, строить дороги и города, заселить огромную территорию, вдохнуть в неё новую жизнь. Начинали обживать эти места молодые энтузиасты, такие, как Н. А. Москаленко. Обживать, несмотря на страшные морозы зимой, когда не выдерживал металл, невзирая на миллиарды свирепых комаров летом, забывая про неустроенность быта, частое отключение электроэнергии, ужасную воду.

Когда бываю в Нижневартовске, невольно вспоминаю соратников, друзей и, конечно же, Н. А. Москаленко. Вижу прекрасные жилые кварталы, широкие



Мама
Феодосия Емельяновна



Отец
Андрей Петрович

проспекты улиц, ухоженные зелёные уголки, а главное — улыбки на лицах горожан. Везде здесь приложил своё старание, талант руководителя Н. А. Москаленко. Он оставил добрый след в этом красивом современном городе на берегу Оби.

Основная тяжесть обеспечения жизни города Нижневартовска лежала на плечах заказчика — НГДУ «Мегионнефть». Отвечать за судьбы людей, проживающих в нём, руководить всей структурой хозяйства приходилось сначала райисполкому, а с 9 марта 1972 года — горисполкому.

Наиболее весомым был, на мой взгляд, вклад председателя горсовета Н. А. Москаленко. Его и поныне горожане помнят и чтят. После освобождения Н. Г. Салихова, проработавшего в должности председателя горисполкома всего лишь около года, передо мной встал вопрос: кто будет следующим? Задавал я этот вопрос в обкоме партии. И вот однажды звонит мне секретарь обкома КПСС П. М. Телепнёв и говорит, что Н. А. Москаленко окончил Московскую высшую партийную школу при ЦК КПСС и предлагает именно его избрать председателем горисполкома. В нашем партийном кругу



Коле 7 лет

о Н. А. Москаленко я был наслышан немало, причём только с положительной стороны, поэтому тут же дал согласие.

Познакомил меня с Н. А. Москаленко Юрий Артемьевич Долгих, работавший секретарём Нефтеюганского горкома партии. Долгих я знал по совместной комсомольской работе в Тюмени. Он был секретарём обкома ВЛКСМ по идеологии, а я работал секретарём Тюменского горкома ВЛКСМ. По рекомендации обкома партии Ю. А. Долгих был избран секретарём парткома Усть-Балыкских нефтепромыслов. С преобразованием рабочего посёлка Нефтеюганский в статус города Юрий Артемьевич был избран первым секретарём горкома партии, а Николай Андреевич Москаленко избран



*Студент Харьковского
автодорожного института.
1956 г.*



Служба в Советской армии

председателем горисполкома, проработав в этой должности более четырёх лет.

В аэропорту я встретил семью Москаленко. Для них уже была подготовлена квартира. По моей просьбе начальником ОРСа нефтяников Н. Н. Рыкуном квартира была обставлена соответствующей мебелью, приобретённой Москаленко. Буквально на второй день, на внеочередной сессии городского Совета он был избран председателем Нижневартовского горисполкома. Так мы стали вместе работать и жить.

С Москаленко мы жили в одном подъезде. Дружили семьями. Часто ходили друг к другу в гости. Я видел, каким Николай Андреевич был прекрасным семьянином. Он был надёжен во всём. Жена Лидия Ефимовна о нём вспоминает так: «Каким бы ни было настроение у Коли, не помню случая, чтобы он кому-



Лидия Ефимовна — любовь с первого взгляда и до конца жизни

нибудь из домашних нагрубил, наоборот, всегда старался подбодрить добрым словом. Дети любили отца. Он же их не баловал, держал в строгости. В семье царил доверие и уважение».

Его стиль работы мне импонировал. Он работал и мыслил масштабно. Он понимал и чувствовал не только сегодняшний день, но видел и завтрашний день будущего города. Он делал всё возможное, а порой и невозможное, чтобы его приблизить. Был требователен, прежде всего, к себе, так как чувствовал ответственность за свои дела и поступки.

Свой первый день работы Николай Андреевич начал с того, что сам поехал в трест к Я. М. Малинскому, затем в отдел капитального строительства «Мегионнефть»



*Лётчик-космонавт Борис
Волынов на Усть-Балыкском
месторождении нефти. 1969 г.*



Нижневартовск, 1976 г.

к Г. М. Кукуевицкому, хотя мог поступить наоборот, вызвав их к себе. Под руководством Н. А. Москаленко была разработана программа по практической реализации генерального плана строящегося города. Именно в этот период наиболее ярко высветились его аналитический склад ума и прекрасные организаторские способности. С приходом Н. А. Москаленко была полностью пересмотрена и изменена стратегия и тактика работы исполкома, как коллективного органа, а также его отделов и народных депутатов.

Искусство власти состоит в том, чтобы услышать и реализовать разумные предложения людей, тем более, когда речь идёт о стратегическом вопросе — строительстве города с нуля. Имея нефтеюганский опыт, Москаленко определил роль и место в этой работе каждого члена исполкома. Они становились не сторонними наблюдателями, а созидателями, активными участниками строительного процесса и решения жилищных и социальных



Делегация Нефтеюганска на областной парткоференции. 1971 г.

вопросов. Работа планировалась так, чтобы они от начала и до конца отвечали за вверенный участок, лично контролировали весь ход работ, своевременно решали возникающие проблемы. Горно отвечало за строительство школ и детских дошкольных учреждений, торговый отдел — за объекты торговли, общественного питания, базы по хранению картофеля и овощей, складское хозяйство и холодильники, отделы культуры и спорта — за объекты данного профиля и назначения.

Такой системный подход позволил поднять на новый уровень работу горсовета, который самостоятельно, настойчиво и последовательно, шаг за шагом снимал «методом исключения» накопившиеся острейшие проблемы города. Я в своей работе всячески стремился усилить роль председателя горсо-



*А. Н. Косыгин и Г. П. Богомяков прибыли в Нижневартовск.
5 марта 1975 г.*

вета. Горисполкомом более активно стали привлекаться депутаты, депутатские комиссии, а также депутаты областного и окружного уровней. Каждый из них имел конкретные поручения, из их числа создавались постоянные и временные посты, инициативные рабочие группы, системный характер приобретала шэфская работа с национальными посёлками района.

Н. А. Москаленко лично контролировал ход этих мероприятий, ежедневно посещал строящиеся городские объекты. Я. М. Малинский нашёл в его лице надёжного помощника. Николаю Андреевичу удалось в короткие сроки подобрать и сплотить вокруг себя способных, умных, хороших организаторов. И отработал он честно, добросовестно и творчески в этой нелёгкой должности шесть лет.



*Министр культуры СССР Ю. С. Милентьев и В. Д. Степанов
прибыли в Нижневарттовск*

Конечно, в городе и районе не обходилось без ЧП, связанных с авариями на объектах городского хозяйства, отвечающих за электрообеспечение, тепло- и водоснабжение. Каждое ЧП больно сказывалось на работе трудовых коллективов, которые несли большие материальные, финансовые и моральные потери. Очень тяжело воспринималась гибель людей.

Н. А. Москаленко любил северную природу, дорожил ею, уважительно относился к общегородским мероприятиям по озеленению, посадке деревьев и цветов. Он с азартом рассказывал о том, как он умеет собирать грибы, ягоды. С горечью говорил о местах, где прошли нефтяники, строители, загрязняя землю нефтью, срезая бульдозером молодые деревца, вскапывая пласты верхнего природного слоя, где после этого не будут больше никогда расти грибы и ягоды.



Ноябрьск, 2002 г.

Николай Андреевич оставался для меня душой компании. Правда, редко, но когда мы собирались, царило веселье, звучали песни, раздавался смех. Он был прекрасным рассказчиком, много знал народных изречений и анекдотов. Был мастер на выдумку, его любимой тематикой были смешные истории из жизни народа ханты, знал много стихов и прекрасно их читал, любил исполнять украинские песни. Играл на многих музыкальных инструментах — домра, гитара, баян и даже пианино.

Н. А. Москаленко уважал друзей и коллег, никогда себя не выпячивал и не демонстрировал своё превосходство перед ними. Был тактичен и осторожен в выражениях. Когда проводил заседание исполкома или совещание, никогда не использовал своё положение и даже неосторожным словом не унижал людей. Его аргументами были знание и опыт, приобретённые



Ноябрьск, 2002 г.

в процессе работы с различными категориями руководителей. Этому стилю он был привержен, когда работал в Нефтеюганске, Ханты-Мансийске, Ноябрьске и Нижневартовске.

По результатам встреч с различными людьми он обобщал предложения и замечания, анализировал, вычислял рациональное зерно и обязательно использовал. Он был самокритичен, никогда не почивал на лаврах. Всегда стремился узнавать что-то новое и внедрять в практику своей работы.

Его уход из жизни я воспринял как личную утрату, потеряв верного и надёжного друга. И время не снижает остроту моих переживаний. Мне его порой очень не хватает, но он навсегда остаётся в моей памяти и в моём сердце — как настоящий создатель, покрывший жизненную вершину.



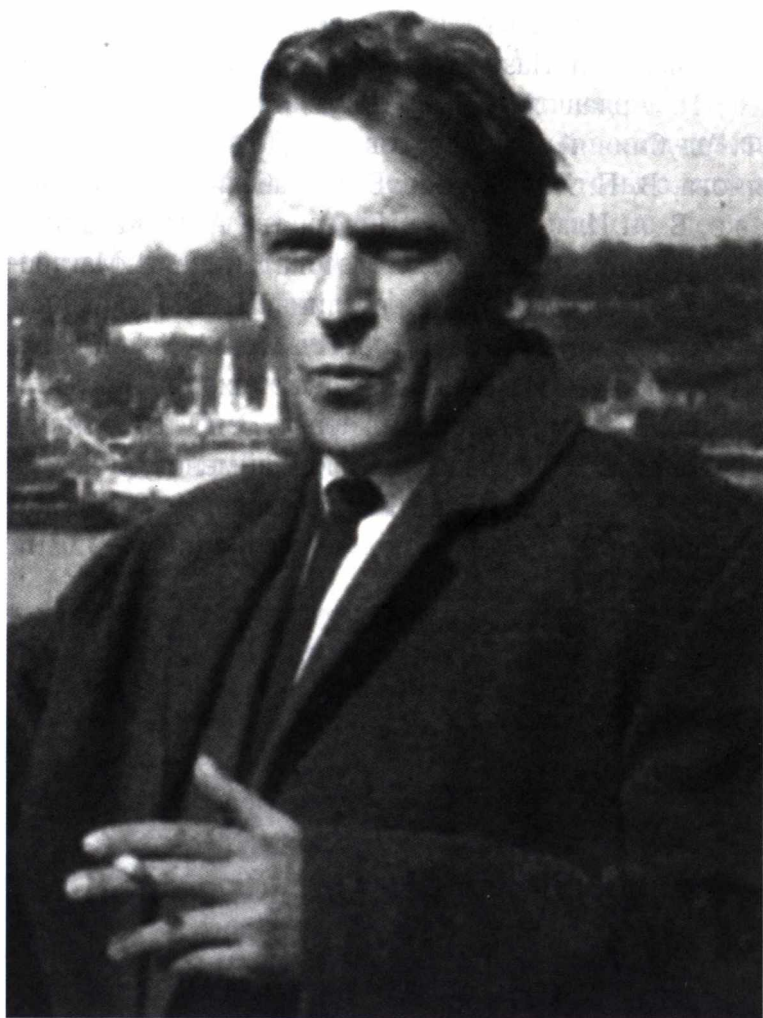
Тюмень, 2006 г.

В своей работе я всегда прислушивался и учитывал мнение работников местной власти. Все они были специалистами своего дела, честно выполняли свой служебный долг. Назову тех, кого помню:

Е. П. Ардашова, В. Ф. Артюхин, А. Е. Бабкина, В. Ф. Голубничий, С. И. Денисов, Л. А. Додонова, Л. Н. Емельянова, В. П. Жемерикин, Е. К. Забелина, В. В. Ивановко, В. А. Илькин, Т. М. Ишкинина, А. И. Казанцев, А. П. Кауртаев, Е. Д. Книсс, А. П. Лопаткин, А. Н. Магаромов, О. Н. Меркулов, Е. М. Метелица, Н. А. Москаленко, П. Т. Московкин, Д. Ф. Наук, В. Т. Пузатов, А. Х. Родикова, П. П. Рожков, Н. И. Рязанов, Н. Г. Салихов, Р. С. Смирнова, Д. Н. Суетин, Е. П. Токарева, В. П. Темерикин, В. Д. Филатов, Н. Ф. Фоменко, В. М. Хайменов, В. С. Холлов, И. М. Чекмарёв, А. А. Шароглазова, Д. Т. Шуваев, И. А. Яценко.



У Вечного огня. Москва, 2010 г.



ОСИПОВ
БОРИС ИВАНОВИЧ

ОТВЕЧАЯ ЗА ВСЁ

Первый начальник НПУ «Мегионнефть» Борис Иванович Осипов — выходец из Охинского нефтяного района Сахалина. Прибыв в Нижневартовск с приказом начальника объединения «Тюменнефтегаз» А. М. Слепьяна, уже на второй день предстал на заседании бюро райкома партии, где его следовало утвердить в должности начальника управления.

И тут состоялась неожиданная встреча Бориса Ивановича с В. А. Абазаровым. Присутствующим на заседании стало известно, что они вместе учились и были в одной группе, сидели за одним столом, окончив Грозненский нефтяной институт по одной специальности — горного инженера.

Владимир Алексеевич был членом бюро райкома партии и представлял самую крупную организацию в районе — Мегионскую нефтеразведочную экспедицию. Авторитет его был безупречен, с его мнением считались. Конечно же, В. А. Абазаров тепло отозвался о своём друге, дав развёрнутую студенческую характеристику, поскольку после окончания института их жизненные пути разошлись, и только спустя двадцать лет они вновь встретились на Тюменском Севере.

Б. И. Осипов был утверждён. Об этом периоде он вспоминал: «Как повезло, как здорово, что я здесь встретил Володю Абазарова! Мне стало так легко. То обстоятельство, что я с Сахалина, вызвало недоумение. И некоторое время чувствовал, что пришёл не ко двору. Понять это можно было. Ведь сюда прибывали

специалисты, в основном, из нефтяных районов европейской части страны. Поначалу специалисты ко мне относились несколько настороженно, но их сомнения вскоре рассеялись».

Оставив в кабинете В. А. Абазарова и Б. И. Осипова, первый секретарь райкома партии Леонид Вячеславович Аксарин уже вместе с ними рассматривал первоочередные вопросы: комплектование кадрами, размещение НПУ, начало работ на обустройстве Мегионского и Ватинского месторождений. И, конечно, самую острую проблему — как улучшить быт прибывших и прибывающих в Нижневартовск и Мегион нефтяников.

Новизна и актуальность нефтяных проблем, уже ставших реальностью в районе, была чрезвычайно трудна и для Л. В. Аксарина, так как в Нижневартовск он был рекомендован обкомом партии, будучи сельским руководителем — председателем Ярковского райисполкома. Районным руководителям юга области тоже предстояло пройти нелёгкий путь познания сложностей нефтяной промышленности.

Следует отдать должное Леониду Вячеславовичу, он как губка впитывал новые знания, стремился понять технологию бурения скважин, методы добычи нефти, способы сбора и подготовки нефти, тем самым вызывал уважение у руководителей В. А. Абазарова, Б. И. Осипова, В. И. Хлюпина, В. У. Литвакова и других. Подробнее о Л. В. Аксарине я расскажу ниже. А точнее, он расскажет о себе сам...

Борису Ивановичу выпала нелёгкая доля. Ему никто не сулил тепличных условий, трудности и испытания подстерегали с первого дня работы. Он понимал,

что от него зависит настрой коллектива и конечный результат. Перед ним была поставлена архисложная задача: в течение года начать добывать нефть.

Для этого Б. И. Осипову пришлось в сжатые сроки скомплектовать работоспособный коллектив управленцев, состоящий, в основном, из числа молодых, но уже опытных, новаторски мыслящих инженеров, нацеленных на использование всего лучшего и передового, чем располагала на тот момент нефтяная отрасль. Борис Иванович прекрасно понимал, что новый район нефтедобычи — дело светлых умов и сильных рук молодых.

Сам же Б. И. Осипов был из породы тех людей, которые добровольно взваливают на себя ношу руководителя, ответственного за всё. Крутые повороты в его



*Первооткрыватели-нефтяники на Нижневартовской земле.
Слева направо: И. Абзалов, Г. Арнопольский, Н. Алтухов и Б. Осипов*

биографии показывают, что он всегда подчинял себя интересам дела, шёл на ломку сложившихся производственных и житейских стереотипов, если этого требовали обстоятельства.

Я счастлив знакомством с этим удивительным человеком. Я быстро понял, что это смелый, решительный, много повидавший и хорошо знающий жизнь и производство руководитель. Он был по-рабочему рассудителен, по-житейски мудр, мог поговорить с человеком на любую тему. Борис Иванович хорошо разбирался в людях, близко к сердцу принимал их нужды и заботливо относился к созданию для них нормальных условий труда и быта.

Люди это очень ценили, обращались к нему за помощью. Между тем, Борис Иванович был по-военному



*Строительство первой автомобильной дороги,
соединяющей Мегион с Нижневартовском*

строг, не уважал тех, кто обсуждал его решения, когда полагалось их немедленно выполнять. Умел принципиально, порой жёстко контролировать реализацию своих заданий.

Все житейские вопросы вместе со своим заместителем по общим вопросам Имаммом Абзаловичем Абзаловым старался решать оперативно. Конечно же, не удалось избежать объективных трудностей. Первопроходцам пришлось жить в палатках, вагончиках, даже в кузовах автомобилей, варить пищу на кострах.

Это сегодня известно и понятно, как надо развиваться Мегиону и Нижневартовску. А тогда Б. И. Осипов порой хватался за голову от подступающих проблем. Заканчивалась навигация 1964 года. По Оби шла шуга, на рейде находилось около десятка неразгруженных барж. Капитаны теплоходов гудками давали понять, что они спешат увести баржи, ибо иначе замерзнут во льдах, а весной участь их будет плачевной. Только на одной барже был кран, который работал круглосуточно. От усталости у крановщиков немели руки. Жители посёлка участвовали в разгрузке барж, вручную поднимали и переносили тяжести. Борис Иванович лично вместе со своим небольшим аппаратом управления принимал участие в разгрузке последних барж. Уставали страшно, но сделали важное дело — баржи ушли на зимовку пустыми.

И, несмотря на трудности, на загруженность людей, было принято решение провести демонстрацию трудящихся 7 ноября 1964 года. Борис Иванович вместе со своими заместителями и аппаратом возглавил колонну нефтяников. Тяжёлые машины и тягачи были празднично украшены. И это было символично.

В зиму 1965 года строители спешили сдать овощехранилище, склад для продуктов, дощатую столовую, баню и котельную. Борис Иванович был последователен в своих действиях и решениях. Так, не дожидаясь окончания изыскательских работ, тем более изготовления рабочих чертежей и смет, он приглашает в Нижневартовск из Уфы группу проектировщиков института «Башнефтепроект» во главе с Михаилом Павловичем Мазиным, изыскателей из Свердловска, которыми руководил Зворский. Архитектор А. В. Котович получает конкретную задачу: выбрать место под пятый квартал будущего города, составить первоочередной участок генплана (схему), чтобы его рассмотреть и утвердить в райисполкоме.

В недельный срок проект был подготовлен и лежал на столе у председателя райисполкома Николая Ивановича Михальченко. Схему под нажимом Бориса Ивановича утвердили. Так начал застраиваться первый микрорайон нефтяников в деревянном исполнении. Эту задачу стал выполнять отряд строителей, прибывший из Мегиона во главе с энергичным, неутомимым тружеником Петром Ильичом Печориным.

Созданному в 1964 году строительно-монтажному тресту «Мегионгазстрой» под руководством Григория Ильича Пикмана ставились напряжённые планы по строительству первых деревянных домов, объектов торговли, промбаз и нефтедобычи. Для непрерывного обеспечения строителей материалами и оборудованием Борис Иванович в первую же зиму поручает начальнику транспортного предприятия Семёну Ивановичу Медведеву пробивку зимника от Тюмени до Нижневартовска.

Б. И. Осипов делал всё возможное, чтобы помочь в обустройстве прибывающих буровиков, вышкарей, транспортников, поскольку понимал, что без них не будет нефти. С момента организации Мегионской конторы разведочного бурения № 4, где первым начальником был Борис Михайлович Ракитин, выходец из Башкирии, а главным инженером — Михаил Гарафович Хусмутдинов из Татарии, все работы были под повседневной опекой начальника НПУ.

У Б. И. Осипова сложились добрые отношения с вновь прибывшим начальником конторы бурения Валентином Ивановичем Хлюпиным. Их часто можно было видеть вместе в посёлке буровиков, на базе, на буровых. Борис Иванович интересовался и расспрашивал В. И. Хлюпина о новых поступлениях станков,



Нижневартовские геологи и нефтяники отправляют первую мегионскую нефть водным путём до Омского НПЗ

*Первопроходцы
НПУ «Мегионнефть»*



Б. И. Осипов



Г. С. Арнопольский



И. И. Рынковой

оборудования, материалов. По его просьбе выделял машины и технику, помогал в обеспечении буровиков жильём, которого так не хватало...

Интересен один эпизод. Закончив планёрку, Борис Иванович оставил Хлюпина и неожиданно спросил: «Что ты думаешь о создании местного телевидения?» Не дождавшись ответа, продолжал: «Я уже отправил Г. С. Арнопольского в Ленинград «выбивать» оборудование для телецентра, а снабженцам поручил собирать с заводов всё, что нужно. Уговорил управляющего трестом «Мегионгазстрой» Г. И. Пикмана начать строительство специального здания, а вот телевышка — за тобой. Для этого надо пожертвовать одной буровой». Всего мог Хлюпин ожидать от Осипова, только не этого. Он вспоминал: «Меня это удивило! Как мог начальник НПУ вместо вопроса о выполнении плана бурения и сдаче дополнительных скважин, вместо выяснения дел с комплектацией станков, которые приходилось выбивать с боем у Сафиуллина и Вязовцева, говорить о телецентре?! У меня это в голове не укладывалось. С большим трудом удалось получить

в объединении разрядку на буровой станок под программу текущего года. Не успеем его смонтировать — не будет плана. Как можно пойти на это? Ведь меня никто не поймёт! Не успел собраться с мыслями, а он мне вновь: «Представь, Валентин, какую роль завтра сыграет телевидение для населения Нижневартовска и всего района!» Я дал согласие, но спросил: «Что, на Сахалине все такие... немного не того?»

Кончилась самодеятельность двух руководителей, естественно, тем, что контора не выполнила план по бурению. Приказом по Главтюменнефтегазу В. И. Хлюпину объявили выговор, а Б. И. Осипову — строгий выговор, «задел» для снятия с работы. Через год нашли и повод. «За грубое нарушение финансовой дисциплины, выразившееся в строительстве непланируемых объектов соцкультбыта» его освободили от должности начальника НГДУ «Мегионнефть». Но память о себе он оставил добрую. На юбилее, посвящённом 500-миллионной тонне нефти, добытой мегионцами, его имя встретили шквалом аплодисментов. Так нефтяники Мегиона показали своё отношение к нему.

*Первопроходцы
НПУ «Мегионнефть»*



Е. В. Большагин



В. У. Литваков



В. Н. Иванов

*Первопроходцы
НПУ «Мегионнефть»*



В. П. Троян



А. Я. Мартын



А. И. Суздальцев

Несколько позже В. И. Муравленко узнал об истинной причине невыполнения плана УБР-1 и высказал Хлюпину: «Вот бы за каждый выговор получать такой выигрыш для людей!» Когда приезжал в Нижневартовск и проезжал мимо телецентра, Виктор Иванович с улыбкой показывал на необычную телевизионно-буровую антенну и говорил: «Это первый памятник нижневартовским буровикам в Западной Сибири». Центр будущего города ориентировался на телевышку.

Телевидение в Нижневартовске сыграло огромную политическую, экономическую и идеологическую роль в развитии нефтяного Приобья.

По натуре Борис Иванович был оптимистом, редко унывал и всегда верил в лучшее. К его мнению прислушивались, с ним считались, хотя порой он и заставлял идти на некоторую «авантюру». Представьте, ещё не было улиц, только начинали строить первые дома, а он уже предложил назвать улицы Пионерской и Нефтяников. И хотя по строгим градостроительным канонам это было явно преждевременно, под напором его доводов райисполком принял такое

решение. Уж очень хотелось Борису Ивановичу увековечить главных действующих лиц. Он считал и, наверное, был прав, что эти названия будут стимулировать активность строителей.

Самым важным для него было верить в людей, в то, что трудности преодолимы, в то, что прекрасными современными городами станут и Нижневартовск, и Мегион, в то, что главное предназначение человека — созидание.

Эту веру он сохранил до конца своих дней. А ещё сохранил любовь к северному краю, где он оставил заметный след. Даже вернувшись туда, где прошла его юность — в Краснодарский край, он продолжил работу нефтяником и не расставался с Тюменью. По воспоминаниям жены, его неужённая натура не могла мириться с «тепличными условиями», она требовала того большого дела, которому он отдал большую часть жизни, считая Нижневартовск и Мегион своей второй малой родиной.

А теперь, как и обещал, расскажу подробнее о Л. В. Аксарине.

Прежде всего, предоставлю слово его дочерям Надежде и Вере: «Он был убеждён, что можно построить ком-

*Первопроходцы
НПУ «Мегионнефть»*



Н. П. Славин



И. П. Паньков



Г. В. Нежура

мунизм с человеческим лицом. Что для этого достаточно всем гражданам страны быть трудолюбивыми, честными. Как у Гайдара в его маленьком рассказе «Чук и Гек»: мол, надо честно жить, много трудиться и горячо любить свою Родину, которая зовётся Советской страной. Сам так жил и нам велел. Когда сталкивался с другим отношением к жизни, то недоумевал и сердился. Знаем, что в работе нетерпимо относился к разгильдяйству и хапужничеству — это слова из его лексикона.

Чем больше становится известно фактов из истории страны, тем понятнее перипетии служебной биографии отца. Старшая из нас, Надежда, родилась, когда ему было всего 19 лет, а Вера — когда исполнилось 25. Жизнь стремительна. Кажется, вся она прошла на наших глазах, всё нам известно. Однако работа с архивными документами помогла нашим взрослым детям понять трудовую деятельность деда. Они же его знали только как заботливого сказочника. Каждый день сочинял он им рассказы. Рассказывал, пока не уснут. С ним они ездили на рыбалку, учились орудовать молотком, собирать грибы, петь песни. И заботиться о ближних. И жить так, чтоб не было стыдно за свои поступки...»

Дочери Леонида Вячеславовича предоставили в моё распоряжение написанный им текст, озаглавленный «Воспоминания для внуков». Приведу здесь несколько отрывков.

«...В 1962 году меня направили в распоряжение Нижневартовской парторганизации, где в декабре того же года избрали первым секретарём Нижневартов-

ского райкома КПСС. Мне 33 года. Хороший возраст. В этом возрасте человек верит в себя, свои силы. Умеет рисковать, смел в решениях.

Районный центр в том году был переведён из Ларьяка в Нижневартовск. Территория — где-то около 130 тыс. кв. км. Основные жители — русские, ханты и манси. Населённые пункты: Корлики, Коликъёган, Большой Ларьяк, Охтеурье, Сосновый Бор, Лапчинск и другие. Транспортная схема шла по рекам Обь, Вах, Коликъёган. Местное население занималось охотой и рыбалкой, выращивало лисиц и норок.

В Нижневартовске проживали 1764 человека. К этому времени геологическая партия Сургутской нефтеразведочной экспедиции открыла Мегионское нефтяное месторождение...

...Прилетел в январе 1963 года за нашей семьёй в Ярково самолёт Ан-2. Загрузили в него свой скарб с двух конных саней и полетели. За день добрались до Сургута, ночевали там у Василия Васильевича Бахилова, моего друга и соученика по Омской совпартшколе. Он работал первым секретарём Сургутского райкома КПСС. Утром — снова в самолёт, и через два часа — Нижневартовск. Аэродрома там не было. Самолёты садились зимой на лыжах на песчаную косу, а летом на поплавках прямо на воду.

Началась моя самостоятельная работа. Я отвечаю за всё — таково было кредо жизни. Традиционные отрасли экономики сложились за прошедшие годы. Очень важно было вовремя доставить водой (иного пути тогда не имелось) продукты питания, уголь, мазут, бензин, промтовары во все населённые пункты.

Из продуктов питания завозили, в основном, соль, сахар, муку и, конечно же, спиртное.

Помню весну 1963 года. Населению не хватило питьевого спирта. А завозили в район только спирт крепостью 96 градусов. Вина не завозили, водки тоже. Выпили запас спирта где-то к февралю. Что тут было! Зимой его никакими судьбами не доставишь. Ждали весны, навигации. И вот радиостанция речпорта сообщила: из Новосибирска, следом за льдом, идёт пассажирский теплоход. Все население посёлка вышло его встречать. Так было заведено. Молодые мужчины на моторных лодках встречали теплоход ещё в устье Чехломея, около Вампугольска. Там на ходу забирались на палубу, садились в ресторан, ели и пили. Тем не менее, сколько помню, в Нижневартовске в то время не было каких-либо серьёзных происшествий, связанных с пьянкой.

Именно в те годы (1962–1966 гг.) были открыты новые нефтяные месторождения: Черногорское, Белозёрное, Покурское, Ватинское, Мегионское, Вахское и в 1965 году Самотлорское. Встал вопрос о создании базы для добычи нефти и освоения этих месторождений...

В 1965 году началась пробная эксплуатация Мегионского нефтяного месторождения. И это при отсутствии производственной базы! Заказ на обустройство и пробную эксплуатацию месторождения взяла на себя Мегионская нефтеразведочная экспедиция. Прилетели первые специалисты-нефтяники Арнопольский, Альханов и другие и начали добычу. Первые баржи-нефтевозы повёл на Омский перерабатывающий завод пароход «Ползунов».

Помню, мне нужно было лететь на пленум обкома КПСС, а на завтра запланирована отправка баржи с мегионской нефтью. Я пригласил секретаря РК А. Исыпова (хантыец по национальности), председателя исполкома Н. Михальченко и начальника экспедиции В. Абазарова. Обсудили, как организовать погрузку, как провести митинг, торжества и прочее. Дать обязательно телеграмму в обком КПСС. Продиктовал им текст и даже подписи — Исыпов и Михальченко. Ведь я-то в этот день буду находиться в Тюмени. В партархиве и сейчас лежит та телеграмма, там нет моей подписи. Тогда этому значения не придавал. Главное — начали добычу...

...Однажды на бюро Ханты-Мансийского окружкома КПСС мне объявили (в 1965 или 1966 году) строгий выговор с занесением в учётную карточку «За пренебрежительное отношение к производственно-бытовым нуждам рабочих, строителей и нефтяников». Министерские тылы со стройматериалами, продовольствием и промтоварами отстали, а мы виноваты!? Местная промышленность района тогда ещё ничего не производила, всё, что было в райпотребсоюзе и ОРСе геологов, единственных источниках товаров, было отдано людям. Тем более что Миннефтегазстрой и Миннефтегаз имели самые мощные в стране фонды на все виды товаров, владели разветвлённой торговой сетью в местах, где вели свои работы. Строительные материалы заказывали эти же министерства, но сумели завезти где-то 25–30 процентов от потребности и оставили своих работников на голодном пайке.

Не знаю, кому в верхах досталось за эту неразвротливость, но меня наказали необоснованно. Спасибо

Н. К. Байбакову, который нашёл нужные слова для поддержки. Наутро после бюро окружкома он вместе с нами отправился в Нижневартовск и сказал мне в вертолёте: мол, не переживай, в учётную карточку выговор записывать не будут, ругались для того, чтоб «заострить обстановку». Ничего себе, думаю, методика! Такую же меру определили и моему другу Васе Бахилову, секретарю Сургутского райкома. Давай нефть! Так продолжалось многие годы в Западной Сибири.

...Основными принципами в работе для меня были и остаются дисциплина и добросовестное исполнение своих обязанностей. В отношениях между людьми не люблю барства. Не люблю сюсюканья, славословия, подхалимажа. Меня никогда не восхваляли и не носили на руках. Я был довольно жёстким. И для себя в жизни ничего не делал в ущерб другим. Ел то, что ели все. Помню, получал 253 рубля, а жена — 105 рублей. На семью в четыре человека. Работники коллектива райпарторганизации видели это, знали это и соседи, и просто жители маленького населённого пункта. И, я думаю, ценили эти качества.

...И всё же с работой пришлось расстаться. Был ли я виноват? Многое передумал за эти годы. Конечно, сделал не всё, чтоб район работал нормально по всем направлениям. Мы не получали желаемых результатов по рыбодобыче. «Замерзли» показатели по надоям молока в колхозах. Из отдалённых посёлков несвоевременно поступали партвзносы. Но это объяснимо. Ханты и манси уходили с ноября по март на охоту в тайгу. А летом они на рыбной ловле. По этой же причине срывались сроки проведения партсобраний.

А тут ещё срыв поставок жилых домов и невыполнение плана строительства. Но ведь такая же обстановка была и в Сургуте, и в Конде, и в Октябрьском, и в других районах... Значит, причина в другом, не в моей персоне...»

Так жил и думал Л. В. Аксарин. А ещё он писал стихи. Гражданские, политические, лирические. Надежда и Вера дали мне целую подборку. Я выбрал одно, на мой взгляд, очень сердечное и трогательное. Им и закончу рассказ о покорителях Среднего Приобья, людях невероятно сильных и в то же время в чём-то очень уязвимых...

*Отцвели цветы на нашей даче,
И зима стоит невдалеке.
Сад осенний смотрится иначе,
И не манит спать на чердаке.
По-медвежьи завалюсь в берлогу
До кудрявой озорной весны,
Пусть мою студёную дорогу
Приукрасят голубые сны.
Может, мне ещё и не допели
Соловьи последнюю строфу?
Может, ныне зимние метели
Всё-таки не занесут тропу?..*



ПОВХ
СТЕПАН АНАНЬЕВИЧ

СКВАЖИНА № 200

В народе бытует мнение, что фанатически преданный своему делу человек, попав в экстремальные условия, становится профессионалом, талантом. Он шлифует характер, силу и волю. В действительности это так и есть. На первый взгляд простой человек при большом деле становится великим, былинным героем!

Цена сделанного в Западной Сибири — сверхбогатство. Оно добыто подвигами первопроходцев. Их было много, сегодня их имена обрастают легендами, мифами, сказаниями. Ибо они до конца выполнили свой долг перед будущими поколениями.

Степан Повх — первопроходец и открыватель. Степан Повх — буровик-нефтяник. Степан Повх — история и легенда. Это не мной придумано, оно так и было и так есть. Сибирь заманивает лучших в свои прочные объятия.

В них и попался С. А. Повх. Прошли десятилетия, как не стало Степана Ананьевича Повха. Погиб он трагически.

Многое из жизни Повха уже забыто, безвозвратно затерялись те или иные моменты, характеризующие эту незаурядную личность, настоящего парня моего времени.

Как стремительно летят годы! Время постепенно стирает человеческую память. Степана Ананьевича помнят ветераны-нефтяники, старожилы Мегиона и Нижневартовска, а уходящие годы оставляют о нём лишь легенду. Наверняка через сто лет можно будет

рассказывать о Степане Повхе, как об Илье Муромце. Именно в легендах бьётся жизнь людская.

Но вернемся к событиям сорокалетней давности и попытаемся по крупицам собрать воспоминания о нём. В 1970 году в райкоме партии большая группа нефтяников награждалась юбилейной медалью в связи со 100-летием со дня рождения В. И. Ленина. Здесь и произошла моя встреча со С. А. Повхом. Он привлёк моё внимание тем, что на лацкане его пиджака были высокие правительственные награды: ордена Октябрьской Революции и Трудового Красного Знамени. Таких наград удостаивались тогда только те, кто совершал настоящий трудовой подвиг! Степан Повх отличался от других и внешне. Он был симпатичным молодым человеком, выше среднего роста, крепкого телосложения.

Познакомились. Смотрит он на меня и улыбается. Да так искренне, что в ответ просто невозможно не улыбнуться. Подумал: таким, как Степан Ананьевич, никакие сибирские морозы и ветра нипочём. Таким, как он, и покоряется Север!

Он уже был достаточно известен в отрасли и стране, многие знали о нём и его буровой бригаде, пробурившей первую на Самотлорском месторождении эксплуатационную скважину № 200. Бригада гремела на весь Советский Союз.

Так уж случилось, что в Нижневартовске мы жили по соседству. В одном из трёх деревянных домов поселились семьи буровых мастеров Нижневартовского УБР-1 С. А. Повха и Г. М. Лёвина. Редко удавалось пообщаться с ними в обыденных семейных условиях,

видеть их с детьми и жёнами, как правило, это были выходные или праздничные дни.

Хорошую семью сразу узнаёшь по детям. Не только потому, что они красивые, весёлые и нарядные. Главное — они открытые и добрые. Большие семьи, как у Повха и Лёвина, а у них было по трое детей, нечасто встречаются. Жили они дружно, несмотря на специфическую работу, которая не позволяла мастерам порой неделями видеть семью. Естественно, без них скучали и постоянно в тревоге ждали возвращения к домашнему очагу после сдачи очередной скважины. А потом снова наступали рабочие будни, снова ревели дизели на буровых — шёл спуск-подъём инструмента. И так изо дня в день. Мне чаще приходилось их видеть на буровой.



*Фото на память. Перед пуском скважины Р-200
С. А. Повх и И. И. Рынковой. Апрель 1969 г.*

С. А. Повх и Г. М. Лёвин были настоящими профессорами своего дела. У них было много общего. Одно их отличало: Степан Повх — страстный любитель рыбной ловли. По прибытии в Нижневартовск, сразу же приобрел мотолодку и рыболовные снасти. В свободное от работы время обожал посидеть с удочкой или спиннингом на реке. Частенько брал с собой старшего сына Владимира.

Надо было видеть, с каким настроением он приезжал в бригаду после очередной рыбалки! Степан мог часами рассказывать о красотах Оби и Ваха, при этом показывая руками размеры пойманной рыбы и приговаривая: «Ведь такой рыбы, как в Оби, нет нигде!»



Первоначальный памятный стенд бригаде С. А. Повха



Первая нефть Самотлора со скважины № 200

Ребята в очередной раз подшучивали: «Ну, Степан, покажи, какую рыбку добыл?» Они его окружали, слушали, шутили... Но таких моментов было не так уж много. А в один из утренних дней он не пришёл на смену... И бригада узнала страшную новость о трагической гибели С. А. Повха.

В Степане Ананьевиче меня привлекали его уверенность и непосредственность. Нас сближала общность интересов и воспоминаний: он служил в армии, и мне тоже пришлось более трех с половиной лет нести нелёгкую воинскую службу на самых дальних островах — Курилах.

О Степане Повхе сослуживцы и друзья отзывались положительно, он нравился своей доступностью и простотой в общении. Г. М. Лёвин был высокого мнения о своем друге: «Бурильщик Повх — явление редкое, самородок от природы. Профессионал. Находясь у станка, бурильщик с помощью приборов располагает полной информацией о процессе бурения скважины, но Степан Ананьевич обладал интуицией бурильщика, смекалкой, умом, трудолюбием и знанием своего долга. Для нас, буровиков, он был примером для подражания».

Бурильщик А. Д. Минибаев, работавший вместе с Повхом, вспоминал: «Степан Ананьевич никогда не ругался. Он по натуре очень добрый и справедливый. Случалось всякое, но он спокойно, рассудительно подскажет, а иногда и подковырнёт. Он обладал редким даром объяснять молодым и располагать к себе людей. Мы не могли его послушаться. Говорят, кто не строгий, того не уважают. Но Повх был и уважаем,

и требователен. По-умному требователен. В нашем буровом деле его называли профессором».

Степан Ананьевич родился в селе Гатна Держанянского района Хмельницкой области. Родители — потомственные крестьяне. В семье Повхов было трое детей: старший Василий, средний Степан и младшая Раиса. Война с фашизмом лишила их счастливого детства. Василий ушёл на фронт. Степан остался за старшего, на себе испытал все трудности и посмотрелся, что несёт с собой война. Почти четыре года пришлось прожить в ужасных условиях оккупации. Подростком нанялся пасти местный скот, чтобы не умереть от голода.

24 марта 1944 года родное село было освобождено Советской армией от немцев. Осенью того же года открылась школа. Степану очень хотелось учиться, но пришлось зарабатывать трудодни в колхозе. Получить полное среднее образование ему так и не удалось — под конец войны они с сестрой остались сиротами. Брат Василий, вернувшись с войны, женился и работал железнодорожником. На Степана легли все житейские вопросы. Он пошёл работать на торфопредприятие.

В деревне рядом с Повхами жила милая, редкой красоты девушка Татьяна, ровесница Степана. Она была из бедной семьи, тоже оказалась сиротой. Татьяна приглянулась Степе, и за полгода до призыва в армию он привел её в родительский дом, поженились.

В возрасте 20 лет Степан был призван в ряды Советской армии. Служил в Башкирии, тут-то и увидел нелёгкий труд нефтяников. Твёрдо решил посвятить себя именно этой профессии и после демобилизации остал-

ся «во втором Баку». Работал в Культюпинской конторе бурения треста «Башвостокнефтеразведка» дублёром верхового рабочего, затем верховым, помощником бурильщика, а после окончания в Уфе специальных курсов — бурильщиком, частенько заменял и сменного мастера.

В 1956 году приказом по объединению «Башнефть» Степан Ананьевич переводится в трест «Туймазыбурнефть» в контору роторного бурения № 2. Здесь судьба свела его с Б. М. Ракитиным и В. И. Хлюпиным. Работа нравилась и спорилась.

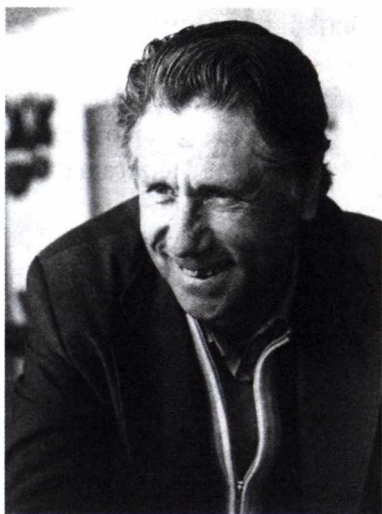
Об этом периоде Татьяна Степановна Повх вспоминает: «Оставшись в Башкирии, Степан вскоре забрал меня с первым родившимся сыном Владимиром. Началась кочевая жизнь. Последним нашим приста-



Трудная, но почётная доля буровиков

нищем перед северной эпопеей оказалось Шпаковское месторождение».

В 1964 году открылась новая страница в семейной истории Повхов. Известие о первой тюменской нефти, отправленной баржами на Омский нефтекомбинат, широко обсуждалось в среде нефтяников и их семей. Центральные газеты и телевидение восторженно рассказывали и показывали кадры о победе сибиряков, покоряющих недра древней Югории. Караваны барж по могучим рекам Оби и Иртышу везли нефть на переработку. Многолюдные митинги с мест добычи в Шаиме, Усть-Балыке и Мегионе словно приглашали нефтяников и буровиков оставить свои «насиженные»



*Продолжатели дела С. А. Повха, буровые мастера
Нижневартковского УБР-2, Герои Социалистического Труда
А. Д. Шакин и Г. К. Петров*

места и принять участие в освоении нового нефтегазового района страны.

Те, кто уехал в Тюменскую область раньше, писали письма на свои предприятия и родным, делились впечатлениями об удивительном крае и торопили тех, кто желал бы участвовать в этом большом государственном деле. Письмо от своего друга, который уже полгода прожил в Мегионе, получил и С. А. Повх. Он писал: «Степан, какие здесь прекрасные места! Отправишься в лес на берег Оби, на озёра, а их здесь множество, — такая красота кругом, не насытишься. Для рыбака, а ты ведь большой любитель рыбной ловли, лучших условий не найти. И охотникам есть, где проявить себя. Глухарей и уток столько, только поспевай стрелять. Лето здесь настоящее — жаркое, щедрое. Предстоит испытать первую сибирскую зиму. Старожилы говорят, многоснежная, лютая. Для тебя и твоих друзей работы невпроворот. Так что, Степан, давай к нам, в Мегион, не пожалеешь. Ждём».

После того, как уехали первые добровольцы, Степан Ананьевич многое передумал: «Лишь бы семья поддержала...» В таком порыве он был не одинок. Из рассказа Татьяны Степановны: «Собрались четыре семьи, с которыми мы дружили. Четыре бурильщика — мой муж, Иван Артемьевич Ретиков, Евгений Павлович Течь и Иван Адамович Ромашевский. Мужья уехали в Тюмень в начале августа 1964 года. Дали нам слово, что поедут в один нефтяной район, будут работать на одном предприятии и заберут семьи к концу этого года».

Добравшись до Тюмени поездом, они поспешили в объединение «Тюменнефтегаз». В коридорах толпи-

лись, в основном, мужчины — все с большими рюкзаками и чемоданами. Как выяснилось позже, они ждали направлений на работу, а тогда направляли только в три района добычи нефти: Урай, Сургут и Мегион. Все они рвались быстрее попасть на Север.

Погрузившись на баржу, будущие покорители поплыли по неизведанным рекам к местам своего назначения. Сибирские реки ошеломили романтиков своим раздольем. Сколько же надо сложить воедино ручейков, безымянных речушек и рек, чтобы сплотить их! Сколько неуёмной, необузданной силы заключено в них!

Над проплывающей баржей неприступной стеной нависали крутые песчаные берега, а сосны-великаны и раскудрявцы-кедры смотрели в воду. Романтики плыли днём и ночью. Перепутались дни и числа. Будущие новосёлы все дальше забирались на Тюменский Север. Им открывался иной мир, бескрайний зелёный материк Западная Сибирь с огромными реками Иртышом и Обью.

Со Степаном Повхом и его друзьями были ребята молодые, сильные, задиристые, каждый из них ждал встречи с неизвестностью. А он ждал встречи с Мегионом. Он плыл навстречу новой жизни, не догадываясь о том, как сложится его судьба в этой необъятной державе по имени Сибирь.

Тогда он не ведал, что вскоре о нём станут писать в газетах, что его имя внесут в историю освоения нефтяных и газовых месторождений Западной Сибири. О незабываемом полумесячном плавании Степан Ананьевич вспоминал часто. Особенно об одной встрече: «К нам на баржу в Ханты-Мансийске попросился

пожилой мужчина. Лицо в шрамах и морщинах. Подумал: ханты, представитель коренной национальности. К нам отнесся весьма настороженно. Мне в Тюмени кто-то поведал, что ханты могут в подробностях рассказать о своей жизни первому встречному, к которому они проникнутся доверием. В то же время могут замкнуться и даже под градом вопросов не сказать ничего, кроме «да» или «нет». Как ни погляжу, он с утра до ночи дымит трубкой, усердно подсыпая в неё табачок. Молчит. Подплываем уже к Сургуту, где он должен был сойти на берег, и тут, думая о чём-то своём, произнёс громко вслух, не обращаясь ни к кому: «Если бы люди знали заранее, что ждёт их впереди, то жизнь остановилась бы, однако. Да-да... Во всяком случае, потеряла бы смысл, однако».



*Жена Татьяна Степановна
Повх. 1997 г.*



*Сын Владимир Повх
продолжил дело отца
на Самотлоре*

Я и сидящие рядом ребята удивлённо посмотрели на попутчика. Дымя самодельной трубкой из дерева, ханты неожиданно обратился ко мне:

— Далеко топаешь?

— Сам не знаю. Есть при мне направление, выписанное в какой-то Мегион, — ответил я.

— И ты тоже за нефтью? Все помешались на ней. Вы все враги мои, однако, — со злостью сказал ханты и продолжил. — Знаешь, я потомственный охотник-рыбак. Весь наш род на этом и держится. Отец был охотник-рыбак, дед... А вы ворвались со своими моторами и распугали зверя по всей тайге, — он обречённо махнул рукой. — Мегион, говоришь? Мне до Сургута по Оби, а дальше по бездорожью на своих двоих.

— А разве есть еще севернее? — спросил я у него.



Посещение первой скважины № 200. Слева направо: Б. Е. Щербина, А. К. Кортуннов, А. С. Барсуков. Нижневартовск, 1969 г.

Ханты усмехнулся:

— И там есть люди, наши люди. Правда, мало, но есть. Скажу тебе: нет более живучего зверя, нежели человек.

Далеко над тайгою со стороны уходящего солнца пролетел вертолёт. Ханты продолжал своё: «Люди обживают космос. Тайгу, вековые болота покорить с воздуха нельзя. Вот если пробьют дороги...»

На причале в Сургуте, собираясь сходить на берег, ханты тронул Степана за рукав и сказал: «Однако, молодой человек, ты учти, наши места возьмут с вас немалый выкуп. Дорого вам обойдётся их покорение. Я-то знаю тайгу, а вы нет, в этом незнании ваша беда, однако».

Это удивительное плавание от Тюмени до Нижневартовска так запало в душу Степана, будто плыл он через всю свою беспокойную жизнь. Будущая бригада — те, кто станет рядом с ним штурмовать Мегион и Нижневартовск, — тоже добиралась из разных концов страны.

На берегу находилось более десятка людей. Встречал прибывших первый начальник Мегионской конторы бурения Борис Михайлович Ракитин. Повх, Ретиков, Течь, Ромашевский и другие, сойдя с баржи, сразу же попали в его объятия. Он их ждал, он в них верил, знал твёрдо — работать будут на совесть.

Борис Михайлович за полгода своего пребывания в Нижневартовске сумел с местными строителями построить и подготовить временное жильё, магазин, столовую из вагончиков. Была и баня. Тут же, на берегу Оби, на огороженной площадке располагались промбаза, два склада и вертолётная площадка.

Работы по специальности сначала не было ввиду отсутствия буровых станков, оборудования и материалов. Нагруженные всем этим три баржи находились ещё в пути. Рабочие и ИТР конторы занимались своим обустройством, подготовкой к первой зиме.

Всех прибывших Борис Михайлович пригласил к себе в кабинет, который тоже находился в вагончике. По его настроению чувствовалось, что он рад пополнению, а особенно бурильщикам. Затем всех развели по вагончикам. Определили жильё, накормили.

Повху с друзьями выделили полвагончика, в котором стояли две двухъярусные железные кровати, столик с двумя табуретками.

Утром следующего дня Степан Повх и его товарищи пришли к Б. М. Ракитину и вызвались построить для себя жильё. Просьбу мотивировали тем, что они пообещали семьям до наступления зимы привезти их в Нижневартовск. Борис Михайлович выслушал, встал и заговорил: «Вы, дорогие мои, не успели ещё понять, куда прибыли, и сразу же давай... Поймите, пока нет нормальных условий для проживания вашим жёнам и детям. Пусть годик-два поживут в Башкирии, а мы за эти годы обустроимся, появится жильё, тогда и везите семьи».

Степан Ананьевич тут же парировал: «Если уж начинать, пусть будут с нами. Дайте нам стройматериал, и мы сегодня же приступаем к строительству дома. Думаю, нашему примеру последуют и другие». Борису Михайловичу ничего не оставалось, как согласиться, более того, пообещал привлечь в помощь строителей СУ-14 треста «Мегионгазстрой».

Из воспоминаний Татьяны Степановны: «Под руководством специалистов-строителей наши мужья возвели для нас жильё и сразу же отправились за семьями. 14 ноября на самолёте Ан-2 прилетели в Нижневартовск. Север встретил сурово. Было уже очень холодно. Здание аэропорта состояло из небольшого домика, куда и зашли погреться. На грузовой машине отвезли нас к новому жилищу. Обогрели одну квартиру, переночевали. Школа, магазины были в старом Нижневартовске. Приходилось пешком преодолевать приличное расстояние. Воду носили из Оби, дрова добывали в лесу рядом с домом. Мы были и этому рады, знали одно: вместе мы выживем...»

Отправленное из Тюмени на трёх баржах оборудование для Мегионской конторы бурения не успело



*С соратником, единомышленником и другом из Нижневартовска
Н. Я. Суркиным*

прийти до морозов. За 100 км до Сургута баржи захватил ледостав. Что делать? Ждать очередной навигации? Тогда освоение месторождения оттянется ещё на один год... На установленную точку бурения первой эксплуатационной скважины крупногабаритное оборудование можно было завезти только по зимнику: летом вскрываются болота.

Борис Михайлович собрал коллектив и предложил свою идею. Набрать из числа механизаторов и бурильщиков команду, посадить их на трактора и по замерзшей реке доставить оборудование в Мегион. В числе добровольцев за рычаги трактора сел и Степан Повх. И как-то само собой он оказался на головной машине — за ним уже двигался весь караван. Более 400 километров шла колонна буквально на ощупь по коварному обскому льду. Двигались без остановок в течение нескольких суток, порой в молочном тумане и в сильный мороз. Людей согревало лишь осознание того, что их ждут в Мегионе с надеждой и нетерпением.

Когда доставили оборудование на буровую, сил хватило лишь на то, чтобы добраться до нар в вахтовом балке. Улеглись вповалку и мгновенно заснули, не раздевшись, не поев. Спали сутки. Потом снова работа. Сооружение первой буровой стало праздником для всех. Началось бурение первой эксплуатационной скважины. Бригада Н. А. Исламгулова сумела её пройти на одиннадцать суток раньше срока. Жизнь буровиков стала чуть легче, да и заработок значительно прибавился.

В начальный период освоения Мегионского месторождения сюда направлялись, в основном, специалис-

ты и рабочие высокой квалификации. Для молодых заманчивая нефтяная целина Западной Сибири стала местом приобретения нелёгкой профессии буровика, вышкомонтажника, оператора по добыче нефти. Они были первыми!

Среди одержимых были Степан Ананьевич Повх, его друзья и товарищи. В Сибири он начал работать бурильщиком в бригаде мастера Н. А. Исламгулова. Именно этой бригаде предстояло пройти трудный путь. Степан имел солидный опыт работы в Башкирии, но его не повторишь с ходу здесь, в условиях Тюменского Севера. Летом — топкие болота, комарьё, зимой — морозы, температура часто опускалась ниже 40 градусов. Требовались иные подходы, новые методы бурения.

Коллектив Мегионской конторы стал пионером внедрения нестандартных технологий. Проходчики испытывали двуствольное и наклонно-направленное бурение, смело применяли различные сочетания долот, дюралаюминиевые трубы. Собственными силами пришлось впервые создавать искусственные острова, насыпи, лежневые дороги. Конечно же, в этой работе не всё было гладко. Тем более что не хватало оборудования, материалов, плохо обслуживалась и содержалась техника. Не выдерживали, лопались тросы, горели моторы, буксовали машины. Имелись многочисленные факты затопления техники, небрежного и безобразного отношения к ней со стороны отдельных механизаторов и водителей. И всё-таки день за днем, метр за метром отвоёвывали буровики у стылых болот плацдарм, создавая потенциал для наращивания добычи нефти с Мегионского месторождения.

Через год уже новый начальник Мегионской конторы бурения В. И. Хлюпин предложил Степану Повху поехать в Тюмень на шестимесячные курсы мастеров. Объединением «Тюменнефтегаз» было предложено послать лишь одного человека. В. И. Хлюпину пришлось собрать бурильщиков, чтобы посоветоваться: кого? Разговор был коротким. Все предложили кандидатуру Повха. От них Валентин Иванович услышал: «Степан окончит курсы и будет неплохим мастером. Мы в нём уверены».

Степан Ананьевич их не подвёл. Окончил курсы с отличием, а, вернувшись, приступил к формированию своей бригады. В конторе нужда в новых коллективах была острейшей.

С. А. Повх брал к себе всех желающих. Тогда бригады были большие, требовались кочегары, дизелисты, трактористы, электрики, повара и разнорабочие. К подготовке бурильщиков у него был особый подход. Медленно, шаг за шагом, неуклонно ползла вверх кривая трудовой отдачи в бригаде Повха. К концу года было видно, кто выдержал, закрепился, а дилетанты, «мотыльки», которые приехали за «длинным рублём», как правило, отсеивались и возвращались обратно. Или же искали «тёпленькое» местечко в Сургуте. Так ковались новые кадры, формировался костяк сибирских проходчиков Мегионской конторы бурения.

Начинали с малого, но постепенно достигли рекордных проходок уже на других месторождениях района и, наконец, наиболее ярко проявили себя на Самотлоре. Степан Повх верил, что бригаде по силам самые высокие показатели. Для этого нужны настойчивость и воля.

Бригада Повха состояла из молодых рабочих, лишь самому мастеру было за 35. 1965 год памятен тем, что был образован Главтюменнефтегаз, а освоение недр Западной Сибири стало всесоюзной ударной комсомольской стройкой № 1. Студенческие строительные отряды, добровольцы, демобилизованные воины, комсомольско-молодёжные бригады, участки, коллективы стали нормой в работе нефтяников, строителей и транспортников. Свою бригаду Степан Повх предложил В. И. Хлюпину впредь официально называть комсомольско-молодёжной. Валентин Иванович поддержал эту инициативу и своим приказом присвоил ей это звание. Таковой она стала первой в Нижневартовском районе.

По приглашению В. И. Муравленко из Куйбышевской области в Нижневартовск прибыла в полном составе буровая бригада во главе с мастером Г. М. Лёвиным. Они тоже начали бурить на Мегионском месторождении. Теперь в Нижневартовском управлении буровых работ № 1 работали пять бригад, было с кем соперничать, соревноваться в скорости.

К этому времени Главтюменнефтегазом была сформирована новая структура и организация труда. Вместо контор бурения появились управления буровых работ, вместо НПУ — нефтегазодобывающие управления. Их главной задачей было дальнейшее совершенствование технологии строительства скважин и добычи нефти.

В. И. Хлюпин в бригадах смело внедрял гидромониторные долота и усовершенствованные турбобуры. Устанавливались насосы повышенной мощности.

В бригаде Повха впервые применили принудительную очистку буровых растворов.

Значительно сложнее внедрялось наклонное бурение. Бригада С. А. Повха при бурении первой такой скважины допустила аварию. Этой участи не избежали и другие бригады. Причины — незнание особенностей месторождений и отсутствие опыта. С осложнениями бригады сталкивались, в основном, при бурении верхних интервалов, представленных сыпучими породами. Осыпаясь, они образовывали «пробки», препятствуя прохождению бурильного инструмента и каротажных приборов.

Ситуация была сложной, аварии следовали одна за другой. В. И. Хлюпин направляет своих специалистов к буровикам Усть-Балыка, где тоже были неполадки, но там преодолели этот барьер. Пришлось организовать учёбу всех ИТР и членов бригад, для чего пригласили сотрудников Всесоюзного научно-исследовательского института буровой техники (ВНИИБТ). Принятые меры резко сократили число осложнений и прочно утвердили новый метод строительства наклонных скважин в Нижневартовском районе.

Мегионские геологи продолжали настойчивый поиск. Они установили нефтеносность Советского, Локосовского, Северо-Покурского, Аганского и других поднятий. Это радовало нефтяников НГДУ «Мегион-нефть». Выявление высокопродуктивных залежей в Среднем Приобье сопряжено было с проходкой скважин на больших глубинах. Бригадам предстояло найти соответствующие технические и организационные подходы.

29 мая 1965 года на всю страну разнеслась весть об открытии суперместорождения. Это был Самотлор! В. И. Хлюпину пришло время менять направление главного удара. Теперь уже руководители Главка, министерства напирала на Валентина Ивановича: берись за Самотлор!

В лютую зиму 1968 года В. И. Хлюпин предлагает Повху: «Заканчиваешь скважину, даю команду на Самотлор. Как смотришь на такое предложение?» В ответ услышал: «А чего смотреть, Валентин Иванович, его, этот Самотлор, брать надо». То, как слова были сказаны, успокоило Хлюпина. «Ну, молодец, от тебя другого и не ожидал».

Выбор Валентина Ивановича был не случайным. Бригада Повха своя, родная, молодёжная, ей можно доверить «распечатать» Самотлор. Тем самым всем показать, как надо растить собственные сибирские кадры буровиков.

Предполагаемые запасы нефти на Самотлоре ко многому обязывали Хлюпина. Чувство ответственности удесят�ерялось. Поэтому вопрос, кого послать на Самотлор, был для него в высшей мере сложным.

Почему Повх? Уверенность в нём у В. И. Хлюпина была полной. И Степан Ананьевич оправдал надежды начальника УБР-1, успешно пробурирав новую эксплуатационную скважину под номером 200, которая сегодня стала местом паломничества молодожёнов, иностранцев, высоких гостей и просто жителей Нижневартовского района, развитие которого начиналось с Мегиона...



РЕДЬКИН
ЮРИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ

КРЫЛЯ

Когда я слышу песню «...Обнимая небо крепкими руками, лётчик набирает высоту...», передо мною возникает образ красивого, мужественного, смелого, отзывчивого, душевного человека, Героя Социалистического Труда Юрия Александровича Редькина, лётчика от Бога, нижевартовского аса.

Я встретился с Редькиным, когда вернулся в Тюмень после учёбы в Москве. До этого мы много лет отдали Нижневартовску. И вот я узнал, что он остался без работы по определённой причине и без квартиры. Посоветовался с Георгием Константиновичем Язовым, директором Тюменского моторного завода, где я теперь трудился, и мы решили помочь лётчику: его приняли на должность командира лётного звена. На заводе было несколько самолётов Омского оборонного объединения, поставлявших нам важные комплектующие к изделиям. Выделили квартиру. Позже наши жизненные пути разошлись: Юрий Александрович с семьёй уехал в Ленинградскую область.

Спустя какое-то время мне понадобилось его личное дело. В отделе кадров завода сообщили, что Ю. А. Редькина уже нет в живых. Я был потрясён рассказом о его смерти. Он ушёл из жизни в неизвестности и нищете. Целую неделю в жаркий июль тело его находилось в морге районной больницы, так как не было средств на похороны. Жена Александра Степановна в это время тяжело болела. Авиаторы моторного завода «сбросились» и, собрав всё необходимое,

вылетели в Ленинградскую область хоронить своего товарища. Трагическая судьба Юрия Александровича осталась незамеченной пилотами как Нижневартовска, так и крупнейшего отряда тюменских авиаторов, в котором он верно служил более 35 лет.

Как могло такое произойти? Не верится, что судьба лётчика всем стала безразличной. Очевидно, причина беспамятства — в новой сумасшедшей российской жизни, времени разброда и шатаний.

Нахлынули воспоминания о его кипучей деятельности в Нижневартовске. Я как будто вижу его наяву...

Природе, наверное, было известно, что он станет лётчиком, и она окрасила его глаза в цвет неба — голубые, всегда сосредоточенные, иногда искрящиеся смешинкой. Юрий был выше среднего роста, всегда подтянутый, в отглаженном костюме, черноволосый, с короткой стрижкой и аккуратно уложенным чубчиком. Только поблескивающая на висках седина выдавала, что в жизни ему ничего легко не давалось. Речь быстрая, движения резкие. Таким он был на земле, а в воздухе совершенно другим, ибо работа лётчика обстоятельная, размеренная, не терпящая суеты и поспешных решений.

Юрий Александрович обладал сильной волей, уверенностью в себе. Он хорошо танцевал, неплохо играл на гитаре и прекрасно пел. Особенно любил песню Александры Пахмутовой «Знаете, каким он парнем был».

Друзей у Редькиных было много, но он гордился дружбой с семьёй лётчика-космонавта СССР, дважды Героя Советского Союза, генерал-майора авиации Павла Романовича Поповича. Его жена, Марина Попо-

вич, училась в одной авиашколе с Александрой Редькиной, девушки дружили, бегали на танцы, мечтали о будущих мужьях и считали, что они должны быть лётчиками. Договорились, что если первыми родятся девочки, то назовут Наташами, если мальчики — Серёжами. Родились девочки...

Марина Попович стала военным лётчиком-испытателем, осваивала реактивные самолёты, а Александра Редькина летала на Ан-2. У обеих было всё: и полёты, и радость встречи с землей, и нештатные ситуации, требующие собранности, мужества и веры в свои силы.

Вот только один эпизод. Самолёт качнуло, Александра Степановна почувствовала, как резко заложило уши, и в ту же минуту уловила перебои в двигателе. Самолёт начал терять высоту. Земля с каждой секундой приближалась. Ладони сжимали штурвал, а в голове



Такие были площадки для посадки вертолётов на Самотлоре

одна мысль: дотянуть до аэродрома, дотянуть... Ведь в самолёте люди... Вот он, Кондинск. А земля уже совсем рядом... Молодцы! Быстро приготовились: посадочный знак выложен так, как полагается в таких случаях, — против ветра. Техники и пилоты устремились к приземлившемуся самолёту, из которого выходили ничего не подозревающие пассажиры. Последней вышла высокая стройная женщина в синей, хорошо сидящей форме пилота. О только что пережитом можно было догадаться по необычной бледности лица...

Александра Степановна не любила рассказывать о подобных ситуациях, считала их издержками профессии. В Тюменском управлении авиации был один женский экипаж — А. С. Редькина и второй пилот Татьяна Макарова.



*Новый Нижневартровский
аэропорт*



*Современный международный
Нижневартровский аэропорт*

Часто бывая в Москве у Поповичей, Редькины пригласили их в Западную Сибирь посмотреть «русское чудо». Это была неофициальная поездка семьи космонавта в Нижневартовск. То, что они увидели, ошеломило их. Поповичей поразило активное участие авиации в освоении нефтегазового комплекса. На семейный ужин пригласили и меня с женой. Мы увидели, насколько были тёплыми, искренними и дружескими отношения этих семей. Впоследствии вместе с Редькиным мне удалось побывать в Звёздном городке в гостях у Поповичей.

А. С. Редькина была членом обкома партии и депутатом областного Совета народных депутатов. Закончив летать, стала пилотом-инструктором, обучала начинающих лётчиков, прививала им любовь к небу, к рискованной и ответственной профессии.

В период бурного освоения нефтяных месторождений в Нижневартовском районе фамилия Редькина не сходила со страниц газет, звучала по радио и телевидению. В Нижневартовске сформировали лётный отряд, в его состав входили в основном Ан-2 и вертолёты Ми-4 и Ми-8. Потребовался командир. Начальник Тюменского управления гражданской авиации, Герой Социалистического Труда И. Т. Хохлов сделал свой выбор, рекомендовав на эту должность Ю. А. Редькина.

Иван Тихонович хорошо знал Редькина. Будучи инструктором-наставником в Тюмени, Редькин готовил экипажи для работы на вертолётах Ми-8. Начальник управления учитывал и другие обстоятельства. Самоглот приковал к себе всеобщее внимание, стал местом паломничества высоких руководителей из ЦК, правительства, министерств, ведомств и т. д.

Для ознакомления гостей с Самотлором вертолёт был единственным транспортом. В качестве пилота Юрий Александрович был незаменим.

В лётном подразделении Нижневартовска работали опытные и заслуженные пилоты: Г. И. Мещеряков, А. И. Синьков, В. Н. Киселёв, Г. Е. Смолькин, Е. М. Шабалин, А. Н. Соколов, И. А. Нигматуллин, В. А. Смирнов, А. Е. Пупочкин. С ними я много раз летал не только на Самотлор, но и на другие месторождения и в населённые пункты.

В настоящее время издано много буклетов, посвящённых Нижневартовску, но очень мало в них говорится о тех людях, которые трудились в 70–80-е годы в этом районе. Держу в руках прекрасно изданный, иллюстрированный цветными фотографиями буклет, посвящённый 35-летию Нижневартовского авиапредприятия, и удивляюсь: из 49 страниц текста об истории авиапредприятия только две посвящены тем, кто строил новый аэропорт, кто осваивал новую авиатехнику. И ни слова не сказано о роли партийных и советских органов города и района, на чьи плечи легли все проблемы, связанные с развитием авиапредприятия. Да и рассказ о ветеранах и бывших руководителях ограничился только перечислением фамилий.

Я думаю, нельзя быть «Иванами, не помнящими родства», так как без прошлого нет не только настоящего, но и будущего. Многие из тех, кто принёс славу этому коллективу и является его гордостью, по моему убеждению, могли бы и должны занять достойное место в этом буклете. Они заслужили это право преданностью профессии, своим талантом и мастерством, они

пережили все тяготы и лишения, выпавшие на долю «первых».

Хочу напомнить читателям, как всё начиналось...

В 1962 году благодаря воле и настойчивости первого секретаря Ларьякского райкома партии Нифонта Трофимовича Вокуева заброшенный посёлок Нижневартовский стал центром района. В посёлке Мегион обосновалась Мегионская нефтеразведочная экспедиция. Геологи открывали всё новые и новые нефтяные месторождения. На смену геологам пришли нефтяники, строители, транспортники. Через два года Нижневартовск получил статус рабочего посёлка.

Нижневартовск имел несколько очевидных преимуществ перед Ларьяком. Во-первых, здесь была



*В. Г. Пысенок — командир
Нижневартовского
авиапредприятия с 1980 по 2000 гг.*



*С. Н. Бакунин –
генеральный директор
АО «Нижневартовскавиа»*

лучшая транспортная схема, а в летний период — надёжное речное сообщение по Оби. Во-вторых, близость к Сургуту, в котором находилась неплохая взлётно-посадочная полоса для самолётов Ли-2, Ан-2. В-третьих, рядом с Нижневартовском находился посёлок геологов Мегион, и в распоряжении экспедиции имелись вертолёты Ми-6 и Ми-4, которые можно было использовать для перевозки людей зимой. Таким образом, имеющиеся транспортные средства позволяли круглогодично доставлять с «большой земли» продукты, почту и т. д.

На окраине Нижневартовска в труднейших условиях построили простую грунтовую площадку для приёма Ан-2, а летом прямо на Обь приводнялись гидросамолёты.



*Руководители межрегиональных управлений Росавиации.
Слева направо: В. Н. Шубин, П. Я. Медведев, О. Т. Гренченко*

В 1965 году с участием расположенных в Нижневартовске предприятий удалось удлинить полосу, построить здание аэропорта, обеспечить телефонной связью, установить необходимое инженерное оборудование для приёма самолётов. Полёты выполняли только при хорошей видимости и в светлое время суток. Затем появились радиосвязь, радионавигация, радиолокация. Штат предприятия сначала состоял из трёх человек: начальник И. Кучкульдинов, диспетчер Р. Ишметов и телеграфистка Т. Гайдабурова. Управление осуществляли из Сургутского аэропорта.

Через четыре года на базе авиазвена образовалось самостоятельное предприятие Нижневартовская объединённая авиаэскадрилья, командиром которой назначили Константина Романовича Каменского. Это был хороший лётчик, но у него был очень «крутой» характер. Подчинённым он частенько говорил: «Делай только так, как я сказал». Его упрямство, склонность к самоуправству не отвечали тем требованиям, какие необходимы были в современных условиях, а с увеличением количества самолётов и вертолётов он оказался неподготовленным к руководству таким предприятием. Участились аварийные ситуации, падали вертолёты, была низкой производственная и трудовая дисциплина лётного состава.

Расскажу о таком эпизоде. В Нижневартовск прилетел Б. Е. Щербина. На вертолёте он должен был вылететь на Самотлор в бригады Г. М. Лёвина и В. В. Китаева, а затем вернуться на автомашине в Нижневартовск.

Щербина прилетел на Ли-2, который пилотировал начальник Тюменского авиапредприятия Владимир

Михайлович Кулешов. Его встретили секретарь райкома В. В. Бахиллов и К. Р. Каменский. Командир вертолёта Ми-4 доложил о готовности экипажа к вылету. Щербина, подходя к вертолёту, обратил внимание, что вертолёт забрызган маслом, краска на нём облезла, и в целом Ми-4 был похож на старую изношенную машину. На вопрос: «Почему вертолёт в таком состоянии?», потупив глаза, командир ответил: «Борт подготовлен для отправки на завод для ремонта. Машина выработала положенный ресурс». Щербина был крайне удивлён и, ничего не сказав, сел в вертолёт, который с трудом оторвался от земли и взял курс на Самотлор. С высоты Щербина увидел «Волгу», едущую по дороге Нижневартовск-Самотлор, и попросил совершить посадку прямо на дорогу. Бахиллов понял его беспокойство. Вертолёт приземлился.

Этот «непредсказуемый полёт» обсуждали в райкоме партии. Бахиллов, обращаясь к Каменскому, сказал: «Вы представляете, какой опасности подвергли первого секретаря обкома? Вы предложили нам, по сути, списанный вертолёт! Неужели из имеющегося вертолётного парка не нашлось исправной машины?» Но ситуация в то время была непростой, потому что большинство вертолётов были прикомандированы к предприятиям, и ими распоряжались руководители по своему усмотрению, хотя это никак не оправдывало Каменского.

Назначили нового командира авиаэскадрильи — Алексея Михайловича Романчука, работавшего замполитом в Ханты-Мансийском авиаотряде. Это был совершенно другой человек. Хозяйская смётка и дело-

вая хватка сочетались с человеческими качествами — вниманием и заботой о людях. На его долю выпало строительство нового аэропорта. Необходимо было успевать за возрастающими потребностями в услугах авиации нефтяников, строителей, геологов, за быстрым ростом объёма работ. Это было нелёгкое время.

Постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 11 декабря 1969 года «О мерах по ускоренному развитию нефтедобывающей промышленности в Западной Сибири» предусматривалось в 1971 году строительство аэропорта в Нижневартовске. Объём работ по строительству был распределён следующим образом. СУ-909 под руководством Ю. Г. Шереметьева предстояло построить взлётно-посадочную полосу с двумя поворотными шайбами, перрон с дорожкой



Фото на память. Встреча руководителей компании «Ямалавиа» с губернатором Ю. В. Неёловым

для выруливания на полосу, подъездную дорогу до аэропорта с мостом через реку Зырянку и площадку перед аэровокзалом. Тресту «Мегионгазстрой», управляющий Г. И. Пикман, надлежало построить двухэтажное кирпичное здание аэровокзала с залом ожидания и помещениями для персонала, башню для службы полётов. Начальнику НГДУ «Мегионнефть» Р. И. Кузоваткину поручалось оперативно подготовить проекты, «озадачив» соответствующие институты.

Было предложено несколько вариантов здания аэропорта. За основу взяли аэропорт города Ленинграда и избежали «типовых» вариантов, по которым построили аэропорты в Урае, Сургуте, Тюмени.

Работники ОКСа НГДУ провели большую подготовительную работу, а затем контролировали строи-



Фрагмент мемориала памяти нижневартовским авиаторам при въезде в Нижневартровский аэропорт имени В. И. Муравленко

тельно-монтажные работы. Действовал штаб стройки, который возглавил второй секретарь райкома Николай Яковлевич Токарев.

Панорама строящегося аэропорта ошеломляла. На огромной площадке было сосредоточено большое количество техники: бульдозеры, грейдеры, катки, автокраны. Они трамбовали грунт, разгружали грузы и укладывали железобетонные плиты. К взлётной полосе непрерывным потоком шли самосвалы, нагруженные песком из карьеров. Сплошным потоком «Уралы» подвозили бетонные плиты. И так каждый день, без выходных и праздников.

Руководители многих предприятий предлагали свою помощь строителям аэропорта, так как у всех было одно желание — быстрее ввести его в эксплуатацию. Этого требовали высокие темпы обустройства Самотлора и строительства города. Хочу особо подчеркнуть роль председателей райгорисполкомов Н. Я. Устьянцева, Н. Ф. Фоменко, Н. Г. Салихова и особенно Н. А. Москаленко и С. И. Денисова, много сделавших для строительства нового предприятия и формирования коллектива. Несмотря на трудности с жильём, работников авиапредприятия обеспечивали квартирами, детскими дошкольными учреждениями.

Первый этап строительства завершился 23 сентября 1971 года. В этот день бригада монтажников СУ-909 Ивана Васильевича Толмачёва уложила последнюю бетонную плиту на посадочную полосу, комсомольско-молодёжный участок Владимира Григорьевича Лейтланда закончил обустройство разворотных шайб, две площадки при аэровокзале были также готовы

к использованию. Строители треста «Мегионгазстрой» досрочно сдали в эксплуатацию здание аэровокзала. С этого момента началось обслуживание аэропорта. Теперь авиаторам предстоял монтаж оборудования.

2 ноября 1971 года в аэропорту Нижневартовска приземлился первый самолёт Ан-12 из Тюмени, управлял которым И. Т. Хохлов. Это было большим праздником для всех. Секретарь райкома В. В. Бахиллов на состоявшемся митинге сердечно поздравил Хохлова с успешным полётом и вручил ему подарок — большую колбу с самотлорской нефтью, символ совместной работы нефтяников и авиаторов по освоению месторождения. А с 17 декабря начались регулярные рейсы пассажирских и грузовых самолётов. Через год аэропорт стал принимать современные авиалайнеры типа «Ту», требовавшие дополнительного технического оснащения.

С 9 августа 1972 года стали выполняться регулярные рейсы в Москву, а также во многие города страны: Тюмень, Свердловск, Омск, Ханты-Мансийск, Сургут, Нефтеюганск, Тобольск, Колпашево, Стрежевой. С каждым годом их число увеличивалось, рос и объём работы аэропорта.

Например, только 24 июня 1972 года аэропорт принял, обслужил и отправил в рейсы 23 самолёта Ан-24, Ан-12 — два, Ли-2 — три, Ан-2 — 12, два вертолёта Ми-6, Ми-8 — пять, Ми-4 — 28, Ми-1 — пять, Ми-2 — два. Перевезли за этот день 1150 пассажиров, 74 тонны грузов. Вертолёты сделали 285 вылетов к геологам, нефтяникам, строителям, лесозаготовителям. С каждым годом объём перевозок возрастал и достиг своего максимума в 1980 году.

Без авиации освоение нефтяных месторождений было практически невозможным. От лётчиков зависели все, так как на вертолётах доставляли и сейсмические станции, и необходимые грузы для буровых, и вахтовиков, и продукты питания, и многое-многое другое. В условиях бездорожья лётчики на Ан-12, Ми-10 и Ми-6 доставляли строителям трубопроводов Сургут — Нижневартовск, Нижневартовск — Уфа — Альметьевск трубы большого диаметра, строительные материалы, технику. Опять же с помощью вертолётов прокладывали высоковольтные линии, строили железнодорожную магистраль Тюмень — Сургут — Нижневартовск и мост через Обь.

На Тюменском Севере важную роль сыграл самолёт Ан-22 — «Антей». Четыре таких самолёта сделали за зиму 1974 года более 105 рейсов, они перевезли большое количество тяжёлой техники: трубокладчики, экскаваторы, блоки кустовых станций, крупногабаритные и тяжеловесные грузы общим объёмом более трёх тысяч тонн.

Помню, зимой 1972 года для НГДУ «Нижневартовскнефть» срочно потребовался буллит — стокубовая толстостенная ёмкость для подготовки нефти. Перевозка этого груза потребовала специального приспособления, которое изготовили на тюменском заводе. И со своей задачей военные лётчики справились.

В столь необычной работе авиаторов большая заслуга принадлежит бывшим начальникам Тюменского управления гражданской авиации И. Т. Хохлову, Г. П. Ласкину, первому заместителю начальника управления В. Н. Полякову, заместителю начальника

управления по лётной работе В. С. Краснову, командира аэропорта Рощино В. Г. Джугашвили, руководителю грузовых перевозок В. К. Шахову.

В связи с 50-летием Аэрофлота указом Верховного Совета СССР от 18 августа 1972 года «за большие успехи в развитии воздушного транспорта, значительный вклад в развитие планов народного хозяйства страны и освоения новой авиационной техники» тюменских авиаторов наградили орденами и медалями. Звания Героя Социалистического Труда был удостоен руководитель лётного подразделения Нижневартовского авиапредприятия Ю. А. Редькин. Он был первым лётчиком в области, получившим такую высокую и заслуженную награду. Благодаря его организаторским способностям, коллектив быстро набрался опыта, был готов выполнить любое лётное задание.

Однажды мне позвонил А. М. Романчук и сказал, что управление планирует направить в Нижневартовск новый самолёт Ил-76. На подготовку для приёма этого самолёта дают месяц. Такая новость для многих была неожиданной, хотя и очень приятной, потому что к нам прилетит такой большой самолёт. Но его размеры вызывали беспокойство. Я попросил Романчука пригласить руководителей технических служб и командный состав на совещание. Меня волновал вопрос: выдержит ли полоса большую нагрузку? Да и время было выбрано неудачное — наступил апрель, только что сошёл снег, и во многих местах полоса подтапливалась водой. Аэропорт функционировал третий год, обочины полосы не закрепились, были слабыми, грунт давал осадку.

На совещании присутствовал Рафаил Гаязович Ишметов. В авиации он уже шестнадцать лет, имел безупречную характеристику и опыт руководства полётами. Я попросил его высказать своё мнение. Он сказал: «Конечно, есть обеспокоенность, но я уверен в своей службе. Состояние полосы, технические средства позволяют успешно произвести посадку Ил-76. Да и время у нас ещё есть для основательной подготовки».

Накануне вылета Ил-76 из Тюмени мне позвонил Хохлов и сказал: «Борт будет пилотировать генерал-майор, заслуженный лётчик-испытатель СССР, дважды Герой Советского Союза В. К. Коккинаки. Несмотря на солидный возраст (он отметил своё семидесятилетие), Владимир Константинович находится в хорошей форме. Прошу проявить к нему внимание».

На следующий день все были в тревожном ожидании. В аэропорту всё было организовано для встречи огромного лайнера, на борту которого находилось более тридцати тонн апельсинов — весенний подарок нижевартовцам. Встречал самолёт заместитель начальника Главтюменнефтегаза по капитальному строительству Александр Степанович Парасюк, находившийся у нас в командировке.

Ил-76 пролетел вдоль полосы и, сделав разворот в районе Самотлора, начал снижение. Огромная машина мягко прикоснулась к полосе, пробежала 250–300 метров, погасила посадочную скорость и вырулила на перрон. Дверь открылась, по лёгкой лестнице первым сошёл на землю В. К. Коккинаки. Высокий, худощавый с бледным лицом, седой головой. Подняв победно руки вверх, с доброжелательной улыбкой

ступил на перрон. За ним спустился командир, заслуженный лётчик-испытатель СССР Александр Михайлович Тюрин, невысокого роста, плотного телосложения, с загорелым лицом, в лётной куртке и берете голубого цвета. Экипаж, состоявший из пяти человек, встретили хлебом и солью. Гостя увезли в гостиницу «Самотлор» и угостили по русскому обычаю. А через четыре часа я вылетел этим самолётом в Тюмень на областной партийно-хозяйственный актив.

Безусловно, А. М. Романчук вложил много труда в развитие коллектива нижевартовского авиаотряда. Он заочно окончил Ленинградский институт гражданской авиации. Но жизнь предъявляла всё более высокие требования. И на эту должность нужен был человек, имеющий опыт работы руководителя областного уровня. Таким стал Роман Фёдорович Марченко. Он смело взялся за работу. Марченко был ростом ниже среднего, симпатичный, добрый, обладал огромной работоспособностью и организаторским талантом. Приходил на работу в семь и работал допоздна, без выходных. И в повседневной работе, и в сложных ситуациях вёл себя одинаково: решительно и собранно, умел спокойно доказывать свою правоту, был технически грамотным, любил внедрять новинки в авиапроизводство. Он был настоящим хозяином. «Крутой мужик», — говорили одни. «Настырный», — говорили другие. «Упрямый», — поддакивали третьи. И все они были правы. Сибирский крепыш имел столько силы, что её хватало на всё: на укрепление материально-технической базы, на подготовку высококлассных специалистов, на быстрейшее освоение новых типов

вертолёт, на решение социально-бытовых нужд коллектива. Это позволило работать на опережение, на увеличение объёма пассажирских и грузовых перевозок. Авиаотряд при нём считался лучшим в управлении. На мой вопрос, что позвало его на Саяногорск из тёплого кабинета, он ответил: «Моя судьба и характер не позволяют засиживаться в начальственном кресле. Для себя я давно установил высокую планку, учился видеть далеко и мыслить на опережение, ибо знаю: если застоялся на одном месте, стал довольствоваться достигнутым, тебя тут же опередят и отбросят назад».

С Романом Фёдоровичем Марченко всем работалось легко — и хозяйственным, и партийно-советским руководителям. И как мы ни сопротивлялись, обком партии направил Марченко командиром Саяногорского авиапредприятия, а его заместитель Владимир Михайлович Калюжняк стал командиром Ханты-Мансийского авиапредприятия.

В гости к нам неоднократно приезжали лётчики-космонавты. Посетил нас и Валентин Витальевич Лебедев, дважды побывавший в космосе. В вертолёте, которым управлял Редькин, мы отправились на Саяногорск. С нами летели секретарь обкома ВЛКСМ В. Горчаков и комсомольский вожак города В. Швецов. На небольшой высоте, сделав два круга, показали панораму строящегося города, а затем взяли курс на Саяногорск. Погода выдалась тёплая, на небе ни облачка. Программа пребывания В. В. Лебедева была составлена по его желанию, поэтому «заезженный» маршрут был изменён. Неожиданно для нас Лебедев ушёл в кабину пилота и взял управление вертолётom на себя, заняв кресло

второго пилота. Оказывается, ещё в аэропорту Лебедев просил Редькина об этом, а Юрий Александрович попросил его предъявить документ на право управления вертолётom. Сначала вертолёт как бы «просел» на несколько метров, но затем всё вернулось в норму. Возвратившись в салон, Лебедев сказал: «Из космоса хорошо видны факелы Самотлора. Ещё там, во Вселенной, поставил перед собой задачу — вернусь на Землю и обязательно побываю здесь. Мне очень хотелось увидеть увлечённых молодых людей, работающих на всесоюзной ударной стройке. Для меня это незабываемая поездка».

Редькин плавно произвёл посадку на бетонную дорогу, разрезающую озеро на две части. Интересная беседа состоялась между героем космоса и героями Самотлора. Задавали много вопросов. На прощание Виктор Васильевич Китаев подарил Лебедеву сувенир — колбу с нефтью. Потом мы поехали в бригаду Г. М. Лёвина. Геннадий Михайлович подробно рассказал о своей работе, а Лебедев постоял за штурвалом бурильщика. Пригласили пообедать сибирскими пельменями. Затем гостю показали промысловую ДНС, где состоялась встреча с молодыми операторами. На обратном пути в город посетили головную нефтеперекачивающую станцию, откуда «чёрное золото» Самотлора отправлялось в долгий путь к потребителям. В городе встретились с учениками средней школы № 4. Лебедев сделал запись в книге почётных гостей, подарил фотографию лётчиков-космонавтов. Прошлись по трём жилым микрорайонам города, встретились с бригадой девушек, работавшей на отделке девятиэтажного дома.

В заключение предложили гостю прокатиться на катере и посмотреть город с реки. А на ужин предложили ему «сибирское серебро» — нельму, муксуна, стерлядь. Таким насыщенным был первый день космонавта Лебедева на нижневартовской земле.

Я подружился с Валентином Витальевичем, поддерживаю связь и по сей день. Перед его вторым полётом в космос я встретился с ним в Москве и по просьбе директора научно-исследовательского института ЗапСибНИГНИ И. И. Нестерова передал геологические карты Среднего Приобья для изучения этого района из космоса. По оценке Ивана Ивановича, полученные результаты оказались весьма полезными как для геологической науки, так и для нефтяников.

За время моей работы в Нижневартовске здесь побывало семь героев космоса. И вполне логично, что решением горисполкома одна из центральных улиц города названа проспектом Космонавтов. И не могу согласиться с решением тех руководителей, которые переименовали данный проспект, тем самым зачеркнув одну из исторических страниц жизни города.

Лётчиков всегда отличала способность в любой ситуации найти единственно верное решение. Чем это продиктовано? Характером или стремлением доказать себе и другим своё лидерство? Или постоянным преодолением объективных трудностей? Кто знает... Но лётчики никогда не пасовали перед непредсказуемой северной погодой.

Вспоминаю такой случай. В Нижневартовске находился заместитель министра Минпромстроя СССР Н. Г. Островский, и его срочно вызвали в Москву.

Двое суток была нелётная погода, и командир аэропорта Р. Ф. Марченко решил отправить Н. Г. Островского и замначальника Главтюменнефтегаза А. С. Парасюка до Тюмени на Ан-2. Перед опытным экипажем поставили нелёгкую задачу. Более четырёх часов продолжался этот полёт. Приземлились в аэропорту Плеханово, и Николай Григорьевич поблагодарил экипаж, высказал своё восхищение мастерством пилотирования в сложных метеорологических условиях, а затем спросил, в чём они нуждаются. Командир ответил, что у него нет квартиры в Тюмени. Эту просьбу Островский передал Г. И. Голтвянскому, начальнику Главтюменьпромстроя. Знаю, что последний это поручение выполнил.

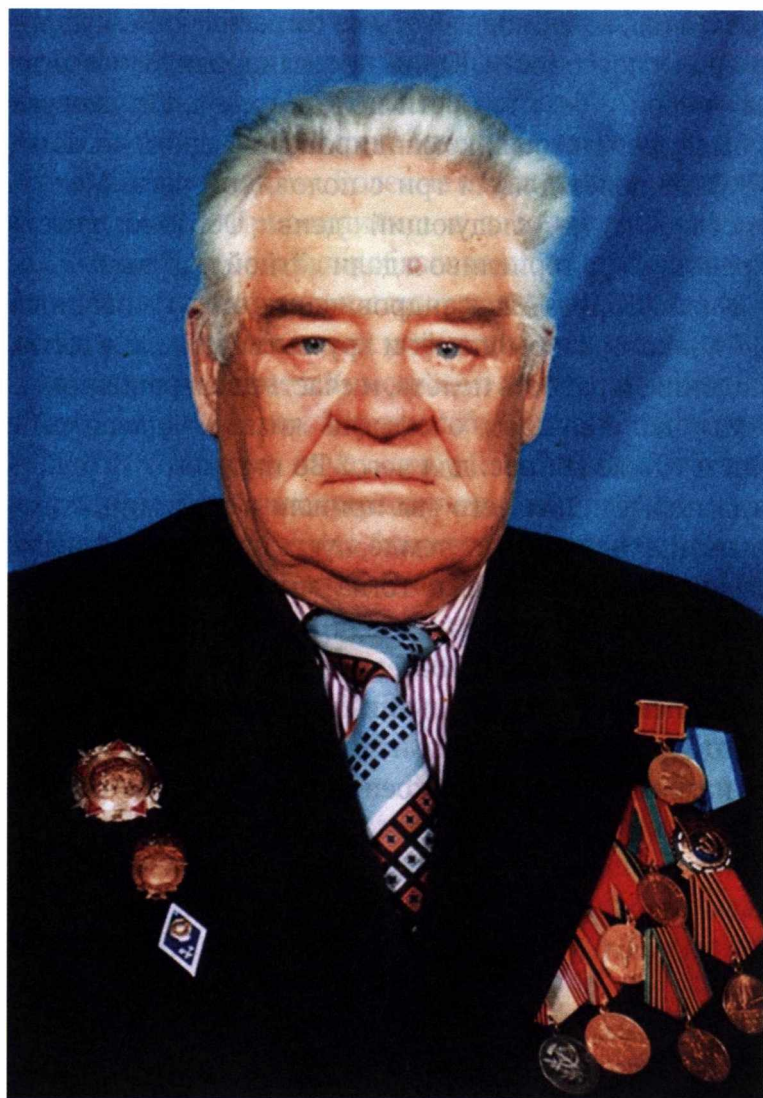
Хорошее всё же тогда было время, есть о чём вспомнить. Были годы напряжённой работы, поиска оригинальных, неожиданных и ответственных решений и действий. Каждый был причастен к общему делу, в том числе и авиаторы. Тогда не принято было говорить, что, мол, обстановка неблагоприятная, невозможно выполнить задание. Верно сказал Ю. А. Редькин: «Нас, лётчиков, всегда ждали. Мы были необходимы, так как имели прямое отношение к решению многих производственных и социальных задач, осознавали, что именно здесь и сейчас ты нужен, только ты можешь это сделать...»

Вспоминаю полёт в Нефтеюганск. Погода была ужасной: валил снег, видимость — нулевая. Редькин принял решение лететь и сказал мне: «Сергей Дмитриевич, полёт будет продолжительным, придётся лететь на небольшой высоте. Если вы согласны, то я готов выполнить эту задачу». Честно скажу: с другим коман-

диром я бы, наверное, лететь не согласился. Но я хорошо знал способности Юрия Александровича и всегда был уверен в безопасности полёта с ним. Уж сколько их было, неотложных командировок в нелётную погоду?! Этот полёт длился три с половиной часа. Метель бушевала и на следующий день. Обратного полёта не решились, а терпеливо ждали лётной погоды.

Жизнь Юрия Александровича — это прерванный полёт, в котором было всё: и крутые виражи, и взлёты, и падения, и радость полёта, и счастье возвращения...

Мы часто думаем о смысле жизни, задавая себе один и тот же вопрос: для чего? Во имя чего? И только когда поймём, для чего мы пришли в этот мир, когда осмыслим свою роль на земле, пусть незаметную, пусть самую скромную, только тогда мы будем счастливы, только тогда мы можем жить, а затем и умирать спокойно. Я уверен, что в последние минуты своей жизни Юрий Александрович Редькин был спокоен, ибо уходил из этой жизни с чувством исполненного долга. Вечная ему память и вечное успокоение...



**РОМАНЧУК
АЛЕКСЕЙ МИХАЙЛОВИЧ**

ПОДВИГ ТЮМЕНСКИХ АВИАТОРОВ

С открытием Западно-Сибирской нефтегазоносной провинции и началом развития нефтяной и газовой промышленности на Севере Тюменской области резко возросла роль авиатранспорта. Из-за огромной территории, слабой технической оснащённости геологоразведочных экспедиций поисковые и разведочные работы были крайне затруднены и выполнялись в небольших объёмах.

В 1962 году Главное управление гражданского воздушного флота по указанию Председателя Совета Министров СССР А. Н. Косыгина принимает решительные меры по увеличению численности вертолётчиков, обеспечивающих потребности тюменских геологов и нефтяников.

Наверное, только в молодости можно было работать так, как работали в те годы авиаторы — люди большого полёта. Тогда не было ни гостиниц, ни столовых, ни дорог, ни аэропортов, но никто из экипажей не роптал. Они знали, что эти трудности — явление временное. Вертолётчиков знали не только в лицо, но и поименно и относились к ним с особым уважением.

Первым, кто поднял вертолёт в тюменское небо, был Александр Сергеевич Антонов, чья лётная биография началась в пятидесятых годах. Мне не раз пришлось встречаться с этим легендарным человеком, тюменским асом. Об этом времени он говорит: «Какие люди были рядом! Это героическое время

вспоминается размахом работ, значительным пополнением парка современной авиационной техникой и специалистами».

Являясь свидетелем и участником строительства ЛЭП, нефтегазопроводов, газоперерабатывающих заводов, дорог и мостов в районе, я восхищался ювелирной работой авиаторов. В районе, наверное, нет места, где бы они ни побывали.

В посёлке Мегион располагалась нефтеразведочная экспедиция, которая позднее будет награждена Орденом «Знак Почёта». В Главтюменьгеологии она имела более десятка вертолётов разных типов, которые позволяли успешно вести поисковые работы.

В 1962 году, благодаря прозорливости и настойчивости первого секретаря Ларьякского парткома Нифонта Трофимовича Вокуева и председателя райисполкома Николая Ивановича Михальченко, произошло историческое событие — заброшенный посёлок Нижневартовский стал районным центром. Он имел несколько очевидных преимуществ перед Ларьяком. Во-первых, здесь была лучше транспортная схема. В летний период обеспечивалось надёжное речное сообщение по Оби. Во-вторых, он расположен ближе к Сургуту, где была взлётно-посадочная полоса для самолётов. В-третьих, рядом находился Мегион. С этого времени началась новая жизнь Нижневартовского района.

На языках многих народов нашей страны всё чаще стали звучать слова «Тюмень», «Мегион», «Нижневартовск» и «Самотлор». Это было место, где первопроходцы-романтики мыслили построить новый современный город Нижневартовск.

В 1965 году методом народной стройки в Нижневартовске удалось удлинить взлётно-посадочную полосу, построить деревянное двухэтажное здание аэропорта, обеспечить его телефонной связью, установить необходимое оборудование. Полёты выполнялись только при хорошей видимости и только в светлое время суток. Позднее появились радиосвязь, радионавигация, радиолокация. Штат работников аэропорта состоял из начальника И. Кучкильдинова, диспетчера Р. Ишметова и телеграфистки Т. Гайдабуровой. Управление полётами осуществлялось из Сургутского аэропорта.

Через три года на базе авиазвена образовалось самостоятельное предприятие Нижневартовская объединённая авиаэскадрилья. Первым командиром был назначен Константин Романович Каменский,



Встреча экипажа самолёта Ан-24 в новом аэропорту после реконструкции взлётной полосы и сдачи в эксплуатацию аэровокзала. 1973 г.

но с увеличением количества самолётов и вертолётов он оказался неподготовленным к руководству большим коллективом. Ситуация осложнялась ещё и тем, что большинство вертолётов были прикомандированными, и ими распоряжались руководители по своему усмотрению, не подчиняясь Каменскому.

Один из прилётов в Нижневартовск первого секретаря обкома КПСС Б. Е. Щербины ускорил процесс понимания, что Каменскому нужно искать другое место работы. К. Р. Каменский предоставил для полёта на Саяногорск вертолёт Ми-4, который подлежал ремонту с заменой двигателя. Полёт был прерван, поскольку высока была вероятность аварии с гибелью пассажиров и экипажа.

Новым руководителем был назначен Алексей Михайлович Романчук, который работал замполитом в Ханты-



На обустройство Нижневартовских нефтяных месторождений летели не только «...за туманом и за запахом тайги...». 1963 г.

Мансийском авиаотряде. В. В. Бахилову с трудом удалось убедить руководителей округа — первого секретаря окружкома КПСС Л. И. Кудрявцева и председателя окрисполкома А. Г. Григорьеву — назначить А. М. Романчука командиром Нижневартовского предприятия.

Алешка Романчук, как многие его сверстники, рано познал тяготы военного детства. Рано пошёл трудиться. Война не обошла стороной его семью. Старший брат погиб под Сталинградом, дядя дошёл до Берлина. Трудовая биография Алексея Михайловича началась в 1949 году в Ханты-Мансийске. Он был одним из первых авиатехников, кто имел допуск к обслуживанию вертолётов и самолётов. До ухода на пенсию Алексей Михайлович 38 лет трудился в Белоярске, Медвежьем, Ханты-Мансийске и Нижневартовске.

Это был совершенно другой командир, более решительный и деловой. Хозяйская смётка и хватка умело сочетались с прекрасными человеческими качествами, заботой о людях.

Постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 11 декабря 1969 года «О мерах по развитию нефтегазодобывающей промышленности в Западной Сибири» предусматривалось в 1971 году начать строительство современного аэропорта в Нижневартовске. Именно Романчуку выпало строить этот нужный объект. Стройка стала народной. Созданный штаб возглавлял второй секретарь райкома КПСС Н. Я. Токарев.

Предстояло в течение двух лет построить посадочную полосу с двумя поворотными шайбами, перрон с дорожкой для выруливания на полосу, две площадки перед аэровокзалом, подъездную дорогу до аэропорта

с мостом через реку Зырянку. Заместителю начальника по капитальному строительству НГДУ «Мегионнефть» Г. М. Кукуевицкому вместе с заказчиком Тюменским управлением гражданской авиации поручалось в сжатые сроки определиться с проектом здания аэропорта. Была поставлена задача избежать привязки типового проекта, по которому строились аэропорты в Урае, Нефтеюганске, Сургуте и Ханты-Мансийске. У руководителей города и района было единое мнение — проект должен быть уникальным!

Н. Я. Токарев и А. М. Романчук оказались в центре всеобщего внимания. К ним обращались с конкретными предложениями по оказанию практической помощи в строительстве аэропорта. Всем хотелось быстрее ввести в эксплуатацию аэропорт.

В этом была велика роль председателей райисполкома Н. Я. Устьянцева и горисполкомов Н. Ф. Фоменко, Н. Г. Салихова, Н. А. Москаленко и С. И. Денисова, которые приложили немало усилий для формирования коллектива авиаторов. Несмотря на трудности с жильём, они обеспечили всех работников авиапредприятия квартирами, детскими дошкольными учреждениями.

Наступил долгожданный день 2 ноября 1971 года. Аэропорт «Нижевартовск» принимал первый технический рейс. Самолет Ту-134 пилотировал начальник Тюменского управления гражданской авиации Иван Тихонович Хохлов. Встречать лайнер собрались строители, механизаторы, транспортники, работники аэропорта и горожане. Пилотов и экипаж встретили по русскому обычаю хлебом и солью. В. В. Бахиллов поздравил с успешным полётом. Ивану Тихоновичу вру-

чил памятный сувенир — колбу с нефтью Самотлора как символ совместной работы авиаторов и нефтяников.

Выполнив все технические условия, с 17 декабря 1971 года аэропорт начал принимать регулярные рейсы пассажирских и грузовых самолётов. Нижневартовцы получили возможность напрямую летать в Тюмень, Новосибирск, Сургут и Ханты-Мансийск. По мере готовности к техническому обслуживанию росло число рейсов, увеличивался поток пассажирских и грузоперевозок, интенсивность работы аэропорта возрастала.

Мне не раз приходилось летать с Иваном Тихоновичем, когда сопровождал высоких гостей. Вторым пилотом он брал одарённого вертолётчика, командира Нижневартовского лётного отряда Юрия Александровича Редькина.



Начальник Тюменского управления гражданской авиации И. Т. Хохлов с руководителями — первооткрывателями Тюменской нефти

Я благодарен судьбе, что имел счастье общаться с И. Т. Хохловым. Это был удивительный человек! Ему были присущи высокое лётное мастерство, выдержка и самообладание, скромность, способность мгновенно принимать решения в сложнейших условиях. По долгу службы он часто сопровождал руководителей страны, гостей из-за рубежа, посещавших Тюменский Север.

Исключением являлся только Председатель Совета Министров СССР А. Н. Косыгин. Для его обслуживания из правительственного лётного отряда прилетали дублёры — один самолёт и один вертолёт. В тюменском авиаотряде имелись один вертолёт Ми-8 и один самолёт ЯК-40, предназначенные для руководителей ниже рангом.



*Р. Ф. Марченко — командир
Нижневартовского авиаотряда
в 1976–1979 гг.*



*О. Г. Метелица —
генеральный директор
АО «Нижневартовскавиа»*

Перед прилётом А. Н. Косыгина в Нижневартовск для встречи собрались Н. К. Байбаков, В. Д. Шашин, В. И. Муравленко, Б. Е. Щербина, И. Т. Хохлов и В. В. Бахиллов.

Для отслеживания «литерного» готовились службы аэропорта. По указанию А. М. Романчука для надёжного сцепления на полосу подсыпали побольше песка. Самолёт произвёл посадку и, разворачиваясь в конце полосы, мощным потоком воздуха из двигателей поднял песок, подобно буре. Тут кто-то из присутствующих пошутил: «Ты что, Романчук, в январе картошку сажать собрался?» На реплику отреагировал Борис Евдокимович: «У них нет специальной техники, крутятся, как могут. Аэропорт работает днём и ночью, а вы ещё издеваетесь!» Тут же Б. Е. Щербина по спецсвязи попросил у Министра обороны СССР А. А. Гречко машину для тепловой очистки аэродромной полосы. В тот же день А. М. Романчук получил телеграмму: «Направить представителя в город Куйбышев в воинскую часть для получения спецтехники. Гречко». Этот прилёт А. Н. Косыгина в Нижневартовск был предпоследний, в 1977 году будет последний.

Мне позвонил А. М. Романчук и сообщил: «Управление планирует направить в Нижневартовск самолёт Ил-76. На подготовку его приёма дают месяц». Было приятно, что прилетит такой гигант, и в то же время одолевало беспокойство. Всех волновал один вопрос: сможет ли полоса выдержать столь большую нагрузку? Да и время было выбрано неудачное — наступил апрель, только что сошёл снег, полоса подтапливалась водой. Аэропорт функционировал третий год, обочины полосы не закрепились, были слабыми, грунт во многих местах давал осадку.

Накануне вылета позвонил И. Т. Хохлов: «Сергей Дмитриевич, борт будет пилотировать заслуженный лётчик-испытатель СССР, дважды Герой Советского Союза, генерал-майор авиации В. К. Коккинаки, который недавно отметил семидесятилетие. Владимир Константинович находится в хорошей лётной форме. Прошу вас уделить ему особое внимание».

На следующий день мы были в тревожном ожидании. В аэропорту всё было организовано для встречи огромного тяжеловесного авиасудна, на борту которого находилось более тридцати тонн апельсинов для весеннего подарка к столу детей и школьников. Встретить самолёт изъявил желание заместитель начальника Главтюменнефтегаза по капитальному строительству А. С. Парасюк, находившийся у нас в командировке.

На небольшой высоте Ил-76 пролетел вдоль полосы, сделав разворот над Самотлором, начал снижение. Огромная махина мягко коснулась полосы, пробежала 250–300 метров, погасила посадочную скорость и вырулила на перрон. Дверь открылась, по выброшенной лёгкой лестнице сошёл на перрон лётчик-легенда Владимир Константинович Коккинаки, за ним — командир, заслуженный лётчик-испытатель СССР Александр Михайлович Тюрин и экипаж, состоявший из пяти человек. Всех мы встретили хлебом-солью. Высокого гостя мы с Р. И. Кузоваткиным увезли в гостиницу «Самотлор». После разгрузки самолёта мне представилась возможность вылететь со знаменитым экипажем в Тюмень для участия в областном партийно-хозяйственном активе области.

С каждым годом работа авиаторов усложнялась. Мы видели, что Алексей Михайлович себя исчерпал, нужен другой руководитель, имеющий опыт работы более высокого уровня. Это понимал и сам А. М. Романчук. Он обратился к И. Т. Хохлову с просьбой освободить его по состоянию здоровья.

Нам порекомендовали Романа Фёдоровича Марченко. Моя встреча с Романом Фёдоровичем состоялась в Тюмени у начальника управления Геннадия Павловича Ласкина. Мне он понравился. Меня заинтересовало, что позвало его на Саяногорск из тёплого кабинета? Он ответил: «Моя судьба и характер не позволяют долго засиживаться в начальственном кресле. Для себя я давно установил высокую планку, учился мыслить на опережение, ибо знаю: если застоялся на одном



*Встреча поэта Роберта Рождественского
в Нижневартовском аэропорту. 1973 г.*

месте, стал довольствоваться достигнутым, тебя тут же опередят и отбросят назад».

За работу в Нижневартовском аэропорту Роман Фёдорович взялся горячо. Он вскоре показал, на что был способен. Одни о нём говорили «крутой мужик», другие называли его «настырным», «упрямым». И все они были правы. Сибирский крепыш Марченко имел столько силы, что её хватало на всё: на укрепление материально-технической базы, на подготовку высококлассных специалистов, на освоение новых типов вертолётов, решение жилищных, социально-бытовых нужд коллектива. Авиаторы работали на перспективу, стремясь увеличивать объём пассажирских и грузовых перевозок. С Романом Фёдоровичем работалось легко. Нижневартовский авиаотряд считался одним из лучших в округе и области.

Как я не сопротивлялся, но Г. П. Богомяков всё-таки меня убедил, что Р. Ф. Марченко очень нужен Сургутскому авиапредприятию. Командиром нашего авиа-



С этого старого аэропорта Нижневартовска начиналась история развития гражданской авиации в районе



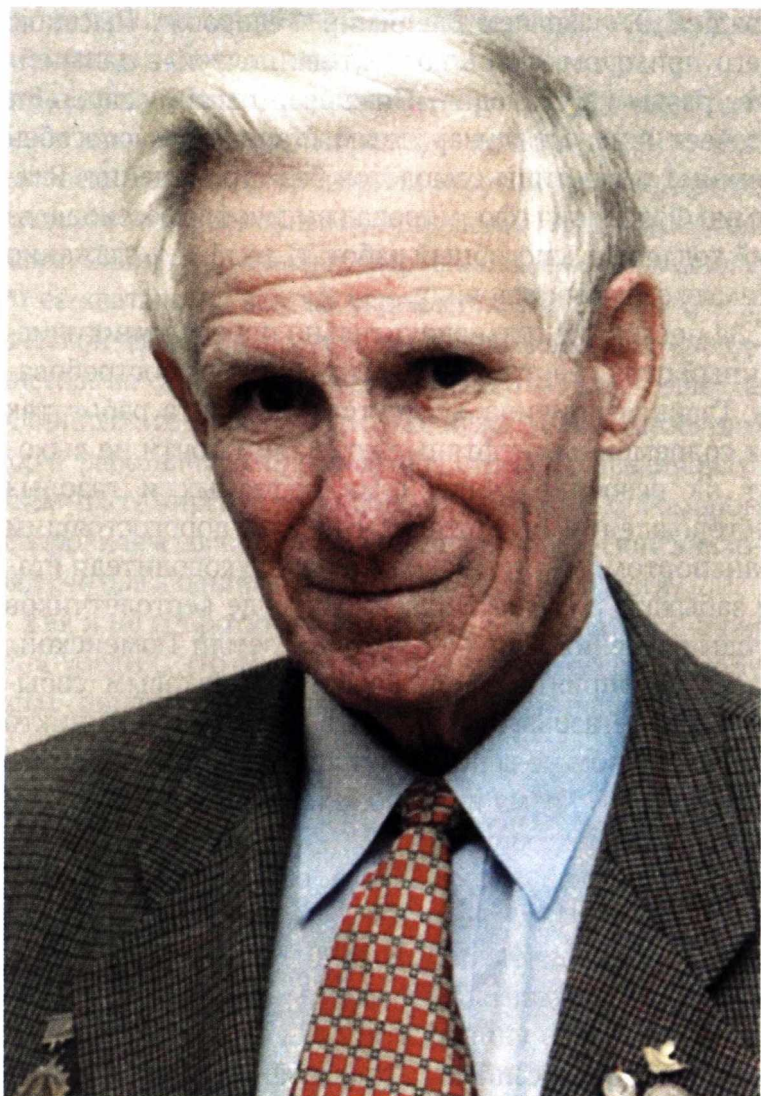
Аэропорт, достойный памяти великого нефтяника, первого начальника Главтюменнефтегаза В. И. Муравленко

отряда был назначен Владимир Фёдорович Пысенок. С его приходом жизнь коллектива получила дальнейшее развитие. Сегодня Нижневартовский аэропорт отвечает всем международным стандартам, способен принимать все типы самолётов без ограничения. Владимир Фёдорович сформировал высокопрофессиональный коллектив, способный работать надёжно, слаженно в самых сложных условиях.

За последние годы значительно поредел многочисленный отряд вертолётчиков, их услуги не востребованы. Главная причина — отсутствие фронта работ, так как современные нефтяные компании почти не выходят на освоение отдалённых нефтяных и газовых месторождений, а вертолёт считают дорогостоящим транспортом. Многие современные руководители стали забывать о самоотверженном труде вертолётчиков в годы освоения недр на просторах земли Тюменской.

На мероприятиях, посвящённых знаковым событиям нефтегазового комплекса, практически никто добрым словом не вспоминает авиаторов, столько сделавших в своё время в Мегроне и Нижневартовске для обустройств месторождений.

Как президент Тюменского общественного Фонда имени В. И. Муравленко я горжусь тем, что вместе с ветеранами-нижневартовцами, горожанами города Муравленко, студентами Тюменского индустриального нефтегазового университета мы приняли активное участие во Всероссийском голосовании о присвоении имени нашего легендарного нефтяника В. И. Муравленко Нижневартовскому аэропорту. А выбор был богатый — 45 знаменитых людей России! Но мы отстояли своё, мы победили!



**РЫНКОВОЙ
ИВАН ИВАНОВИЧ**

У ИСТОКОВ

Первая промышленная нефть Мегиона далась трудно. Те, кто стоял у истоков этого события, — люди необыкновенные, ставшие теперь ветеранами-первопроходцами. Мы не примеряли на себя будущее, жизнь сделала свой выбор и поставила нас на дорогу, которая оказалась единственно верной. По ней уверенно прошёл мой герой — Иван Иванович Рынковой.

Тот период стал серьёзным испытанием для молодого и энергичного заведующего первым Мегионским нефтепромыслом И. И. Рынкового. Он был организатором пробной эксплуатации Мегионского месторождения и отправки первой нефти из района. В то время никто не думал о славе, популярности, каждый делал своё любимое дело.

«Наш Иванович» — так любовно называли Рынкового рабочие, выражая тем самым большое уважение к своему первому руководителю. На первый взгляд, в нём нет ничего «от начальника»: худощав, среднего роста, весьма подвижный, одет, как все, в брезентовый плащ. Выделялся, пожалуй, добрыми глазами, звонким мальчишеским голосом да размахиванием руками. К Ивану Ивановичу обращались по любому вопросу. Он умел слушать людей, они уходили от него в хорошем настроении.

О нём уже тогда говорили: чуткий, внимательный, грамотный. Не столько приказывает, сколько подсказывает, что надо сделать и как. А ведь какой руководитель — такой и коллектив. Именно его коллективу

доверили сложные работы по обустройству промысла, подготовке к приёму нефтебарж и заполнению их мегионской нефтью.

В первую нефтяную навигацию 1964 года было перевезено свыше 73 тысяч тонн. Небольшой по численности промысел сработал слаженно и надёжно, благодаря высокой квалификации рабочих и специалистов. Для геологов и нефтяников Мегиона первая нефтяная навигация завершилась успешно. Гордились этими успехами и в Шаиме, и Усть-Балыке, где значительно перевыполнили государственное задание.

Остановлюсь на одном эпизоде, который мог омрачить настроение мегионцев на финише навигации. Велико было желание перекрыть план по отправке нефти. С подачи И. И. Рынкового и по настоятельной просьбе начальника НПУ Б. И. Осипова удалось «выбить» у речников дополнительно две баржи-наливнушки. Необходимость в них диктовалась ещё и тем, что три резервуара были заполнены «под завязку». Со своей просьбой Борис Иванович обратился к речникам: «Не оставлять же добытую нефть до следующей навигации».

Караваны судов, доставившие различные грузы до Мегиона и Нижневартовска, давно прощально отгудели и подались на зимовку в порты своей постоянной приписки. Шли дни, а обещанных барж не было. Обь все гуще подёргивалась снежно-ледяным крошевом. Всё тревожней становилось на душе И. И. Рынкового.

Волны подмыли опорные стояки, и причал рухнул вторично. Операторы В. Я. Рудольф, Я. А. Мартын,

В. П. Троян, дежурившие более недели, теперь уже с опаской ждали баржи, думая, что предпринять, когда они придут.

Картина была ужасная... Из воды торчали погнутые и искорёженные трубы, возле них круговертью билось течение, громоздя снежные заструги. И. И. Рынковой не находил себе места. В. Я. Рудольф, видя его озабоченность, спросил: «Иванович, надо что-то делать. Ведь баржи всё равно придут, а мы не готовы их быстро заполнить. Они же замерзнут здесь. Будет большая беда». Иван Иванович в ответ: «Что ты предлагаешь?» Владимир Яковлевич Рудольф предложил нарастить шланги. Рынковой посмотрел отрешенно на операторов, накинул поверх шапки капюшон плаща и направился к «Уралу», стоящему возле резервуаров. Буркнул: «Оставайтесь здесь, я поехал за сварщиками, перегоню



Свой среди своих первопроходцев Мегионской нефти. 1963 г.

амфибии. На площадке соберите какие есть насосно-компрессорные трубы. Ждите...»

По посёлку мгновенно разнеслась весть: у «Ивановича» случилась беда — унесло причал. К его вагончику потянулись добровольцы. Первыми пришли на помощь электромонтёр Фёдор Иванович Петров с тремя сварщиками. Иван Иванович знал Петрова как бесстрашного, физически крепкого мужика, который ничего не боялся. В экстремально-аварийных ситуациях он лез в студёную воду и болотную топь, чтобы найти порыв в электролинии. Фёдор Иванович — один из первого десятка нефтяников, прибывших в Мегион из Башкирии.

Желающих помочь Рынковому оказалось предостаточно. Дождавшись амфибий из Мегиона, И. И. Рынковой с добровольцами вернулся на сборный пункт. Уже изрядно стемнело. К работам приступили сразу же.



Посёлок геологов Мегион. 1959 г.

В крутой обрыв вогнали металлические стержни, били по ним кувалдами добрый час. Он торопил сварщиков, операторов, машинистов. Решил изготовить понтон, а по нему проложить трубы. Заявил: «Беру на себя всю ответственность. Утоплю амфибии — буду отвечать по закону. Выполняйте приказ».

Наступала ночь 25 октября 1964 года. Она им запомнилась на всю жизнь. Часов в десять вечера над рекой раздался басовитый гудок, в снежной крупе замаячили слабые огни долгожданного буксира. По берегу зашарил густой сноп прожектора. «Ищут причал», — заметил Мартын. Рынковой отмашкой дал команду шофёру «Урала» посигналить фарами. С буксира незамедлительно ответили, и зачастили по берегу длинные и короткие пятна света, пока не выплыл из темноты сам буксир — большой, с «обрубленным» носом толкач. Он таранил впереди себя наливные баржи. С буксира в рупор громко кричал капитан: «Где причал? Куда приставать?» Он двигал судно то назад, то вперёд, а затем круто развернулся и подтолкнул первую баржу прямо к берегу. Иван Иванович, уловив момент, прыгнул на баржу и, спотыкаясь в потёмках о какие-то канаты, прошёл на корму. Прямо перед ним торчал тупой нос буксира — две металлические балки. В просветах между ними показался человек.

«Кто тут командует?» — зло спросил он. «Я, Рынковой». «Где прикажешь причаливать?» «Причала нет, смыло. Баржи подгоняй к амфибиям», — ответил Рынковой. «Что?! Вы шутите? — огрызнулся капитан. — Хотите, чтобы я вместе с вами под суд угодил?» «Не горячись, всё предусмотрено, — твёрдо ответил

Рынковой. — Решай, да побыстрее. Мы третьи сутки ждём». Капитан выпрямился, шагнул к борту и расхохотался: «Ну, циркачи! Я баржи поставлю, наливайте, как хотите, буксир отгоню».

Первую наливнушку заполняли почти целую ночь при непрекращающемся снегопаде. Только к вечеру следующего дня заполнили вторую. Поднялся сильный ветер. Баржи качало на студенистой волне. Наступил миг, когда люди, оцепеневшие от холода и усталости, смотрели, как течением разворачивало жиденький понтон, готовый вот-вот сорваться со швартовых и уйти вниз по реке...

Когда всё было сделано — опустошены резервуары, закрыты задвижки, заполнены нефтью баржи, — капи-



*Доставка в Нижневартовск крупногабаритного нефтяного груза
и труб самолётами «Антей» Вооружённых сил СССР*

тан, прежде чем двинуться в обратный рейс, позвал на судно Рынкового. «Давай своих сюда, чаем напою». Все собрались в небольшом уютном кубрике. Капитан сам разливал чай в алюминиевые кружки, пододвигал каждому ломти хлеба с ветчиной и, словно оправдываясь, говорил: «Кто бы мог подумать, что этот понтон выдержит... Скорлупка. Да, нелёгкая ваша мегионская нефть...»

На промысле у Рынкового каждый имел свой характер, свои привычки, различные знания и опыт. Все вместе они проявили бойцовский характер, волю, приложили максимум коллективных усилий, чтобы выполнить нелёгкую задачу. Баржи были отправлены и благополучно дошли до Омска.



Так первоначально доставлялись оборудование и стройматериалы на обустройство Мегионского, Ватинского и Самогторского нефтяных месторождений

Перед И. И. Рынковым с наступлением зимы встали сложные задачи: надо было создать мощности по добыче нефти, восстановить, а вернее, заново построить причал и подготовить промысел ко второй навигации 1965 года.

Для начального периода освоения характерным было то, что в Мегион приезжали, в основном, молодые люди, полные сил и энергии. Единственным их недостатком был сравнительно небольшой опыт работы в нефтяной отрасли. Со временем большинство из них избавлялось от этого недостатка. Многие надолго связали свою судьбу с Тюменским Севером.

Ветеран «Мегионнефти» Валентина Филипповна Соколова вспоминает: «Приехала сюда в 1963 году. Посёлок был и не был. Стояла тайга. Спали под открытым небом в обнимку с комарами. Первое время кочегарила на буровых, потом стала оператором по перекачке нефти. Первую баржу НС-37438 с первой баграсской нефтью отправили на Омск. В последующие навигации отправляли по 400 тысяч тонн! Старались отгружать быстрее да побольше. Бывало, за сутки по восемь наливных барж отходило от причала. Мы тогда знали друг друга в лицо, по имени и отчеству. Арнопольский, Рынковой, Осипов, Абазаров, Хлюпин были на слуху. Люди работали и учились. Постигать секреты профессии мне помогали Никифор Миронович Вачаев и Татьяна Фёдоровна Тимофеева. Я им благодарна».

Обязанность оператора В. Ф. Соколовой — следить за работой оборудования нефтепарка, за резервуарами, за насосами. Автоматика отсутствовала, приходилось Валентине Филипповне постоянно следить, чтобы не было перелива. Семь тысяч тонн нефти в её

смену проходило через парк. Всё зависело от людей, от их знаний и рук. Они справлялись, ЧП не было.

Молодые специалисты, окончившие нефтяные вузы и техникумы, без направлений рвались в Тюменскую область. Каждый знал, что там будет работа, возможность быстрее повысить профессиональные знания, расти по должности.

Создали НПУ «Мегионнефть» с местом нахождения в Нижневартовске. В его состав вошёл Мегионский нефтепромысел. Г. С. Арнопольский стал главным инженером НПУ, а вместо себя он рекомендовал И. И. Рынкового. Б. И. Осипов, назначая Ивана Ивановича управляющим,



Н. А. Назаров — первый оператор по добыче нефти и газа Мегиона, единственный, удостоенный Орденов Трудовой Славы всех трёх степеней



Генеральный директор ОАО «Мегионнефтегаз» А. М. Кузьмин с другом на площади Мегиона

руководствовался тем, что Рынковой отвечал всем требованиям руководителя. В Башкирии прошёл путь от рабочего до заместителя начальника промысла, грамотный инженер, имеющий опыт работы с людьми, несмотря на свой 27-летний возраст. В отправке первой мегионской нефти показал себя инициативным, прекрасным организатором, самостоятельным в принимаемых решениях.

Ивану Ивановичу предстояло начать промышленное освоение Мегионского месторождения. Для этого требовалось в сжатые сроки построить промбазу и вести застройку посёлка для нефтяников. Сложность заключалась в том, что отсутствовало дорожное сообщение с Нижневартовском, где создавались строительные, дорожные, транспортные, снабженческие и торговые организации. Он считал, что на их базе следует образовать в Мегионе самостоятельные производственные участки.

В ту пору гремел Мегион, а не Нижневартовск. Иван Иванович активно взялся за дело, приглашал специалистов и рабочих из других нефтяных районов страны. Ему писали как одиночки, так и семейные с просьбой получить вызов. И. И. Рынковому пришлось взять на себя функции отдела кадров в создании соответствующих служб, которые были необходимы нефтяному промыслу.

Под руководством Рынкового срубили гараж и мастерскую для ремонта техники, а в пристрое разместили аппаратную лабораторию. На территории базы были установлены жилвагончики, в которых поселили семейных.

Из воспоминаний ветерана Мегионской промышленно-геофизической конторы Анатолия Ивановича Ивахи: «Я с другом Геннадием Ширяевым в конце мая 1965 года прибыл на причал Нижневартовска. Выйдя на берег, мы у первого попавшегося местного жителя спросили: «Как попасть в Мегион?» Он с усмешкой ответил: «Идите по берегу. Если повезёт, наткнётесь на своих «искателей счастья». Другого ответа не ожидали, а то, что увидели вокруг, не вызывало особого ликования. Контору нашли на берегу реки среди нетронутого, таёжного леса. Директор конторы В. И. Латыпов встретил нас хорошо. Зачислил в первую и единственную комплексную партию меня — мастером шестого разряда, а Ширяева — машинистом. Поселили в общежитии, состоящем из двух комнат, где жили все работники конторы. На второй день выдали спецовку и на катере отправили для проведения каротажа скважины № 508. Это была вторая эксплуатационная скважина, пробуренная Мегионской конторой бурения. Там-то я и познакомился с Рынковым».

Каротаж скважин 505-й и 508-й сделан был почти за два месяца. Ремонт и настройка аппаратуры производились прямо на ходу. На мостках буровой изготовили раздвижные зонды. Всё делалось с трудом, аппаратуры не хватало. Работа была мизерной. Тогда же это было большим шагом вперёд. Оказывали помощь начальник промыслового отдела Г. И. Кистрин, главный инженер И. Г. Нигмадзянов и главный геолог В. С. Агбашев. Они неделями не выезжали с буровой.

Зима 1965–1966 годов была очень холодной, морозы стояли такие, что при смотке кабель лопался. До буровых

добирались на военной машине АТС — это была самая распространённая и надёжная техника.

Весна приносила новые испытания. Техника находилась на буровых, приходилось её спасать, загоняя на мостки под самый ротор. С помощью одной амфибии можно было вывезти оборудование для ремонта. Противостоять разливу Оби были бессильны. Работу начинали только после спада воды. Лишь к концу лета начиналось оживление, только четыре месяца в году терялись безвозвратно.

Б. И. Осипов не ошибся в Рынковом. Он оказался человеком, на которого можно было положиться во всём. Позднее И. И. Рынковой скажет: «Я прошёл «осиповскую» школу и готов к любому повороту событий». Промысел формировался из числа приезжих нефтяников. Ядро составляли опытные операторы: Н. А. Назаров, В. Я. Рудольф, Н. Ф. Нюняйкин, Г. В. Нежуря, Ф. Г. Гнитецкий, С. С. Петров, Я. А. Мартын, И. П. Паньков, П. И. Баранников, Н. П. Сливин, А. И. Суздальцев, М. Ф. Почуев, В. С. Новичков, Н. Я. Медведев. Все они хорошо знали Ивана Ивановича по совместной работе в Башкирии, поэтому поддерживали его во всём. Со своей стороны он старался помогать им быстрее решать бытовые и производственные вопросы.

И. И. Рынковой вёл индивидуальную работу с молодёжью, прикреплял их к «старичкам», умело прибегал к помощи партийной, комсомольской и профсоюзной организаций. Работа их в коллективе с людьми была важнейшим фактором в достижении производственных успехов. Большинство из них пожелало работать вместе с ним, когда Иван Иванович возглавил первый

Самотлорский нефтепромысел. За большой личный вклад в добычу нефти на промыслах Мегиона и Самотлора операторам Николаю Павловичу Сливину и Александру Ивановичу Суздальцеву присвоены звания Героев Социалистического Труда и «Почётный нефтяник СССР».

Тяжелее всего И. И. Рынковым решались в Мегионе житейские вопросы. Это было характерно для всех строек на Севере, мегионская не явилась исключением. Для первого десанта нефтяников никто заранее домов не строил — это надо было делать самим. Вставали новые проблемы: как устроить прибывающих людей, где разместить, где учить ребятишек, где лечить... Выходили из этого состояния, пользуясь социальной инфраструктурой Мегионской нефтеразведочной экспедиции. В этом велика роль начальника экспедиции В. А. Абазарова, Б. И. Осипова и И. И. Рынкового. Постепенно стали снимать эти острые проблемы. При строительстве Мегионского товарного парка закладывались электро мощности для общепоселковой котельной, прокладывались инженерные сети водоснабжения и канализации.

С небывалым притоком населения обострилась эпидемиологическая обстановка в Мегионе. Отсутствие водопровода, системы подготовки питьевой воды, очистных сооружений сыграло в этом основную роль. В посёлке начались повальные вспышки дизентерии и инфекционных болезней. Доктор Наталья Яковлевна Цибизова вспоминает: «До прихода нефтяников посёлок геологов имел медпункт и маленькую больничку на 25 коек, аптеку. Экспедицией геологов и нефтяника-

ми выделялся грузовой автотранспорт на экстренные выезды к больным. Придёшь в поселковый совет, лишь наплачешься, и на этом всё кончалось... Эти вопросы стали первоочередными с приездом В. А. Абазарова. На мои обращения к нему реакция была немедленной, помощь оказывалась незамедлительно. Оказалось, что В. А. Абазаров и Б. И. Осипов окончили Грозненский нефтяной институт, дружили. Мегион напоминал улей с приездом нефтяников. Всё пришло в движение. Улицы, раздавленные тяжёлой техникой, превратились в непроходимые. Сразу всего не хватало. На тысячу двести жителей в посёлке был один фельдшер, санитарка, хирург и я. Оказать квалифицированную медпомощь не представлялось возможным, ввиду отсутствия больницы. Искали временные варианты, чтобы хоть как-то снять остроту. Одна рабочая столовая не могла на должном уровне обеспечить всех желающих, то же самое было и со школой, для занятий не хватало посадочных мест. Деревянная баня находилась в антисанитарном состоянии. С водой и канализацией обстановка была критическая».

Подобная ситуация была с народным образованием, дошкольным воспитанием, торговым и бытовым обслуживанием, а о культуре и спорте говорить не приходилось. На собраниях в коллективах всё горячее звучали слова: «Куда смотрит партийная и местная власть?»

Райкомом КПСС и райисполкомом обращалось внимание вышестоящих органов области и округа на тревожное положение в Мегионе. Реальной поддержки не было. При разделении НГДУ «Мегионнефть»

на два коллектива «Нижневартовскнефть» и «Мегионнефть» в 1971 году начальник Главтюменнефтегаза В. И. Муравленко и министр нефтяной промышленности СССР В. Д. Шашин не прислушались к предложению райкома партии и райисполкома. Оно заключалось в следующем: передать функции генерального заказчика по строительству города Нижневартовска от НГДУ «Мегионнефть» вновь созданному НГДУ «Нижневартовскнефть». НГДУ «Мегионнефть» сделать генеральным заказчиком по строительству посёлка Мегион. При положительном решении это бы в корне меняло сложившуюся ситуацию по строительству жилья, детских садов, школ, объектов здравоохранения, торговли, быта и культуры. К сожалению, не прислушались.

После кончины В. Д. Шашина в мае, а В. И. Муравленко в июне 1977 года новые руководители Главтюменнефтегаза Ф. Г. Аржанов, Р. Т. Булгаков, Р. И. Кузоваткин (последний уже в ранге заместителя министра нефтяной промышленности) и новый министр Н. А. Мальцев не желали даже слышать о генеральном заказчике по застройке Мегиона. Обстановка у нефтяников Мегиона, я бы сказал, стала взрывоопасной.

Н. А. Мальцев считал, что в Мегионе есть генеральный заказчик в лице нефтеразведочной экспедиции, которая в 1977 году была преобразована в объединение «Мегионнефтегеология». Министр считал, что нефтяники должны жить в Нижневартовске. При такой постановке вопроса начальники Главтюменнефтегаза не смели переступить через категорический запрет. В итоге Мегион из года в год медленно погружался в свои проблемы, а жизнь нефтяников становилась все хуже.

Начальники НГДУ «Мегионнефть» прилагали немалые усилия, чтобы изменить положение в Мегионе. Одним удавалось вырвать какие-то средства из общего «финансового мешка» и построить кое-что, другим даже этого сделать не удавалось.

Мегионская проблема не изменилась при создании производственного объединения «Нижневартовскнефтегаз». Генеральные директора Л. И. Вязовцев, Ф. Н. Маричев и Л. И. Филимонов не могли изменить сложившуюся обстановку.

При посещении Нижневартовска работниками ЦК КПСС, Совета Министров СССР, министерств и ведомств горком КПСС и райисполком предлагали осмотреть и Мегион. Но под разными предлогами высокие гости отказывались. Тогда всех интересовал только Самотлор и город Нижневартовск.

Попытку развязать «мегионский узел» сделал начальник НГДУ «Мегионнефть» Георгий Самуилович Арнопольский при поддержке первого секретаря горкома партии Сергея Ивановича Денисова и генерального директора «Нижневартовскнефтегаз» Фёдора Ивановича Маричева. Но изменилась обстановка в связи с резким падением добычи нефти. Г. С. Арнопольский настаивал на уходе, в связи с ухудшением состояния здоровья

Георгий Самуилович предложил вместо себя надёжного друга, с которым начинал ходить по мегионской земле, — Ивана Ивановича Рынкового, который работал заместителем главного инженера объединения «Нижневартовскнефтегаз». Он дал согласие, но только при одном условии: НГДУ «Мегионнефть» должно стать

генеральным заказчиком по строительству Мегиона. Этот вопрос был поставлен перед Р. Т. Булгаковым, который откровенно признался: «Иван Иванович, я «за», но мне не убедить министра Н. А. Мальцева, который категоричен и не намерен забирать эту функцию у геологов. Могу пообещать лишь одно: помогу с финансами, а сам договаривайся со строителями».

И. И. Рынковой не встретил поддержки у первого секретаря обкома КПСС Г. П. Богомякова, который только посоветовал: «Ты теперь начальник, напрямую обращай к Мальцеву. При твоей настойчивости, думаю, он изменит своё решение». После всех этих встреч Иван Иванович всё-таки дал согласие быть начальником.

Мегионцы с радостью встретили И. И. Рынкового. Они были уверены, что он гораздо больше внимания, чем другие, станет уделять развитию города. За четыре года его руководства НГДУ «Мегионнефть» ему удалось улучшить жизнь нефтяников. На одной из встреч рассказывал: «Управление принял при падающей добыче нефти. Фонтаны глохли. Единственный выход — срочно переводить скважины на механическую добычу.

В первый год перевели на этот метод 80 стволов, во второй — столько же. Получили неплохую прибавку в добыче. Поставил перед собой задачу к 1983 году обустроить 300 скважин. Потрудились на славу, оживили 323 скважины! Это была титаническая работа всего коллектива, забыли про выходные и восьмичасовой рабочий день. В результате динамика добычи нефти составила: в 1981 году — 27 425 тысяч тонн, в 1982 — 27 526, в 1983 — 27 681 тысяча тонн...»

Пришло время, ради которого Иван Иванович пошёл в начальники. Начали интенсивно строить жильё в Мегионе. Но вопрос, который он вынашивал, будет ли НГДУ генеральным застройщиком, так и не имел ответа. Вопрос этот был московского уровня...

Перед вылетом в столицу зашёл к Р. Т. Булгакову, тот ему посоветовал: «Не лезь на рожон, голову оторвут, испортишь себе дальнейшую жизнь». В ответ Иван Иванович сказал: «Видеть, как сегодня живут нефтяники, не могу, не имею права, а как руководитель обязан начатое дело довести до логического конца».

Из воспоминаний И. И. Рынкового: «Захожу в кабинет министра. Он как сидел, так и остался сидеть. Не стал слушать. Просто выгнал меня, правда, вдогонку сказал: «Чтобы через 24 часа позвонил мне из Мегиона, иначе будешь уволен с работы». Зашёл в хозуправление за направлением на поселение в гостиницу «Россия» — мне отказали. Решил пойти на приём к первому заместителю Председателя Совета Министров СССР В. Э. Дымшицу. Он меня принял и выслушал. Тут же позвонил по «вертушке» Мальцеву и дал поручение подготовить приказ и выдать целевым назначением деньги на строительство жилья в Мегионе. После этого по прямому телефону связался с министром Минпромстроя СССР Василием Лукичом Пятибратом, сказал: «Будете строить жильё и в Мегионе. Прими начальника НГДУ «Мегионнефть» И. И. Рынкового. Он слушает наш разговор, обсудите с ним дальнейшую совместную работу. Прошу в ближайшее время вылететь по данному вопросу в Нижневартовск». Я поблагодарил Дымшица и поехал к Пятибрату, настроение было превосходное».

И. И. Рынковой преодолел десятилетнее отчуждение родного министерства и Главка. Начиная с 1984 года, Нижневартовский ДСК стал поставлять и строить 9- и 12-этажные дома в Мегионе.

Моё знакомство с Иваном Ивановичем состоялось на Самотлоре. Нижневартовск принимал группу известных советских писателей и поэтов, которую возглавлял Сергей Сергеевич Смирнов. Я попросил Р. И. Кузоваткина порекомендовать мне специалиста, который мог бы в доступной форме рассказать о делах нефтяников, показать объекты на Самотлоре. Роман Иванович назвал И. И. Рынкового, дав развёрнутую «визитную карточку»: «Иван у нас живая легенда, штурман мегионской нефти, умеет не только работать, но и интересно рассказывать. У нас его сейчас знают больше, чем меня. В этом вы убедитесь сами. Я позволю, чтобы он вас ждал на строящейся ДНС-2, где имеется вертолётная площадка».

Стоял май, снег уже сошёл, была распутица. Дороги на Самотлор только собрались строить, и единственным транспортом был вертолёт. Винтокрылая машина с гостями села на сделанную из круглого соснового леса площадку, откуда по проложенным доскам нам предстояло пройти 40–50 метров до строительной площадки. Несмотря на осторожность, двое москвичей всё же оступились, зачерпнув обувью болотную жижу.

Встретил нас довольно молодой человек, одетый в куртку, без головного убора, среднего роста, худощавый, со светлыми волосами. Это и был Рынковой. Весьма подвижный, говорит быстро, с легким южным акцентом. Я обратил внимание, что Иван Иванович,

как бы для убедительности сказанного, не мог обходиться без жестов, подчёркивая ими выразительность слов. На приезжих произвёл сильное впечатление профессиональными знаниями, рассказом о первопроходцах — геологах, буровиках, строителях, операторах, с которыми начинал осваивать здешние места. По его рассказу воссоздавалась картина покорения Самотлора. Много говорил он и о трудностях, для наглядности показывая утонувшую рядом в болотах технику. Обратил внимание гостей на нештатные ситуации в освоении уникального месторождения, рассказал и о курьёзных случаях. Как сейчас помню один из них: «Однажды ночью мой вагончик посетил медведь, на покрашенном щите с призывным лозунгом для «наглядной агитации» оставил экскременты». Это вызвало у гостей всеобщее изумление и смех.

Встреча прошла интересно. Вернувшись в Москву, многие литераторы в своих очерках и повестях рассказали о героях Самотлора, среди них был и Иван Иванович Рынковой.

Мы стали встречаться часто, ибо гостей разного уровня прибывало в Нижневартовск предостаточно. Я частенько прибегал к его помощи. У нас сложились приятельские отношения, оставаясь наедине, говорили о многом и, конечно, о его жизни до Нижневартовска.

Трудовая биография типична для нашего поколения. Родился в многодетной крестьянской семье. Только он, Иван, отступил от семейной традиции стать потомственным крестьянином. Единственный из четырёх детей выбрал профессию нефтяника, которой остался верен до конца. Его детство пришлось на годы

войны. Он в полной мере познал все ужасы оккупации, радость освобождения и долгожданной Победы. Несколько позже пошёл в школу, окончив семь классов, поступил в техникум. После окончания Краснодарского нефтяного техникума в 1957 году Иван Иванович по распределению оказался в Башкирии. Трудовую деятельность начал с должности оператора по добыче нефти на промысле № 2 НПУ «Ишимбайнефть». До приезда в Западную Сибирь шесть лет трудился в НПУ «Арланнефть» оператором, мастером по исследованию скважин, начальником участка, старшим инженером сектора промысловых исследований и, наконец, сменным помощником заведующего нефтепромыслом № 2.

И всё же самой яркой страницей в его жизни был и остается Мегион, где он проработал более 30 лет. На моих глазах шло его становление как руководителя. Он стал известной, авторитетной личностью. Опыт руководящей работы накапливал постепенно. Иван Иванович никогда не останавливался на достигнутом, стремился узнать больше в профессиональном отношении. Несмотря на постоянную занятость по основной работе, он получил высшее образование, заочно окончив Московский нефтяной институт имени И. М. Губкина.

И. И. Рынковой принимал активное участие в жизни первичной партийной и районной (городской) организаций, окончил четырехгодичную школу партактива, возглавлял внештатный отдел промышленности и строительства горкома КПСС.

Иван Иванович непосредственно выполнял мои поручения. Однажды попросил: «Вот скоро построят

нефтепровод Нижневартовск-Альметьевск. Вы там постоянно, а я ни разу не был на стройке. Возьмите на трассу».

После суточного объезда закреплённого за мной участка нефтепровода мы возвращались в Мегион, где приходилось нередко останавливаться на ночлег. Прощедшая зима выдалась снежной и суровой. Стоял март. В пойме реки Ватинский Еган работала изоляционно-укладочная колонна Александра Фёдоровича Фролова СУ-43 треста «Самотлортрубопроводстрой». Она славилась высоким мастерством, неоднократно отмечалась в числе победителей социалистического соревнования. Коллектив Фролова еженедельно изолировал и укладывал в траншею не менее полутора километров магистрали сверх задания. Колонна работала в две смены, а бригады А. Емельянова и А. Куприянова трудились по методу хозрасчётного подряда, что позволяло значительно снизить стоимость строительства.

Проехать мимо них не мог: обидятся. Горкомовский «УАЗик» строители трассы знали — по обеим сторонам брезентового кузова белой краской большими буквами написано «Штаб стройки». Сильный ветер изрядно мешал изолировщикам, но бригада продолжала действовать.

Александр Фёдорович выглядел молодцом: ворот полушубка распахнут, шапка набекрень, скулистое лицо красное от ветра. Рослый, осанистый мужик. Иван Иванович бросился к нему. Обнялись. Оказалось, что он с Фроловым знаком ещё по Мегиону. Расплывшийся в широкой улыбке Александр Фёдорович подошёл ко мне и громко отрапортовал: «Сергей Дми-

триевич, сегодня у меня юбилей: 10 лет, как я мотаюсь по северным трассам. Надо бы отметить. У вас есть что выпить?»

Я не ожидал. У меня в машине всегда на экстренный случай был запас — одна-две бутылки водки. Зима все-таки, трасса. Ответил: «Есть». Александр Фёдорович махнул рукой, подал знак остановиться машинам, пригласил подойти к себе. Собравшись возле «уазика», разлили водку и выпили за трудовые успехи и здоровье юбиляра.

Второй раз я взял с собой Ивана Ивановича, когда шла опрессовка трубы. В район Урьевска долетели вертолётном. На этом участке не поднималось давление, предстояло найти утечку воды в трубе. В поиске участвовали Г. П. Богомяков, Г. И. Рубанко, И. И. Рынковой, И. М. Сосновских и я. Место утечки нашел Рынковой...

Встречаясь с людьми, я интересовался их мнением о И. И. Рынковом. Они характеризовали его как доброго, отзывчивого, умеющего откликнуться на беду, доступного для общения. На мой вопрос, какие качества он ценит в руководителе, Иван Иванович ответил: «Всегда оставаться честным по отношению к тем, с кем рядом трудишься. Исполнительность, обязательность — вот, пожалуй, что должно быть в каждом руководителе». Это жизненное кредо, которому Рынковой следовал всегда, до конца своих дней.



**УСТЬЯНЦЕВ
НИКОЛАЙ ЯКОВЛЕВИЧ**

ПРЕДСЕДАТЕЛИ: ПОМНИМ ИХ ИМЕНА

За период работы в Нижневартовском районе пришлось общаться с четырьмя председателями райгорисполкомов: Н. Я. Устьянцевым, Н. Ф. Фоменко, Н. Г. Салиховым и Н. А. Москаленко. Каждый из них, несомненно, оставил свой след, вложил немало физических сил и профессиональных знаний в социально-экономическое развитие района, городов Мегиона и Нижневартовска. О них мои воспоминания.

Знакомство с Нижневартовском начал со старой части посёлка. Меня сопровождал бывший председатель Нижневартовского райисполкома Василий Фёдорович Артюхин. Заехали в райисполком, здесь же располагался ЗАГС. Был удивлён тем, что партийная власть находилась в новой застройке, а местная власть — в старой части Нижневартовска. Это отрицательно сказывалось на оперативности решения текущих жизненных вопросов. Транспортное сообщение зимой было проще, а в период осенней и весенней распутицы — в разы усложнялось. Дело в том, что между двумя частями посёлка протекало несколько ручьёв, и была большая заболоченность. Аэропорт находился в старой части, поэтому для приезжих и местных было невероятным испытанием добраться до нужных предприятий и организаций.

Мне было интересно посмотреть, в каких условиях трудятся работники и их председатель Николай Яковлевич Устьянцев. Зайти в кабинет председателя

Василий Фёдорович отказался. Кабинет был довольно просторный, мебель старомодная. Напротив входной двери располагался рабочий стол. За спиной председателя висел портрет В. И. Ленина, на правой стене — карта Ханты-Мансийского национального округа с очертанием границ Ларьякского района. Новой карты Нижневартовского района ещё не было. От входной двери по середине кабинета шла ковровая дорожка.

Николай Яковлевич вышел ко мне навстречу. Крепко пожал руку. Это был высокий, стройный, симпатичный мужчина. Участник Великой Отечественной войны, о чём свидетельствовала орденская колодка в шесть рядов боевых наград, расположенная на левой стороне костюма. Только одно это вызывало к нему особое чувство уважения.

Позднее узнал, что Н. Я. Устьянцев добровольцем ушёл на фронт, служил в артиллерийских войсках. Войну закончил на подступах к Берлину. Война прошла по его малой родине — Украине, оставила в одиночестве, уничтожив всю его семью: родителей, жену и детей. В Тюменскую область в Нижневартовский район он приехал без «призыва». Выбор диктовался одним: начать заново жизнь, найти своё счастье в сибирской глубинке. Ему повезло. Во время учёбы в Омской партийной школе он встретил свою вторую половинку, ею стала Нора Викторовна Горевских, которая работала секретарём Нижневартовского райкома партии по идеологии. Она тоже заочно училась в ВПШ и привезла Н. Я. Устьянцева, будущего мужа, в Нижневартовск. Он был трудоустроен председателем народного контроля. Избрание его председателем райисполкома

было одобрено первым секретарём райкома партии М. П. Страховым. Начиная с 1964 года, в Нижневартовском районе была частая смена первых секретарей райкома КПСС и председателей райисполкома. В этой кадровой «чехарде» была некоторая закономерность: с приходом очередного первого секретаря райкома КПСС, которому отводилась главная роль в подборе и расстановке руководящих кадров, менялся, как правило, и председатель райисполкома. Каждый из них подбирал под себя руководителей исполнительной власти района. Сотрудничали они не более двух-трёх лет. Такими парами были: Н. Т. Вокуюев и А. Д. Пуминов, Л. В. Аксарин и Н. И. Михальченко, В. И. Павлов и В. Ф. Артюхин, М. П. Страхов и Н. Я. Устьянцев, В. В. Бахиллов и Н. Ф. Фоменко. Будучи избранным первым секретарём горкома КПСС в 1973 году, я нарушил эту закономерность. Более пяти лет председателями горисполкома и райисполкома работали Н. А. Москаленко и В. Д. Салмин.

Беседа с Н. Я. Устьянцевым была непродолжительной. Как секретаря райкома партии по идеологии меня интересовали вопросы работы органов народного образования, дошкольного воспитания детей, медицины, культуры, быта, связи и спорта, то есть



А. Ф. Артюхов

тех направлений, которые буду курировать. Поинтересовался работой сельских поселковых Советов народных депутатов с местным населением и особенно с коренными жителями района хантами и манси. В целом, Н. Я. Устьянцев владел ситуацией, но глубины и продуманности, системы и плановости в развитии подотчётных районной власти вышеперечисленных органов в его ответах я не услышал. А предъявить претензии и тем более высказать предложения, я, естественно, не мог, поскольку ещё не был избран секретарём райкома КПСС. В то же время и сам Николай Яковлевич работал председателем всего лишь полгода. И всё же я был удовлетворен тем, что получил нужную информацию и мог как-то определиться в предстоящей работе после моего избрания.



Встреча первого десанта писателей и поэтов СССР во главе с Алимом Кешоковым в рабочем посёлке Нижневартовский. 1970 г.

На этом встреча закончилась. Уходя, подумал, что ему не придётся долго поработать в роли председателя. Время было уже другое. Нижневартовский нефтяной район нуждался в современном системном подходе к работе с кадрами местных органов власти. Обстановка требовала повышенного профессионального руководства, поэтому и способности, подход, навыки руководящих кадров района должны быть уже другими. В Нижневартовском районе, в округе разворачивалась гигантская эпопея по освоению открытых месторождений, создавалась нефтегазовая промышленность, небывалым был размах строительно-монтажных работ, начиналось строительство современного города нефтяников Нижневартовска, а на территории района строились новые вахтовые поселения.

Выйдя от Н. Я. Устьянцева, в коридоре увидел Василия Фёдоровича в окружении бывших сотрудников. По громкому разговору, по настроению и смеху было видно, они ему были рады.



**ФОМЕНКО
НИКОЛАЙ ФЁДОРОВИЧ**

После ухода по собственному желанию Н. Я. Устьянцева председателем райисполкома был избран нефтяник Николай Фёдорович Фоменко. В этой должности ему пришлось поработать около двух лет. Именно в этот период Нижневартовск получил статус города. Радость Николая Фёдоровича не передать словами, когда об этом ему сообщил первый секретарь райкома КПСС В. В. Бахилов. Последовали поздравления Тюменского облисполкома, Ханты-Мансийского окрисполкома и Сургутского района. Я был свидетелем этого исторического момента.

По указанию В. В. Бахилова всех работников райкома КПСС, райисполкома, райкомов профсоюза и комсомола, штаба ударных комсомольских строек, журналистов районной газеты «Ленинское знамя» собрали в актовом зале. Василий Васильевич в парадном костюме, с боевыми и трудовыми наградами, со звездой Героя Социалистического Труда зашёл за стол президиума и обратился с речью к присутствующим: «Дорогие товарищи, друзья, сегодня у нас исторический день — рабочему посёлку Нижневартовский присвоен статус города». Зачитал телеграммы, полученные от областных и окружных властей. Затем продолжил: «Теперь на карте страны, области и округа появился новый город, в этом есть и наша заслуга».

Радость зашкаливала. Услышал шквал аплодисментов, искренних выкриков, идущих от самого сердца, все кинулись обнимать и поздравлять друг друга. Успокоившись, В. В. Бахилов предложил пойти в коллективы «новорожденного» города и района и принять участие в митингах и собраниях.

Но эта радость вскоре сменится разочарованием для нас, партийных работников и работников бывшего райисполкома. Дело в том, что 9 марта в центральных газетах «Правда» и «Известия» и областной газете «Тюменская правда» был напечатан подлинный текст Указа Верховного Совета РСФСР, который мы прочитали только 10 марта, когда газеты доставили в город. Он звучал так:

1. Преобразовать в город окружного подчинения рабочий посёлок Нижневартовский Нижневартовского района Ханты-Мансийского национального округа, присвоив ему наименование — город Нижневартовск.

2. Возложить на Нижневартовский городской Совет депутатов трудящихся и его исполнительный



*Встреча секретарей по идеологии райгоркомов КПСС
Ханты-Мансийского автономного округа — Югры.
Нижневартовск, 1972 г.*

комитет решение на территории одноименного района всех вопросов, входивших в компетенцию районного Совета депутатов трудящихся и его исполнительного комитета.

3. Подчинить Мегионский поселковый и сельские Советы депутатов трудящихся Нижневартовского района соответственно Нижневартовскому городскому Совету депутатов трудящихся.

Собрались в кабинете В. В. Бахилова уже в суженном составе: Н. Я. Токарев, Н. Ф. Фоменко, В. Д. Салмин, В. С. Корчёмкин и я. Василий Васильевич обратился к нам, но с другой тональностью: «Что касается нас, то каждому по отдельности и горькому в целом следует в корне поменять свой стиль работы. Почему?»



Главный инженер НГДУ «Нижневартовскнефть» Н. П. Дунаев поясняет А. Н. Косыгину принцип работы отсекателей, которые устанавливаются на скважинах. Самотлор, 1973 г.

Горисполком с той численностью работников не сумеет в равной мере решать житейские вопросы наших поселений и особенно национальных посёлков. Сегодняшние проблемы со строительством города и нормального функционирования городских структур потребуют повышенной ответственности исполнительной власти, горисполкома. Это значит, что люди, проживающие на территории района, будут наверняка обделены вниманием со стороны горисполкома, а это может привести к негативным явлениям. Этот фактор надо учесть в нашей работе».

В итоге получилось, что просто поменяли вывеску. Надежды сельского населения на более быстрое решение вопросов социально-культурного и бытового значения, накопившиеся за восемь лет после высадки



Знакомство А. Н. Косыгина со строительством и работой Нижневартовского Центрального парка нефти. 1971 г.

первого десанта нефтяников, рухнули. На смену радости и ликования пришли тревога и озабоченность. Теперь на плечи горкома КПСС легли заботы не только города, но и района.

В один из рабочих приездов первого секретаря Тюменского обкома КПСС Б. Е. Щербины, председателя Тюменского облисполкома Л. Н. Кузнецова и начальника Главтюменнефтегаза В. И. Муравленко, которые были депутатами Верховного Совета СССР, к ним присоединилась председатель Ханты-Мансийского окрисполкома, депутат Верховного Совета РСФСР А. Г. Григорьева. Было проведено совещание с их участием.

Первым слово взял Б. Е. Щербина: «Товарищи, получилось, как в том анекдоте: «Думали, как лучше,



*Фото на память. Встреча с друзьями, единомышленниками
Нижневартовского района. Нижневартовск, 2001 г.*

а получилось, как получилось»... Ситуация здесь складывается чрезвычайно трудная, придётся подождать. Обращаться в ЦК КПСС, Верховный Совет СССР и РСФСР с просьбой исправить допущенную оплошность никто в настоящее время не возьмётся». Выступления Л. Н. Кузнецова и А. Г. Григорьевой были просто утешающими. Они, как и другие, понимали, что такая огромная территория Нижневартовского района, где свободно могли разместиться Швеция, Финляндия и Бельгия практически лишилась управляющего органа — райисполкома. Состояние застройки рабочего посёлка Мегион, вахтовых посёлков Варьёгана, Радужного, Лангепаса, Покачи, развитие и состояние жизни национального населения, проживающего в посёлках Ларьяк, Чехломей, Большой Ларьяк, Корлики, Ваховск, Охтеурье, Усть-Колекъёган, Большетархово, Новоаганск, вызывало опасение. Опыт управленческой деятельности подсказывал, что ситуация станет ещё хуже.



Память о строителях-первопроходцах не будет забыта

Ждали выступления В. И. Муравленко, который сказал следующее: «Положение горисполкома не из лёгких. Надо изыскать возможности, усилить контроль над работой всех ведомств, занятых на строительстве города Нижневартовска. За городом я закрепил своих заместителей М. М. Крола и А. С. Парасюка и обязал директора института Гипротюменнефтегаз Я. М. Когана взять под личный контроль проектирование гражданских и промышленных объектов, особое внимание уделить ускоренному строительству жилья, объектов образования, здравоохранения, быта и культуры». На этом совещание закончилось. В действительности так и произошло. Проблемы Нижневартовска полностью поглотили горисполком, а поселковые советы и сельсоветы остались наедине со своими нерешёнными проблемами. Выезды работников горисполкома и его отделов давали лишь временный эффект.



потомками, проживающими в городах и рабочих посёлках Югры



САЛИХОВ
НАИЛЬ ГАБДРАХИМОВИЧ

Председатель горисполкома Н. Ф. Фоменко обратился ко мне с просьбой освободить его в связи с ухудшением здоровья и необходимостью переезда на новое место жительства по рекомендации врачей. Передо мной встал вопрос о равноценной кандидатуре. Поставил в известность областные и окружные власти, хотя имел своё предложение. Попросил Николая Фёдоровича поработать, пока не будет решён вопрос избрания нового председателя горисполкома.

Первый секретарь обкома КПСС Г. П. Богомяков, зная эту ситуацию, предложил на должность председателя горисполкома Наиля Габдрахимовича Салихова. Спросил меня: «Ты знаком с Н. Г. Салиховым? До учёбы в ВПШ ЦК КПСС он избирался первым секретарём Урайского горкома КПСС. Сам же он выходец из знаменитого коллектива шаимских буровиков, а в связи с переброской Урайского УБР для работы на Самотлоре, он будет хорошим помощником». Ответил: «Геннадий Павлович, с Салиховым не приходилось встречаться. Участвуя в окружном семинаре секретарей по идеологии в Урае, был наслышан о его деятельности как с положительной стороны, так и о некоторых отрицательных качествах в характере. Правда, второй секретарь Урайского горкома КПСС З. И. Меньшикова о нём отзывалась хорошо. Возражать не буду».

В августе 1973 года встречаю Н. Г. Салихова. Вместе решаем организационные вопросы с проведением внеочередной сессии городского Совета народных депутатов трудящихся, на которой он избирается членом исполкома и председателем. При первой встрече Наиль Габдрахимович, имеющий опыт хозяйственной

и партийной работы, произвёл на меня хорошее впечатление. Имея диплом по специальности «Разработка нефтяных и газовых месторождений», он удачно вписывается в решение задач, стоящих перед городской партийной организацией, местной властью, профсоюзом и комсомолом. Мною сразу же были решены его житейские проблемы, были устроены жена и дети.

Н. Г. Салихов родился в деревне Старо-Санны Благоварского района Башкирской АССР в многодетной семье колхозника. Учился в деревенской начальной школе, а затем в Каргалинской средней школе, что в пятнадцати километрах от родной деревни. Среднюю школу окончил с похвальной грамотой, а в 1959 году окончил Уфимский нефтяной институт.

Трудовую деятельность начал бурильщиком, затем был мастером опробования скважин, техноруком, начальником партии № 10 Бирской геолого-поисковой конторы треста «Башвостокнефтеразведка». В Тюменскую область приглашается в Шаимскую контору разведочного бурения № 3 треста «Тюменнефтегазразведка» в качестве начальника цеха бурения, затем начальника прокатно-ремонтного цеха. Ему посчастливилось начать работу с прекрасными специалистами, мастерами своего дела, с людьми до предела справедливыми, честными, трудолюбивыми, принципиальными. Наиль Габдрахимович попал в буровую бригаду Г. К. Петрова, которая впоследствии станет известной на всю страну. Главным инженером Шаимской конторы бурения был А. Г. Исянгулов, человек неуёмной энергии, прекрасный организатор и специалист своего дела, который внедрял всё новое и прогрессивное в буровом произ-

водстве. Позднее А. Г. Исянгулов возглавит коллектив шаимских буровиков, который будет устанавливать всесоюзные рекорды по строительству нефтяных скважин. Впервые в нефтяной отрасли в одном коллективе будет четыре мастера, которые станут Героями Социалистического Труда: Я. С. Вагапов, Г. К. Петров, А. Д. Шакшин и С. Ф. Ягофаров, а также начальник Урайского УБР А. Г. Исянгулов.

В 1963 году из Башкирии в Шаимский нефтяной район приглашаются буровики, которых возглавит А. Г. Исянгулов. Коллективу Шаимской конторы бурения будет предоставлено право пробурить первые эксплуатационные скважины на двух открытых месторождениях. Они станут участниками отправки водным путём первой Шаимской нефти на Омский НПЗ. Постановлением бюро обкома КПСС создаётся партком



С любимой женой Ридой Тагировной

Шаимских нефтепромыслов на правах райкома КПСС и секретарём избирается Н. Г. Салихов.

По мере роста населения в городе Урае и развития нефтяной промышленности, через три года партком реорганизуется в Урайский городской комитет КПСС. И вновь первым секретарём избирается Н. Г. Салихов. После двух лет работы по его желанию обком КПСС направляет его на очную учёбу в Высшую партийную школу при ЦК КПСС, которую он оканчивает в 1973 году. Во время собеседования в орготделе ЦК КПСС по согласованию с Тюменским обкомом КПСС его рекомендуют на должность первого секретаря Надымского горкома КПСС. Он отказывается, желая вернуться в Ханты-Мансийский национальный округ, где ему предложат работу председателя Нижневартовского горисполкома.

Наиль Габдрахимович прикладывает немало усилий для повышения авторитета местной власти.



Фото на память. Семья Салиховых. Сын Артур, жена Рида, сын Айдар. Нижневартовск, 1976 г.

Расширяет службы социального и бытового обслуживания горожан, развивает торговую сеть, особое внимание уделяет развитию материальной базы здравоохранения, строительству новых школ и детских дошкольных учреждений. Тесно сотрудничает со строителями города, добиваясь улучшения качества сдаваемого жилья. Всё складывалось успешно до одного случая, о котором не могу не рассказать.

Напротив здания горкома КПСС и горисполкома пермскими строителями под руководством управляющего трестом Е. И. Куропаткина сдавался пятиэтажный семиподъездный дом. Для его плановой сдачи дополнительно прибыли две бригады отделочников из треста «Пермьпромстрой». Однако к сроку отчётности 15 января 1974 года дом не был готов к заселению, т. к. не успели завершить отделочные работы. Встал вопрос о приёме дома. Е. И. Куропаткин направляет в горисполком гарантийное письмо о сдаче дома в марте-апреле 1974 года. Н. Г. Салихов принципиально решил не подписывать акт сдачи дома в эксплуатацию. Это означало, что ввод этого дома автоматически переносится в план сдачи жилья 1974 года, тем самым план ввода жилья на следующий год будет занижен на данную жилищную площадь. Дважды пришлось разговаривать с ним, убеждать в целесообразности приёма дома с гарантией треста завершить все работы в марте-апреле. Тогда план ввода жилья 1974 года для треста «Нижевартовскжилстрой» останется напряжённым. Н. Г. Салихов пишет письмо для обсуждения на бюро горкома КПСС, в котором излагает свой подход к приёму дома. Для меня это

было неожиданностью, пришлось проинформировать и получить советы от заместителя председателя окрисполкома по строительству В. П. Зинченко и заведующего отделом строительства обкома КПСС В. Я. Возняка, которые, конечно же, предложили постараться убедить Н. Г. Салихова в необходимости подписания акта. Встречи не дали никаких результатов. Был вынужден позвонить Г. П. Богомякову и проинформировать о позиции члена бюро горкома КПСС, председателя горисполкома Н. Г. Салихова. Геннадий Павлович посоветовал собрать бюро и обсудить занятую им позицию. До назначенного времени заседания бюро Наиль Габдрахимович обратился с заявлением об освобождении его от обязанностей председателя горисполкома, ссылаясь на ухудшение состояния здоровья. Его просьба была удовлетворена.

После беседы с первым секретарём окружкома КПСС Ю. П. Старцевым и председателем окрисполкома А. Г. Григорьевой Н. Г. Салихов, спустя пятнадцать лет, согласился вернуться в свой родной коллектив, который теперь назывался Нижневартовским УБР-2. Ему была предложена должность главного экономиста. Н. Г. Салихов продолжал вести активную деятельность, был избран заместителем секретаря парткома по идеологии и возглавил методический совет по политической и экономической учёбе.

Основываясь на опыте бригад мастеров Г. К. Петрова и А. Д. Шакшина, Н. Г. Салиховым совместно с институтом Гипротюменнефтегаз была разработана методика «О бригадном подряде в бурении», которая внедрялась во всех бригадах бурения Главтюменнефтегаза.

Эта работа была одобрена и горкомом КПСС, и объединением «ЗапСиббурнефть».

Однако в карьере Н. Г. Салихова происходит непредвиденное. После опубликованной в газете «Правда» от 21 января 1976 года статьи С. Вторушина «Метр на пьедестале» в Нижневартовские УБР (их было семь) нагрянули комиссии для проверки фактов, изложенных в статье. Шума было много. Ситуация обсуждалась в горкоме. Чтобы отписаться в газету «Правда», которая была органом ЦК КПСС, в окружкоме КПСС был объявлен выговор первому секретарю Нижневартовского горкома КПСС В. В. Бахиллову.

Наиль Габдрахимович принимает участие в этих разбирательствах. «Масло в огонь» подлил А. Г. Исянгулов, который ратовал за четырёхвахтовый метод

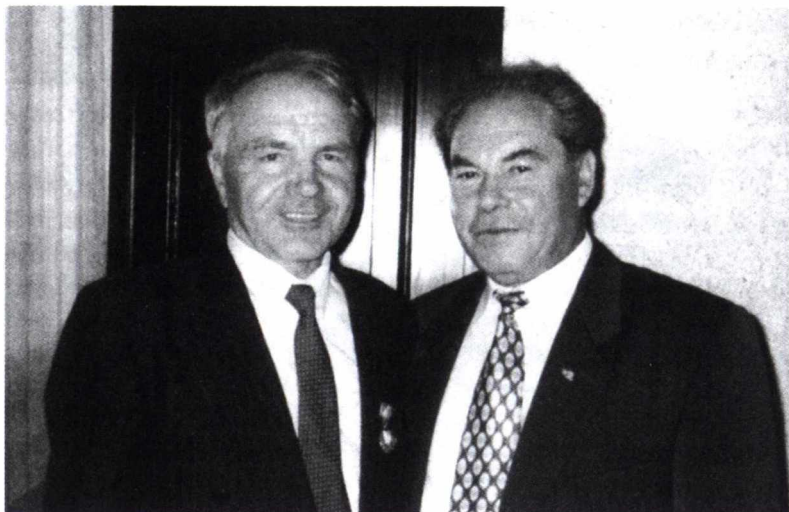


*Окончание средней школы. С друзьями-одноклассниками.
Село Каргалы, Башкирская АССР, 1953 г.*

работы бригад, более рациональный, чем метод работы 7–8 вахтами, который внедрялся в Нижневартовском УБР-1.

М. Н. Сафиуллин старался убедить Н. Г. Салихова отказаться от занятой им позиции, о чём было доложено В. И. Муравленко и начальнику объединения «ЗапСиббурнефть» Л. И. Вязовцеву. Они предложили А. Г. Исянгулову сократить должность главного экономиста. Н. Г. Салихов обращается за разъяснением ко второму секретарю обкома КПСС Г. И. Шмалю.

Страсти слегка поулеглись. Но появляется анонимное письмо с клеветой уже на А. Г. Исянгулова, которое проверяется комиссией Главтюменнефтегаза во главе с заведующим отделом руководящих кадров Н. Н. Шабакиным. Вывод: Н. Г. Салихов не владеет



*Встреча в Нижневартовске на праздновании
40-летнего юбилея города. 2012 г.*

экономическими знаниями, и его предлагают оставить в коллективе, но на должности, соответствующей основной специальности. С просьбой разобраться в ситуации он обращается к В. И. Муравленко и заведующему отделом геологии, нефтяной и газовой промышленности обкома КПСС В. В. Китаеву, но это только усугубило его положение. Ему было предложено перейти в систему Главтюменьгеологии на должность заместителя начальника отдела кадров в объединение «Обънефтегазгеология». Проработав два года, он меняет работу и местожительство. Вновь возвращается в Нижневартовск, где по моему предложению был устроен на работу начальником отдела руководящих кадров производственного объединения «Нижневартовскнефтегаз». В 1993 году после выхода на пенсию переезжает в Тюмень, а затем в Башкортостан город Туймазы, где и проживает в настоящее время.



**САЛМИН
ВЛАДИМИР ДМИТРИЕВИЧ**

ДРУГ ТЮМЕНСКОГО СЕВЕРА

Владимир Дмитриевич Салмин был и остаётся тем, с кем меня связывала жизнь в Нижневартовском районе, а затем и в Тюмени.

Работая в Нижневартовске и находясь среди таких, как он, я понял одну простую человеческую истину — Север признаёт своими лишь упорных и волевых людей. Север невозможен без настоящей мужской дружбы и взаимовыручки, порядочности и искренности. Такой личностью был В. Д. Салмин — герой моего времени. Имя и дела его — подлинный пример верного служения Отечеству, которые оставили в истории Югры яркий след.

Общаясь с В. Д. Салминым, постепенно многое узнавал о его жизни. Он родился 15 ноября 1934 года четвёртым ребёнком в семье, сосланной на Тюменский Север, в посёлок Высокий Мыс Сургутского района. Спрашивал его, почему, за что? Но в советское время ответов на подобные вопросы не существовало. Что хотели «перековать» в этих людях? Об этом Владимир Дмитриевич умалчивал, не афишировал. Было известно одно — Салмины работали днём и ночью, это было их вечное стремление к труду.

Отец Дмитрий Константинович сутками рыбачил, да так, на рыбалке и погиб в 1936 году. Через три года умерла мама Екатерина Ивановна, работавшая дояркой. Володя в пять лет остался в доме один. Старший брат Григорий служил в Красной армии, другой брат Александр по разнарядке работал на угольных шахтах

Кузбасса, а сестра Нина была направлена на лесозаготовки в Конду.

Соседи взяли над ним шефство. В хозяйстве было пять соток огорода, которые засаживались одной картошкой, да корова Зинка. Володя сам за ней ухаживал, сам доил — пригодились мамины уроки. Ежедневно ходил в единственных отцовских резиновых сапогах в школу, которая находилась в Тундрино в пяти километрах от Высокого Мыса.

Соседи, взрослые не раз предлагали мальчику отправиться в детдом, обещали оформить все бумаги. Но Володя упорно отказывался, говорил: «Я проживу. Я сам. Я выдержу». С малолетства был упорный, обладал твёрдым отцовским характером.

Шла война. В 1945 году вернулся брат Григорий трижды раненый. Он и помог Володе окончить семь классов, а потом поступить в Тобольский рыбопромышленный техникум. После его окончания Владимир Салмин стал начальником Аганского рыбоучастка и был избран секретарём объединённой комсомольской организации. В техникуме он познакомился с милой красивой девушкой Мариной, которая вскоре стала его женой. В 1958 году у них родился первый сын Саша, а спустя три года второй — Витя. Это была замечательная, счастливая семья, прекрасные взаимоотношения: любовь к детям, семейный уют и счастье.

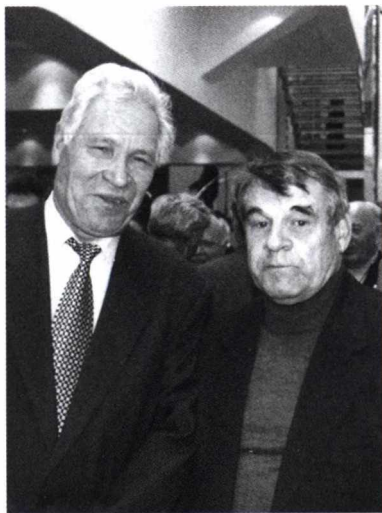
В. Д. Салмин трудился, занимаясь успешно и общественной работой. Он не мог остаться незамеченным Сургутским райкомом комсомола. В его дальнейшей судьбе важную роль сыграли первый секретарь Сургутского райкома КПСС В. В. Бахилев и председатель

Сургутского райисполкома А. Г. Григорьева. На очередной комсомольской конференции Владимир Салмин был избран первым секретарём Сургутского райкома ВЛКСМ, а позднее — секретарём Ханты-Мансийского окружкома ВЛКСМ.

Но это не только новый этап в биографии, но и новый уровень обязанностей и ответственности, резко возросший объём деятельности комсомольской организации. В округе разворачивались работы по освоению открытых геологами нефтяных и газовых месторождений. Была отправлена первая нефть из районов Шаима, Усть-Балыка и Мегиона. Возводились новые города Урай, Нефтеюганск и Нижневартовск. Полным ходом шло строительство дорог, аэропортов, речных причалов, Сургутской ГРЭС. Обустраивались



Одна из последних фотографий



*С верным другом
В. Редикольцевым*

нефтепромыслы, строились нефтегазопроводы, товарные парки и газоперерабатывающие заводы. Север был в лесах новостроек. Геологи радовали новыми открытиями, а нефтяники — большими объёмами добытой нефти.

Лесозаготовители округа традиционно покоряли «зелёное море тайги». Рыбаки добывали рыбу. В самых отдалённых посёлках округа решались проблемы здравоохранения, культуры, образования и быта малых народов Севера — ханты и манси.

Вся эта гигантская работа требовала притока новых кадров. Большая часть конкретных дел выполнялась руками молодых ребят, прибывающих по комсомольским путёвкам, и студенческими строительными отрядами, работавшими в третьем семестре. В. Д. Салмин



*С друзьями по совместной работе в Нижневартовском районе
и городе Нижневартовске*

стал одним из наиболее заметных молодых руководителей в Тюменской области.

Я познакомился с Салминым в 1963 году в Тюмени во время областного семинара первых секретарей окружкомов, горкомов и райкомов комсомола. Проходило мероприятие на Тюменском судостроительном заводе, где я возглавлял самую крупную комсомольскую организацию Тюмени, имеющую права райкома ВЛКСМ. С этого момента мы стали друзьями на долгие годы.

Владимир Салмин был лидером, настоящим парнем, другом. Эти качества он пронёс достойно по жизни, несмотря на взлёты и падения. Мы стали встречаться часто во время пленумов, конференций, семинаров, на совещаниях и заседаниях бюро обкома ВЛКСМ, где я был избран в его состав.

Полной неожиданностью для меня стала новость, что В. Д. Салмин снят с должности первого секретаря окружкома ВЛКСМ и назначен директором Ханты-Мансийского ГПТУ. Всё это произошло скрытно, без обсуждения на бюро ВЛКСМ, входящего в его номенклатуру. Я обратился за разъяснениями к первому секретарю Тюменского промышленного обкома ВЛКСМ В. Д. Пульникову, который занервничал и пояснил: «В одном из горкомов комсомола округа проворовалась заведующая общим отделом, которая совмещала должность бухгалтера. Дело дошло до суда и получило широкую огласку в округе. Мне надо было принять меры». «Почему вы единолично решили судьбу В. Д. Салмина? Буду настаивать на рассмотрении этого вопроса на бюро. И вам придётся ответить».

Владимир Дмитриевич на новом месте работал неплохо. Но каждому нормальному человеку было ясно, что перемещение носило формальный «воспитательный» характер. Первый секретарь окружкома КПСС Сергей Фёдорович Соловьев понимал, что поступили с Владимиром Дмитриевичем неверно, и решил привлечь его к партийной работе. Он понимал, что предлагаемая должность инструктора отдела пропаганды и агитации соответствует его знаниям, опыту и организаторским способностям.

Так уж устроена жизнь, что иногда она преподносит испытания и проверяет человека на выносливость. В этом на своём опыте убедился и В. Д. Салмин. Но он выдержал. О нём не скажешь — «рубаха-парень», он знал своё место в жизни, был ответственным за порученное дело и высоко ценил настоящую мужскую дружбу.

В марте 1965 года произошла страшная трагедия, которая потрясла жителей города Ханты-Мансийска, округа и области. Самолёт Ан-24 при заходе на полосу ударился о снежный вал, образованный при уборке снега бульдозером, и загорелся. Самолёт катился по полосе и горел, как свеча, на глазах у встречающих. Экипаж покинул самолёт, а вот двери салона заклинило, пятьдесят пассажиров сгорели заживо. Среди них была жена В. Д. Салмина Марина, которую он встречал вместе с детьми.

Похороны жертв авиакатастрофы превратились в небывалую для маленького городка массовую траурную церемонию... И опять же Владимир Дмитриевич преодолел себя. По просьбе руководителей округа и города он первым открыл эту церемонию. Сколько

сил и здоровья ему это стоило, но вместе с осиротевшими сыновьями Сашей и Витей выдержал, выстоял.

Родных у Салмина не было, чтобы как-то облегчить, сгладить его жизнь в эти ужасные дни и в последующие годы, сослуживцы, друзья, знакомые осторожно начали вести разговоры о детдоме. И снова, как в далёком детстве на Высоком Мысу, он наотрез отказался и всем говорил: «Я сам. Я воспитаю». Всё, что смогли для него сделать, — определить мальчиков в круглосуточный садик, где воспитательницей в их группе была Альбина Григорьевна Пospelова.

Узнав о горе В. Д. Салмина, я обратился с настоятельной просьбой к В. Д. Пульникову, чтобы меня как члена бюро ВЛКСМ командировали в Ханты-Мансийск для участия в отчётно-выборной окружной комсомольской



*Заседание райисполкома. Слева направо: В. А. Юдин
и А. П. Кауртаев. Нижневартовск, 1981 г.*

конференции, которая должна состояться в декабре. Мою просьбу он отклонил, думаю, по причине принципиального разговора на бюро обкома ВЛКСМ о судьбе В. Д. Салмина. Безусловно, это ударило по его самолюбию и, конечно, между нами пробежала «чёрная кошка». Меня вновь взорвало, и уже в резких тонах сказал ему всё, что о нём думаю: «Должен морально поддержать В. Д. Салмина, я не могу остаться в стороне от его беды». Только этот аргумент и помог мне выполнить свой долг перед другом. За три дня до начала конференции прилетел в Ханты-Мансийск и остановился у Владимира Дмитриевича.

Первый секретарь окружкома ВЛКСМ Станислав Халезов, который встретил меня в аэропорту, сказал: «Сергей, тебе заказан номер люкс в единственной гостинице «Югра». Будете жить вместе с В. Д. Пульни-



С. Д. Великопольский, Н. А. Москаленко, В. Д. Салмин

ковым». Ответил: «Спасибо, буду жить у В. Д. Салмина». Мой ответ ему явно не понравился, он почувствовал какую-то виноватость перед В. Д. Салминым, поскольку он не поинтересовался его состоянием и жизнью.

Владимиру Дмитриевичу выделили в новом деревянном доме двухкомнатную квартиру. Спали вместе с детьми на полу. За три дня я многое узнал о его нелёгкой судьбе, нутром прочувствовал его трагизм, понял, насколько он сильный и верит в лучшее будущее.

По утрам с ним провожали детей в детский садик, а вечером забирали домой. Он познакомил меня с воспитательницей группы, куда ходили дети. Мне Альбина Григорьевна понравилась сразу же. Невысокого роста, симпатичная девушка с приятной улыбкой и голубыми глазами. Вышло так, что дети сильно привязались к ней, стали называть мамой. Я сразу же посоветовал: «Дорогой, Владимир, ради детей вы должны быть вместе». В ответ услышал: «Буду стараться, но для этого нужно время. Буду налаживать наши отношения». Так и получилось. Через два года после моего отъезда они решились на официальный брак. Всё прошло тихо, скромно, без шумной свадьбы, и всё же разговоров, пересудов, слухов было предостаточно. Понятно, деревня-матушка...

Об этом он мне сообщил по телефону: «Альбина совершила подвиг. Она перешагнула через условности, а главное — стала настоящей матерью для мальчишек! Они её любят, любят по-детски искренне».

В то время я не мог предположить, что через четыре года после нашего телефонного разговора мы вновь встретимся, но уже в Нижневартовске. Подружились

семьями, жили в одном доме на одной площадке. Работали, растили и учили своих сыновей.

Первый рабочий день в должности секретаря Нижневартовского райкома КПСС по идеологии я начал с изучения личных дел и знакомства с работниками отдела пропаганды. Несказанно был рад, что среди них оказался В. Д. Салмин, дорогой человек, которого знал хорошо и уважал по молодости. Этим «откровением» решил поделиться с первым: «Марат Павлович, почему не предложили на роль секретаря по идеологии кандидатуру В. Д. Салмина?» Мой вопрос его «резанул», словно по живому, ибо в его голосе появилась несвойственная ему интонация. Почувствовал затаённую обиду на тех, кто его не поддержал, сказав: «В обкоме КПСС меня никто не хотел слушать, а в окружкоме не нашёл никого, кто бы мог меня поддержать».

Позже узнал, что они дружат семьями давно, ещё с Ханты-Мансийска, и он обещал В. Д. Салмину должность секретаря райкома КПСС по идеологии. Это была его кадровая «осечка». И тут началось... Он стал отыгрываться на мне, не скрывая этого. Даже после избрания секретарём, подчёркивал своё нежелание работать со мной. Это будет его роковой ошибкой, он не рассчитал свои силы и вскоре будет освобождён, после чего вернётся в свой город и будет работать в окрисполкоме.

В. Д. Салмин в то время заочно учился в Омском пединституте и как раз находился на зимней сессии. Я ждал его приезда. При встрече наговорились вдоволь. Я рассказал ему о своих впечатлениях от посёлка, о встречах со сторожилами района и о беседах с работ-

никами отдела. Поделился своими планами на ближайшее время.

Конечно же, пересказал разговор с М. П. Страховым и поведал о его отношении ко мне. Салмин выслушал меня, не задавая вопросов, и признался: «Сергей Дмитриевич, человек он своеобразный, ты на это не обращай внимание. Согласись, он меня пригласил в Нижневартовск, и у него было желание видеть меня в роли секретаря райкома партии по идеологии после ухода Н. В. Устьянцевой. Точно знаю, что в окружном он вносил это предложение, но там и тем более в обкоме КПСС не согласились, поэтому это так и осталось лишь предложением. Не могу понять одного, в чём твоя вина и почему у него такое отношение к тебе. Особенно, зная, что эту ситуацию не изменить. Думаю,



*Фото на память. После окончания первомайской демонстрации
трудящихся города. 1973 г.*

он вскоре убедится в твоих деловых качествах и сделает правильные выводы». Но этого не произошло.

Владимир Дмитриевич и Альбина Григорьевна прошли все испытания жизнью вместе. Их совместная дочь Елена родилась в Нижневартовске. Она с родителями уехала на постоянное место жительства в Тюмень. Александр и Виктор после окончания Тюменского индустриального института стали специалистами нефтяниками, работали в родном городе. У первого двое детей — Марина и Катя, у второго тоже двое — Костя и Миша.

Город Нижневартовск для Салмина стал родным. Владимир Дмитриевич более двадцати лет проработал в горкоме КПСС на должностях заведующего отделом и второго секретаря, а в Нижневартовском райисполкоме он был председателем.

Председатель Ханты-Мансийского окрисполкома А. Г. Григорьева установила порядок общения с председателями горрайисполкомов. Каждый день, в 11.00 В. Д. Салмин был у аппарата и ждал междугородний звонок. Антонина Георгиевна дотошно расспрашивала о делах в районе, о планах и т. д... К такому ежедневному отчёту В. Д. Салмин всегда серьёзно готовился: заранее раскладывал на столе всевозможные справки, сводки, списки. Отвечая на многочисленные вопросы А. Г. Григорьевой, почти никогда не заглядывал в бумаги, положение в районе он знал хорошо. Чётко и безошибочно докладывал, где, кем и что строится, сколько мест добавляется в школах, куда подведено отопление, какие объекты находятся в стадии строительства, как

участвуют шефы-нефтяники, куда и сколько израсходовано бюджетных средств и о многом, многом другом. Такой стиль руководства А. Г. Григорьевой позволял держать в напряжении председателей Советов и быть в курсе событий.

Нелегко было ему стать тюменским пенсионером. Он всю жизнь отдал Северу, где у него было три родных места: Сургут, Ханты-Мансийск и Нижневартовск.

Приехав в Тюмень, супруги Салмины стали членами землячества «Югра» и Тюменского областного общественного Фонда имени В. И. Муравленко. В. Д. Салмин вёл активную общественную работу, часто публиковал свои воспоминания в местных газетах, журналах. Вышла в свет книга очерков «Нас собрал Саянск», которая сделала Владимира Дмитриевича первым лауреатом областной премии имени В. И. Муравленко в области журналистики. Затем изданы книги «Гордость Югры», «Город на заре» и «Сибиряки».

В. Д. Салмин олицетворял собой путь патриота Тюменского Севера, начавшегося для него много лет назад в месте с символическим названием Высокий Мыс. И до конца своей жизни был верен Тюменскому краю. Память о нём в сердце, пока живу на свете.



**СИМАКОВ
АНДРЕЙ АНДРЕЕВИЧ**

ВЛАСТЬ НАРОДНАЯ

Сегодня, когда смотришь на настоящее и одновременно оцениваешь прошедшее с высоты своего возраста, то испытываешь чувство гордости, что имел счастье участвовать в событиях огромного государственного масштаба — в стройке XX века! Была поставлена задача — в короткие сроки освоить суровый тюменский край, дать родине больше нефти и газа и, в конечном итоге, создать Западно-Сибирский топливно-энергетический комплекс. Он и по сей день определяет экономику, политику и обороноспособность современной России.

В партии существовал порядок — секретарям партийных комитетов нужно было беседовать с членом КПСС при постановке или же снятии с партийного учёта. Заведующий организационным отделом Нижневартовского горкома КПСС В. А. Илькин предложил мне побеседовать с коммунистом А. А. Симаковым, прибывшим из Хотынецкого района Орловской области и нуждающимся в трудоустройстве. У нас с Виталием Александровичем существовала негласная договоренность о том, что он к секретарям приглашает членов КПСС, которых потенциально рекомендует на хозяйственную или общественную работу.

В кабинет вошёл мужчина небольшого роста, плотного телосложения, с большой, наголо выбритой головой. Выйдя ему навстречу, я поздоровался. Пожав его правую руку, обратил внимание на то, что она неловко сгибается в локтевом суставе. По внешнему виду было заметно, что мой собеседник чем-то встревожен,

показался даже несколько растерянным. Объяснилось это чуть позже, уже в Мегионе. Как-то при встрече Андрей Андреевич признался: «Подумал, что секретарь Нижневартовского горкома партии, где осваивается известный на всю страну Саяногорск, где строится современный город нефтяников, окажется более пожилым, более солидным, а тут... такой молодой. Судил так на примерах партийных комитетов на Орловщине, где секретари, как правило, были в возрасте».

Но вернёмся к нашей первой встрече. Попросил его вкратце рассказать о себе. Узнал, что А. А. Симаков после окончания курсов продавцов в городе Задонске Орловской области, а затем торгово-кооперативного техникума в городе Белев Тульской области работал продавцом, заведующим магазином, товароведом в Калужском облпотребсоюзе. И всё же, оставались некоторые вопросы к фактам его биографии.

Каким образом после окончания Петрозаводского госуниверситета А. А. Симаков оказался на партийной работе в Хотынецком РК КПСС? Начал с должности инструктора, заместителя заведующего отделом пропаганды и агитации и даже избирался секретарём райкома партии по идеологии. И вдруг, с партийной работы был освобождён по причине потери партийного билета. Всё это вызвало у меня большой интерес, хотелось подробнее узнать о судьбе неудачливого партработника, приехавшего к нам. Правда, его честное признание, чувство вины, работа в парторганах давали мне основание поверить и дать возможность проявить себя в Мегионе. В тот период я оставался «за главного» — первый секретарь В. В. Бахилов был в очередном отпуске. Посовето-

вавшись с председателем горисполкома Н. Ф. Фоменко, предложил Симакову должность председателя Мегионского поселкового Совета народных депутатов.

Рабочий посёлок Мегион в то время был «головной болью» Нижневартовского райисполкома и райкома партии, а для Андрея Андреевича станет «крепким орешком». Нижневартовск в 1972 году получил статус города, а это ещё более осложнило дела в Мегионе. Район лишился на три года местной власти. Из-за непродуманного решения окружного и областного советов Нижневартовский райисполком «самоликвидировался». Лишь только в 1975 году это «головотяпство» было устранено этими же органами. Начал функционировать Нижневартовский райисполком, председателем которого был избран В. Д. Салмин.



*Фото на память. С Альбиной Григорьевной Салминой
в Нижневартовске*

Андрей Андреевич Симаков оправдал наши надежды, вселил уверенность в мегионцев, доказав, что только совместными усилиями можно сделать посёлок благоустроенным и уютным. Он проработал в данной должности восемь нелёгких лет! Его труд был по достоинству оценен — в числе первых ему было присвоено звание «Почётный гражданин Мегиона».

Приступив к своим обязанностям, А. А. Симаков оказался в сложной ситуации. Мощности нескольких котельных в посёлке недостаточны. Зимой температура в жилых домах, школах и больнице не превышала 10–12 градусов. Отсутствовали канализационные и очистные сооружения. Речка Сайма, протекавшая по посёлку, стала сборником нечистот.



*Водитель, председатель Нижневартовского райисполкома,
председатель Ханты-Мансийской окружной Думы — Югры
В. С. Сондыков на празднике оленеводов*

Не было улиц с твёрдым покрытием, элементарного благоустройства.

Город Нижневартовск перешёл под окружное подчинение, и решением Тюменского облисполкома строительство деревянного жилья здесь было запрещено, поэтому лавина временных построек заполонила Мегион. Руководители расположенных в посёлке двух трестов, более десятка строительно-монтажных управлений, Мегионского УБР, Ватинской АТК, трёх автобаз и других организаций и контор стремились наращивать свои производственные мощности за счёт притока новых рабочих и инженерно-технических работников, порой не думая о социальных последствиях.



Фото на память. Продолжатели дела В. Д. Салмина.

Слева направо: Б. С. Хохряков и Б. А. Саломатин

Огромный поток людей хлынул в Мегион. Следом приезжали семьи. Руководители практически самоустранились от решения вопросов их жизнеобеспечения. Каждый устраивал свой быт, где только можно было: в жилвагончиках, бочках, построенных балках и даже в палатках в тайге вблизи месторождений.

Руководители главков и объединений видели эти проблемы Мегиона, но кардинальных мер не принимали. Мегионский поселковый совет остался с ними один на один. Социальная напряжённость возрастала с каждым годом.

Две школы, работали в три смены. Только у геологов имелся детсад на 140 мест. У нефтяников и строителей их не было. Прибывшие жёны с детьми вынуждены были сидеть дома, а тем, кто устраивался на работу, приходилось маленьких детей оставлять одних в балках. Самодельные обогреватели часто приводили к трагическим последствиям. Посёлок располагал двумя рабочими столовыми, которые не могли накормить всех желающих. Лечить людей и оказывать неотложную медицинскую помощь практически было негде.

В. Д. Салмин об этом времени вспоминает: «Ведомственная неразбериха, недалёковидность вышестоящих хозяйственных, партийных и советских органов предопределили Мегиону много лет находиться в жалком состоянии. Утверждённый в Миннефтепроме план застройки посёлка, рассчитанный на 10–15 тысяч человек, оставался лишь на бумаге. Посёлок расплзался ширь, и остановить его рост не могли никакие запреты».

Заказчик НГДУ «Мегионнефть» не мог изменить ситуацию в Мегионе. Основное внимание отводилось

строительству жилья, школьных и дошкольных учреждений, объектов здравоохранения, торговых предприятий в городе Нижневартовске, ежегодно меняя облик города. Мегион же ждал своего времени. Но оно пришло лишь в десятой пятилетке 1975–1980 гг.

Имея некоторый опыт общественной деятельности, Андрей Андреевич смог поднять уровень организационной работы совета и депутатов в решении вопросов жизни мегионцев. Так постепенно, шаг за шагом стал расти авторитет совета, и люди к нему потянулись со всеми своими «болячками». Совет стал решать весь комплекс жизнеобеспечения, школьного образования и дошкольного воспитания, здравоохранения, развития спорта и культурного досуга.

В посёлке появились поликлиника и пристрой к средней школе, увеличив количество мест для учащихся. Улица Строителей «оделась» в твёрдое покрытие. В старой части посёлка появился водопровод, была реконструирована электрическая сеть. По титулу нефтяников началось строительство торгового центра, двух детских садов на 420 мест, жилых домов с полным благоустройством. Эти объекты были взяты под контроль народных депутатов. При совете была создана рабочая группа, которая отслеживала весь процесс строительства. Руководители старались избегать участия в работе сессий, заседаний совета.

По просьбе А. А. Симакова мне пришлось принудить управляющего трестом «Мегионгазстрой» И. И. Тригубенко явиться на сессию Мегионского совета. Он должен был отчитаться по запросам депутатов «О сроках завершения строительства канализационных сооружений,

ввода второй станции подъёма и очистки воды, обвязки пробуренных артезианских скважин». Иван Ионович на заседании вёл себя высокомерно, показывая, что его уровень — это горисполком и горком партии. Сессия приняла решение довести до сведения руководства Главтюменнефтегаза информацию о поведении И. И. Тригубенко и факты срыва строительства этих объектов трестом «Мегионгазстрой».

В горком партии и райисполком стали поступать сигналы от мегионских руководителей, что А. А. Симakov превышает свои полномочия. Приведу несколько примеров этих, так называемых, «злоупотреблений».

Улица, ведущая на поселковое кладбище и переходящая в дорогу на вертолётную площадку геологов, была настолько разбита, что по ней можно было проехать лишь на вездеходной или гусеничной технике. Заместитель председателя совета М. М. Полищук рядом с дорогой обнаружил большую кучу щебёнки. Стал выяснять, кому она принадлежит, но хозяина не нашёл. Тогда А. А. Симakov подписывает распоряжение: данной щебёнкой засыпать разбитые участки дороги. Тут же нашёлся хозяин щебёнки — ССУ-7. Руководители направили в прокуратуру материал о хищении. Пришлось первому секретарю райкома партии В. В. Бахилову пригласить на беседу начальника и разъяснить права местной власти. Прокуратура отказала в возбуждении уголовного дела.

Второй пример. В посёлке возникла опасность стафилококковой эпидемии, а для госпитализации больных не было отдельного помещения. Андрей Андреевич поручает главному врачу участковой больницы Н. Я. Цибизовой и главному врачу СЭС Л. Д. Шеле-

пову подготовить проект постановления исполкома «О чрезвычайной обстановке и о мерах по её локализации». Они втроем объезжают объекты, готовые к сдаче. Они осматривают два смежных деревянных общежития нефтяников, которые приняты комиссией для эксплуатации и пока не заселены. Решили, что одно здание нужно использовать под специальный медицинский госпиталь. Провели срочно заседание исполкома. На основании принятого постановления Андрей Андреевич поручает Н. Я. Цибизовой в течение суток подготовить помещение для приёма больных.

Энергичная, врач высокой квалификации, к тому же умелый организатор Наталья Яковлевна в течение ночи сделала со своим небольшим коллективом всё, чтобы решение было выполнено. Утром госпиталь уже функционировал. На другой день руководители НГДУ «Мегионнефть», узнав об этом, подняли шум, который дошёл до В. И. Муравленко. Мог ли Виктор Иванович возражать против принятого советом решения? Нет, конечно.

Наталья Яковлевна нашла Виктора Ивановича в его очередной прилёт в Нижневартовск, охарактеризовала обстановку и доказала правильность принятого решения о передаче здания общежития под госпиталь. Разобравшись с эпидемиологической обстановкой в Мегионе, В. И. Муравленко поддержал поселковый Совет. Начальнику НГДУ В. А. Абазарову приказал передать общежитие на баланс участковой больницы. Своё решение ему объяснил так: «Поймите, лечить-то будут наших людей. Мы пока не построили больничный комплекс в Мегионе. Прошу, займитесь с Г. М. Кукуевским быстрейшим его вводом. Тогда и не будут воз-

никать подобные чрезвычайные ситуации». Этот совет послужил хорошим стимулом по ускорению строительных работ на больничном комплексе, который более двух лет «вымучивал» трест «Мегионгазстрой».

Третий пример. В один из своих приездов в Мегион вместе со вторым секретарём Ханты-Мансийского окружкома партии Владимиром Михайловичем Смальковым, выслушал жалобы генерального директора В. А. Гаврикова на то, что А. А. Симаков предъявляет высокие требования к приёму жилья и объектов соцкультбыта, построенных собственными силами экспедиции. Дело дошло до того, что хоть сворачивай бурение. В. М. Смальков ответил: «Валентин Андреевич, впервые слышу от такого большого руководителя жалобы на местную власть, негоже. Считаю, что в Мегионе власть на высоте, и мы обязаны её поддержать». После этой встречи конфликт нарастал. При сдаче двенадцатиквартирного дома госкомиссия Мегионского Совета не приняла его в эксплуатацию из-за больших недоделок. Но В. А. Гавриков распорядился его заселить. Административная комиссия Совета наложила на него штраф в размере месячного оклада и обратилась к прокурору с требованием отменить неправомерно принятое решение.

Помню и очередное посещение экспедиции мною совместно с первым заместителем министра геологии СССР Ю. Г. Эрвье и начальником Главтюменьгеологии Ф. К. Салмановым. А. В. Гавриков опять высказал недовольство действиями А. А. Симакова. Юрий Георгиевич выслушал Гаврикова и ответил: «Считаю, что власти правильно делают. Вам, Гавриков, следует повысить требовательность к строителям, к качеству выполняе-

мых работ, тогда не будут возникать подобные вопросы. В этом доме будут жить геологи, а они заслужили лучших условий. Давно ушло то время, когда мы жили в палатках, вагончиках и прочих временках». После отъезда Ю. Г. Эрвье и Ф. К. Салманова пришлось объясниться с Гавриковым в присутствии А. А. Симакова. Валентин Андреевич до самого отъезда на более высокую должность в Новосибирск так и не изменил своего негативного отношения к Мегионскому совету и его председателю.

По мере наращивания добычи нефти НГДУ «Мегионнефть» в посёлке с каждым годом увеличивалось количество предприятий и организаций. Росла и численность населения. По состоянию на 1 января 1973 года в Мегионе проживало свыше 100 тысяч жителей. Поселковый совет и райисполком предложили Главтюменнефтегазу, чтобы НГДУ «Мегионнефть» было единственным генеральным заказчиком. Наш вопрос долго не решался. Позднее министр Н. А. Мальцев был вынужден это сделать. До этого поселковый совет обязан был распределять между геологами и нефтяниками строительство инженерных коммуникаций и работы по благоустройству, потребность в которых была постоянной.

Реализация принятых советом мер наталкивалась на сопротивление руководителей — «временщиков», но всё же под контролем А. А. Симакова и депутатов они выполнялись.

Жители Мегиона испытывали большие неудобства из-за отсутствия канализации и очистных сооружений. Андрей Андреевич на свой страх и риск решился на отчаянный шаг — обнажить сложившуюся острейшую

ситуацию, показать её такой, как она есть. Не поставив в известность горком партии и райисполком и не подводя при этом нас под удар, он напрямую обращается в ЦК КПСС, Советы Министров СССР и РСФСР, Миннефтепром РСФСР, газеты «Правда» и «Известия». Мне объяснил свой поступок так: «Над изложением письма работал три дня. Факты и предложения разместились на 17 страницах. Письмо редактировали коллективно. Под ним подписались все народные депутаты поселкового, окружного и областного советов, проживающие в Мегионе. Перед отправкой письма адресатам был у председателя райисполкома В. Д. Салмина, который отказался поставить свою фамилию, сказав: «Андрей Андреевич, это будет мне приговор. Меня там... не поймут... И всё-таки отправляйте».

Ждать ответной реакции долго не пришлось, она последовала незамедлительно. Прилетела комиссия в количестве 15 человек, возглавляемая заместителем председателя Тюменского облисполкома Юрием Михайловичем Рогачёвым. Комиссия работала две недели. По итогам её работы состоялось совещание, которое открыл первый секретарь Ханты-Мансийского окружкома КПСС В. В. Бахиллов, пояснив суть встречи. Ю. М. Рогачёв подвёл итоги работы комиссии: «Изложенные факты в письме рассмотрены. Они имеют место. Дальше так жить Мегиону нельзя. Надо принимать кардинальные меры. Предложение Совета о едином заказчике следует поддержать, а Миннефтепрому СССР и Мингеологии СССР выделить для этого средства. Силами строительных организаций района ускорить сдачу названных Советом объектов».

Предложения по строительству двадцати восьми объектов, согласованных с В. И. Муравленко и Ю. Г. Эрвье, легли в основу мероприятий, утверждённых совместным решением обкома КПСС и облисполкома. Мегионский Совет создал постоянно действующий штаб, которым руководил А. А. Симаков.

Реализация утверждённых мероприятий проходила в «боях» с некоторыми руководителями, которые чинили препятствия. О своей деятельности А. А. Симаков вспоминает: «Это был самый лучший период работы в Мегионе — время созидания! Мы научились конкретно помогать строителям, прибегая к помощи не только взрослого населения, но и школьников, бойцов студенческих строительных отрядов. Мы с пониманием относились к нуждам строителей, которых значительно прибавилось в Мегионе. В течение пяти лет весь комплекс утвержденных мероприятий был выполнен».

18 августа 1980 года жителям города предстояло избрать первый состав Мегионского городского совета народных депутатов. Выступая на первой сессии, Андрей Андреевич сказал: «Нам сегодня предстоит избрать первый состав членов исполкома и первого председателя горисполкома. Им должен быть молодой, энергичный и уважаемый человек. Предлагаю кандидатуру Юрия Семёновича Ярошенко. Прошу поддержать».

Ю. С. Ярошенко был избран единогласно. А. А. Симаков был утверждён секретарём горисполкома. Он до самых последних дней своей жизни помогал Ю. С. Ярошенко, активно участвовал в жизни Мегиона. К сожалению, они оба один за другим рано ушли из жизни и рядом покоятся на городском кладбище. Вечная память!



ТИМОФЕЕВ
ВИКТОР КОНСТАНТИНОВИЧ

КОМСОМОЛЕЦ-ДОБРОВОЛЕЦ

В течение семи лет я избирался членом бюро обкома ВЛКСМ, поэтому многих комсомольских активистов, работников райкомов и горкомов ВЛКСМ хорошо знал, мог оценить их активность, организаторские способности и стремление быть настоящими лидерами молодёжи.

С Виктором Тимофеевым познакомился в 1967 году, когда он был приглашён сначала на должность инструктора, а потом и заведующего кабинетом комсомольской работы Тюменского обкома ВЛКСМ. Должен отметить в этом роль первого секретаря Г. И. Шмаля, который смело привлекал на работу в аппарат авторитетных ребят и девочек, прошедших хорошую школу комсомола.

Виктор Тимофеев до прихода в обком ВЛКСМ уже имел достойный опыт работы на уровне первого звена. Сами посудите. Он трудился рабочим и как комсомолец не мог быть в стороне. Он выделялся среди сверстников. Избирался секретарём комсомольской организации совхоза «Прогресс» Омутинского района, затем работал заведующим орготделом и в 1966 году избирался вторым секретарём Заводоуковского райкома ВЛКСМ. Этот парень был замечен по своим делам в районе, много проводил различных мероприятий, был в круговороте жизни, бурлящей в агропромышленном секторе экономики района и области.

В обкоме ВЛКСМ Тимофеев не отсиживался в тиши кабинета. Увлечённый и преданный комсомолу, он принимал активное участие в проводимых област-

ных массовых мероприятиях. Штатных работников было немного, отсюда серьёзная нагрузка на каждого, со временем не считались, работали по-ударному.

Шла большая битва за нефть. Область была объявлена всесоюзной ударной комсомольской стройкой. Строительство железных дорог Тюмень-Сургут и Тавда-Сотник, новых городов и посёлков на севере области, аэропортов и автодорог шло колоссальными темпами. Под руководством обкома ВЛКСМ постоянно проводились совещания молодых строителей и нефтяников с участием тюменских главков, конференции молодых учёных и специалистов, слёты лучших по профессии молодых животноводов, пионеров, молодых геологов и нефтяников. При вузах организовывались студенческие конференции по проблемам общественных наук, истории ВЛКСМ и молодёжного движения. Большой популярностью пользовались областной фестиваль художественной самодеятельности, агитпоходы, спортивные соревнования старшеклассников, посвящённые Всемирному фестивалю молодёжи и студентов, который состоялся в 1968 году в Болгарии.

Это далеко не полный перечень значимых мероприятий областной комсомольской организации, которая была всё время в поиске новых направлений в деятельности райкомов и горкомов ВЛКСМ. Цель одна — как можно больше реализовать интересы различных категорий молодёжи, привлечь конкретными делами, особенно в новых районах освоения недр Югры. Виктор Тимофеев по натуре был парнем активным, думающим, никогда не пасовал перед трудностями. Он не принимал легковесных решений, пока не убеждался, что это не только его личное мнение,

а плод раздумий многих соратников. Север требовал притока молодёжи.

Обком ВЛКСМ, штаб ударной стройки направляли большое количество молодых специалистов, демобилизованных солдат, студотрядов для пополнения новых предприятий и организаций, участвовавших в великом деле на севере Тюменской области.

В марте 1967 года Виктор Константинович приехал в Нижневартовск помочь райкому комсомола с обменом комсомольских документов. Ему хотелось обстоятельно вникнуть в условия жизни молодёжи. Он встретился с первым начальником НПУ «Мегион-нефть» Борисом Ивановичем Осиповым, который обратил внимание Виктора на проблемы Нижневартовска, сказав: «Большая ставка на комсомол и молодёжь — они



*С любимой женой Анной Дмитриевной
в рабочем посёлке Нижневартовский. 1967 г.*

должны стать опорой в делах нефтяников. У комсомола молодость, желание быть в авангарде развития нефтяной промышленности, в обустройстве нефтепромыслов, строительстве нового города нефтяников. Давайте нам больше молодых рабочих кадров. Мы их примем, устроим на работу, дадим жильё». Запомнились эти слова, поскольку они выражали суть комсомольского движения в области, означали доверие к молодёжи в большом государственном деле.

По возвращении в Тюмень Виктор пришёл на работу и начал свой день с кабинета первого секретаря обкома ВЛКСМ Г. И. Шмаля, обратившись к нему с просьбой отпустить его и выдать комсомольскую путёвку для работы в Нижневартовском районе. Был получен совет: «Наберись опыта работы в обкоме ВЛКСМ. Мы готовим



*На отчётно-выборной городской комсомольской конференции.
Председательствующий В. К. Тимофеев*

кадры для избрания их секретарями в райкомах и горкомах ВЛКСМ в автономных округах. Надо подождать».

Генадий Шмаль своё слово сдержал, отпустил через год. В марте 1969 года Виктор Константинович был рекомендован для избрания первым секретарём Нижневартовского райкома ВЛКСМ.

На состоявшемся пленуме его избрали, и он с головой окунулся в комсомольские и молодёжные дела. Начал с проведения районной научно-технической конференции молодых специалистов.

В Нижневартовск пригласил организаторов областных конференций во главе с неугомонным председателем областного Совета молодых учёных Григорием Острым. Конференция удалась, гости дали высокую оценку докладам молодых специалистов



*С отчётным докладом выступает первый секретарь
Нижневартовского райкома ВЛКСМ В. К. Тимофеев*

геологов, геофизиков, нефтяников и строителей. Многие из них получили грамоты, подарки, путёвки для участия в областных конференциях.

На очередном пленуме обкома ВЛКСМ Виктор Тимофеев уже в роли первого секретаря РК ВЛКСМ поднимал вопрос о создании полноценных штабов ударных комсомольских строек на Самотлоре и в Нижневартовске. Обком комсомола и штаб ЦК ВЛКСМ в Тюменской области разработал Устав таких штабов. Не дожидаясь этого, Нижневартовский райком ВЛКСМ сформировал свой штаб из руководителей комсомольско-молодёжных коллективов во главе с инициативным инженером Кайманом Замалетдиновым. Через год его изберут вторым секретарём райкома комсомола.

В августе 1969 года в Нижневартовск прибыли секретарь ЦК ВЛКСМ Евгений Михайлович Тяжельников, лётчик-космонавт СССР Борис Воынов и чемпион мира по боксу Валерий Попенченко. Их сопровождали первые секретари обкома КПСС и обкома ВЛКСМ Б. Е. Щербина и Г. И. Шмаль. Они побывали на Самотлоре в буровой бригаде мастера Степана Повха, который в своё время пробурил первую эксплуатационную скважину. Вернувшись в Нижневартовск, в клубе нефтяников перед комсомольцами и молодёжью выступили Е. М. Тяжельников и Б. Е. Щербина.

Данная авторитетная делегация во главе с Е. М. Тяжельниковым посетила нефтяные районы Сургута, Нефтеюганска и город геологов Горноправдинск. Вернувшись в Тюмень, они приняли участие в областном собрании комсомольского актива. На нём я встретился с Виктором Тимофеевым, которого про-

информировал о том, что скоро будем работать вместе. Меня направляет обком КПСС для избрания секретарём райкома КПСС по идеологии. Виктор почему-то промолчал и не сказал, что в райкоме КПСС заведующим отделом пропаганды работает В. Д. Салмин. Позднее я узнал, почему он промолчал...

Осенью состоялась очередная отчётно-выборная районная комсомольская конференция, на которой Виктор Тимофеев был избран первым секретарём. В работе конференции участвовали и выступили первый секретарь обкома КПСС Геннадий Шмаль и первый секретарь обкома КПСС Марат Страхов. На заседании избранного райкома КПСС выступил первый секретарь обкома КПСС Б. Е. Щербина. В своей яркой речи он сказал: «Партия возлагает большие надежды на молодёжь —



Участие комсомольских активистов и В. К. Тимофеева в новостной передаче Нижневартковского телевидения

она наша смена. Мы рады этому трудовому энтузиазму, с которым сегодня юноши и девушки осваивают богатства области. Мы рады, что во всех точках приложения их сил, как правило, создаются и хорошо работают комсомольско-молодёжные коллективы геологов, нефтяников и строителей. Не всё благополучно в работе районной партийной организации по руководству комсомолом и воспитанию молодёжи. От выступления первого секретаря райкома комсомола Виктора Тимофеева ожидал большего. Вам дали слово не только для того, чтобы доложить о делах комсомола, но и чтобы ты как молодой коммунист, вожак молодёжи без обиняков, остро высказал районному партийному активу наболевшее, напрямую обратился к секретарям первичных партийных организаций, где недостаточно занимаются воспитанием молодёжи, равнодушны к их проблемам.



Встреча с одноклассниками в городе Ялutorовске. 2013 г.

Надо быть смелее и настойчивее в решении поставленных задач, ибо только сообща их можно решить».

Когда меня избрали секретарём райкома партии по идеологии, в первый же день работы пригласил В. Д. Салмина и В. К. Тимофеева. Последнему сказал, что мы с В. Д. Салминым будем помогать райкому ВЛКСМ во всех начинаниях, в усилении роли и авторитета его работников, от которых напрямую зависит принципиальность и настойчивость в выполнении своих решений.

Сошлюсь на один пример. В летний период 1971 года по инициативе райкома ВЛКСМ и районного штаба с участием студенческих стройотрядов, которые высадились в Нижневартовске, впервые организовали два пионерских лагеря, расположив их между Нижневартовском и Мегионом на берегу реки Нега. Этому предшествовала большая подготовительная работа, в которой была велика роль В. К. Тимофеева и К. С. Замалетдинова. У нефтяников получили палатки, кухонное оборудование и посуду. В магазинах Тюмени приобрели пионерскую атрибутику, музыкальные инструменты, спортивный инвентарь. Для всего этого были использованы привлечённые средства. ОРС нефтяников взял на себя обязательство организовать трёхразовое питание детей. Студенты выделили из своей среды вожатых, воспитателей, медиков, инструкторов по спорту и художественной самодеятельности. Завезли местных детей, торжественно открыли лагерь. Всё шло хорошо.

В один из дней шофёр грузовика, возивший продукты из ОРСа, в прямом смысле слова ворвался

в райком комсомола и на повышенных тонах обратился к Виктору Тимофееву: «Идите, посмотрите, что сделали с машиной! Фары и решётка радиатора разбиты. Как мне быть дальше?» Тимофеев спрашивает: «Кто это сделал? Назовите его фамилию». Им оказался начальник СУ-909 Ю. Г. Шереметьев, который своей тростью учинил расправу над машиной. Лично стал разбираться с этим случаем.

Да, коллектив СУ-909 возводил насыпь нового дорожного покрытия между Мегионом и Нижневартовском. Проезд закрыли. Учитывая это обстоятельство, Виктор Тимофеев лично договорился с главным инженером СУ-909, что в порядке исключения будут пропускать эту машину, которая была закреплена за лагерями. Об этом Ю. Г. Шереметьеву никто не доложил, и он испортил автомобиль своим излюбленным методом, как делал это со всеми, кто нарушал установленные знаки, ограничивавшие использование дорог в связи со строительными работами.

Виктор Тимофеев побежал к первому секретарю райкома партии В. В. Бахиллову пожаловаться на поведение начальника СУ-909 Ю. Г. Шереметьева. Василий Васильевич внимательно выслушал и порекомендовал: «Виктор, я тебе поручаю встретиться с Шереметьевым и уладить дело. Ты вожак молодёжи, укрепляй авторитет комсомольского органа. Если не получится, обратиться к С. Д. Великопольскому или В. Д. Салмину. Понял? Давай, действуй».

Вернувшись в райком ВЛКСМ, В. К. Тимофеев позвонил Ю. Г. Шереметьеву и пригласил встретиться. Тот на повышенных тонах: «Кто ты такой, чтобы меня

вызывать к себе? Не приеду». Виктор спокойно ответил: «Юрий Григорьевич, приезжайте и будем решать ситуацию с автомобилем, возникшую по вашей вине».

Начальник СУ-909 приехал, но не в райком комсомола, а в райком партии. В. В. Бахиллов его не принял и поручил заведующему орготделом Виталию Илькину сопроводить его к Виктору Тимофееву. При этом В. В. Бахиллов объяснил Ю. Г. Шереметьеву, что его приглашал первый секретарь райкома комсомола. Шереметьев возмутился, но вынужден был пойти на встречу с В. К. Тимофеевым и с порога снова занял агрессивную позицию: «Кто ты такой, чтобы...» В ответ услышал спокойные и твёрдые слова: «Я член бюро райкома партии. Мне поручено потребовать от вас одно — восстановить



Фото на память. С последующими первыми секретарями Нижневартовского горкома ВЛКСМ А. А. Рыбаловым и В. П. Швецовым

разбитый автомобиль, который обслуживает пионерские лагеря. Если вы этого не сделаете, то вами займутся административные органы района. Ваше поведение станет известным в городе и районе, и то, как вы относитесь к комсомолу и детям. Решайте срочно».

Гонор Ю. Г. Шереметьева остыл. Куда делось его «величие»? Уже другим тоном сказал: «Я понял. Приму меры по восстановлению машины, а сейчас выделю автомобиль за счёт предприятия».

Подобные случаи происходили по причине невежества некоторых ретивых руководителей, которые, будучи вызванными в райком КПСС, предпочитали встречаться только с первым секретарём, а в райисполкоме — с председателем. Но постепенно таких «ретивых» становилось всё меньше, а авторитет партийных, советских и комсомольских органов региона с каждым



Есть что вспомнить в комсомольской работе...

годом повышался. С ними считались, не деля на персоны и ранги по должностям.

Начатое хорошее дело по организации отдыха детей продолжалось, ежегодно лагеря посещали до 200 ребятшек. К ребятам приезжали секретари райкома партии, работники райсовета, руководители предприятий. Это были интересные встречи с детьми, а они, в свою очередь, выступали перед ними с концертными номерами. Читали стихи, показывали мастерство в спорте.

В канун 100-летия со дня рождения В. И. Ленина райком ВЛКСМ провёл первый районный слёт молодых передовиков производства, а в День Победы в посёлке устроили факельное шествие, в котором участвовали ветераны войны. На площади перед ДК «Юбилейный» состоялся большой концерт. Это яркое, красочное зрелище всколыхнуло жителей. После окончания митинга и концерта долго не расходились, молодёжь танцевала. В этом празднике участвовал поэт Роберт Рождественский, приглашённый райкомом комсомола и штабом стройки. По просьбе комсомольцев он написал стихи, а композитор Арно Бабаджанян — музыку. И родилась песня «Приезжай на Саяны», которая часто звучала по радио и телевидению, доносилась из окон общежитий.

ЦК ВЛКСМ направлял в Нижневартовск многочисленные творческие коллективы, группы писателей и поэтов, композиторов, певцов, космонавтов, олимпийских чемпионов. На Саянах побывали Иосиф Кобзон, Лев Лещенко, Юлия Друнина, Виктор Боков, Ян Френкель, Людмила Татьяничева, Маргарита Агашина, Зураб Соткилава, лётчик-космонавт СССР Пётр Климук

и многие другие. Молодёжь в клубах, красных уголках общежитий и нефтепромыслов, на стройплощадках и в культбудках на буровых слушала их, общалась с ними.

Много внимания уделяли жизни и труду молодёжи на всесоюзной комсомольской стройке центральные и областные газеты, в частности, «Комсомольская правда» и «Тюменский комсомолец». Приехал главный редактор «Комсомолки» Борис Панкин. Побывав на Самотлоре, на стройках, на буровых установках, он сказал: «Вы счастливые ребята, вам повезло решать такие грандиозные задачи, быть на переднем рубеже битвы за большую нефть. Я бы сравнил ваш подвиг с солдатским подвигом в годы Великой Отечественной войны и с подвигом целинников».

Вечером Виктор Тимофеев поделился с московским гостем своим замыслом: в честь 50-летия СССР пробурить на Самотлоре скважину «Дружба». Пусть буровики из разных регионов страны вместе поработают, обменяются опытом. Идея понравилась. В декабре 1972 года приехали проходчики недр из Азербайджана, Украины, Белоруссии, Туркмении, Татарии, Башкирии, Куйбышевской и Томской областей. Жили в вагончиках на буровой, скважину с ускорением пробурили в бригаде бурового мастера Виктора Васильевича Китаева.

Много лет отдано В. К. Тимофеевым развитию нефтегазового комплекса Западной Сибири, обустройству Севера. Он занимал ответственные должности в комсомоле, в партийных и хозяйственных органах. Всегда был внимательным к людям, справедливым, добросовестным, способным администратором, пото-

му что хорошо знал специфику производства, характеры людей, жил их проблемами, и люди относились к нему с искренним уважением.

Уйдя на заслуженный отдых, Виктор Константинович с женой Анной Дмитриевной переехали в город Ялуторовск. Его неуёмный характер не позволил сидеть дома. Виктор вступил в состав Ялуторовского и Нижневартовского землячеств и сразу включился в деятельность ветеранского сообщества. Под его руководством оформляется альбом о деятельности местного землячества. Он готовил сценарий празднования 100-летнего юбилея ВЛКСМ, участвовал в мероприятии факультета «Краеведение и туризм» университета старшего поколения. Вместе с женой Анной Дмитриевной активно участвовал в работе Фонда имени В. И. Муравленко.

Сохраняя верность комсомолу, В. К. Тимофеев до конца своей жизни оставался молодым, энергичным, активным, общительным. Они с женой пользовались в городе Ялуторовске, среди друзей и коллег, заслуженным авторитетом.



**ТОЛСТОЛЫТКИН
ИГОРЬ ПЕТРОВИЧ**

ВГЛУБЬ СМОТРЯЩИЙ

На первом семинаре, который я проводил с идеологическим активом Нижневартовского района, произошла встреча с И. П. Толстолыткиным. Для меня она оказалась приятной. Подумалось: «В городе есть ещё один человек, на которого можно положиться и быть уверенным в реальной поддержке».

Игорь Петрович работал главным инженером в Мегионской промыслово-геофизической конторе. Вообще-то я был с ним знаком ещё в Тюмени. Он тогда руководил геологической службой в только что созданном тресте «Тюменнефтегеофизика», а я возглавлял городскую комсомольскую организацию.

Игорь Петрович стоял у истоков организации геофизической службы Главтюменнефтегаза. В 1961 году в Тюмень из Башкирии была переведена Уральская геофизическая экспедиция в составе трёх сейсмических и одной гравимагнитной партии. И. П. Толстолыткин вместе с главным геологом Главтюменнефтегаза Ю. Б. Фаином определили и обосновали места проведения сейсморазведки. Этой инициативе при регистрации воспрепятствовало Тюменское геологическое управление. Трижды приходилось предлагать варианты, но геологи решили «не пущать» нефтяников. Пришлось обратиться к первому секретарю обкома КПСС Б. Е. Щербине, который выслушал управляющего и главного геолога треста «Тюменнефтегеофизика» В. С. Мансурова и И. П. Толстолыткина, после чего сказал: «Если у вас есть не три, а сотня сейсмических партий, то приглашайте всех в Тюмень».

После этой встречи вопрос был снят. Под руководством талантливых руководителей геологов Ю. И. Шаевского, Ю. Б. Фаина, В. С. Мансурова на базе треста выросла мощнейшая по мировым стандартам геофизическая организация.

Участвуя в областных научно-технических конференциях молодых ученых и специалистов, которые ежегодно проводились Тюменским обкомом ВЛКСМ под руководством первого секретаря Геннадия Иосифовича Шмаля, мы с Игорем Петровичем подружились. Игорь был не только одним из организаторов, но и активным участником конференций. Он в числе первых в 1970 году защитил учёную степень кандидата наук, был избран в состав областного Совета молодых учёных и специалистов.

Как геолог он не только слышал зов большой тюменской нефти, но и прекрасно понимал, как непросто заставить древнюю Югорскую землю расстаться с сокровищами. В. И. Муравленко и Ю. Б. Фаин предложили Игорю Петровичу должность главного инженера Мегионской промыслово-геофизической конторы. Это предложение он расценил как большое доверие, ибо знал, что начался нефтяной марафон Самотлора.

Почти за семь лет работы на Севере Игорь, безусловно, возмужал. И тем не менее, передо мной стоял почти тот же тюменский Толстолыткин — высокий, стройный, симпатичный мужчина. Всё те же правильные черты красивого лица, чёрная смоль волос с хорошо уложенной причёской, тот же широкий открытый лоб, сосредоточенные глаза, обворожительная улыбка с белой молнией зубов. Он всегда отличался интеллигентно-

стью и эрудицией. Был по-юношески необыкновенно энергичен, увлечен геофизикой. И все же по внешнему виду, по манере держаться было заметно, что это уже состоявшийся руководитель, знающий себе цену, умеющий понимать людей и ладить с ними, а главное — зажигать их своими идеями.

В развитии геофизики в Нижневартовске Толстолыткин делал ставку на молодых специалистов. Он был первым председателем молодых специалистов при горкоме ВЛКСМ, организовывал ежегодные конференции молодых учёных и специалистов района. Постоянным председателем конференций на протяжении многих лет был главный геолог НГДУ «Мегионнефть», а затем и объединения «Нижневартовскнефтегаз» Владимир Уриелевич Литваков. Он чётко вёл заседания, умело



*Учитель, наставник И. П. Толстолыткина — В. И. Муравленко
всегда внимательно рассматривал проблемы развития
промыслово-геофизической службы Главтюменнефтегаза*

направляя выступающих к полному логическому изложению результатов своих работ. Эти конференции для многих специалистов стали началом большого творческого пути. Так, Валерий Зайнулович Гарипов стал кандидатом технических наук, заместителем министра Минтопэнерго Российской Федерации. Ревал Нурлыгалянович Мухамедзянов тоже стал кандидатом наук, а потом вице-президентом нефтяной компании «Славнефть». Докторами наук стали лауреаты конференции Эдуард Евгеньевич Лукьянов и Николай Яковлевич Медведев, который в настоящее время является главным геологом нефтяной компании «Сургутнефтегаз».

Мегионская геофизическая контора ежегодно пополнялась большим отрядом молодых специали-



Под руководством главного инженера Мегионской конторы И. П. Толстолыткина геофизики расшифровывают загадки нефтяных недр Нижневартовского района

стов из Тюмени, Томска, Свердловска и Москвы. В 1971 году прибыли сразу 20 специалистов с семьями. Куда их селить? Игорем Петровичем был найден оригинальный выход. Во время очередного приезда в Нижневартовск В. И. Муравленко он договорился о встрече с Виктором Ивановичем молодых специалистов. Несмотря на тяжелейшее положение в городе, Виктор Иванович не отказал в просьбе. Все специалисты получили, хотя и с подселением, новое благоустроенное жильё.

На благодатной нижевартовской земле и в творческой атмосфере в коллективе геофизической конторы специалисты быстро набирались знаний, опыта, росли их квалификация и должности. Это была настоящая школа геофизиков, из которой вышли восемь генеральных директоров, девять главных инженеров и главных геологов крупнейших объединений и предприятий геофизики России!

Игорь Петрович принимал непосредственное участие в освоении Самотлорского, Мегионского, Ватинского, Варьеганского, Аганского и других месторождений района. В Сургутском районе — Усть-Балыкского, Западно-Сургутского и Фёдоровского месторождений. Он организовывал и руководил работами по контролю над разработкой нефтяных месторождений Западной Сибири, по внедрению новых геофизических методов. Игорь Петрович — автор рациональных комплексов исследования скважин. Был одним из инициаторов и руководителей постановки и проведения сейсморазведочных работ на Угутской, Западно-Угутской, Средне-Угутской, Асомкинской,

Мыхпайской площадях, где впоследствии были открыты нефтяные месторождения. Он руководил разработкой новых направлений в геофизике — детальной промысловой сейсморазведки.

И. П. Толстолыткину присуждена премия академика М. И. Губкина, звания «Почётный нефтяник Тюменской области», «Заслуженный работник нефтедобывающей промышленности Ханты-Мансийского автономного округа». В 1998 году он избран членом-корреспондентом Российской академии естественных наук.

...В небольшом городке Дмитриев, что на севере Курской области, в семье потомственных железнодорожников 3 сентября 1934 года родился мальчик, которого нарекли Игорем. В семье Толстолыткиных было трое мальчишек. Война не обошла семью. Отец Пётр Фёдорович в первые дни войны ушёл на фронт, но когда фашистов погнали обратно в 1943 году, его вернули на прежнюю работу — машинистом. Это тоже была передовая линия фронта. Мать осталась с тремя детьми. Когда Игорю исполнилось семь лет, городок оказался в глубоком тылу немецко-фашистских захватчиков. Мальчишка познал все тяготы нелёгкого военного времени, голод и холод, был очевидцем, как оккупантов, «носителей нового порядка», каждый день свозили из окрестных сёл и деревень, где они нашли бесславный конец на чужой земле. Партизаны ни днём, ни ночью не давали покоя врагу.

В юном возрасте Игорь был свидетелем казни юной партизанки. Об этом мне поведал в День Победы 9 мая 1974 года при закладке камня под будущий памятник погибшим в годы войны нижевартовцам. Он рассказывал: «Шёл июнь 1942 года. Всех жителей города

Дмитриева согнали на базарную площадь. Безоблачный летний день так не вязался с мрачной виселицей и хмурыми лицами людей. Девочка Вера шла, окружённая автоматчиками, с гордо поднятой головой. На груди висела дощечка с надписью «партизан». Веру поставили на табурет. Палач накинул ей на шею петлю. Она воскликнула: «Товарищи! Не надо плакать, не верьте фашистам, Красная Армия не разбита, наши придут...» Удар сапога выбил табурет. День померк, хотя ярко светило солнце. После освобождения нашего города в 1943 году Вера Терещенко с воинскими почестями была захоронена в братской могиле в городском парке. То, что мне пришлось увидеть, навсегда вошло в мою жизнь как образец мужества, стойкости, бесстрашия и бесконечной преданности Родине».



*Первопроходцы, ветераны нефтегазового строительства
Нижневартовского района у монумента «Покорителям Самоулора»*

После школы, в 1951 году, Игорь Петрович поступил в Московский нефтяной институт имени академика М. И. Губкина, который окончил в 1956 году по специальности «горный инженер-геофизик».

В 1954 году начал трудовую деятельность рабочим каротажной партии Туркменской геофизической конторы в городе Небит-Даге. С 1956 по 1960 годы работал в геофизических организациях Белоруссии и Украины, принимал участие в проведении поисков нефти на Припятском грабене, которые завершились открытием месторождений. Участвовал в разведке Глебовского, Джанкойского, Стрелковского и Задорненского нефтегазовых месторождений Степного Крыма.



*Нелёгкий труд геофизика.
Возвращение с полевых работ*



*Друзья.
Слева направо: Ким Ден У,
П. С. Репин, А. А. Галимов*

В день отправки первой мегионской нефти, 29 мая 1964 года, постановлением Средне-Уральского совнархоза была образована промыслово-геофизическая контора в Нижневартовске. Фактически временем зарождения коллектива геофизиков следует считать октябрь 1964 года — момент прибытия в Мегион первого директора конторы Виктора Нуриевича Латыпова, главного инженера Ирика Габдуловича Нигматзянова и главного геолога Бориса Султановича Акбашева. Особая роль в становлении геофизики в районе по праву принадлежит И. Г. Нигматзянову. Он первым организовал проведение геофизических работ на эксплуатационных скважинах Мегионского, Ватинского и Самотлорского месторождений.

В биографии конторы чётко просматриваются два периода: организация и становление (до 1969 года) и активная работа после ввода в строй Самотлорского месторождения. Это было время всё возрастающих объёмов работ, перевооружения геофизических партий более производительной аппаратурой, профессионального роста работников.

Мегионская контора вскоре стала самым крупным промыслово-геофизическим предприятием не только в Западной Сибири, но и в Союзе, в целом, исследующим скважины пяти управлений буровых работ и двух нефтегазодобывающих управлений, занятых на освоении месторождений Нижневартовского свода.

До Тюмени геофизическая контора, как правило, обслуживала лишь одно УБР и НГДУ. В Сибири надо было менять укоренившуюся схему управления. В 1973 году Мегионская контора произвела работ на сумму более 5 миллионов рублей. Такие объёмы были далеко

не у каждого геофизического треста страны, имеющего в своём составе несколько геофизических контор. Контора всего лишь третьей категории обслуживала свыше восьмисот тысяч метров проходки. И это был ещё не самый пик буровых работ. Для выполнения таких объёмов геофизикам много чего не хватало. Достигнутый объём геофизических работ вступил в явное противоречие с организацией производства. Нужно было по ходу менять существующую структуру управления, что приходилось доказывать в высших инстанциях — министерствах, институтах.

Но вернёмся к 1964–1965 годам, когда коллектив геофизиков преодолевал невероятные трудности. Перегон техники из Тюмени по зимнику длился две-три недели, тогда как исследование одной мегийонской скважины длилось 5–7 дней. В 1965 году сильным паводком вся геофизическая техника и аппаратура на буровых была затоплена. В этих ужасных условиях геофизические работы продолжались.

Какие же трудности надо было преодолеть коллективу в этих обстоятельствах! И при этом велась работа по обустройству собственными силами быта, производственной базы. Много времени и сил занимало комплектование новыми кадрами из числа молодых специалистов, прибывавших из нефтяных вузов Москвы, Грозного, Куйбышева и Башкирии, а с 1969 года поехали первые выпускники Тюменского индустриального института.

Начальный период был характерен внедрением новых методов, поиском оптимальных путей развития геофизики, использования отечественного и зарубеж-

ного опыта, применения его в конкретных условиях Тюменского Севера.

Большую помощь в становлении геофизики в Нижневартовске оказывали московские и тюменские специалисты: начальник Главнефтегеофизики Н. А. Севастьянов, управляющий трестом «Тюменнефтегеофизика» В. С. Мансуров, начальник управления «Запсибнефтегеофизика» И. М. Довгополюк, главный инженер А. Я. Лузин, главный геолог Б. М. Бикбулатов, начальник геологического отдела И. П. Толстолыткин, начальник отдела промысловой геофизики Г. А. Кистрин, которые часто по долгу службы бывали на Севере.

Становлению коллектива способствовало взаимопонимание и слаженность в работе директора А. И. Кузьмина и главного инженера И. П. Толстолыт-



А. Н. Косыгин заслушивает рапорт о работе смены начальника КСП на Самотлоре

кина. Они вместе начинали работать в Урае, часто общались в Нефтеюганске и Тюмени. Игорю Петровичу удалось уговорить Анатолия Ивановича поработать вместе и в Нижневартовске. Он располагал солидным опытом работы инженера-геофизика в Туркмении, Татарии. Будучи директором Усть-Балыкской геофизической конторы, также начинал с нуля. Анатолий Иванович особенно полно раскрыл свои организаторские способности и инженерное дарование именно в Нижневартовске.

Роль этих руководителей заключалась в том, что они пошли по пути специализации производства, что дало наибольшую производительность труда. Партии были нацелены на выполнение определенного вида работ:



Б. Е. Щербина заслушивает информацию о Сомотлорских делах двух начальников Тюменских главков Ф. Г. Аржанова и В. Г. Чирскова

электрокаротажа, радиоактивного каротажа, инклинометрии, перфорации и исследований действующих скважин. Эти меры дали возможность коллективу существенно влиять на конечный результат.

На Мегионском и Ватинском месторождениях опытно-методическими партиями треста «Тюменнефтегеофизика» в сотрудничестве со Всесоюзным научно-исследовательским институтом ядерной геофизики и Волго-Уральским филиалом ВНИИГеофизики опробовались новые подходы и методы: индукционного каротажа, дебитометрии, генератора нейтронов... На основе полученных данных складывался комплекс исследований нефтяных скважин.

В организационный период особая роль принадлежала Нижневартовскому райкому партии, второму секретарю Николаю Яковлевичу Токареву. Она заключалась в следующем: райисполкому предлагалось выделить конторе площадку под строительство производственной базы, определить строительную организацию, помочь в выделении дополнительной техники, материально-технических средств и оборудования за счёт нефтяников. В этих вопросах Н. Я. Токарев убедил начальника НГДУ «Мегионнефть» Р. И. Кузоваткина выделить геофизикам часть своих производственных площадей. Николай Яковлевич обращался и к другим руководителям с просьбами оказать помощь геофизикам в материально-техническом обеспечении, выделении жилья и мест в общежитиях. К тем, кто не понимал ситуации и не желал помочь, применялись принудительные меры. В итоге райкомом партии была оказана существенная помощь конторе в этот началь-

ный период, что позволило с ходу начать проведение геофизических работ.

По предложению Игоря Петровича контора перешла на полную диспетчеризацию, специализацию партий на выполнение определённого вида работ. Была создана и вспомогательная служба, которая производила работы от ремонта и наладки аппаратуры, оборудования, автомашин до промера кабеля и первичной обработки материала.

Буровики эту пользу сразу ощутили. Круглосуточно работающая служба при первом же сигнале организовывала выезд партии на скважины, обеспечивала их бесперебойную работу на буровых, принимала экстренные меры в аварийных ситуациях, куда диспетчер немедленно посылал бригаду с необходимым оборудованием и приборами.

Ввиду быстро растущих объёмов бурения большую роль сыграло создание в конторе специализированных по видам работ участков, состоящих из партий и ремонтных групп. Они позволили значительно повысить оперативность и уровень технического руководства. Фактически созданные участки нуждались в признании руководителей вышестоящих органов путём создания в составе конторы специализированных экспедиций, а это позволяло обеспечить оперативное руководство геофизическими работами.

Бесперебойное проведение геофизических исследований в любое время года, в любое время дня и ночи позволило в два раза по сравнению с 1966 годом увеличить производительное время и в четыре раза повысить выработку на одного работающего.

И. П. Толстолыткин приложил немало усилий к внедрению методов по сокращению сроков исследований. На участке окончательного каротажа Н. К. Зудилина, А. А. Шубарина, А. В. Головкова и М. П. Свистунова была внедрена комплексная аппаратура. На участке радиоактивного каротажа Н. С. Чичиленко, Н. А. Титаева, Е. Ф. Зайцева, Н. П. Маланина, В. Ф. Ючкина в три раза удалось увеличить скорость замера радиоактивного каротажа, внедрялись новшества на участке промысловых исследований И. К. Стакельского, Е. А. Петрова, А. М. Масяйкина. Всю эту работу курировал кандидат технических наук В. М. Иванов. В итоге контора получила сотни тысяч рублей экономии, а буровики — сотни часов ускорения.

Гордостью коллектива стала разработка автоматической станции контроля параметров бурения, которая позволяла подобрать и обеспечить оптимальные режимы проходки, улучшить обработку долот и уменьшить число долблений на скважину. Многолетний труд специалистов конторы под руководством Э. Е. Лукьянова и Л. Я. Циглеева был высоко оценен ВНИИ буровой техники. Испытание станции в буровой бригаде Г. М. Лёвина превзошло все ожидания — станция могла служить первичной ячейкой автоматизированной системы управления технологией процессов бурения.

После отъезда в Москву Н. Я. Токарева уже мне пришлось оказывать практическую помощь геофизикам во втором, наиболее интенсивном, периоде ведения буровых работ на Самотлоре и на добром десятке других месторождений. На примере партийной организации геофизиков, секретарём которой многие годы была

Г. С. Головкова, в январе 1973 года на бюро горкома партии обсуждался вопрос о развитии научно-технического творчества. Бюро одобрило работу творческих организаций, технического совета, рационализаторов и новаторов производства и рекомендовало партийным, профсоюзным и комсомольским организациям, их руководителям полнее использовать опыт геофизиков в своих коллективах.

Геофизики ежегодно проводили большую работу по внедрению в производство достижений научно-технического прогресса. Работу НТО, ВОИР, технического совета возглавлял главный инженер кандидат геолого-минералогических наук И. П. Толстолыткин. О своём опыте он рассказывал: «Работа НТО и технического совета строилась на основе перспективного плана. Заседания проводились ежемесячно. На них обсуждали вопросы анализа технических служб, совершенствования техники, технологии и организации труда. Особое внимание было уделено разбору рационализаторских предложений, случаев аварий, брака и дефектов. По каждому вопросу разрабатывались конкретные мероприятия, на решение затронутых проблем назначались ответственные и сроки выполнения. На последующих заседаниях ответственные докладывали о выполнении».

Много полезного было в работе опытно-методической партии, которую возглавлял главный геофизик Василий Михайлович Иванов. Партия осуществляла разработку новых методов геофизических работ на основе сбора и отработки данных, сделанных на Мегионском и Аганском месторождениях.

Под руководством И. П. Толстолыткина и В. М. Иванова ежегодно проводились научно-технические конференции. В марте 1972 года на конференции было заслушано 18 докладов, из которых шесть были рекомендованы на районную научно-техническую конференцию. Мегионские геофизики достойно представляли Север на III Всесоюзной конференции молодых специалистов в октябре 1972 года в городе Баку. Доклад старшего инженера опытно-методической партии Владимира Саулея был отмечен Почётным дипломом.

Игорь Петрович добился того, чтобы в работе конференции участвовали специалисты, учёные Всесоюзного научно-исследовательского института ядерной геофизики и геологии (ВНИИЯГГ, г. Москва) и Волго-Уральского филиала Всесоюзного научно-исследовательского института геофизики (ВУФНИИГеофизики). Совместно с институтами были сконструированы и внедрены девять принципиально новых видов приборов и аппаратуры.

И. П. Толстолыткин был инициатором преодоления «узких мест» в производстве. К этой работе он привлёк практически всех инженерно-технических работников конторы. В течение двух лет ими было внедрено более 10 видов нового каротажа, усовершенствованных приборов и аппаратуры. Наиболее важные из них — индукционный и микробоковой каротаж, комплексный скважинный прибор, позволяющий сократить время работ в четыре раза, станция контроля над параметром режима бурения, что позволяло увеличить проходку на долото на 30–40 %.

Игорем Петровичем поощрялась работа по распространению передового опыта. На базе партий Н. К. Зудилина и А. М. Андреева им была организована школа передового опыта, обучение в которой прошли работники каротажных и перфораторных партий. Результат немедленно сказался — выработка на этих видах работ повысилась почти в полтора раза.

И. П. Толстолыткиным была поддержана и вторая школа передового опыта под руководством мастера аппаратного цеха В. И. Дубова, которая решала проблемы по автоматической разметке, сростке и ремонту каротажного кабеля. Это позволило повысить качество ремонта кабеля, исключить случаи аварий и дефектов при ремонте в скважине.

В конторе активно работала организация ВОИР. Начальник ПТО В. С. Курганский, начальники каротажных партий Е. Ф. Зайцев, В. И. Сорокин, А. М. Андреев внесли многие ценные предложения в том числе и такие, как виброгруз, позволяющий производить геофизические работы в скважине при любом качестве глинистого раствора без его промывки, и разметка каротажного кабеля, давшая экономию при заключительном каротаже 4–5 часов на каждой скважине.

Весь комплекс научно-технического творчества способствовал улучшению технико-экономических показателей конторы. Если в 1969 году на заключительный каротаж при бурении скважины затрачивалось 20–25 часов и более, то в 1972 году время сократилось до 8–10 часов, а в отдельных случаях до 4–5.

Бюро горкома партии, обобщив опыт геофизиков, рекомендовало партийным организациям и хозяй-

ственным руководителям вплотную заняться вопросами научной организации труда, привлечь как можно больше ИТР, рационализаторов и новаторов производства. Именно в этом был залог успешного выполнения производственных планов.

Техническое перевооружение геофизических партий стало в условиях Нижневартовского района действительно необходимостью. Дело в том, что нормативное время на производство геофизических работ при среднесоюзных скоростях бурения составляло 3–5 % от времени проходки скважины, а при скоростях бурения, достигнутых в нашем районе, те же самые нормативы стали составлять 10–15 %. Буровые бригады Г. М. Лёвина, Г. К. Петрова, А. Д. Шакшина, В. В. Китаева, В. С. Глебова, С. Ф. Ягофарова, достигшие высоких скоростей проходки, стали справедливо ставить вопрос о сокращении времени геофизических работ. Если учесть их конечную цель — получение информации о пройденных пластах, их коллекторских свойствах, нефтенасыщенности, о техническом состоянии скважины, то требования буровиков можно сформулировать как необходимость сокращения времени геофизических работ с сохранением получаемой информации.

Решение такого вопроса было невозможно без технического перевооружения партии, позволившего бы за один спуск инструмента регистрировать несколько параметров. За эту проблему взялся И. П. Толстолыткин.

При работе в открытом стволе были изготовлены приборы индукционного и бокового каротажа и спарка двух инклинометров. Применение этих приборов дало небывалый эффект. Тому подтверждением стала

работа комплексной партии Ю. Д. Бутусова в бригаде бурового мастера Г. М. Лёвина: при норме 11 часов работа была проведена за 3 часа. В бригаде В. Т. Громова при норме 13,5 часов — за 5,5 часов. В бригаде Г. К. Петрова при норме 12 часов — за 6 часов.

Работа партии Ю. Д. Бутусова доказала, что в условиях Самоглора, Агана, Варьегана и других месторождений использование этих приборов даёт возможность проведения заключительных исследований в открытом стволе за 6 часов.

Сам же Игорь Петрович формулировал задачу так: «Мы поставили перед аппаратным цехом задачу перевести все партии окончательного каротажа на комплексные приборы и довести это время до 12, а затем до 10 часов». Реализацию этого проекта осуществила группа радиоактивного каротажа под руководством В. М. Иванова. Они модернизировали аппаратуру ДРСТ-1, что позволило в три раза повысить скорость записи кривых радиоактивного каротажа. На примере этой группы хорошо видна высокая экономическая эффективность геофизических исследований, направленная на ликвидацию «узких мест».

Игорь Петрович требовательно относился к работе буровых мастеров при подготовке скважин для передачи их геофизикам. Ему приходилось по этим вопросам делать доклады В. И. Муравленко и М. Н. Сафиуллину. Нередко вместо 8–10 часов для выполнения работ партии были вынуждены затрачивать целые сутки из-за неподготовленности скважин. Игорь Петрович поднял большой скандал перед начальником УБР-1 В. И. Хлюпиным, когда буровой мастер Б. М. Давыдов так «поставил»

рался», что партия Ю. Д. Бутусова для доведения окончательного каротажа на скважине № 5075 затратила 77 часов! По этому случаю в Нижневартовск прилетели Л. И. Вязовцев и М. Н. Сафиуллин, которые провели специальное совещание с начальниками УБР и буровыми мастерами и геофизиками. Основным докладчиком был И. П. Толстолыткин. Совещание прошло бурно. На самом деле, стоит ли экономить геофизикам часы, когда по вине буровых мастеров впустую растрачиваются сутки? Несмотря на принципиальную постановку производственных вопросов, Игорь Петрович всегда поддерживал уважительные, дружеские отношения с буровыми мастерами и начальниками УБР.

Контора вплотную подошла к задачам перевооружения производства на базе применения вычислительных машин. Первым этапом использования ЭВМ был перевод на обработку результатов замера кривизны. Далее начали осуществлять полный переход на автоматизированную обработку результатов геофизических исследований. Конечной задачей он считал создание в Нижневартовске вычислительного центра Главтюменнефтегаза.

При участии И. П. Толстолыткина контора разработала и внедрила геофизическую станцию с цифровой записью типа «Север» при освоении удалённых месторождений, в частности на Варьегане. Автором создания этой станции был В. З. Гарипов, будущий заместитель министра Минтопэнерго РФ.

По мере нарастания объёмов бурения в коллективе геофизиков произошли разительные перемены. В 1970 году численность составляла 195 человек,

и было всего 10 партий. Время на геофизическое исследование одной скважины равнялось 8–9 суткам. Было исследовано 87 скважин. В 1974 году коллектив достиг 450 человек, и было уже 46 партий. Объём работ увеличился в 2,3 раза, время исследований одной скважины составило 10–12 часов, то есть сократилось в несколько раз. Было обслужено 500 скважин. К этому периоду были построены новые производственные площади, получена более совершенная техника и аппаратура. Главное достижение — выросли профессиональные кадры.

Начальник партии А. А. Шубарин, по натуре любознательный и настойчивый человек, в геофизику пришёл работать плотником. Окончил школу рабочей молодёжи, затем Тюменский индустриальный институт. Ю. Д. Бутусов пришёл в коллектив, вообще не имея никакой специальности. Он заочно окончил Свердловский горный институт и стал начальником партии. И таких примеров предостаточно.

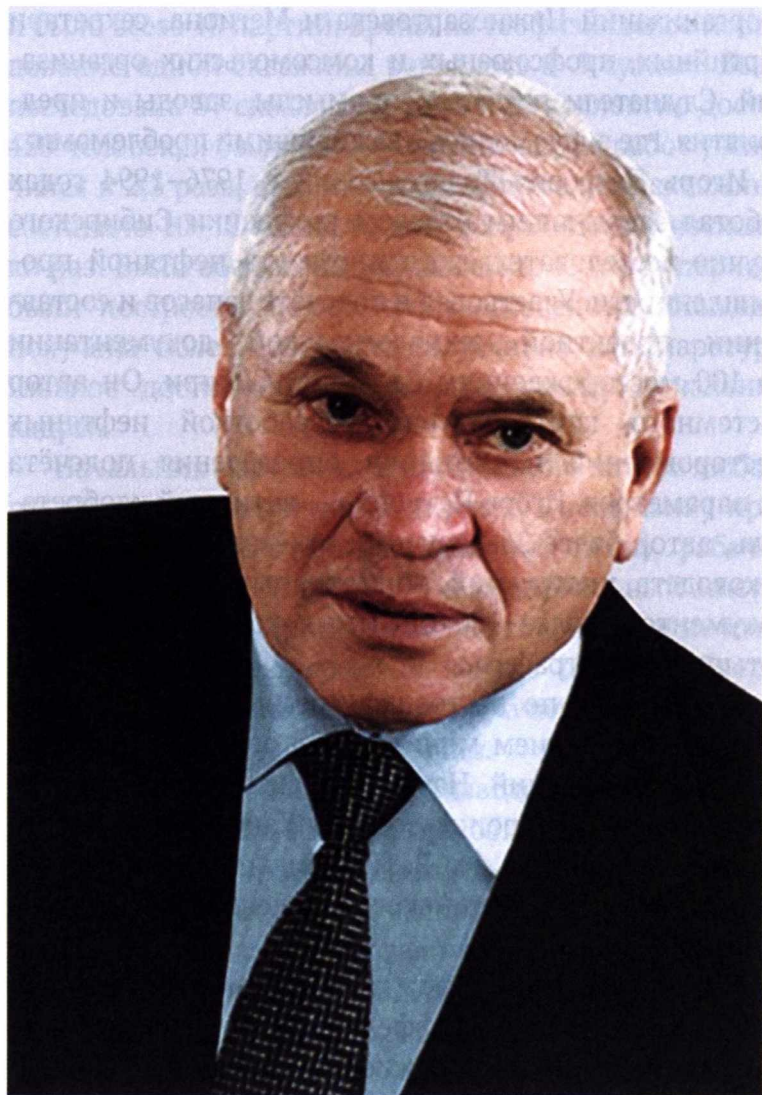
Наряду с основной производственной работой И. П. Толстолыткин вёл большую общественную. Он возглавлял рабкоровский пост газеты «Тюменская правда» на Самотлоре. Его статьи часто появлялись в местной печати, в газетах «Тюменская правда», «Комсомольская правда» и «Социалистическая индустрия». Ему была поручена работа ректора общественного университета «Экономика и управление» при горкоме партии. В данном университете с лекциями выступали приглашенные Игорем Петровичем учёные и специалисты из городов Новосибирска, Тюмени, Москвы. Слушателями университета были первые руководители предприятий

и организаций Нижневартовска и Мегиона, секретари партийных, профсоюзных и комсомольских организаций. Слушатели посещали промыслы, заводы и предприятия, где знакомились с важнейшими проблемами.

Игорь Петрович Толстолыткин в 1976–1994 годах работал заведующим отделом геофизики Сибирского научно-исследовательского института нефтяной промышленности. Участвовал в подсчёте запасов и составлении проектной технологической документации по 100 месторождениям Западной Сибири. Он автор системного контроля над разработкой нефтяных месторождений и методики определения подсчёта их параметров. Игорь Петрович — активный изобретатель, автор более 250 научных отчётов, методических руководств, инструкций, нормативных и руководящих документов, более 150 печатных работ, из которых четыре — монографии.

С 1994 года по настоящее время Игорь Петрович заведует отделением мониторинга разработки нефтяных месторождений Научно-аналитического центра рационального недропользования Ханты-Мансийского автономного округа им. В. И. Шпильмана. Он учёный секретарь Ханты-Мансийского отделения ЦКР Минтопэнерго РФ.

Сегодня Игорь Петрович активно работает над вопросами повышения эффективности использования запасов нефти на месторождениях Ханты-Мансийского автономного округа.



**УСОЛЬЦЕВ
АЛЕКСАНДР ВИКТОРОВИЧ**

ЗВЕЗДА УСОЛЬЦЕВА

Имя и дела А. В. Усольцева вписаны в трудовую летопись ПАО «Сургутнефтегаз». Его личность — образец истинного профессионала, энтузиаста, символ самоотверженного первопроходца-нефтяника, патриота земли Тюменской и России. Молодому поколению сургутских нефтяников можно по праву гордиться и брать пример с жизни и деятельности А. В. Усольцева.

Александр Викторович остаётся на все времена в истории освоения богатого своими недрами Среднего Приобья, ставшего основной кладовой России, которая и сегодня играет главную роль в сохранении энергетической мощи страны. Тринадцать миллиардов тонн нефти уже добыто в Югре.

Тюмень всех нас сроднила, объединила в труде, здесь прошли годы юности и зрелости непосредственных участников грандиозных событий прошедшего столетия в развитии и становлении Западно-Сибирского нефтегазового комплекса.

В 1969 году в коллектив нижевартовских буровиков пришёл молодой, энергичный и целеустремлённый Александр Викторович Усольцев. Приехал не «за туманом», не «за запахом тайги», а осваивать недра Севера Тюменской области, приехал надолго и основательно.

Начальник Мегионской конторы бурения Валентин Иванович Хлюпин обратил на него внимание и понял, что из этого парня будет толк. Внимательно присматриваясь к работе нового бурового мастера, убедился,

что потенциал Усольцева весьма высок и требует иного масштаба. В. И. Хлюпин назначил его начальником центральной инженерно-технологической службы. В этой должности стал раскрываться организаторский талант Александра Викторовича. Он внедрил много технических новшеств в организацию труда буровых бригад, проявил незаурядные инженерные знания. В 1973 году его ждало новое назначение — сначала главный инженер, а в 1976 году В. И. Муравленко переводит А. В. Усольцева начальником Сургутского УБР-2. Валентин Иванович понимал, он этого заслуживает, и гордился, что именно от него уходят кадры в большую жизнь.

Александр Викторович шагает вверх по служебной лестнице: заместитель генерального директора по бурению объединения «Юганскнефтегаз», затем генеральный директор объединения «Сургутнефтегаз», а, став пенсионером, возглавил Совет директоров ПАО «Сургутнефтегаз».

Я впервые встретился с А. В. Усольцевым на собрании коллектива в 1970 году. Познакомил меня с ним В. И. Хлюпин. Позже узнал, что мы с ним одногодки, я январский, а он родился в декабре. А. В. Усольцев внешне выглядел старше, смотрелся вполне взрослым мужчиной, был несколько грузноват по телосложению, да и в голосе слышался «металл».

Наше поколение — довоенное. В детстве мы пережили годы войны, а в юношестве нас застал трудный послевоенный период. Это рано сделало нас взрослыми, серьёзными, более ответственными за судьбу страны.

После окончания нефтяного техникума и до приезда на Тюменский Север Усольцев прошёл производственный путь от помбура до бурового мастера. Окончив Куйбышевский политехнический институт, получил назначение на должность старшего инженера производственно-технического отдела. Работники аппарата управления его боялись, но уважали. Они чувствовали в нём твёрдость и волю, подкреплённую решительностью и последовательностью в принятии решений.

Профессиональные и личные качества А. В. Усольцева гармонично сочетались и составляли одно целое. Время освоения нового нефтяного района было тяжёлым, ответственным. Управление, в котором он работал, первым начало строительство эксплуатационных скважин на Самотлоре.



Начало трудовой деятельности А. В. Усольцева в Тюменской области в Нижневартовском УБР-1

Именно на этом месторождении предусматривалось добиться резкого повышения темпа буровых работ без значительного роста числа бригад. Достичь этого можно было двумя способами: при непрерывном совершенствовании всех технологических процессов и улучшении организации буровых работ.

В. И. Хлюпин и А. В. Усольцев составили программу на 1971–1975 гг., целью которой было увеличение производительности труда буровых бригад в два раза. При этом учитывались конкретные показатели: проходка на бригаду в год при глубине скважины до 2,5 км постепенно увеличивалась с 32 тысяч метров в 1971 году до 48 тысяч метров в 1975 году. К концу пятилетки предполагалось достичь на бригаду выработку до 80–100 тысяч метров.



*Выезд коллектива буровиков на природу в окрестностях
Нижневартовска*

В управлении были разработаны планы проведения работ с конкретными сроками и исполнителями, где и высветились личные качества и инженерные способности А. В. Усольцева. Им были определены основные направления внедрения новой техники и технологий труда по каждой бригаде.

Александр Викторович прекрасно осознавал, что достигать высокие рубежи в бурении можно только при повышении квалификации рабочих и инженерно-технических работников. Для этого была организована учёба, активно работал Совет молодых специалистов, которым руководил молодой Владимир Богданов. Профсоюзная и комсомольская организации развернули соцсоревнование среди бригад.

А. В. Усольцев уделял особое внимание молодым бурильщикам. В его практике было ежедневное посещение буровых бригад, непосредственно на месте он разбирался и помогал им в сложных технических и нерешённых вопросах. Вся его работа сводилась к одному — достичь максимальной годовой выработки на бригаду. Этот накопленный опыт он перенёс позднее в Сургутское УБР-2, став генеральным директором объединения «Сургутнефтегаз».

Новые условия работы требовали и неординарных подходов к организации труда. Сбылась мечта Хлюпина: теперь за одной бригадой закреплялось два «куста». При бурении десяти и более скважин на одной площадке буровая бригада комплектовалась из шести вахт. Принцип заключался в следующем: четыре вахты бурили скважину на одном «кусте», а на втором две вахты выполняли подготовительные работы. Валентин

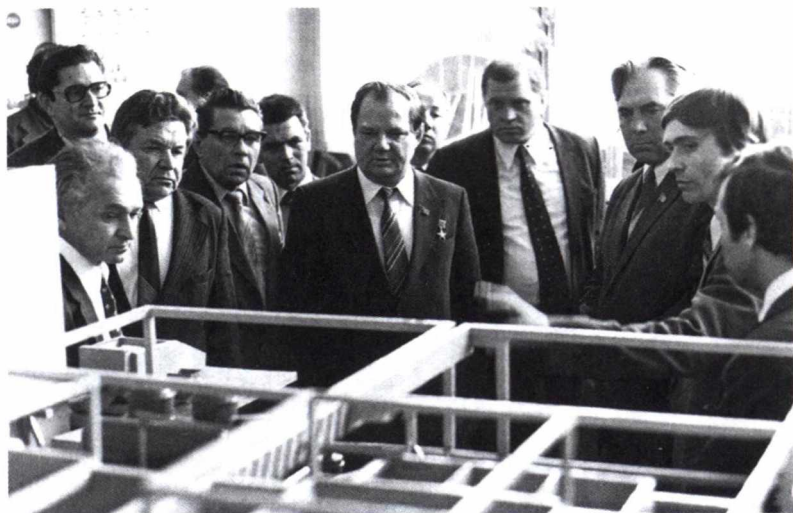
Иванович добивался непрерывного процесса загрузки основной бригады. В итоге в УБР-1 оказалась самая высокая выработка на человека и на бригаду в Главтюменьгеологии и в отрасли. Преимущество этой системы заключалось в том, что каждый мог полностью себя реализовать. Более крепкие и выносливые мужики работали в основных составах вахт, остальные — во вспомогательных.

Но, как всегда в новом деле, потребовалось вносить изменения в условия соревнования среди буровых бригад. Такое новаторство многим не нравилось, да и завистников у Хлюпина было предостаточно. В прессе стали появляться материалы, порочащие передовые методы буровиков и коллектива в целом. В газете «Социалистическая индустрия» корреспондент С. Вторушин в статье под названием «Неоконченный спор» подверг острой критике несовершенную, с его точки зрения, систему подведения итогов соревнования среди буровых бригад в системе Главтюменнефтегаза. В. И. Хлюпин и профком объединения «Нижневартовскнефтегаз» критиковались за то, что они якобы необъективно подводили итоги по результатам работы бригад. Конечно, были упущения и недостатки в этом деле, их неоднократно обсуждали в рабочих коллективах, на партийных и комсомольских собраниях, на пленумах, бюро горкома партии. Но в статье был явный перебор негатива.

В той же газете, но в моей статье «Самотлор — передний край», напротив, говорилось как об успехах и достижениях, так и об имеющихся резервах, которые ещё не в полной мере были использованы буровиками и нефтяниками. Не секрет, что в зимний период произ-

водительность была значительно ниже, чем в летний. Дело в том, что в сильные морозы правила эксплуатации оборудования запрещали вести проходку, а холода на Севере стояли постоянно. Буровые установки, выпускаемые Волгоградским заводом «Баррикады», предназначались, в основном, для центральной полосы России. На Севере приходилось их переделывать заново с учётом местных требований. На это уходило много сил, времени и денег. Даже за новые агрегаты БУ-80 сразу принимались газорезчики, чтобы облегчить станок, поставить вышку на железнодорожное основание.

Александр Викторович ратовал за этот станок, несмотря на то, что кустовая установка на железном основании очень громоздка. Это усложняло работу вышкостроителей, вело к затягиванию сроков монта-



*Доклад В. Л. Богданова министру Миннефтепрома СССР
Н. А. Мальцеву. Сургут*

жа кустовых скважин. Однако потом буровикам было, где показать своё искусство, ставить новые рекорды проходки, поскольку кустовые установки легко передвигались с пробуренной скважины на новую точку в пределах рельсовых путей.

А. В. Усольцев в сотрудничестве с начальником выш-комонтажного управления А. А. Бабларьяном искали пути ускорения при перебазировке на новый куст. Приходилось производить полный демонтаж, а на новом месте снова осуществлять сборку буровой. Облегчить эту ситуацию можно было одним путём: иметь свободные станки, а завершившую бурение установку разбирать с помощью специальной монтажной бригады.

В статье я отмечал и недостатки, которые решить не удавалось. Прежде всего, это своевременная сда-



Поздравление коллектива бурового мастера В. Л. Сидорейко с достигнутым рубежом — 100 тысяч метров проходки в год!

ча пробуренных скважин в эксплуатацию. Получалось так, что они оставались в простое по несколько месяцев — до окончания полного разбуривания «куста», где их насчитывалось от 5 до 15 штук. Покажу на примере буровой бригады Г. М. Лёвина. Первую скважину пробурили 16 мая, затем прошли на втором «кусте» ещё три. Смогли получить приток нефти только 31 октября! Спрашивается, стоило ли биться за часы и минуты, если результата ждали пять месяцев?

А. В. Усольцев как главный инженер УБР-1 активно сотрудничал с Волгоградским и Свердловским заводами. Имелось спроектированное предохранительное устройство, дающее возможность одновременно забуривать на «кусте» новые скважины, а уже пройденные подключать к системе сбора. А. В. Усольцев торопил заводчан с изготовлением первого изделия, которое представляло огромный резерв в наращивании добычи нефти. Для четырёх управлений буровых работ, работавших на Самотлоре, это была актуальнейшая проблема, когда на «кусте» до 15 скважин, стоящих батареями на одной площадке. Требования Росгостехинспекции не позволяли их подключать к системе сбора в течение всего периода проходки. В итоге — длительный простой, огромные «замороженные» средства. Мы часто слышали и много говорили о новых рекордах буровиков, но никогда — о сокращении сроков всего цикла строительства скважин, ускоренной сдаче их в эксплуатацию.

Объектом главного удара журналист С. Вторушин не случайно выбрал УБР-1, поскольку нашёл «подручного» — С. А. Дрыгу. Коллектив, наиболее заслужен-

ный в Главке, объединении и министерстве, благодаря слаженной работе бригад Г. М. Лёвина, В. В. Китаева, В. Т. Громова, Л. Г. Титова, Б. М. Давыдова и других добивался рекордных показателей. Используя сомнительные сведения С. А. Дрыги, Вторушин обрушил шквал клеветы о якобы имеющихся приписках в бригадах, некачественно пробуренных скважинах. Критика переходила все границы, дошло даже до оскорблений. Расследованием этих «фактов» занялись многочисленные комиссии разных уровней.

В ненужные, мешающие делу разборки были втянуты партком, профком, руководство УБР-1. А. В. Усольцев занимал твёрдую позицию. Обсуждение проводилось на собраниях бригад. Мои личные встречи и беседы с С. А. Дрыгой положительных результатов не дали.

А тут масла в огонь подлил ещё один случай 1976 года. Мне, первому секретарю Нижневартовского горкома КПСС, позвонил С. Вторушин из Стрежевого Томской области с просьбой встретить его в аэропорту и помочь поселиться в лучшем номере гостиницы «Самотлор». В тот день он не прилетел. Позвонил на следующий: мол, задержался у гостеприимных томичей. Появившись в Нижневартовске, он пришёл ко мне с М. Полтораниным, собственным корреспондентом газеты «Правда» по Свердловской области, и с С. А. Дрыгой. Буквально с порога Вторушин начал допрос, обвиняя меня в гонениях на честного и справедливого работника (он имел в виду Дрыгу). Дошёл до того, что заявил: «Я сниму Звезду Героя Социалистического Труда с Геннадия Лёвина, так как она не по праву присуждена». Моё терпение кончилось, и я вежливо

попросил их покинуть кабинет. Уходя, Вторушин сказал: «Я это припомню, будешь ещё сожалеть».

О поведении члена партии Вторушина я сообщил в записке первому секретарю обкома Г. П. Богомякову. Все собкоры центральных газет, которых в Тюменской области было ровно двадцать, состояли на партийном учёте в обкоме КПСС. Моя записка не нашла поддержки. Зато Вторушин и Полторанин выполнили своё обещание: написав в «Правду» об итогах областной отчётно-выборной партийной конференции, упомянули мою фамилию несколько раз, приклеивая явно незаслуженные ярлыки.

На любое критическое замечание, высказывание в центральной печати следовало незамедлительно «реагировать». Первый секретарь Ханты-Мансийского



Фото на память. Руководители объединения «Сургутнефтегаз» в Москве после совещания в Миннефтепроме СССР

окружкома В. В. Бахилов, хорошо знавший В. И. Хлюпина и его коллектив, поступил, на мой взгляд, по формуле «надо отписаться». В принятом решении было записано: «Первое — осудить поведение начальников объединения «Запсиббурнефть» и УБР-1 Л. И. Вязовцева и В. И. Хлюпина, несвоевременно реагирующих на выступление органов печати. Второе — указать первому секретарю Нижневартовского горкома КПСС С. Д. Великопольскому и секретарю парткома УБР-1 И. Т. Парфенюку на необъективный подход при рассмотрении вопроса, касающегося критики коммуниста С. А. Дрыги. Третье — отменить постановление бюро Нижневартовского горкома о наложении партийного взыскания на С. А. Дрыгу. Начальнику объединения «Запсиббурнефть» Л. И. Вязовцеву рекомендовано



*В кругу буровиков бурового мастера Героя Социалистического Труда
В. Л. Сидорейко*

активизировать работу по изучению и повышению эффективности в организации буровых работ и социалистического соревнования...»

В 1999 году меня пригласили на празднование 35-летия со дня образования УБР-1 (ныне ЗАО «Нижневартовскбурнефть»). Участвовали в этом мероприятии В. И. Хлюпин и С. А. Дрыга. Мне удалось «по душам» поговорить с Дрыгой о событиях двадцатилетней давности. Он признался: «Меня спровоцировали пойти на прямое столкновение с В. И. Хлюпиным, пообещав должность начальника УБР. Партийное наказание в отношении меня было объективным и справедливым. Я прошу меня простить».

Меня порадовало, что пусть и поздно, но он осознал свою неправоту. Конечно, это был «политический заказ», преследующий одну цель — очернить, опорочить коллектив Ордена Трудового Красного Знамени УБР-1 и его руководителя, принизить рекордные показатели бригады Г. М. Лёвина. Это не удалось. «Заводилы» замысла давно сошли со сцены, о них забыли, да и вряд ли когда-нибудь вспомнят. А вот дела Валентина Ивановича Хлюпина и Геннадия Михайловича Лёвина будут жить в доброй памяти ветеранов нефтяников Самотлора. Их любят, их ценят, они навсегда останутся в истории развития нефтяной отрасли Тюменской области.

В коллективе В. И. Хлюпина выросла прекрасная плеяда молодых руководителей, и ему есть, кем гордиться. В их числе — А. В. Усольцев и В. Л. Богданов. Из таких, как они, захваченных трудовой романтикой людей, складывалась новейшая история Западно-Сибирской нефтегазоносной провинции.

Мои встречи с А. В. Усольцевым состоялись на отдыхе в санатории «Нефтяник Сибири». Он с женой Ольгой переехал на постоянное место жительства в село Пляхо Туапсинского района Краснодарского края. У меня сложилось впечатление, что Александр Викторович на встрече хотел выговориться о своей работе в Тюменской области. Он делал акцент на анализ недостатков со стороны начальника Главка В. И. Муравленко. У него было твёрдое убеждение, что освоение месторождений Западной Сибири надо было осуществлять другими темпами, и, в первую очередь, нужно было обустроить людей, создав им нормальные жилищно-бытовые условия.

Александр Викторович был прямолинеен в оценках ЦК КПСС и правительства. Я понял, что он остался



А. В. Усольцев, В. Г. Грайфер, В. Л. Богданов и Н. Г. Аникин поздравляют начальника Сургутского УБР-2 Героя Социалистического

в обиде на тех, кто не позволил ему развернуться во всю ширь в Нижневартовске, Нефтеюганске и Сургуте.

Познакомил меня с содержанием книги, которую он намеревался вскоре закончить. Его работа, как он считал, необходима молодым нефтяникам, чтобы извлечь уроки и избежать ошибок прошлого. Приятно было выслушать его мнение о Фонде имени В. И. Муравленко, о прочитанных им книгах, изданных Фондом, в том числе и о моих «Чудо XX века» и «Мегионский марафон», которые он проштудировал от корки до корки. Оценка его была положительной.

Вспоминаю слова, сказанные А. В. Усольцевым в адрес «шефа» Владимира Леонидовича Богданова: «Только он и никто другой смог это сделать — собрать ветеранов-руководителей управлений буровых работ,



Труда Г. М. Лёвина и его коллектив с досрочным выполнением планов девятой пятилетки

буровых мастеров, бурильщиков и вышкостроителей бывшего Главтюменнефтегаза, проживающих в разных регионах России. Только он смог поддержать инициативу Фонда достойно отметить 90-летие В. И. Муравленко и пробурить в его честь «скважину Памяти» на Фёдоровском месторождении».

Да, это было значительное событие для ветеранов, участвовавших в «Почётной вахте» в честь знаменитого буровика, который понимал их сердцем и по праву гордился их достижениями. Именно при В. И. Муравленко сибирские буровики достигли небывалой выработки — свыше 100 тысяч метров проходки на бригаду в год.

На том мероприятии видел, с каким вниманием и особым чувством встречал А. В. Усольцев приехавших в Сургут товарищей по прошлой работе. Он был среди своих, участвовал в коллективном фотографировании, вместе с нами в автобусе поехал на Фёдоровку, хотя мог приехать к месту проведения мероприятия на служебном автомобиле.

Александр Васильевич активно участвовал в беседах, вспоминал прошлые дела буровиков, памятные события, особенно достижения бригад, достигших 100 и более тысяч метров проходки, небывалые темпы промышленного освоения Севера. При этом у него горели глаза, светилась улыбка, подтверждая его доброе настроение. Таким он и остался в моей памяти, когда на Фёдоровском месторождении подводили итоги «Почётной вахты» сургутских буровиков в честь В. И. Муравленко. Теперь там долгие годы будет действовать скважина, на которой ежегодно ветераны-нефтяники проводят свои встречи.

А. В. Усольцев поддерживал меня в деятельности Фонда по увековечению памяти первопроходцев, первых руководителей той поры, которые стояли у истоков создания нефтегазовой промышленности Тюменской области.

Вспоминаю его возмущение в адрес руководителей объединения «Юганскнефтегаз» и города, которые затягивали установку памятника А. Н. Филимонову, Герою Социалистического Труда, соратнику В. И. Муравленко, Почётному гражданину Нефтеюганска.

Дело в том, что Александр Викторович каждый приезд в город Сургут находил время и обязательно посещал могилу своей матери Прасковьи Матвеевны, похороненной в Нефтеюганске. После каждого посещения кладбища он мне звонил и сообщал, что памятник Александру Николаевичу не установлен, могила не ухожена. Просил пристыдить руководителей. Конечно же, мы воздействовали на них, призывали к совести и, в конечном счёте, добились своего — сегодня достойный памятник А. Н. Филимонову установлен.

Последняя наша встреча состоялась в Краснодаре, где по инициативе Фонда было проведено мероприятие, посвящённое памяти Ф. Г. Аржанова. На здании, где он работал, была установлена мемориальная доска. Александр Викторович относился к плеяде руководителей поколения В. И. Муравленко и в то же время был из плеяды молодых, смотрящих на дела с позиции новых подходов. Это он доказал, будучи председателем Совета директоров ПАО «Сургутнефтегаз».

Александр Викторович весьма уважительно говорил мне о деловых и человеческих качествах

В. Л. Богданова. Как председатель Совета директоров ОАО «Сургутнефтегаз» особо гордился тем, что компания обеспечивает около 14 процентов добычи нефти в стране, более 10 процентов ее переработки и около 2,5 процентов производства газа в России, подчёркивая при этом организаторскую роль генерального директора.

А. В. Усольцев был фигурой колоритной, широкой души человеком. Как инженер весьма талантлив, прост, упрям в достижении поставленной задачи, вспыльчив, но отходчив. Оценки его были порой резки, а поступки слишком эмоциональны. Все, кто работал и дружил с А. В. Усольцевым, прекрасно понимали, что это следствие его увлечённости делом, нетерпения, стремления, как можно быстрее сделать полезное, нужное и для производства, и для людей дело.

Александр Викторович, безусловно, личность незаурядная. Таким его сделал Тюменский Север, где у него сформировался настоящий сибирский характер, появился сибирский почерк. Он мог руководить большими коллективами людей, понимать их, входить в их положение, решать их проблемы, и, в конечном итоге, достигать вместе с ними высоких результатов.

Я рад, что в серии книг, изданных Тюменским областным общественным Фондом имени В. И. Муравленко, выпущена книга «Звезда Усольцева». Она явилась логическим продолжением и дополнением к авторской книге А. В. Усольцева «Жизнь на ветру». «Звезда Усольцева» — память о замечательном человеке. Время неумолимо уносит нас от прошлого, а вместе с ним стирается и память о тех событиях, о том вре-

мени, когда всё начиналось, о тех испытаниях, которые выпали на долю первопроходцев освоения недр Тюменского Севера.

Долг памяти обязывает нас, живых, рассказать как можно больше о делах и событиях из жизни А. В. Усольцева и его соратников. «Звезда Усольцева» — это искреннее, правдивое, живое свидетельство реальных событий пятидесятилетней давности, к которым причастны единомышленники легендарного буровика-нефтяника. Некоторые факты могут показаться современному читателю не такими уж значительными, но молодое поколение, надеюсь, поймёт, что без таких людей, как А. В. Усольцев, не было бы героических открытий, нефтяных фонтанов, дорог, нефтепромыслов, новых городов и посёлков.

Это человек с большой буквы, яркая, неординарная личность. Такие люди долго живут в памяти поколений.



Руководство объединения «Сургутнефтегаз» во главе праздничной колонны коллектива



**ФИЛАТОВ
ВИКТОР ДМИТРИЕВИЧ**

ПОБЕДИТЕЛЬ

Писатель, журналист Юрий Переплёткин написал стихотворение «Тост за Победителя». Вот лишь некоторые строки:

*...И он явился, осчастливив мир,
Пришёл, земную освятив обитель.
Студент, маляр, ракетчик, командир —
Ведь Виктор по латыни — Победитель.
Был Самотлор, Надым, Тюмень,
И всюду он — крутой руководитель.
Что удивляться? Ясно же, как день:
Ему по силам всё. Он — победитель!*

Это стихотворение посвящено нашему другу — Виктору Филатову, профессионалу, человеку с интересной биографией. Фамилия Филатов имеет древние корни. Она неразрывно связана с историей православия на Руси и народными обычаями. Следы этой фамилии отражены в священных текстах и народном фольклоре.

Родился Виктор Дмитриевич в Куйбышеве в многодетной семье рабочих. Окончил Куйбышевский инженерно-строительный институт и успешно поработал на рабочих должностях: маляром, электриком. Во время службы в армии офицер-строитель вплотную занимался пусковыми установками для ракет, а, выйдя на гражданку и женившись, решил поехать с женой на великие стройки: КамАЗ, Норильск, Нерюнгри... Но в итоге выбор пал на Тюмень. В Главтюменнефтегазстрое

ему дали направление в Нижневартовск. Но в тресте «Мегионгазстрой», куда их с Верой, как он вспоминал, доставили по невероятной грязи из аэропорта на гусеничном тягаче ГТ-Т, почему-то на работу его не взяли, несмотря на полученное в Главке направление.

А в городе нет ни родных, ни знакомых, негде ни переночевать, ни отдохнуть. Но случайно встретившийся земляк помог устроиться на ночлег. Походив безрезультатно по разным конторам в поисках работы, Виктор снова пришел в «Мегионгазстрой», где главный инженер, которого в прошлый раз на месте не было, буквально набросился на него со словами: «Ты где болтаешься уже несколько дней? Немедленно за работу! Пойдешь мастером в СУ-13. Вот и отлично!» Так началась северная эпопея В. Д. Филатова. Мастер, про-



С первого взгляда влюбились, познакомились и поженились

раб, начальник участка — таковы первые должности, на которых раскрылся его талант не только как профессионала и руководителя, но и активного общественного деятеля, умеющего работать с молодёжью. Исходя из этого, я рекомендовал его начальником штаба ЦК ВЛКСМ по освоению Самотлорского нефтегазового месторождения. Штаб занимался приёмом на работу комсомольцев, молодёжи, демобилизованных военнослужащих, приехавших по комсомольским путёвкам, созданием комсомольско-молодёжных бригад, транспортных экипажей водителей, организацией социалистического соревнования.

Мы увидели Виктора Дмитриевича в деле и убедились, что он успешно выполняет все возложенные на него обязанности, пользуется уважением ребят



В. Д. Филатов в должности первого секретаря Нижневартовского горкома ВЛКСМ участвует в работе партийной конференции

и девчат, поэтому рекомендовали его на должность первого секретаря Нижневартковского горкома комсомола.

С его приходом деятельность горкома приобрела более целенаправленный, комплексный и новаторский характер. Развернулось соцсоревнование за приз имени первооткрывателя сибирской нефти, Героя Социалистического Труда Семёна Урусова, проводились конкурсы мастерства на звание «Лучший по профессии», успешно шёл Ленинский зачёт в комсомольских организациях. На комсомольских собраниях обсуждались животрепещущие вопросы и актуальные проблемы жизни города и возможности участия в их решении комсомольцев. Во всех этих делах застрельщиком был первый секретарь.

Когда встал вопрос о кандидатуре на должность зампреда горисполкома по вопросам строительства, мне-



С другом Юрием Переплёткиным

ние было однозначным — Филатов Виктор Дмитриевич. Мне кажется, строительство — это его стихия, в которой он чувствовал себя как рыба в воде. Его профессиональные знания позволяли разговаривать со строителями на одном языке. К нему прислушивались, его уважали. Он принимал активное участие в разработке и утверждении генплана комплексной застройки города, сносе временного жилья — вагончиков, балков и других сооружений. Я уважал его за принципиальность, проявленную в борьбе с порочной практикой сдачи в конце года недоделанного жилья, в борьбе с приписками. Под его руководством в городе вводились многочисленные объекты коммунального хозяйства, связи, транспорта, соцкультбыта и жилья.

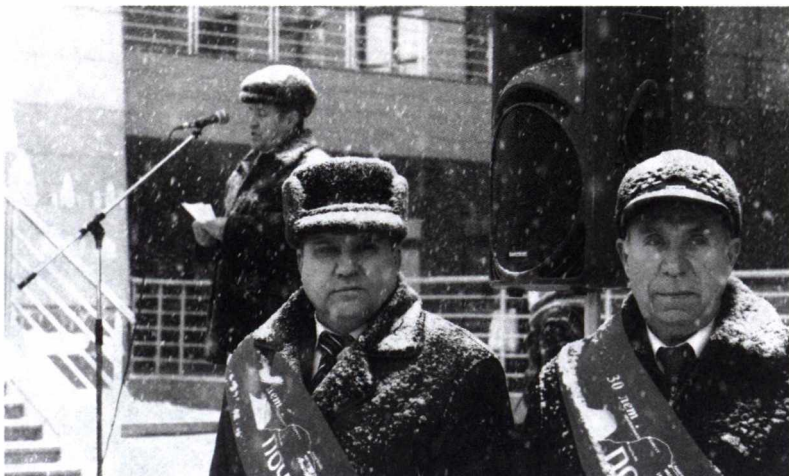
Деятельность В. Д. Филатова была высоко оценена обкомом партии, поэтому рекомендация его на долж-



Ветераны Фонда имени В. И. Муравленко знакомятся с Мегионом

ность председателя Надымского горисполкома была закономерной. Виктор понимал, что газ нужен Родине так же, как нефть. Понимал, что Надым должен стать опорным пунктом огромного газодобывающего региона. Но понимал и то, что «опорный пункт» надо сделать красивым, уютным, комфортным для людей, и он много сделал для этого, проявляя твёрдость, решительность и принципиальность.

Вскоре его пригласили на работу в Западно-Сибирскую межведомственную территориальную комиссию по вопросам развития нефтегазового комплекса, и он на четыре года стал по существу одним из заместителей В. П. Курамина по строительству, курируя социальные вопросы. Иногда месяцами ему приходилось находиться в Госплане, буквально выбивая всё необходимое для сооружения важнейших объектов,



«Почётная Вахта», посвящённая приходу первого пассажирского поезда в город Нижневартовск

в том числе и в Тюмени. Он рассказывал, с каким трудом строились в Тюмени кардиоцентр, стадион, Дом культуры «Строитель» и другие объекты. Но все трудности и переживания, как он говорил, компенсировались удовлетворённостью от сделанного.

Потом новая высокая должность — заведующий социально-экономическим отделом Тюменского обкома партии. Вот некоторые выдержки из его характеристики этого периода: «Проявил себя хорошим организатором, грамотным специалистом, принципиальным, требовательным работником. Уделяя большое внимание работе с кадрами, он организует эффективное использование таких форм, как учёба руководителей среднего звена, повышение их квалификации, наставничество, стажировки в передовых хозяйствах. Для стиля деятельности тов. Филатова В. Д. характерны высокая партийность

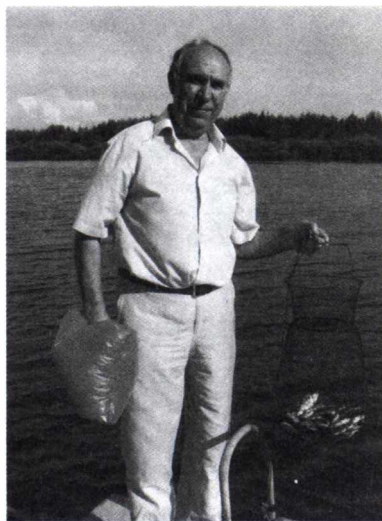


*У памятного знака в честь В. И. Муравленко
в санатории «Нефтяник Сибири»*

и ответственность, творческий подход к делу, умение объединить усилия партийных, советских, хозяйственных организаций, нацелить их на конечный результат... Пользуется заслуженным авторитетом...»

На какой бы должности Виктор Дмитриевич ни работал, он никогда не изменял своим принципам, оставался интеллигентным, доступным, скромным человеком. А когда он занялся предпринимательской деятельностью, то поддержал многих своих бывших коллег, пригласив их на работу. Москаленко Н. А., Тайлашев Л. Г. и другие, оставшиеся в период развала СССР, как говорится, «не у дел», трудились в его компании.

Всё, к чему прикасаются золотые руки Виктора, приобретает вид шедевра: дом, сауна, бильярдная, гостевой домик, но главное творение — это пирамида. К её строительству он готовился долго. Ездил в раз-



В загородном доме есть все условия для отдыха и рыбалки

ные города и страны, осмотрел и ощупал множество пирамид. В частности, в Египте тщательно обследовал три пирамиды, надоедая переводчикам, поражая их вопросами и просьбами, с которыми обычные туристы никогда к ним не обращались. Особенно заинтересовала его знаменитая пирамида Хеопса, но не потому, что самая известная, а из-за технических характеристик. Именно она стала основой его пирамиды, как точная копия, уменьшенная в 20 раз. Построена пирамида без единого гвоздя из особого пористого камня из Ингушетии, который надёжно сохраняет энергию. Пирамида с большой точностью ориентирована по сторонам света. Как считает Виктор Дмитриевич, пирамида — этоместилище космической энергии, которую можно использовать для доброго дела — для восстановления ауры человека



Подруги по жизни

и улучшения его здоровья. И, надо сказать, что очень многие смогли в ней «пролечиться».

Виктору Дмитриевичу очень повезло с женой Верой Николаевной — умницей и красавицей, прекрасной и гостеприимной хозяйкой. По специальности Вера — инженер-экономист планирования промышленности. И по этой специальности Вера проработала в разных организациях до выхода на пенсию.

Вера Николаевна — чрезвычайно энергичная, в её руках все «горит», кругом идеальная чистота, всё сделано со вкусом. Она очень любит природу, поэтому на участке всё цветет и благоухает. Вера Николаевна не только жена, она друг, соратник Виктора Дмитриевича, разделяет его взгляды, убеждения, вдохновляет и поддерживает его во всех начинаниях, делах и свершениях. Она любящая мать и бабушка.



Исполнение любимых песен под гитару

Я всегда поражался выдержке Виктора Дмитриевича. В любой ситуации, даже экстремальной, он никогда не срывался на крик, не суетился, не терял присутствия духа. Действовал всегда, исходя из интересов дела, разумно, без спешки и показухи.

Для меня не была неожиданной информация о том, что Виктор Дмитриевич защитил диссертацию кандидата философских наук. У него всегда было стремление к получению новых знаний, поэтому успешно окончил заочную аспирантуру Тюменского государственного университета. Когда Виктор Дмитриевич получил заслуженную награду орден Дружбы народов, мы, друзья и соратники, искренне радовались вместе с ним. Как говорится, награда нашла своего героя.

Виктор Дмитриевич — человек разносторонний. Он кандидат в мастера спорта по шахматам, прекрасно



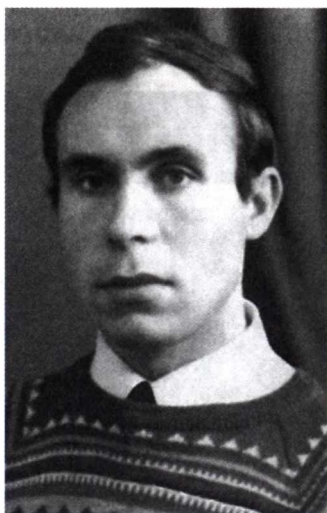
С подругой Любочкой Переплёткиной

играет. Для меня — большое счастье с ним сразиться, а особенно выиграть. Он хорошо поёт, играет на гитаре. Когда мы собираемся вместе, он зажигает костер, берёт гитару и над речкой звучат песни в нашем исполнении. Очень любит рыбалку, ловит маленьких карасиков и варит уху. Он свято относится ко Дню Победы, поэтому традиционно мы собираемся у них и отдаём должное победителям — нашим отцам и дедкам.

Виктор — настоящий друг. Он спонсировал выпуск фотоальбома «Круг друзей», где рассказано о семьях Филатовых, Москаленко, Переплёткиных и Великопольских. Это его подарок не только нам, но и нашим детям и внукам.



Пополнение — демобилизованные моряки Тихоокеанского флота на Самотлоре



В. Д. Филатов — начальник штаба, первый секретарь горкома ВЛКСМ

И закончу воспоминание о друге выдержкой из приведённого в начале стихотворения:

*И вот теперь в кругу семьи своей
Гитары, шахмат, спиннинга любитель,
Сзывает он проверенных друзей,
Простой, надёжный, добрый Победитель!*



Навсегда вместе с единственной любимой женой



ХАСАНОВ
МИДХАТ РАВИЛОВИЧ

ВЕРЕН ЗАВЕТАМ ОТЦА

Жизненный путь Мидхата Равиловича Хасанова сравним со многими его сверстниками, своим временем, которое меняло сложившееся в детстве и юности представление об окружающем мире. Он рано понял важность истинной мужской дружбы, что в одиночку ничего не изменить, что надо найти своё место в жизни, свою нишу. И вскоре он её нашёл.

У него особая черта характера — постоянство. Он привержен тому, во что верит. Любое начатое дело доводит до логического конца. Он строитель от Бога и этой профессии предан всю жизнь.

Мидхат родился в деревне Турумбетово Аргазинского района Башкирской АССР в многодетной крестьянской семье. Жили очень бедно, родители работали днём и ночью, не покладая рук, чтобы поднять детей, воспитать, обучить и приучить к труду. Мидхат окончил лишь восьмилетку. Вопрос выбора профессии не стоял. Для него был образцом отец, который в строительной бригаде земляков рубил срубы домов, бань, колодцев, хозяйственных построек. Он говорил сыну: «Мидхат, быть тебе строителем. Работа на селе нарасхват». Находясь с отцом, помогая ему в меру своих детских сил, Мидхат твёрдо решил: «Надо получить профессию и как можно быстрее начать помогать родителям, младшим братьям и сёстрам». Он выбирает Ишимбайское профессионально-строительное училище № 28, которое готовило квалифицированных рабочих для строительной индустрии. Родители выбор сына

одобрили, но всё же просили определиться со специальностью, связанной с нефтяной отраслью, к примеру, бурильщика. Работа тяжёлая, но зато денежная.

Мидхат выбрал профессию электрогазосварщика, которая, как он считал, будет востребована как в городе, так и на селе, в той же «нефтянке», а в строительстве считалась одной из главных специальностей. Родители согласились с желанием сына, помогая ему, чем только могли.

Два года учёбы пролетели незаметно. Получена специальность электрогазосварщика. Устроился на завод КПД в городе Салават. В профтехучилище парень не терял зря время, ходил на подготовительные курсы, чтобы поступить в строительный техни-



Родители: мама — Таслима, отец — Равиль

кум. Посещал фотокружок, записался в секцию самбо, популярную среди ребят. В этом виде спорта Мидхат делал поразительные успехи, регулярно выступал на соревнованиях в городе и регионе, был однажды даже чемпионом города.

Городской военкомат данную секцию держал на особом счету, поскольку ежегодно из числа вольных и физически крепких парней комплектовал команду для призыва в пограничные войска, которые в Вооружённых Силах СССР считались элитными. Молодёжь туда отбиралась тщательно. В органах КГБ изучалась родословная, вплоть до близких родственников. К биографическим данным Мидхата Хасанова вопросов никаких не было. Был призван на срочную



Совершеннолетний Мидхат

службу в 1968 году и оказался в Хорогском погранотряде Среднеазиатского Военного округа в Таджикской ССР, на границе с Афганистаном.

Специфика пограничной службы особая. Находиться на переднем рубеже охраны Государственной границы — высокая ответственность каждого воина перед страной.

Двухгодичная служба — настоящая школа мужества. Рядовой Мидхат в службе был безукоризнен, находился на хорошем счету у командования. Каждый раз, заступая в боевой наряд по охране закреплённого участка Государственной границы, проходил обязательную торжественную церемонию, давая клятву Родине.



*Служба в погранвойсках.
Граница СССР с Афганистаном,
1968–1970 гг.*

Это обязательство Мидхат выполнял на «отлично». В боевой и политической подготовке он служил личным примером для других, был активным комсомольцем, спортсменом, участником художественной самодеятельности. Об этом свидетельствовали его награды: «Отличник Вооружённых Сил», «Отличник погранвойск» второй степени, военный специалист первого разряда.

Командование погранотряда присматривалось к Мидхату. Таких, как он — наиболее способных отличников в службе, — руководство имело возможность оставить на сверхсрочную службу или же рекомендовать для поступления в военные пограничные училища, вплоть



Ежегодные встречи с друзьями в День пограничника. Радужный

до Московского высшего военного училища пограничных войск КГБ СССР.

Гвардии рядовой Мидхат Хасанов дал согласие, но не случилось. Об этом он вспоминает так: «Неожиданно меня вызывает начальник штаба на беседу. Начал издалека: пишу ли родителям? Как они там поживают? Советовался ли я о предстоящей учёбе в Москве? Думаю, что же произошло, куда клонит начальник штаба? Разговор закончил словами: «Тогда слушай меня. Передо мной твоё личное дело. Отец прошёл всю войну, в настоящее время трудится, не покладая рук. В семье десять детей. Думаю, не стоит тебе ехать на учёбу в Москву, надо по окончании службы возвращаться домой и начинать работать, зарабатывать деньги и помогать родителям, у тебя уже есть гражданская специальность».

К совету старшего командира Мидхат прислушался. Он решил ехать, но только не домой. Собрался в холодную Сибирь в составе комсомольско-молодёжного десанта демобилизованных пограничников в количестве 70 человек. Каждый имел на руках комсомольскую путёвку. Прибыли в Нижневартовск.

Кадровики коллективов НГДУ, УБР, строительных трестов ребят расхватили. В Нижневартовске находился строительный участок треста «Ишимбайжилстрой», куда его с радостью приняли на работу. Мидхат начал трудиться монтажником, звеньевым, бригадиром, мастером, прорабом, начальником участка. Потом работал начальником первого потока треста «Пермсибстрой», генеральным директором АООТ «Северстройсервис», а после реорганизации — ООО «Стройиндустрия».

Нижневартовский период трудовой и общественной деятельности Мидхат Равилович вспоминает до настоящего времени: «Тогда остро стоял важнейший вопрос обеспечения жильём нефтяников и строителей, учителей, врачей, словом, всех, кто участвовал в становлении топливно-энергетического комплекса Тюменской области. В. И. Муравленко придавал этому огромное значение, ратуя за возведение на Севере капитальных, добротных жилых домов с необходимой социальной инфраструктурой. Ему обязаны своим рождением новые города Урай, Нягань, Нефтеюганск, Нижневартовск, Радужный, Лангепас, Когалым и Ноябрьск».

В. И. Муравленко высоко ценил руководителей Нижневартовского строительного производства, управ-



*По комсомольской путевке — на строительство города
Нижневартовска. 1972 г.*

ляющих трестами Г. И. Пикмана, И. И. Трегубенко, В. Ф. Зайченко, И. И. Мазура, М. К. Михайлова, И. А. Волкова, В. И. Коротченко, И. И. Бабакова, Я. М. Малинского, Е. А. Луценко, Е. И. Куропаткина и С. И. Денисова. У него к каждому было особое отношение, он их поддерживал во всём и помогал. В каждый его приезд в Нижневартовск я участвовал в совещаниях, где в первую очередь рассматривались вопросы строителей, и только после этого заслушивались нефтяники. Этот порядок был неизменным до конца его жизни.

В. И. Муравленко понимал, что только от успешной работы строителей напрямую зависит судьба выполнения напряжённых планов нефтяников. Поэтому он требовательно относился к своим заместителям по капитальному строительству Е. И. Павлову и А. С. Парасюку, к работни-



В родном городе Радужном

кам управления ОКСа В. П. Патеру, И. А. Гуле и к заместителям по строительству НГДУ, производственных объединений Г. М. Кукуевицкому, Б. С. Рябову, Е. Н. Пикману, Т. Ш. Булатову и Ю. Н. Пониждову. Он настаивал на совместной работе нефтяников в качестве заказчиков и строителей в качестве подрядчиков, и это давало свой результат.

Строители старались оправдать доверие В. И. Муравленко и достигали ощутимых успехов. Так, при Я. М. Малинском, начиная с 1972 года, ежегодно вводилось по две школы, три детских сада, более 100 тысяч квадратных метров жилья. Это позволяло снизить остроту проблем в здравоохранении и народном образовании.

За ходом строительства городов и посёлков внимательно следил А. Н. Косыгин, откликаясь на все обращения нефтяников, поддерживал и помогал. Он был уверен, что стратегия капитального строительства выбрана верно.

Во второй приезд А. Н. Косыгина в область он посетил и наш город, где провёл совещание, на котором присутствовали Б. Е. Щербина, В. И. Муравленко, А. М. Токарев, Г. И. Голтвянский и Я. М. Малинский. На этом судьбоносном совещании, по сути, решался вопрос, касающийся застройки Нижневартовска и городов Среднего Приобья. А. Н. Косыгин поделился впечатлением от поездки во Францию, где ему задали вопрос: «Почему в СССР дома строят два раза: один раз на заводе КПД и второй раз на строительной площадке?» Французы тоже строят КПД, но только панели формируют непосредственно около строящегося дома, без

пропарки, в зоне башенного крана, и через несколько дней их монтируют. А. Н. Косыгин сделал вывод: «Я считаю, что при огромных масштабах жилищного строительства в Западной Сибири и высокой стоимости жилья, панельное домостроение даст большой экономический эффект». Он был окончательно уверен, что в суровых условиях Сибири данное строительство будет основополагающим.

После этого вывода я увидел, как облегчённо выдохнули присутствующие на совещании, кроме министра Минпромстроя СССР А. М. Токарева. Дело в том, что он не хотел принимать на себя строительство нового объекта — Нижневартовского ДСК. Но после этого совещания вопрос о строительстве ДСК был решён окончательно, а это означало ускоренное строительство жилья для нефтяников.

В этом круговороте мужал, обретал опыт руководителя М. Р. Хасанов. Меня восхищали его жизнелюбие, уважение к своим сподвижникам, простым людям, которые вместе с ним проходили периоды развития нефтяной промышленности в районе, строительства города Нижневартовска.

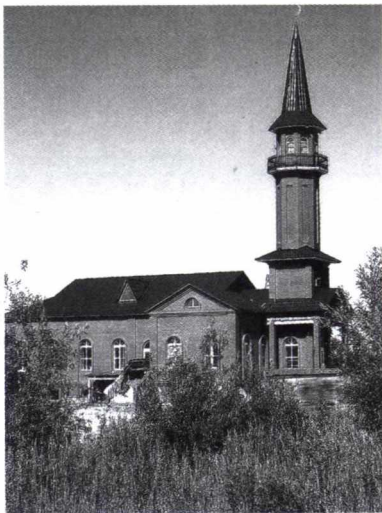
Я пытливо следил за каждым периодом его жизни, за каждым шагом его трудовой и общественной деятельности. Они давали представление о его натуре, об отношении к происходящим событиям и их роли в его судьбе.

М. Р. Хасанов, вобравший лучшие качества достойных людей земли тюменской, может служить примером, на который стоит равняться. Мне всегда imponировали его неуёмная энергия, дар организато-

ра, талант общения с людьми, умение радоваться каждому прожитому дню.

Первая зарплата, полученная на руки, оказалась гораздо больше, чем у инженеров. Мидхат подумал: «Меня это устраивает, даёт возможность обеспечить не только себя, но и помочь родителям, братьям и сёстрам. Они ждут от меня помощи».

У Мидхата есть способности к лидерству, его замечают и поручают руководство бригадой монтажников. Приученный к труду с детства, прошедший армейскую школу в пограничных войсках, бригадир Мидхат начал с наведения трудовой дисциплины на участке. Он вводит коэффициент личного участия каждого в труде. Для наглядности изготовил настен-



*Обсуждение с имамом хода строительства мечети
в городе Радужном*

ный стенд «бюллетень» с ежедневными показателями, где напротив каждой фамилии зелёным кружком отмечает выполненное задание, а красным — невыполненную норму, прогулы и опоздания. Почин бригадира вначале восприняли, как насмешку, сравнив её с ненужной школьной выдумкой. Эта наглядность многим пришлась не по душе, тайком стенд несколько раз срывали, но он вновь и вновь появлялся на самом видном месте. И время делало своё дело. Постепенно убедились в нужности такого наглядного учёта эффективности, а действия Мидхата оценили как справедливые. Помимо этого, на утренних летучках, сходках он не уставал говорить членам бригады: «Вы сюда приехали участвовать в государственном



*Встречи с Н. В. Комаровой и Б. С. Хохряковым.
Ханты-Мансийск, 2010 г.*

деле. Каждый из вас должен устроить нормальную жизнь. В бригаде есть любители выпить и нарушить установленный мною порядок. Каждый из вас зарабатывает деньги и большие, но их надо тратить с умом, тогда жизнь будет интересной». Постепенно все проблемы в бригаде преодолевались, но были и те, кто испытывал его терпение, гадая, когда же оно у него закончится.

Собрав однажды самых отъявленных нарушителей, Мидхат Хасанов в присутствии всей бригады оглашает решение об увольнении двух пьяниц. Удивился, когда на следующий день его ждали жёны уволенных с мужьями. Плача, от имени своих детей умоляли оставить их в коллективе. Выслушав покаянную речь про-



Фото на память.

На малой родине в Аургазинском районе. Башкортостан

винившихся и обещание исправиться, строго сказал: «Понимаю вас, женщины. Вы из-за мужей страдаете. За увольнением последует выселение из общежития. Соглашусь ради детей дать им последний шанс и оставлю в бригаде. Это будет последний разговор».

Результат проведённой воспитательной терапии не заставил себя ждать. Мидхат заметил, что мужики взялись за ум и даже стали его помощниками в наведении дисциплины в бригаде. Бригада стала дружной, сплочённой и одной из лучших на участке, перевыполняя ежедневные и месячные планы, получая поощрения и премии. Вскоре Мидхат Хасанов назначается мастером, затем прорабом и, наконец, ему доверяют руководство участком.



*У могилы В. И. Муравленко.
Тюмень, 2012 г.*



*В День Победы.
Радужный, 2012 г.*

И тут судьба свела его с талантливым руководителем строительного производства, управляющим трестом «Пермсибстрой» Евгением Ивановичем Куропаткиным, с которым не расставался, считая его по праву своим учителем. «Трудиться на благо людей — важно и почётно!» — так говорил Куропаткин, эта же фраза стала жизненным девизом его ученика. Хасанов достойно продолжил дело своего учителя, которого он считал образцом не только профессионального мастерства, но и уважительного отношения к людям. Под его руководством строители приступили к возведению домов пермской 439-й серии. Вскоре на смену пермским девятиэтажкам с маленькими кухоньками и узкими прихожими пришли шестнадцатизэтажные



Встреча друзей в городе Нижневартовске, 2018 г.

«небоскрёбы» московской серии, какими в то время не могла похвастаться даже областная столица.

Сам же Мидхат всё увереннее утверждался в строительной сфере, шагая вверх по ступенькам служебной лестницы. При этом он, опираясь на собственный опыт, заставлял своих подчинённых овладевать дополнительными специальностями.

«О каждом из построенных при моём участии зданий могу рассказать целую историю, — вспоминая дела давно минувших дней, говорит Мидхат Равилович. — Эти объекты давались нам непросто в эпоху громких нефтяных побед. Время было сложное: головы первых руководителей летели только так! Даёшь столько-то миллионов тонн нефти — и всё тут! А какой ценой, какими издержками...»



Совершение хаджа. Мекка, Саудовская Аравия, 2002 г.

Много интересного, радостного и не очень, из того уже далекого прошлого сохранил в своей памяти Мидхат Равилович Хасанов. Как жил в балках, в «деревяшках», как ходил в болотниках и работал на морозах, доходивших порой до 50 градусов, как строил вместе с товарищами не только города Нижневартовск, Лангепас, Мегион, Покачи, но и посёлки Вату, Ларьяк Нижневартовского района.

В античные времена Аристотель, один из отцов философии, делил все блага человеческой жизни на три основные категории: внешние, духовные и телесные. Трудно с ним не согласиться. У М. Р. Хасанова все эти главные составляющие жизни имеются.



С внуком на рыбалке в окрестностях города Радужного

Первое — его сибирское богатырское здоровье, внутренняя сила, темперамент, самоотдача, воля к достижению намеченных целей.

Второе — его долг перед обществом, работа всегда на первом месте, созидание, самоотдача.

Третье — его уважительное отношение к друзьям, соратникам, простым людям, и, как следствие, его авторитет, почёт и уважение.

В чём же секрет его жизненного успеха? М. Р. Хасанов — самородок, в котором в большей или меньшей степени заложены гены родителей, предназначение и воля Аллаха, лучшие качества людей, с которыми он общался. Он трудяга, и это позволило ему стать руководителем строительного комплекса города Радужного и общественным деятелем Югры. Он человек высокой нравственности и обаяния.

Сегодня судьба России кардинально поменялась, но и в этой новой жизни М. Р. Хасанов остался прежним, был и есть патриот. Даже в самые тяжёлые кризисные времена нашёл настоящее дело, что и является мериллом его удовлетворённости от жизни. Другие мучаются завистью, стремятся занять больше денег, но не достигают этого и в абсолютном богатстве. Его очень сложно заставить делать то, что противоречит его сущности и убеждениям. Единственное правило, чем он руководствуется, — делать добро, творить благо, использовать свои умение и талант руководителя, профессиональные качества для развития своего города, своего коллектива, людей, живущих рядом с ним. У него нет рвачества, душа не воспринимает приумножения материальных благ любыми способами и личного обогащения.

Из личных качеств М. Р. Хасанова мне больше всего импонирует его весёлый нрав, оптимизм, улыбка, умение сохранять достоинство в любой ситуации, а это признаки хорошего здоровья, которое является птицей счастья. Именно здоровье — источник наслаждения жизнью, а без него не доставляют радости ни ум, ни деньги, ни слава. Люди, его потерявшие, считают величайшей глупостью приносить здоровье в жертву карьере, богатству.

Мидхат Равилович служит людям — это самое благородное дело, которое известно человечеству. Общение с ним делает нас чище, добрее, духовно богаче, человечнее. Его жизненный путь — пример для молодого поколения.



*Мидхат Равилович Хасанов — эколог, волонтер, благотворитель.
г. Радужный*



ХЛЮПИН
ВАЛЕНТИН ИВАНОВИЧ

КОМАНДА ХЛЮПИНА

Иntenсивные геологоразведочные работы на Севере Тюменской области под руководством Героя Социалистического Труда, лауреата Ленинской премии Ю. Г. Эрвье дали поразительные результаты. Берёзовская опорная скважина была пройдена в соответствии с пятилетним планом опорного бурения в СССР, утверждённым 20 января 1950 г. техническим советом Министерства геологии СССР. 29 сентября 1952 года буровая партия Тюменской геологоразведочной экспедиции треста «Запсибнефтегеология» начала бурение, а 19 сентября 1953 года из верхнеюрских отложений был получен газовый фонтан. Таким образом, более полувека назад было открыто первое газовое месторождение в районе Берёзово Ханты-Мансийского автономного округа.

Из воспоминаний начальника отдела нефтяной и газовой промышленности, позднее главного инженера НПУ «Тюменнефтегаз» Евгения Ивановича Болдырева: «В 1960–1963 годах занимались освоением Берёзовского газового месторождения. Тогда проложили первый газопровод от месторождения в село и перевели на газ Берёзовский рыбоконсервный комбинат. Приказом по управлению в 1961 году был образован Берёзовский промысел. Колесный пароход «Масленщик» (капитан Николай Петрович Лунин) буксировал баржу, которая доставила в Берёзово две буровые установки БУ-75 для организации эксплуатационного бурения. В это время мы работали с Тюменским

геологическим управлением, торопя их передать материалы по открытым месторождениям для проектирования объектов нефтегазодобычи. На территории области возникали первые предприятия нефтяников, строителей, авиаторов и речников».

В последующие десять лет геологами были открыты 18 газовых и 9 нефтяных месторождений. Эти открытия подтвердили богатую нефтегазоносность Западной Сибири, возможность создания здесь крупнейшей нефтегазодобывающей базы страны. Первоначально эту задачу должно было решать созданное в Тюмени нефтепромышленное управление Средне-Уральского совнархоза.

Постановлением Совета Министров СССР от 4 декабря 1963 года в городе Тюмени создаётся производственное объединение нефтяной и газовой промышленности «Тюменнефтегаз». Первым начальником был назначен А. М. Слепян. Арон Маркович пользовался авторитетом и уважением не только в среде буровиков. О нём были высокого мнения на предприятиях и в организациях Башкирской АССР, в Министерстве нефтегазодобывающей промышленности СССР. До приезда в Тюмень он возглавлял в городе нефтяников Октябрьском крупнейший трест «Туймазабурнефть».

В Приволжском нефтяном районе трест был единственным, ведущим бурение в Башкирии, от его деятельности напрямую зависела добыча в республике. В коллективе буровиков А. М. Слепяна сложился мощный отряд проходчиков недр, ведущих разбуривание крупнейших нефтяных месторождений — Туймазинского, Шкаповского, Арланского, Чекмагушского и других.

Из воспоминаний В. И. Хлюпина: «Весть о переезде в Тюмень А. М. Слепяна мгновенно разнеслась среди нефтяников. Она стала своеобразным сигналом к действию: «Сибирь зовёт! Тюменская нефтяная целина ждёт патриотов!»

Дав согласие на переезд, Арон Маркович, конечно же, рассчитывал укомплектовать аппарат объединения «Тюменнефтегаз» работниками, которых хорошо знал по прежней работе. Так и произошло. Вслед за ним потянулся длинный шлейф руководителей, специалистов и рабочих в Тюменскую область. В числе первых были директор Арланской конторы бурения Мидхат Назифуллович Сафиуллин, принятый на должность управляющего трестом «Тюменнефтегазразведка», а главным инженером в этот трест прибыл главный инженер конторы бурения № 2 объединения «Башнефть» Леонид Иванович Вязовцев. Главный геолог НПУ «Аксаковнефть» Юрий Иванович Шаевский был назначен главным геологом объединения «Тюменнефтегаз». Мастер сектора технологии бурения научно-исследовательской партии буровых и разведочных работ треста «Туймазабурнефть» Михаил Андреевич Баринов был утверждён на должность начальника связи объединения «Тюменнефтегаз», а главный инженер Бирской геолого-поисковой конторы треста «Башвостокнефтеразведка» Авзалитдин Гизятуллович Исянгулов стал заместителем начальника производственно-технического отдела объединения «Тюменнефтегаз».

В то время Тюмень свела вместе специалистов, рабочих и руководителей нефтяной отрасли, не знавших

ранее друг друга. Приехавшие по предварительной договорённости из других районов страны составили костяк создаваемых предприятий и организаций. На их долю выпала основная работа по подготовке промыслов к пробной эксплуатации, бурению первых эксплуатационных скважин, строительству временного жилья и промышленных баз. Как правило, именно они, первые, остались до конца освоения сибирской нефти, а сегодня их дети продолжают дело своих отцов и матерей.

Спустя полтора года после первого десанта специалистов, прибывших из Башкирии, Татарии и Куйбышевской области в Тюмень, 12 апреля 1965 года М. Н. Сафиуллин пригласил в Нижневартовск на должность начальника Мегионской конторы разведочного бурения № 4 Валентина Ивановича Хлюпина, которого знал по работе в тресте «Туймазабурнефть».

В. И. Хлюпин родился 21 января 1929 года в деревне Дуванайка Наримановского района Башкирской АССР. После окончания средней школы он успешно окончил курсы техников по бурению нефтяных и газовых скважин в городе Уфе. Начиная с 1947 года, вся трудовая деятельность Валентина Ивановича связана с приобретённой специальностью. Он прошёл путь от бурового рабочего, помбура до бурового мастера. Более восьми лет был начальником вышкомонтажного цеха конторы бурения № 2 треста «Туймазабурнефть». Семь месяцев возглавлял производственный участок Белебеевской конторы бурения треста «Башзападнефтеразведка». Теперь его ждала Тюмень. Тогда в объединении «Тюменнефтегаз» был установлен порядок:

прибывающий в Тюмень вместе с приказом о назначении получал и авиабилет к месту работы.

В. И. Хлюпину предстоял длинный, протяжённостью свыше полутора тысяч километров, путь до места своего нового назначения — Нижневартовска. Путь этот лежал через Тюмень и Сургут. Валентин Иванович не представлял себе таких просторов! Трудно было осознать, что на территории области с лихвой помещаются четыре Франции!

Прибыв в Тюмень, Валентин Иванович разместился в единственной городской гостинице «Заря», которая стала перевалочным пунктом и временным пристанищем для приезжающих нефтяников. Уже отсюда они добирались до мест будущей работы. Весть о приезде Хлюпина быстро распространилась по гостинице.



В. И. Муравленко, В. И. Хлюпин, М. Н. Сафиуллин и Ю. Б. Фаин рассматривают разбуривание Самотлора

Едва поселившись, он уже принимал гостей. Двухместный номер мгновенно был заполнен десятком мужиков. Каждый нес закуску, «Столичную», каждому хотелось услышать о своих коллективах, о семьях и друзьях, которые остались в Октябрьском. Застолье было шумным. Встреча земляков затянулась за полночь.

Друзья наперебой спешили дать В. И. Хлюпину советы. В центре внимания мужской компании был общительный и уважаемый буровиками М. Н. Сафиуллин. Он конкретизировал особенности предстоящей работы В. И. Хлюпина, говорил о трудностях мегионских буровиков, о перспективах нефтяников в Нижневартовском районе. В этот вечер Валентин Иванович наслушался всякого. Особенно запомнились байки про комаров и мошек. Некоторые явно перегибали, харак-



В. И. Хлюпин, Р. И. Кузоваткин, А. Л. Резников, И. В. Муравленко знакомят высокого гостя с Самотлором

теризуя особенности северного гнуса. За разговорами незаметно наступило утро.

Хочу отметить кредо Валентина Ивановича. Он никогда не искал лёгких путей в жизни, ему были не свойственны робость, неуверенность перед возникающими трудностями.

Нижневартовский аэропорт имел укороченную взлётно-посадочную металлическую полосу, применяемую у военных. Принимал лишь самолёты Ан-2 и только в дневное время. Управление полётами осуществлялось Сургутским авиаотрядом. В. И. Хлюпин самолётом Ли-2 долетел до Сургута, а в Нижневартовск — вертолётom Ми-4, посланным начальником НПУ «Мегионнефть» Б. И. Осиповым. До этого Валентин Иванович никогда не летал на вертолёте, теперь же этот вид транспорта для него и всего коллектива Мегионской конторы станет основным.

Пересев в вертолёт, который задрожал всем корпусом и с трудом оторвался от земли, Хлюпин почувствовал, что ему стало как-то не по себе, даже страшно за обшивку, за винты, упрямо тянущие машину вверх. Постепенно страх прошёл, Валентин Иванович успокоился и в иллюминатор стал рассматривать проплывающую внизу унылую снежную равнину с редкими островками растительности, со множеством замерзших болот и озёр, с речушками, вьющимися, как змеи. И хотя шёл апрель, всё было покрыто снегом. Он на миг представил себе картину, когда весной под лучами солнца снег растает, и эта равнина уйдёт под воду. Как же тут работать?

Подошедший к нему второй пилот сообщил, что экипаж получил задание забрать по пути вахту

нефтяников. Через час полёта вертолёт развернулся над тайгой, и в иллюминаторе стала видна буровая вышка с несколькими вагончиками и техникой. Произвёл посадку примерно в сорока-пятидесяти метрах от буровой на площадку, собранную из стволов сосновых и кедровых деревьев. Валентин Иванович подумал: «Кто же дал команду рубить кедр?»

Вахта, поджидавшая вертолёт, быстро начала грузить ящики, коробки, тюки — всё это передавалось из рук в руки по цепочке. Двигатель не был выключен, и вертолёт мотало из стороны в сторону. Через какие-то минуты — вновь взлёт. Окончательная посадка уже в Нижневартовске. Валентин Иванович всматривался в лица пассажиров, глазами отыскивая среди них своих, башкирцев. Их не оказалось.

Вахтовики произвели на него удручающее впечатление. Уставшие, грязные, небритые. У некоторых одежда была не зимняя, кое-кто в солдатской форме. Разместившись в салоне вертолёта группами, одни мгновенно заснули, другие взялись за еду, третьи говорили между собой. Валентину Ивановичу показалось, что все они похожи друг на друга. Но заметил и другое, то, что их объединяло, — мужская дружба, сплочённость, уверенность в себе.

Поговорить с людьми не представлялось возможным из-за сильного шума двигателя и свиста лопастей. Он представил себе свою работу с этими людьми в условиях, когда ещё не сложился трудовой коллектив. Понял всю ответственность и серьёзность порученного ему дела. С чего начинать? Как действовать в новых условиях? Хорошо думалось под монотонные звуки вертолёта!

А впереди его ждала неприятная ситуация. Летело Валентин Иванович на должность директора, на «живое» место. Со дня организации Мегионской конторы разведочного бурения прошло десять месяцев, директором конторы был Борис Михайлович Ракитин, тоже выходец из Башкирии.

Вертолёт сделал круг над небольшим посёлком, где только что устроились нефтяники. В стороне был виден старый, серый деревянный Нижневартовск, который с 1962 года стал районным центром с единственным предприятием, рибозаводом, и населением около тысячи человек.

Вертолёт произвёл посадку вблизи посёлка буровиков. Хлюпина никто не встречал. Выйдя из вертолёта, он направился к стоящим недалеко вагончикам.



Встреча друзей на юбилее коллектива Ордена Трудового Красного Знамени Нижневартовского УБР-1

Контора тоже размещалась в одном из них. Из воспоминаний о встрече с уже бывшим директором конторы: «За небольшим столиком сидел крепкий, с суровым лицом мужчина лет сорока. Под его пронизывающим и недоброжелательным взглядом мне стало как-то не по себе. В эти минуты даже подумал, что совершил ошибку, дав согласие поехать сюда. Но отступить было поздно. Я передал ему приказ о моём назначении. Борис Михайлович глянул на меня из-под нависших густых бровей, встал, отложил в сторону переданный мною приказ, положил ключ от входной двери на стол, с горечью и обидой в голосе сказал: «Ну-ну, командуй!» Вышел из вагончика и медленно зашагал к берегу Оби. Я остался один, с чувством нашкодившего школяра. В голове всё перемешалось, вспомнились слова



Фото на память. Ветераны-буровики Нижневартовского и Сургутского районов в кабинете-музее В. И. Муравленко. 2012 г.

первого секретаря Туймазинского райкома партии: «Тебе, Валентин Иванович, 36 лет. Зачем тебе Сибирь? Здесь столько работы, давай лучше поезжай в Москву, подучись в Высшей партийной школе». Я ведь уезжал в Тюмень с должности секретаря парторганизации».

Нахлынули сомнения. Зашёл к нему Семён Васильевич Тамилин. Они много лет работали в одном коллективе, а здесь он был главным энергетиком. Валентин Иванович знал, что он с женой уехал в Тюмень, и не мог предположить, что судьба сведёт их вновь. Это была настоящая радость от встречи.

Беседа затянулась. Рассказывал в основном С. В. Тамилин: «Мы, восемнадцать человек,плыли сюда на грузовой барже почти месяц. Начали с палаток. Пришлось испытать всю неустроенность быта: не было света, спали в ватниках, подолгу ждали, когда привезут продукты и питьевую воду. Однако нытиков не было. Каждый в меру своих сил стремился адаптироваться к суровому Северу. Пошли на вынужденные меры: установили койки в три яруса. В наскоро срубленных балках поместили дизельную электростанцию, котельную. Это позволило обеспечить посёлок электричеством и паровым отоплением. Пожертвовав вагончиком, разместили в нем магазин, в котором продавали тушёнку, рыбные консервы, сушёную картошку, спирт. Хлеб привозили от случая к случаю из Нижневартовска.

Столовой не было, рабочие готовили пищу на электрических плитках и кострах. Построили для семейных жильё, а для одиночек установили жилвагончики. В настоящее время вывозим оборудование и материалы с трёх барж, замерзших в Оби, вблизи национального

посёлка Сайгатино Сургутского района. На Мегионской площади приступили к монтажу буровой под номером 504».

Получив вводную, В. И. Хлюпин понял одно: в такой обстановке ему предстоит показать всё, на что он способен, и это нужно сделать уже на следующий день.

Семён Васильевич пригласил к себе на ужин. Он с женой жил в одной половине вагончика, другую занимал начальник участка Николай Павлович Япрынцев. После ужина Семён Васильевич проводил Хлюпина в отведённое для него жильё — такой же вагончик.

Оставшись один, Валентин Иванович долго не мог заснуть, несмотря на страшную усталость. Несколько раз перечитывал список, состоящий из 18 фамилий. Нашёл в нём фамилию земляка Михаила Гарафовича Хуснутдинова, главного инженера конторы. Он знал его как энергичного, добросовестного, грамотного инженера. Не случайно главный инженер треста «Тюменнефтегазразведка» Л. И. Вязовцев пригласил его на эту должность.

Валентин Иванович не стал дожидаться утра, пошёл к нему в вагончик. Михаила Гарафовича на месте не оказалось. Он руководил вывозом грузов. Шедшие из Тюмени две баржи с оборудованием, инструментами и материалами до места назначения не дошли — вмерзли в лед между Сургутом и Нижневартовском. Михаил Гарафович взвалил на свои плечи всю тяжесть в организации работ по вывозу оборудования. Возможность представлялась одна: ждать морозов, чтобы тракторам пробиться к баржам, преодолев сотни болот и речушек.

По мере усиления холодов и промораживания зимника была пробита трасса для тракторов с санями.

Вывоз сотен тонн груза, крупногабаритного бурового оборудования потребовал почти всей зимы. Работа была организована круглосуточно, несмотря на морозы, пургу, усталость людей, а их было всего более десятка. Для начинающего коллектива мегионских буровиков это был первый трудовой подвиг.

Одновременно конторе предписывалось задание по монтажу бурового станка и началу проходки первой эксплуатационной скважины, а иначе — срыв монтажа, и нет плана, а ведь столько труда вложено в пробивку зимника через ручьи, озёра, болота. Это понимали все.

Вернувшись, Валентин Иванович продолжил изучать список. В нём оказались бурильщики С. А. Повх, Е. П. Течь, И. А. Ретиков, И. А. Ромашевский и сварщик А. И. Обиход. Их он хорошо знал по прежней работе. Значит, есть на кого положиться. Они поддержат морально. Вновь прилёт, стараясь заснуть, но сон не шёл. Всё думал, задавал себе вопрос: «Что движет этими людьми? Чем руководствовались они, чтобы поехать в Сибирь, оставив хорошую работу, заработок, обжитые места?»

Работая в Нижневартовске, я и сам не раз задавал себе подобные вопросы. Теперь могу ответить: «Да, видимо, есть право, не записанное ни в одном своде законов. Это право — быть лидером, первопроходцем, право доказать необходимость своего участия в большом деле, право изменить жизнь к лучшему и, наконец, право дорожить достоянием государства, его экономической независимостью и оборонной мощью. Что же влечёт к этому шагу? Думаю, потребность человека в самовыражении, в самоутверждении, желание испытать себя, стремление принести людям пользу...»

Ранним утром на следующий день Валентин Иванович отправился на доклад к начальнику НПУ «Мегионнефть» Борису Ивановичу Осипову. Из воспоминаний: «Встреча с Осиповым превзошла все мои ожидания. С первого дня мы стали деловыми партнерами. Потом наши отношения переросли в дружеские и даже семейные. Борис Иванович поразил меня своими глубокими профессиональными знаниями. Он хорошо знал дела и трудности проходчиков, переживал и предпринимал конкретные действия по оснащению буровыми установками. Он активно «выбивал» их у руководства объединения и треста. Стремился обеспечить всех работников жильём, независимо от профессии. Буровиков же считал «дальнобойной артиллерией», понимал, что от их работы напрямую зависит добыча нефти. В ущерб своему коллективу принимал решение о дополнительном выделении квартир для специалистов конторы. На планёрках Борис Иванович начинал с того, что сделано и планируется руководителями в решении житейских проблем.

Ой, сколько их было! Первоначально не хватало для новосёлов капитального жилья. Не удалось избежать строительства временок. В Нижневартовске в 1965 году уже началось сооружение деревянных четырех- и восьмиквартирных домов, закладывались первые каменные. В решении этих вопросов велика роль Б. И. Осипова.

Я убедился в том, что он принимал близко к сердцу нужды и беды рабочих. За эти его человеческие качества не только я, но и многие руководители уважали Бориса Ивановича и очень сожалели, когда он был снят с должности начальника НГДУ «Мегионнефть».

После служебного визита к «хозяину», основному заказчику Б. И. Осипову, как член партии, знающий порядок постановки на учёт, Валентин Иванович отправился на приём к первому секретарю Нижневартовского парткома Леониду Вячеславовичу Аксарину. Поясню читателю: партком был с правами райкома партии, а статус районного или городского партийного органа напрямую зависит от количественного состава партийной организации. По состоянию на 1 января 1965 года насчитывалось около тысячи коммунистов. В 1968 году Постановлением ЦК КПСС партком стал именоваться Нижневартовским райкомом КПСС.

Районное, партийное и советское руководство размещалось в старой части посёлка. Леонид Вячеславович встретил Хлюпина с некоторой настороженностью. Причина была в том, что смена начальника конторы произошла без его согласия. В связи с этим в Нижневартовск не прибыли М. Н. Сафиуллин или же Л. И. Вязовцев, которые должны были официально представить В. И. Хлюпина коллективу. Здесь Валентин Иванович узнал, что Б. Н. Ракитин работает инженером в отделе капремонта НПУ «Мегионнефть».

В ходе беседы Аксарин узнал о трудовой деятельности Валентина Ивановича, о более чем десятилетнем членстве в КПСС, двух годах работы освобождённым секретарём крупной парторганизации. Отношение к нему изменилось. Леонид Вячеславович пожелал Хлюпину успехов в работе, пообещав со своей стороны поддержку буровикам в наращивании темпов строительства скважин на Мегионском месторождении. Затем он познакомил гостя с председателем

Нижневартовского райисполкома Николаем Ивановичем Михальченко.

Получив добро, Валентин Иванович приступил к выполнению своих прямых обязанностей. Он принял коллектив конторы численностью свыше ста человек. В последующие годы численность возрастёт в восемь раз! От желающих работать не было отбоя. Ехали отовсюду буровики, нефтяники, молодые специалисты. Проблема по-прежнему состояла в острой нехватке жилья. Средства и возможности строителей не позволяли развернуть весь комплекс обустройства Мегионского месторождения. Тут целая цепочка: буровики не бурили, следовательно, не было скважин, НПУ не добывало нефти.

Валентин Иванович понимал, что надо бурить, бурить... Тогда будет и жильё, и всё, что нужно для жизни человека. Он знал, что от его первых шагов, решений и действий будет зависеть положение коллектива, который возлагал на нового начальника большие надежды.

Разбуривание Мегионской площади было трудной задачей. Месторождение имело свои особенности. Оно опоясано протоками, находилось на острове, а частью уходило под Обь. Валентин Иванович спешил быстрее закончить монтаж буровой, укомплектовать первую бригаду опытными бурильщиками. Ускорение диктовалось ожиданием весеннего паводка, который внесёт сумятицу в организацию буровых работ. Отторжение месторождения водной преградой от производственной базы, затопление во время весенней распутицы представляли особую сложность. В этих условиях для

буровой нужно будет строить свайное основание или же на летне-осенний период прекратить работу вообще. К такому повороту контора не была готова, и люди не имели опыта ведения буровых работ в подобных условиях. Оставалось одно: спешить, но при этом «не наломать дров».

Буровая бригада была скомплектована из башкир. Валентин Иванович каждую кандидатуру рассматривал лично, всесторонне изучал деловые качества. Буровым мастером утвердили Нургали Исламгулова. Он прошёл в Башкирии хорошую школу буровиков.

Валентин Иванович и его помощники тщательно изучили представленные материалы Мегионской нефте-разведочной экспедиции по месторождению, на основании этого была составлена технологическая карта с учётом установленного оборудования, наличия инструмента, долот и практических знаний буровой бригады. Через месяц, 25 марта 1965 года, на Мегионском месторождении начато бурение первой эксплуатационной скважины № 504. Для конторы это был настоящий праздник. Это было началом большого будущего!

В ходе строительства скважины отслеживались все параметры. В. И. Хлюпин лично следил за этим процессом. В итоге результат был отличный. На бурение затрачено 34 дня, коммерческая скорость составила 1874 метра на станок в месяц. Техничко-экономические показатели оказались лучшими, чем у геологов. Сама бригада Исламгулова в первую очередь увидела и поняла, какие огромные резервы ещё не использованы. Производительное время составило всего 64 процента!

«Выбив» ещё две буровые установки, В. И. Хлюпин торопил «вышкарей» их смонтировать, сам же занялся комплектованием новых буровых бригад.

В 1966 году оказался небывало высокий паводок. Все три буровые ушли под воду. Ввиду опасности, по указанию В. И. Хлюпина, были зацементированы эксплуатационные колонны, что позволило избежать осложнений, хотя последующая очистка оборудования от песка и ила доставила конторе много хлопот и труда.

Работа на одном месторождении не давала покоя Валентину Ивановичу. Им было внесено предложение НПУ «Мегионнефть» выйти с бурением и на Ватинское месторождение. Оно было незатопляемое, покрытое таёжными зарослями. Главный геолог В. У. Литваков и его служба не проявляли интереса к его разработке из-за малого дебита. В. И. Хлюпин настаивал на своём, стараясь убедить руководителей треста «Тюменнефтегазразведка», НПУ «Мегионнефть», Главтюменнефтегаза, что без выхода на Вату не сможет работать круглогодично. Все-таки добился своего, ему пошли навстречу, выделив несколько точек. Принятое решение давало конторе возможность вести бурение в течение всего года, а, следовательно, сохранить коллективы буровых бригад. Выход на Ватинское месторождение был сопряжён с огромными трудностями по перевозке весной и осенью оборудования, материалов, инструмента.

Особую сложность представляла водная преграда — протока Мега. Весной, при оттепелях, рано появлялись забереги, и лёд у берегов становился хрупким. Осенью же нужно было ждать, когда протока хорошо

промёрзнет, и лёд сможет выдержать перетаскивание 140-тонной машины буровой установки. Надо было ещё чётко соблюдать график начала и окончания бурения каждой скважины, с тем чтобы сократить до минимума разрыв между окончанием и началом бурения очередной скважины каждой буровой бригадой, не допустить их простоя.

При окончании работ на Мегионской площади буровую следовало смонтировать на Ватинской. Из-за отсутствия станков в нужном количестве каждая бригада перебазировалась со своим станком, теряя на это большое количество времени по демонтажу, перевозке и монтажу на новой точке. Загруженность непосредственно бурением при такой организации составляла не более 60 процентов. Были случаи, когда бригады заканчивали бурение одновременно. В. И. Хлюпин решил сократить время перебазировки буровых через Мегу на 2–2,5 месяца за счёт искусственного намораживания льда пожарными помпами с прослойной укладкой кустарника.

Трудно было. Всё приходилось делать силами коллектива. Помощи ждать извне не приходилось. Не было специализированных снабженческих организаций, всё держалось на расторопности и умении руководителя, который решал вопросы как производственной деятельности, так и жизнеобеспечения работающих и их семей.

На протяжении двух лет Валентин Иванович создавал производственную базу. Она представляла собой натуральное хозяйство и имела цеховую структуру: вышкомонтажный, тампонажный, транспортный,

ремонтно-прокатный цехи, бурплощадка, участки бурения, электроцех и цех пароводоснабжения.

Встал вопрос о подборе руководящих кадров при их комплектовании. Для Валентина Ивановича он оказался непростым. Во-первых, ему не хотелось сразу же заменять тех, кто работал с прежним руководителем. Хотелось узнать, кто есть кто. Во-вторых, время было так спрессовано, что для долгих поисков, изучения деловых качеств работников его просто не хватало. И, наконец, свой «секрет» в работе с кадрами Валентин Иванович не мог в полной мере осуществить ввиду особенностей становления коллектива. Но одно было ясно: следовало использовать проверку на «выживаемость» с учётом личных способностей и профессиональных знаний людей.

Вышкомонтажный цех первоначально возглавлял Кох. Вскоре пришлось его заменить на более инициативного, грамотного и опытного Семёна Борисовича Гурова. Начальником участка бурения стал Николай Алексеевич Япрынцев, тампонажный цех был в надёжных руках Волкодаева. Цех пароводоснабжения был доверен надёжному «хозяину» жизнеобеспечения Василию Сергеевичу Бондареву. Заместителем по общим вопросам стал Николай Куликов вместо Марка Соломоновича Зелекмана. Производственно-технический отдел возглавил Александр Алексеевич Якимов. Должность механика по оборудованию доверили Михаилу Егоровичу Маслову.

В то время многие руководители предприятий и организаций были вынуждены иметь собственные базы или производственные участки. По мере развития нефтяной промышленности в районе был неизбежен

постепенный переход к созданию централизованных предприятий, выполняющих комплекс работ по бурению и эксплуатации скважин, монтажу буровых, тампонажным и транспортным работам, снабжению.

Тяжело было расставаться Валентину Ивановичу с начальниками цехов, с которыми вместе пережил тяжелейший начальный период освоения Мегионского и Ватинского месторождений. Они уходили со своими коллективами в создаваемые новые подразделения.

Особенно дорог был ему вышкомонтажный цех. В Башкирии Хлюпин занимался вышкостроением более семи лет. Ему было чем гордиться, опыт свой он перенёс сюда. Из его воспоминаний: «В конторе бурения № 2 треста «Туймазабурнефть» за два года перевели весь парк буровых станков на крупные блоки, которых было 22. Крупноблочное строительство буровых позволило сократить сроки монтажа в три-четыре раза. Буровые бригады прекратили простаивать в ожидании монтажа, экономический выигрыш от внедрения этого новшества был огромным. Контора работала ритмично, перевыполнялись планы, отсюда у рабочих значительно повысился заработок».

Валентин Иванович как руководитель представлял свой коллектив на ВДНХ и был награждён золотой медалью, поощрён ценным сувениром, избран членом совета ВДНХ, который возглавлял академик М. В. Келдыш. Вот почему ему так был дорог мегионский вышкомонтажный цех и вышкари, с которыми он с первого дня работы отказался строить буровые на чурках, как это делали мегионские геологи. Настойчивость и последовательность в монтаже прогрессивным методом были пере-

даны сначала Нижневартонской вышкостроительной конторе, а затем и Нижневартонскому вышкомонтажному объединению, которое возглавлял талантливый инженер и организатор Аркадий Акимович Бабларьян.

В 1967 году Главтюменнефтегазом была проведена частичная централизация транспорта в специальные автотранспортные и тракторные конторы. Обрели самостоятельность службы вышкостроения и материально-технического снабжения. Эти преобразования диктовались одним — освободить руководителей буровых работ от не свойственных им функций. Валентин Иванович горячо поддерживал и приветствовал новшества. Однако многого не хватало ещё для ведения ритмичной плановой работы, что лишало его возможности маневрирования. Не секрет, что каждый руководитель пытался «вырвать» себе больше, и на этой почве возникали конфликты. Тут арбитрами выступали руководители треста, объединения и Главка, которые наездами разрешали «мирным путём» эти вопросы.

Производственная телефонная связь нефтяников только начинала внедряться. На буровых она была ненадёжной, поэтому Валентину Ивановичу приходилось часто выезжать в бригады. На месте он мог активно влиять на выполнение графиков и сроков монтажа станков и бурового хозяйства. Он не пропускал ни одной пусковой конференции при забурке, опускании колонны, обвязке и испытании скважины.

В личном распоряжении В. И. Хлюпина был разъездной катер на воздушной подушке — заводского изготовления по разработкам Туполевского конструкторского бюро. Катер представлял собой своеобраз-

ную резиновую лодку, которая ходила только вперёд. С мотором от самолёта Ан-2 катер прекрасно скользил по водяной глади и ровной земляной поверхности, развивая скорость до 80 км в час. Но совершенно бесполезен был на пересечённой местности с пнями, кустарником и даже высокой травой. Из воспоминаний В. И. Хлюпина: «Я на себе испытал все его «прелести». Мы застревали в мелком кустарнике или же в траве, и приходилось шагать не один километр пешком в поисках какой-либо техники для буксировки.

После спада воды, как правило, в начале августа устанавливается жаркая погода. В это время происходит быстрый рост трав, и в них размножается большое количество комаров. В один из таких дней я отправился на своём воздухоплавательном аппарате на строящуюся буровую, которая находилась в двух километрах от берега Оби. Пролетели по реке, что называется, с ветерком, километров восемнадцать, взлетели по песчаной косе на берег и в траве «сели». Пришлось шагать на буровую напрямик по траве, которая была уже выше пояса.

Вот когда я по-настоящему узнал, что такое комары. Что ни шаг, из травы поднималась чёрная туча этих кровососов, которая буквально облепляла меня всего, а я был в рубашке с короткими рукавами. Жалили хуже пчёл, дышать было невозможно, они забивали глотку, и, чтобы не подавиться, я закрыл рот носовым платком, заняв тем самым руки. Путь в два километра показался мне марафонской дистанцией. Во рту всё пересохло, и было одно желание — напиться.

Приближаясь к мосткам буровой, я заметил на барабане с талевым канатом пол-литровую стеклянную

банку с прозрачной жидкостью. Я схватил эту банку и начал пить. Почувствовал резкий удар в спину, банка вырвалась из рук и покатила по мосткам. Во рту пылал «пожар». В банке была жидкость рицидин, которой рабочие смазывались от комаров. Долго пришлось полоскать рот, пока я начал разговаривать. Спас меня от неминуемого отравления дизелист Тихон Емельянович Савельев. Я благодарен ему, буду помнить всю жизнь.

Многие этого кошмара не выдерживали. А я испытал на себе, и когда вспоминаю, то начинают гореть лицо и руки. Чёрные тучи комаров и мошки, от которых не было покоя ни днём, ни ночью. Первопроходцам пришлось это пережить...»

Открытые нефтяные месторождения на огромной площади Среднего Приобья покрыты непроходимыми болотами, глубокими водоёмами, пересекаются полноводными реками, которые в весенний период заливают большие территории пойм и стариц. Встал вопрос: как осваивать эти месторождения? Вот почему был взят на вооружение метод бурения наклонно-направленных скважин. Всё началось в 1964 году на Усть-Балыкском месторождении. Однако отсутствие опыта и большие глубины привели к авариям и осложнениям. Так, в 1965 году из четырёх наклонных скважин, начатых бригадами Усть-Балыкской конторы бурения, лишь одна скважина была доведена до проектной глубины, а остальные пришлось ликвидировать.

Но это не остановило буровиков. Их мастерство с каждым годом росло. Мероприятия, разработанные Главтюменнефтегазом, совершенствование техники,

практическая помощь специально созданной лаборатории в институте Гипротюменнефтегаз под руководством директора О. А. Межлумова способствовали быстрому внедрению прогрессивного метода бурения.

Этот приём Хлюпин применил на Мегионском месторождении. По предложению геологической и производственной служб НПУ «Мегионнефть» главным геологом В. У. Литваковым было дано задание конторе — построить первую эксплуатационную скважину наклонным бурением с правого берега Оби. Для этого левобережные нагнетательные скважины были перенесены внутрь контура нефтеносности. По первоначальной технологической схеме всё было наоборот. Такой проект был неприемлем, ибо для сбора нефти и закачки воды требовались значительные капитальные вложения на строительство трубопроводов и их прокладку по дну реки.

В коллективе была проведена большая подготовительная работа. В первую очередь, пришлось начать учёбу с буровиками бригады Нургали Исламгулова, которой предстояло бурить такую скважину. Здесь неоценимую помощь внёс специалист по наклонно-направленному бурению Михаил Герасимович Атаян. По рекомендации работников треста «Сургутбурнефть» в 1966 году он был приглашён В. И. Хлюпиным. Валентин Иванович с группой инженеров выехали к коллеге, директору Усть-Балыкской конторы бурения Александру Николаевичу Филимонову, и на месте изучали их опыт.

Пришлось Хлюпину вспомнить внедрённый на Шкаповском нефтяном месторождении в Башкирии способ

двуствольного бурения, автором которого был Оник Арсеньевич Межлумов. За разработку и внедрение данного метода ему в 1951 году была присуждена Государственная премия СССР в области науки и техники. На Всемирной выставке в Брюсселе в 1958 году он был удостоен золотой медали.

Валентин Иванович ставит задачу перед начальником вышкостроения С. Б. Гуровым — установить буровую с передвижным кранблоком, оснащённую двумя роторами, что позволит одновременно вести бурение сразу двух скважин. Впервые построенные этим способом четыре скважины стали и последними. По вине главного технолога Игоря Ивановича Мещерина произошла авария...

В 1967 году первая наклонно-направленная скважина была пробурена с берега под русло реки Обь с отходом от вертикали на 760 метров. Наклонное бурение давало большую экономию средств. Замена законтурного заводнения внутриконтурным увеличивала проектный уровень добычи на один миллион тонн. Для коллектива Хлюпина это начинание было проверкой на способность применять новые технологии. Наклонно-направленное бурение с каждым годом становилось всё более востребованным и стало нормой работы буровых предприятий во всех нефтяных районах Ханты-Мансийского национального округа.

Спустя два года бригады перешли на Самотлор и усовершенствовали методику и практику, что позволило точно набирать заданный угол наклона и корректировать параметры кривизны в небольших интервалах на значительных глубинах. С применением забойных

инклинометров удалось сократить затраты времени на ориентирование отклонителя, осуществить оперативный контроль кривизны. Положительно сказалось внедрение телеметрической системы контроля проходки наклонно-направленных скважин типа «Ориентир-1».

Через год на Мегионском и Ватинском месторождениях началось строительство кустов скважин. Этот способ стал широко внедряться на предприятиях Главтюменнефтегаза, что значительно ускорило создание фонда эксплуатационных скважин, способствовало значительному перевыполнению плана восьмой пятилетки. На последующих этапах оснащение буровых предприятий новой, более прогрессивной, техникой и перевод на электропривод позволили успешно реализовать повышенные планы и дополнительные задания.

Валентин Иванович не мог спокойно жить, ему всегда хотелось искать и внедрять новое в технологии и организации буровых работ. С этой целью на Мегионской площади бригадой Исламгулова была пробурена скважина № 588 с коммерческой скоростью 9128 метров на станок в месяц. Такой скорости не добивалась ни одна бригада в Миннефтепроме. Здесь впервые были применены долота с приближенными к забою насадками и использован гидромониторный эффект. В конторе готовились повсеместно бурить с давлением 220–230 атмосфер, проходка на долото увеличивалась на 10–15 процентов. Механическая скорость возрастала на 20–30 процентов против бурения при обычных режимах 160–180 атмосфер.

В 1967 году Главтюменнефтегазом внедряется новая структура управления. Вместо контор бурения созда-

ются управления буровых работ. Мегионскую контору переименовали в Нижневартовское управление буровых работ № 1, где В. И. Хлюпин проработал до ухода на пенсию.

Этот год стал особенным для становления коллектива. Были выполнены все плановые технико-экономические показатели. Такие успехи для В. И. Хлюпина дороги ещё и тем, что проходка осуществлялась, в основном, турбинным способом. Выполнение плана 1967 года стало не случайностью, а результатом целенаправленной политики внедрения нового оборудования, новой высокопроизводительной организации труда.

Вот как Валентин Иванович оценивал свою работу: «Я всегда считал основным показателем любого коллектива выработку на одного работающего. В бурении — это метры скважин. Именно данный показатель вбирает в себя все элементы технического, технологического и организационного плана. Одним из основных элементов, способствующих достижению наивысшей производительности труда, является руководитель большого или малого ранга. Я начинал с себя и доходил до бурового мастера, от которого в полной мере и зависит успех, тот морально-политический климат, в котором «произрастает» конечный результат...»

Об успехах нижевартовских буровиков заговорили. Это стало точкой отсчёта будущих трудовых побед. Буровые бригады оказались в шеренге правофланговых. Складывался прочный коллектив, который готовился к штурму Самотлора.

В 1968 году буровики вышли на Самотлорское месторождение, открытое Мегионской нефтеразведоч-

ной экспедицией 24 мая 1965 года скважиной Р-1, пробуренной вблизи озера знаменитым буровым мастером Г. И. Норкиным. Здесь получили первый фонтан нефти.

В. И. Хлюпин любил называть своё управление коллективом единомышленников. «Буровая бригада, — утверждал он, — это не набор «рабочих элементов», а сплав крепкой дисциплины, единой технологии, рабочей чести и гордости за свою профессию. В бригаде, как в природе, благоприятный климат даёт высокий урожай, а холод и слякоть порождают сорняки».

Границы наклонно-направленного бурения резко расширились. Началось строительство первых кустов скважин. В зиму 1968–1969 года были заложены три куста на Мегионской площади и шесть — на Самотлоре. Для УБР это было задачей номер один. Наклонное бурение по своим технико-экономическим показателям должно приблизиться к вертикальному, должно увеличиться и число скважин в кусте.

Моё знакомство с Валентином Ивановичем состоялось в январе 1970 года. В кабинете первого секретаря Нижневартовского райкома КПСС Марата Павловича Страхова собрались члены бюро перед началом очередного пленума. Предстояло обсудить предложение Тюменского обкома КПСС по избранию двух новых секретарей: Николая Яковлевича Токарева вторым секретарём и меня — секретарём. На пленум райкома партии прибыл второй секретарь Ханты-Мансийского окружкома КПСС Пётр Евгеньевич Плесовских. Пока шли полуофициальные разговоры, я вглядывался в лица присутствующих. Моё внимание привлёк человек, сидевший в конце длинного стола, за кото-

рым разместились члены бюро. Сразу подумал — это хозяйственник и руководитель. Был он худощавым, со строгими чертами лица. Простая причёска, слегка волнистые чёрные волосы. Одет в тёмно-синий костюм, белоснежную рубашку с галстуком, на ногах — собачьи унты. Говорил он негромко и неторопливо, но убедительно, что вызывало симпатию. Этим человеком оказался начальник первого Нижневартовского управления буровых работ В. И. Хлюпин.

Вся трудовая деятельность Валентина Ивановича — образец самоотверженного, творческого отношения к делу. Его опыт руководителя уникален и бесценен. Валентин Иванович внёс большой вклад в организацию бурового производства, выработку принципиальных направлений в строительстве скважин. Его организаторский талант особенно проявился при разбурировании Самотлорского месторождения.

Возглавляемый им в течение пятнадцати лет коллектив в сложных условиях Севера пробурил свыше 4,5 миллионов метров горных пород, подготовил более 2000 высокодебитных скважин, из которых страна получила миллионы тонн высококачественной нефти. За десять лет работы на месторождении выработка на человека в год составила 751 метр против 54 метров в 1969 году. Таких результатов не имело ни одно управление буровых работ в отрасли.

Когда мне удавалось встретить его на мероприятиях в Нижневартовске, Ханты-Мансийске и Тюмени, при малейшей возможности старался общаться с ним, черпать новую порцию воспоминаний о работе, о друзьях, которые, как и он, находятся ныне на заслуженном

отдыхе. К сожалению, с каждым годом их становится всё меньше. Чаще общаемся по телефону. В одном из разговоров спросил его: «Валентин Иванович, если бы позволяло здоровье, поехал бы вновь в Тюмень, несмотря на сегодняшнюю экономическую обстановку?» Ответ получил однозначный: «Да!»

Закончив воспоминания, я выслал их ему для прочтения. Валентин Иванович одобрительно отнесся к материалам, высказав ряд пожеланий. Привожу выдержку из письма, датированного 14 июля 2003 года:

«Глубокоуважаемый Сергей Дмитриевич! От души благодарен Вам за труды, которыми Вы хотите на долгие годы оставить память о людях, отдавших если не всю жизнь, то лучшие годы своей жизни делу развития мощи России, делу освоения богатств Западной Сибири. Не одно поколение потомков благодаря Вашему труду будет знать истину о тех событиях, которые действительно потрясли мир и благодаря которым Россия живет и развивается. Ну а основой всему является ЧЕЛОВЕК!

Большое Вам спасибо! Сергей Дмитриевич, по Вашей просьбе я начал было писать историю, но пришла весна и бумажные дела отошли на второй план. Теперь дождусь зимы, а самое главное, если позволит здоровье, думаю написать автобиографическую повесть. Надеюсь, что Вы поможете в её издании. Высылаю Вам моё начало, а как Вы с ним поступите, дело Ваше. Прошу Вас, если Вы сочтёте нужным, напечатать мои стихи.

Всё дальше и дальше уходят те годы,
Когда в унисон бились наши сердца,
И в ясные дни, и в дни непогоды
Казалось нам — жизни не будет конца.
Конца устремлений, задора и пыла,
Когда нам хотелось дерзать и любить.
Ведь было всё это, всё это было!
И то, что прошло, нельзя позабыть!
Законы природы без перекосов,
И молодость, старость, весна и зима,
И бодрость, и дряхлость, и лето, и осень
Проходят чредою во все времена.
Увы! Ничего не дано нам исправить,
Февральские вьюги и солнечный май.
И что удалось потомству оставить,
Безропотно всё, как есть, принимай.
Такою природа нам жизнь создала,
Утро детства мелькнуло на миг,
Вот уж юность в делах и заботах прошла,
Не успел разобраться, а ты уж старик.
Может, нужно поменьше о прошлом тужить,
Ведь оно растворилось в тумане.
Я намерен ещё лет десяток прожить,
Покупаться в людском океане.
А ведь старость гнетёт не от прожитых дней,
Что бы надо ещё, но не сделал?
Жизнь проходит, и как уживался ты в ней,
То она отторгала тебя, то ли грела.
И теперь, вспоминая о прожитых днях,
Разбирая всю жизнь по деталям,
Я о многом жалею, но в общих чертах.

*С тем, как прожил, согласен и не отрицаю.
По закоулкам мозговых извилин
Порой ищу ответа на вопрос:
За что Григория Распутина убили?
И почему так дорог шум берёз?
Что движет, выйдя за околицу,
Запеть про русские долины и леса?
И почему так сердце беспокоится,
Когда гляжу я в голубые небеса?
Что заставляло русского солдата
Идти на смерть за Родину свою?
И почему сегодня брат на брата
Идут с ружьём в моём родном краю?
Что нас влекло в края таёжные,
Когда мы Север всколыхнуть пришли?
И почему в то время сложное
В трудах успокоение нашли?»*

...Тяжело живется пенсионеру, уже больному человеку, но я знаю твёрдо: он, Валентин Иванович, горд тем, что чист совестью и делами, что в душе остался с теми, с кем он работал, с кем делил радости и горести, с кем шагал на равных. Теперь ученики продолжают его дело.



**ШЕРЕМЕТЬЕВ
ЮРИЙ ГРИГОРЬЕВИЧ**

ЭХ, ДОРОГИ!

Освоение Тюменского Севера справедливо называют стройкой века. Значительный вклад в это большое дело внесли строители.

Север фильтрует людей. Сильные остаются, слабые не выдерживают и возвращаются на обжитые места. Но талантливых, одержимых и к тому же одарённых руководителей в Нижневартовском районе было предостаточно, причём самых разных профессий.

Как правило, оценка конечного результата определяется тем, что видно на поверхности. Сполна отдавали дань благодарности геологам, открывавшим месторождения, буровикам, демонстрировавшим скоростную проходку, нефтяникам, добывавшим сверхплановую нефть. О них часто писали в местной и центральной прессе, рассказывали на радио и телевидении, награждали орденами и медалями. Это, безусловно, правильно и справедливо.

Но давайте будем объективны. Ведь именно руками строителей Тюменский Север превращён в высокоиндустриальный район: построены автомобильные дороги, железнодорожные магистрали, воздушные и речные порты, города, посёлки и многое-многое другое.

Но их часто критиковали на разных уровнях за отставание, низкое качество работы, простои, плохое использование техники. Критика была, конечно, объективной, но только она иногда не соизмерялась с объёмами и сроками строительства. Не принимались во внимание и не учитывались перебои в энергоснаб-

женин, слабость технического оснащения, нелёгкие, а порой невыносимые природно-климатические условия, заболоченность местности нефтяного Приобья.

Вспоминаю, сколько было споров о том, как обустроить Западную Сибирь. Все сходились в одном: брать не числом, а умением, применяя новые технические решения, с помощью современного оборудования, новых методов в строительстве. Расчёты экономистов показывали: если перевооружить строителей, то на существующей технике они могли бы при том же количестве людей выполнить в полтора-два раза больший объём строительно-монтажных работ. На практике же было наоборот — решало количество, а отсюда и возникающие проблемы в создании нормальных социальных и трудовых условий для людей. Но, несмотря на все трудности, строители не отступили от намеченного и сделали то, что иногда невозможно было сделать.

...Из иллюминатора самолёта или вертолёт, пролетающего над Самотлором, видишь ярко-зелёные краски заросших болот, синие тарелочки озёр, разбросанные бисером вокруг Самотлорского озера. Красив Самотлор вечером. Светятся во тьме ночной гирлянды огней — это освещены буровые вышки. С высоты и издали они похожи на корабли, плывущие по безбрежному морю.

В настоящее время картина покорённого Самотлора совсем иная: он, как паутиной, опоясан бетонными дорогами, проложенными к каждой кустовой насосной станции, буровики и промысловики к месту работы добираются с полным комфортом. Не верится, что когда-то геологи Мегионской нефтеразведочной

экспедиции больше месяца в зимнее время добирались к Саянскому нагорью. И днём, и ночью прокладывали лежнёвки, отсыпали площадки для буровиков, делали дороги с твёрдым покрытием, укладывали в непроходимые топи тысячи кубометров леса, отсыпали миллионы кубометров грунта с одной целью — создать нормальные условия для вышкомонтажников, буровиков, операторов по добыче нефти, снабженцев, строителей...

А начиналось всё в июле 1968 года — более 30 лет назад, когда приступили к штурму нефтяного сокровища России. Первыми высадились дорожники на узкий пятачок суши в несколько сот квадратных метров. Юрий Григорьевич Шереметьев и бригадир Василий Фёдорович Меденцев, отвернув до конца голенища болотных сапог, обследовали границы сухого



*Первый управляющий трестом
«Тюменьдорстрой» Ю. В. Южков*



*Первый главный инженер СУ-909
Б. Ф. Илясов*

островка. Тракторами особенно не развернёшься, того и гляди в трясины угодишь. Пришлось осваивать профессию лесорубов. Начали с лежнёвок. Ждать и медлить не приходилось. Первая промысловая скважина № 200 должна дать нефть и положить начало разработке месторождения. Да, всё начинается с дороги... Согласно этой хрестоматийной истине Самотлор и Нижневартовск тоже начинались с дороги.

Славная история коллектива СУ-909 и автобазы № 95 на нижневартовской нефтяной целине началась в 1964 году. Нефтяники в этот период уже занимались обустройством Мегионского и Ватинского месторождений в тяжелейших условиях бездорожья. Вновь прибывший десант дорожников под руководством Юрия Григорьевича Шереметьева должен был решить эту задачу, требующую от каждого труженика небывалого



На природе в окрестностях Самотлора

напряжения, работы с полной отдачей. Вот, где можно было найти применение своим силам, узнать свои возможности.

Высадились на берегу Оби. Место расположения базы Ю. Г. Шереметьев выбрал ближе к Мегиону и Саянскому, так как поблизости находилась речка Зырянка, впадающая в Обь. По ней можно было доставить всё необходимое: машины, технику, оборудование, стройматериалы. Юрий Григорьевич рассказывал: «Работать было трудно, так как не было ничего, приходилось всё начинать с нуля. Но всегда верил — дело развернётся. Ведь мы здесь не зря...».

Коллектив дорожников, состоявший из 52 человек, прибыл сюда с семьями, а жильё для них никто, конечно, заранее не приготовил. Поэтому своими силами создавали городок из металлических вагончиков, затем построили деревянные 8-квартирные дома, общежитие. Шаг за шагом Шереметьев улучшал жилищно-бытовые условия.

Юрий Григорьевич понимал, чтобы выжить, необходимо, в первую очередь, обеспечить нормальные условия для жизни. Рассчитывать при этом приходилось только на собственные силы. Дело в том, что в районе находился только один строительный трест «Мегионгазстрой». На плечи четырёх строительных управлений треста возлагалось строительство нефтяных объектов, товарного парка, кустовых и насосных станций, нефтесборных сетей, жилья и т. д. Моё знакомство с Ю. Г. Шереметьевым состоялось на производственной планёрке у начальника НГДУ «Мегионнефть» Р. И. Кузоваткина. Шереметьев

был высокого роста, стройный, худощавый, с высоким лбом, светло-русой шевелюрой. Скрытая усмешка как бы показывала превосходство над собеседником, некоторую подозрительность и осторожность. Он был находчив, красноречив, но резок в выражениях, слова произносил громко, жестикулируя руками. После автомобильной аварии прихрамывал на левую ногу, поэтому ходил с тростью.

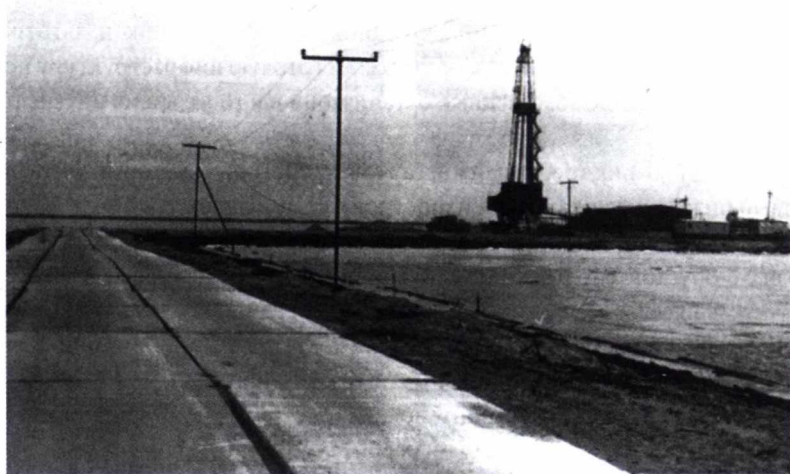
На еженедельных планёрках у Кузоваткина, который в то время был «бог и царь» Нижневартовска, обсуждались буквально все вопросы: нефтяные, строительные, социальные, культурные. Мы, партийные работники, стремились не пропускать эти совещания, чтобы быть в курсе происходящих событий.

...На этот раз речь шла о строительстве дорог коллективом СУ-909 и прокладке лежневой дороги, отсыпке площадок для буровиков собственными силами нефтяников. Кузоваткин выразил недовольство плохой организацией работы, спрашивал Шереметьева о сроках строительства капитальной дороги к дожимной насосной станции № 1, так как оставалось всего 3,5 километра. Шереметьев спокойно всё выслушал, а затем сказал: «Мы работаем по графику, дорога будет сдана в срок. Слово сдержим. Но меня беспокоит другое: когда нефтяники передадут нашему коллективу программу строительства дорог на Самотлоре? Мы не можем работать, как пожарники, ежечасно реагировать на новые просьбы. Необходима перспектива и очередность сдачи дорог». Кузоваткин перебил его: «Делайте то, что я вам сказал!» Шереметьев побледнел, встал и, сильно хлопнув дверью, вышел.

Мне эта выходка показалась мальчишеской. Я решил, что с ним надо поближе познакомиться, поговорить по душам и определить, кто же такой Ю. Г. Шереметьев.

На другой день я заехал к нему на базу. Мы побывали на объектах. Меня интересовало отношение помощников и рабочих к Юрию Григорьевичу. Я увидел, как он занимается производством, как решает социальные вопросы и пришёл к выводу, что это деловой и заботливый, порядочный и надёжный человек, мыслящий масштабно. И в этом я убеждался на протяжении девяти лет совместной работы.

Основная задача коллектива СУ-909 — строительство капитальных межпромысловых и внутрипромысловых автомобильных дорог. Точка отсчёта бралась от собственной базы до берега Оби с заходом в строящийся город и в сторону Мегиона и Саяногорска.



Дорогами, построенными коллективом СУ-909, покорён Саяногорск

Не припомню случая, чтобы коллектив не справился с задачами нефтяников, которые выступали в роли заказчиков и понимали, что без хороших дорог невозможно добывать нефть и обустраивать месторождения. С пониманием к дорожникам относились М. М. Крол, первый заместитель начальника Главка, П. П. Коровин, начальник транспортного управления. Они старались выделить ему самосвалы, бульдозеры, при этом просили сделать больше дорог на Самотлоре.

У нефтяников имелись специализированные управления, задачи которых с каждым годом усложнялись, в связи с ускоренным строительством временных лежневых дорог, нехваткой техники. Они понимали, что без коллектива Шереметьева им не обойтись, только он способен построить капитальные дороги.



Ученик Владимир Лейтланд оправдал доверие Ю. Г. Шереметьева конкретными делами

Мне нравился Юрий Григорьевич тем, что он не ходил по кабинетам горкома и горисполкома, не жаловался и не просил. Этим он отличался от других руководителей, которые старались при любой возможности что-либо выпросить. Он спокойно относился к часто приезжающим к нему начальникам из треста «Тюменьдорстрой», создавал им все условия для проживания, лишь бы не отвлекали от работы.

Юрий Григорьевич был собран. Внешним видом и поведением не давал повода для обвинения в зазнайстве, никогда не довольствовался достигнутым, смело брал повышенные обязательства, реально оценивая свои возможности. Умел общаться с коллективом и поддерживал тех, кто проявлял смекалку, предлагал нестандартные решения для строительства дорог. Но это не означало, что он был спокойным человеком: мог показать своё «я», при необходимости возразить в резкой форме.

Задачи перед дорожниками с каждым годом усложнялись. Только на Самотлоре необходимо было вводить ежегодно 20-25 километров дорог с твёрдым покрытием. И сделать это только увеличением численности рабочих, дорожной техники и автотранспорта не представлялось возможным. Надо было искать, думать.

По сравнению с 1966 годом объём дорожно-строительных работ увеличился в восемь раз, а численность работников — только в три раза. Выработка на одного рабочего повысилась в четыре раза и составила более 35 тыс. рублей.

В последующие пять лет коллективу СУ-909 предстояло освоить 112 миллионов рублей. За предыдущие пять лет коллективом было построено всего 45 километров

и освоено 26,3 миллиона рублей, т. е. предстояло увеличить объёмы строительства дорог в три раза, капиталовложений — в пять раз. Такой рост нельзя было взять из воздуха, осилить без совершенствования технологического процесса, снижения себестоимости, повышения качества, применения новой техники. Без науки это было просто невозможно.

Шереметьев был горячим энтузиастом и поборником новых методов строительства дорог. В этом он видел смысл: экономились человеческие ресурсы, гарантировалась надёжность, качество, скорость. Это тот рычаг, который позволил коллективу в два раза увеличить технологический шаг в строительстве дорог. Всё новое держалось на его энтузиазме. Вот почему многие говорили: «Строим дороги на Самотлоре по-шереметьевски!»

Следует учесть, что при освоении нефтяных месторождений в Западной Сибири, особенно в Нижневартовском районе, столкнулись с торфяными и слабыми болотными отложениями. Такие грунты угрожали строительству. В Госплане и в других вышестоящих инстанциях стали сомневаться: нужно ли вообще на Самотлоре строить дороги с твёрдым покрытием? Но Кузоваткин и Кукуевицкий доказывали на основании расчётов, что строительство временных дорог пагубно скажется в дальнейшем и не позволит комплексно обустроить Самотлор.

Главный инженер Б. Ф. Илясов, а также инженеры В. М. Улько, В. М. Майлович, Н. А. Гладков, В. Г. Лейтланд, Э. Л. Лукович пошли на небывалый эксперимент, который в дальнейшем дал экономический эффект и перевернул всю политику строительства дорожной

сети в Западной Сибири. В 1967 году в Сибирь приехали А. Н. Косыгин, Н. К. Байбаков и В. Д. Шашин. Они рассматривали вопросы обустройства Самоотлора, выезжали на месторождение. Остановились у отсыпанного полотна, откуда хорошо просматривалась полная выторфовка в 10–14 метров, велась отсыпка песчаным грунтом. Стоимость одного километра дорог здесь превышала миллион рублей. Косыгин, обращаясь к Шашину и Муравленко, сказал: «Таких денег у государства нет. Надо думать о дешёвом строительстве».

Тут в разговор вмешался Шереметьев и показал участки, на которых строили более дешёвые по себестоимости дороги. На первом участке — подъезд к базе ПДС — дорогу строили по типу «плавающая насыпь». Второй — подъезд к ДНС-3 протяжённостью два кило-



Ю. Г. Шереметьев



А. И. Каспаров

метра — без выторфовывания, с использованием торфа в основании земельного полотна. На третьем — подъезд к базе производственно-диспетчерской службы протяженностью 3,5 километра — в основании земельного полотна был слой замороженного торфа. И, наконец, на дороге Нижневартовск-Мегион была построена водопропускная труба оригинальной конструкции, которая предотвращала образование наледей в зимний период. Алексей Николаевич остался очень доволен показанным, похвалил Шереметьева, сказал: «Всё, что вы делаете, позволит строить дороги быстро, дешёво и прочно, а это обеспечит надёжную работу нефтяников». Тем самым была дана высокая оценка коллективу СУ-909, четырём научно-исследовательским институтам Томска, Омска, Тюмени и Москвы, создавшим научный полигон на базе СУ-909 по строительству дорог на Самотлоре.



Память. Улица Шереметьевская в городе Нижневартовске

Да, Самотлор был тогда на слуху. Казалось, что о нём знают все от мала до велика. Самотлор стал символом, синонимом преобразования Западной Сибири. Он был предметом обсуждения в ЦК КПСС, на местном уровне, все спешили хоть как-то оказаться причастными к большому общегосударственному делу.

Мне, секретарю райкома партии по идеологии, было очевидно желание многих приезжающих «отметиться, засветиться» на Самотлоре, подчеркнуть свой вклад в общее дело. Такой был настрой, в том числе у печати, телевидения, киностудий, литераторов, деятелей искусства и спорта. Не случайно пели: «Ты возьми билет в Аэрофлоте, приезжай на Самотлор». Сложилось мнение, что руководители всех рангов обязаны иметь отметку: был на Самотлоре.

В 1969 году чудо-месторождение дало стране первый миллион тонн нефти. Таких темпов не знал ни один нефтяной район страны! И с каждым годом добыча нефти увеличивалась в геометрической прогрессии, и к концу 1980 года было добыто 160 миллионов тонн.

В то время на Самотлор приезжали все: пресса, телевидение, радио, литераторы, кинематографисты, артисты... Всех надо было встретить, разместить, показать и рассказать о сибирском «чуде», о людях, которые с утроенной силой делали своё дело, создавали энергетический форпост страны. Вспоминаю встречу с большой группой артистов «Мосфильма», среди которых был любимый киноартист Иван Перверзев. Позднее были созданы кинофильмы «Разбуженный Самотлор» и «Богатства Самотлора». Группу

возглавляла М. К. Емельянова, заместитель председателя Тюменского облисполкома. Позднее Маргарита Кирилловна дважды побывает в Нижневартовске уже в ранге заместителя министра социального обеспечения РСФСР.

Встретил я их в аэропорту, откуда мы перелетели на Ми-4 в Мегион, где нас ждал В. А. Абазаров, начальник Мегионской нефтеразведочной экспедиции, заслуженный геолог РСФСР, открыватель первых нефтяных месторождений в этом районе. Встреча гостей с известным в стране геологом Абазаровым прошла интересно. Он рассказывал об открытии более десятка нефтяных залежей, показывал любительские съёмки геологов, многочисленные фотографии, маршруты движения геологических экспедиций, организовал встречу с буровым мастером Григорием Ивановичем Норкиным, пробурившим первую скважину на Самотлоре.

У гостей появилось желание побывать на самом месторождении. В то время можно было проехать на автомобиле только до Мегионской протоки, которая впадала в Обь, моста через неё не было. Решили доехать до этого разрыва, перейти на противоположную сторону, а дальше продолжить поездку на двух «УАЗиках». Абазаров сопровождал нас.

Добрались до границы месторождения, сфотографировались. Капитальная дорога прерывалась, пришлось добираться до ДНС-1 на вездеходе. Здесь нас уже ждали Шереметьев и Рынковой, начальник Самотлорского промысла, известный нефтяник, человек из легенды.

Вездеход подошёл к четырём вагончикам. В одном вагончике располагалась контора промысла, в дру-

гом — столовая. От вагончика к вагончику был уложен деревянный настил из 2–3 сбитых досок. И малейшая невнимательность при ходьбе дорого стоила — нога сразу утопала в тёмно-коричневой топи болота.

Рынковой и Шереметьев рассказали и показали, что уже сделано на месторождении, что предстоит сделать, в каких условиях приходится работать промышленникам и дорожникам. Это произвело неизгладимое впечатление на артистов. А вечером на вертолёте, который доставил вахту на ДНС-1, мы вернулись в Нижневартовск. Впоследствии был создан документальный фильм «Разбуженный Самотлор».

Строительство дорог в Нижневартовске — особая страница жизни для Юрия Григорьевича. На мой вопрос, почему он выбрал именно Тюменский Север своим местом работы, он ответил: «Да потому, что именно здесь — непочатый край работы для дорожников, полная свобода для творчества и инженерного поиска оригинальных, экономических и производственных решений. Потому что здесь много доверяют и не меньше спрашивают. Каждая дорога — своеобразный экзамен как для руководителя, так и для рабочих».

Да, Юрий Григорьевич каждый год держал экзамен перед нефтяниками. Они знали: будет Шереметьев строить дороги на Самотлоре — будет большая нефть, не будет дорог — не будет и нефти. Этот экзамен Ю. Г. Шереметьев выдержал с честью.

Его деловитость, уважительное и заботливое отношение к людям приносили неперенный успех. Дух настоящего товарищества и соперничества был правилом во взаимоотношениях. И чем сложнее ставились задачи,

тем крепче были организованность и дисциплина, тем эффективнее поиск резервов, зорче взгляд на то, что тормозит движение вперёд.

Шереметьев постоянно уделял внимание качеству и культуре производства, часто повторял: «Дороги, построенные СУ-909, — это настоящие дороги!» Он превосходно знал своё дело. «С ним спорить было трудно, — говорили о нём прорабы и начальники участков. — Если заранее знаешь, что не прав, но всё равно стараешься доказать ему обратное, то потом бывает очень стыдно. Мы учились у него профессии дорожника и дорожили ею».

Жизнь и поведение руководителя особенно зримо раскрываются в экстремальных условиях, когда наиболее полно видны возможности человека, его черты, характер, манера поведения и принятия решений.

Шереметьев был беспощаден к тем водителям, которые не соблюдали «запретных знаков» дорожников, ведущих строительство. И если такие попадали под горячую руку Шереметьева, то разговор был очень жёстким. Особенно доставалось шофёрам, застигнутым на участке, на котором были уже уложены дорожные плиты, а швы залиты мастикой, т. е. трасса ещё только готовилась к сдаче в эксплуатацию. В таких случаях водители пытались скрыться, но он их догонял, останавливал, забирал водительские удостоверения — у него для этого были соответствующие документы — и отбирал машину. Возврат документов и автомашины был возможен только при одном условии: провинившийся водитель вместе с начальником приезжали к Юрию Григорьевичу для объяснения.

Замечательные люди работали в коллективе Шереметьева. Мне не раз доводилось видеть их работу. Руководил третьим участком Михаил Дмитриевич Славгородский, а первым — Владимир Александрович Ковтуняк. В управлении они считались ведущими в прокладке трасс. Они создавали условия для других: расчищали трассу от леса, ровняли взгорки, засыпали овраги, отводили воду.

Представьте карьер, где находится 3–4 миллиона кубометров намытого песка, который надо вывезти на строительство дороги. Здесь стоят четыре мощных экскаватора, их громадные ковши не останавливаются ни на минуту. По гладкой укатанной дороге проносятся КраЗы, «Уралы», МАЗы, «Татры». Какая-то минута-полторы — поворот стрелы, и машины срываются с места и уносятся обратно. — Вереница машин устремляется к объекту, а навстречу другая, порожняя.

Экскаваторщики Григорий Иванович Чепкасов и Иван Васильевич Обьедкин творили невероятное. Норма выработки на экскаватор в год — 110 тысяч кубометров грунта. За пятилетку — 550 тысяч. А они взялись пятилетку выполнить за 3,5 года, значит, в год им надо было выработать около 170 тысяч кубометров.

Я видел, в каких нечеловеческих условиях работали люди, машины и экскаваторы вязли в болоте, барахтались бульдозеры и вездеходы. Дорожники работали во «фронтном» режиме, делая порой невозможное, но при этом знали одно — нельзя сорвать темпы добычи, необходимо комплексно обустроить месторождения. И это было сделано за семь лет! Сделано на земле, где каждый шаг требовал от человека особого напряжения

сил. Смысл произошедшего можно обобщить коротко: ключи от сибирских сокровищ найдены, новая топливно-энергетическая база страны создана!

Юрий Григорьевич и его дружный коллектив много сделали для Нижневартовска. Город гордится ими по праву. Они брали на себя ключевые вопросы жизнедеятельности и успешно, в рекордные сроки, снимали труднейшие проблемы.

Спроси сегодня молодых жителей города о месте нахождения старого аэропорта — большинство не ответят. Они даже не могут себе представить, с каким трудом приходилось обслуживать пассажиров, какие невыносимые «муки» испытывали улетающие и прилетающие в Нижневартовск из-за отсутствия обычной дороги с твёрдым покрытием. Быстрее можно было добраться на лодках или пешком по трубе, которая была проброшена по болоту с водозабора, установленного на Оби для подачи воды в посёлок, и соединяла старый и новый Нижневартовск.

В связи с этим Шереметьев обратился к руководителям города с предложением начать строительство новой взлётно-посадочной полосы и дороги, которая соединит Нижневартовск с новым аэропортом.

В июне 1971 года СМП-53 и СУ-909 приступили к земляным работам. Шереметьев дневал и ночевал на стройке, «горел» этим объектом, подключал к общему делу всех, кто желал в нём участвовать. Строители показывали образцы трудового героизма. И за два года взлётно-посадочная полоса была сдана в эксплуатацию. Нижневартовск первым из городов Среднего Приобья стал принимать самолёты Ту и Ан. Позднее

в строй вошли аэровокзал и весь комплекс инженерных сооружений, обеспечивающих надёжную круглосуточную работу аэропорта. К сожалению, трудовой подвиг коллективов, которые построили этот важный объект для города и района, не увековечен хотя бы простой памятной мемориальной доской.

СУ-909 строило объездную автотрассу, позволившую «закольцевать» город окружной дорогой и снять напряжение в автомобильном движении, уменьшив аварийность и повысив безопасность жителей. Потребовались твёрдость и воля Ю. Г. Шереметьева, чтобы доказать нефтяникам необходимость этой дороги, которая не была предусмотрена планом, а, значит, и не было средств на ее строительство.

На дорогах в городе, особенно на Самотлоре и в Мегионе, сложилась тупиковая ситуация с пропускной способностью: уложенные две-три плиты в ширину стали причиной повышенной аварийности и гибели людей. Горком и горисполком приняли предложение Шереметьева привлечь все транспортные предприятия города для отсыпки песком обочины дороги.

Он душевно и уважительно относился к людям. Его как руководителя уважали, с ним, как говорится, готовы были идти в огонь и в воду. Юрий Григорьевич заботливо растил кадры: главный инженер управления С. Ф. Илясов будет главным инженером треста «Тюменьдорстрой», начальник участка В. М. Улько — главным инженером управления, а молодой специалист В. Г. Лейтланд станет главным инженером, затем управляющим трестом и, наконец, директором Балашихинского научно-исследовательского дорожного

института, заместителем министра дорожного строительства. Последнего Шереметьев любил по-отцовски, доверял ему большие дела, поддерживал инициативу комсомольско-молодёжного участка, который возглавлял Лейтланд.

Коллектив участка выступил с инициативой «Корчагинской вахты» в честь 79-летия со дня рождения Н. Островского и с предложением собрать средства на строительство в городе памятника, посвящённого погибшим в годы Великой Отечественной войны воинам-нижневартовцам.

Но самое большое доверие было оказано молодым дорожникам участка — им выпала честь построить капитальную дорогу вокруг озера Самотлор. Более трёх лет в жару и в холод продвигались «лейтландцы» километр за километром к заветному рубежу. Нелегко было, но они шли. Отсыпали более 3,5 миллионов кубометров грунта, уложили около 4000 бетонных плит для покрытия полотна дороги. 23 ноября 1973 года последний самосвал высыпал грунт, уложили последние четыре плиты. Кольцо протяженностью 66 километров, опоясавшее озеро Самотлор, соединилось! Это была большая трудовая победа дорожников. Мне посчастливилось на митинге вручить им памятное Красное знамя горкома партии, горисполкома и горкома ВЛКСМ, учреждённое для этого события.

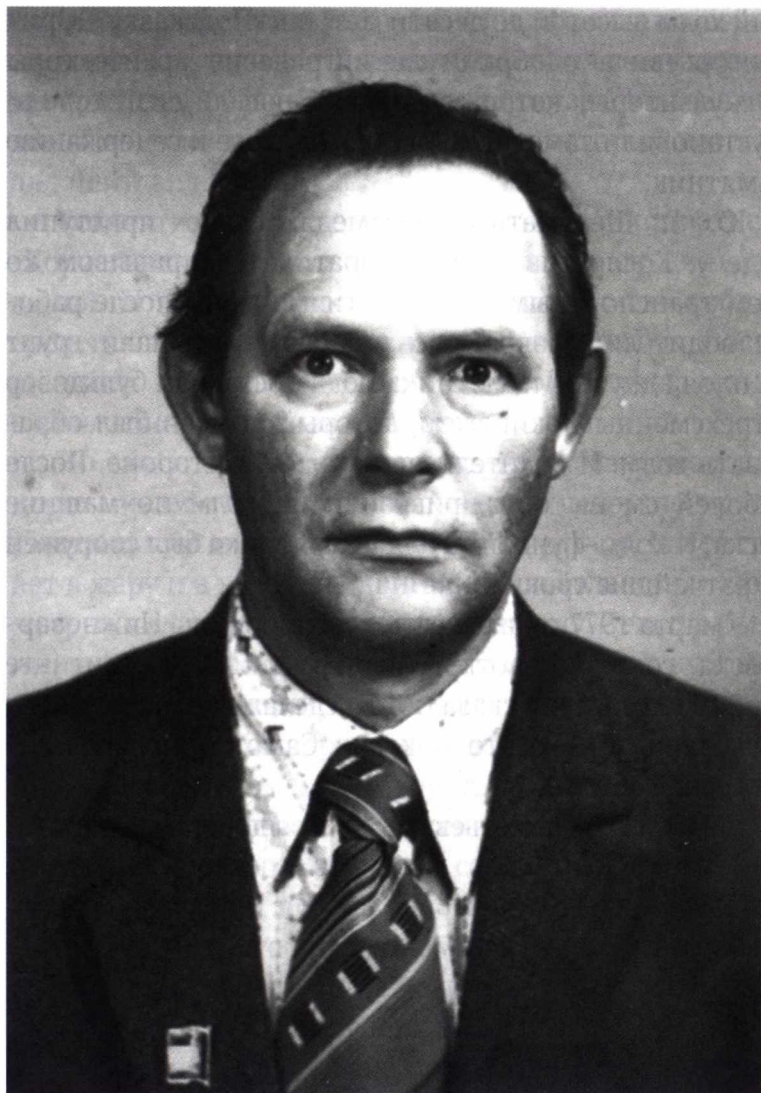
Было принято решение о строительстве памятника «Покорителям Самотлора», визитной карточки нижневартовцев. Шереметьев и тут не остался в стороне. Он предложил установить памятник на возвышенности, а для этого необходимо было сделать искусствен-

ный холм высотой до десяти метров. «Подсказку» Юрия Григорьевича одобрили ленинградские архитекторы и скульпторы, которые спроектировали, изготовили и установили замечательный по красоте и содержанию памятник.

Ю. Г. Шереметьев незамедлительно приступил к делу. Коллектив СУ-909 обратился с призывом ко всем транспортным предприятиям, чтобы после работы водители, возвращаясь на базу, высыпали грунт на площадку под памятник. Сюда поставили бульдозер с трехсменным экипажем, который должен был образовать холм. И водители не остались в стороне. После рабочей смены они привозили на холм по машине песка. И холм-фундамент для памятника был сооружён в кратчайшие сроки.

9 марта 1977 года, в честь 5-летия города Нижневартовска, состоялось открытие памятника. На митинге Юрий Григорьевич сказал: «Мы сделали великое дело — увековечили всех, кто покорял Самотлор, сокровище Югорской земли!»

Да, у Ю. Г. Шереметьева была своя дорога, своя слава!



ЯРОШЕНКО
ЮРИЙ СЕМЁНОВИЧ

ПЕРВЫЙ МЭР МЕГИОНА

С каждым годом нефтяники и все, кто им помогал в освоении и обустройстве месторождений, кто строил вахтовые посёлки и базы, всё дальше удалялись от базовых городов Нижневартовска и Мегиона.

Впереди идущим нелегко приходилось на заболоченных территориях, отчаянно были нужны дороги — дороги с твёрдым покрытием. Однако имеющихся мощностей дорожных строителей не хватало, чтобы выполнить всё возрастающие запросы нефтяников.

Вопрос о строительстве дорог стоял очень остро. Единственное на тот момент СУ-909 полностью себя исчерпало, его мощности поглотил Саяногорск. Для НГДУ «Мегионнефть» эта проблема была архиваж-



Таким был посёлок геологов — Мегион

ной! На каждой встрече в Нижневартовске работники Главтюменнефтегаза выделяли СУ-909 дополнительную дорожную технику, самосвалы «Татра», но проблема не решалась.

В. И. Муравленко благодаря своей настойчивости и поддержке обкома КПСС добился от Миндорстроя СССР и подрядного треста «Тюменьдорстрой», который возглавлял Герой Социалистического Труда Юрий Васильевич Юшков, создания нового СУ.

Ю. В. Юшков на «смотре» в горком партии представил кандидатуру начальника СУ-920 Юрия Семёновича Ярошенко. Он мне понравился изначально своими биографическими данными и характеристикой. Да и внешность не подкачала! Моложавый, высокого роста, худощав, приятной внешности, с мягким голосом, одет с иголочки — любо-дорого посмотреть!



Начало преобразования Мегииона

Имел два высших образования, неплохой производственный опыт, но наших северных условий не представлял, не мог предположить, что его ждёт впереди.

До приезда в Мегион Ю. С. Ярошенко занимался строительством магистральных автодорог Курск — Воронеж, Чебоксары — Ульяновск, Чебоксары — Казань. Он прошёл все этапы, начиная с прораба, мастера до начальника дорожного управления треста «Курскдорстрой».

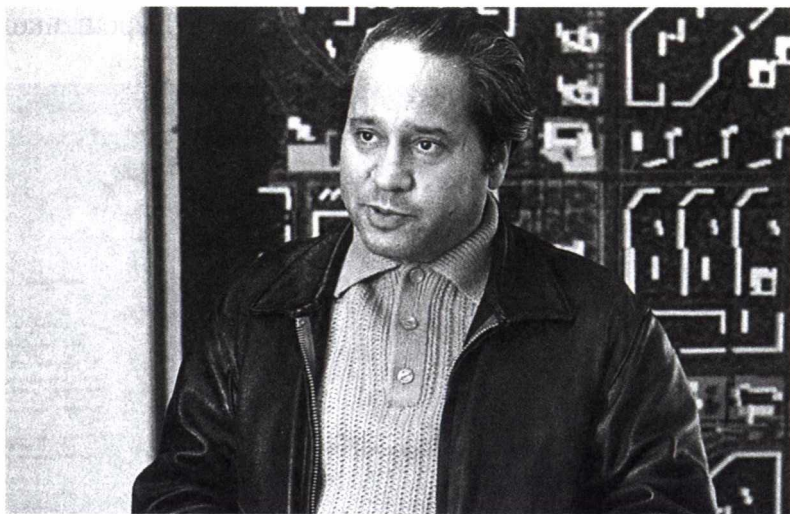
Ю. В. Юшков, характеризуя трудовую деятельность Ю. С. Ярошенко, особенно подчеркнул, что он настойчиво рвался в Тюмень. В руководстве треста его сдерживали, не хотели терять энергичного инженера, будущего перспективного руководителя. Но, учитывая принятое соответствующее Постановление ЦК КПСС и Правительства, Ульяновский обком КПСС обязан был дать добро и снять с партийного учёта члена партии Ю. С. Ярошенко.



Таким он стал — благоустроенным и уютным

Моя встреча с Юрием Семёновичем была непродолжительной. Договорились, что встретимся в рабочем порядке в Мегионе и обсудим текущие и перспективные планы. Дал ему возможность подумать, познакомиться с Мегионом и руководителями.

Не дождавшись моего приглашения, Ю. С. Ярошенко приехал ко мне сам. Проинформировал, что с руководством НГДУ «Мегионнефть» обсудили и нашли понимание текущего момента и наметили перспективные планы строительства дорог на Агане и Варьегане и дороги Мегион — Нижневартовск. Нефтяники пообещали СУ обеспечить жилвагончиками, вагон-столовыми, а по мере сдачи в эксплуатацию капитального жилья в Мегионе будут выделять квартиры, но только семейным.



Люди в городе и районе с уважением называли Г. М. Кукуевецкого «первым капитальщиком» в застройке городов Нижневартовска, Мегиона и Радужного и рабочих посёлков

Юрий Семёнович обратился с вопросом: «Сергей Дмитриевич, ознакомившись с Мегионскими окрестностями, подобрал хорошее место перед въездом в Мегион. Буду просить вас и председателя райисполкома В. Д. Салмина отвести земельный участок и разрешить строительство благоустроенного посёлка для дорожников. Мы умеем неплохо строить дороги, обещаю, возведём себе и современный уютный посёлок! Это будет наш первоочередной объект. После этого непременно наверстаем упущенное и в строительстве дорог. Это я вам гарантирую».

Впервые встретил руководителя, который считает первоочередной задачей собственными силами обеспечить людей нормальными жилищными, социальными и бытовыми условиями. Пообещал Ю. С. Ярошенко инициативу коллектива поддержать. В. Д. Салмин был такого же мнения. Райисполкомом было принято решение по отводу земельного участка под строительство посёлка.

Юрий Семёнович с энтузиазмом взялся, казалось бы, не за свое дело — построить посёлок! Он обладал хорошим качеством — умением убедить, поднять людей и вселить в них уверенность, что всё получится. «Ярошенковская» затея встретила сопротивление со стороны руководства треста «Тюменьдорстрой». Давление было сильным. Юрий Семёнович этот вопрос вынес на общее собрание коллектива, который поддержал своего руководителя и единодушно принял решение — посёлок строить! Ю. В. Юшкову пришлось согласиться и помогать коллективу.

Начало было положено. Начались беспокойные дни для Юрия Семёновича. Тяжело было со строительными

материалами, а когда удавалось их достать, то начинались сложности с доставкой. Он выменивал стройматериалы на дорожные плиты. На это шёл сознательно, хотя знал, что по головке не погладят. Снабженцев гонял по стране за столяркой, кирпичом, стеклом, тёплой кровлей, мебелью. Прошёл год, а хлопот всё прибавлялось. Юрий Семёнович вылетает в Москву, добивается встречи с министром, стучится в двери кабинетов чиновников. В итоге добивается поставки необходимых стройматериалов.

В течение двух лет были построены брусчатые двухквартирные домики, коттеджи, общежитие на 50 мест, магазин, столовая-кафе «Дорожник», здравпункт, почта, спортзал, контора с автономной телефонной связью. Посёлок располагал автономной котельной и канализацией, были проложены дороги и тротуары. Всюду чистота и порядок. В выходные дни жители занимались благоустройством, сажая деревья и цветы. Введён в эксплуатацию детский сад на 140 мест с бассейном. Подобного не было даже в Нижневартовске! На открытие детсада пригласили нас с В. Д. Салминым. Это был праздник не только для детей и родителей, но и для всех жителей Мегиона. Дети дорожников были полностью обеспечены местами, а более двух десятков путёвок передали Мегионскому Совету народных депутатов. Заведующей садиком стала жена Юрия Семёновича Галина Даниловна, окончившая Московский институт культуры. Она вела музыкальные занятия.

Была построена промбаза, материально-технический склад, ремонтно-механические мастерские, пилорама, профилакторий для ремонта и обслужи-

вания дорожной техники и автомашин, открытая автостоянка.

СУ-920 с каждым годом увеличивало объёмы строительства дорог, набирая обороты. В 1972 году введено 10,2 километра, в 1973-м — 14,8 км, в 1974-м — 17 км, а в 1975 году — более 25 километров.

29 августа 1973 года к нам в район прилетели заместитель министра транспортного строительства СССР И. И. Подчуфаров, инструктор ЦК КПСС В. А. Зубрилов, заместитель заведующего отделом строительства обкома КПСС В. Я. Возняк и Ю. В. Юшков. Гостям предложили следующую программу: побывать на объектах строительства дорог строительных управлений 909 и 920, мостопоезда-533; после знакомства с Мегионом посетить посёлок дорожников; в рабочей столовой «Дорожник» провести собрание. Предложенная про-



Ю. Г. Шереметьев в рабочем кабинете

грамма была принята. Закончив к вечеру обход посёлка, жилых домов, детсада и магазина, гости остались довольны и были приятно удивлены, что всё это сделано за два с половиной года с высоким качеством работ собственными силами СУ-920.

На общем собрании И. И. Подчуфаров «За достигнутые трудовые успехи в социалистическом соревновании по итогам первого полугодия 1973 года» вручил тресту «Тюменьдорстрой» переходящее Красное Знамя Министерства транспортного строительства СССР и ЦК профсоюза дорожников. Он сказал: «Заслуженная награда не случайно вручается именно здесь, в собственном посёлке дорожников, а не в Нижневартовске, Мегионе или Тюмени. Планы строительства дорог на место-



Память о Ю. С. Ярошенко — дорога, построенная на Аганское месторождение, в дальнейшем продолжилось строительство автодороги до Сургута

рождениях района выполняются. Хочу выразить свою признательность лично Ю. С. Ярошенко и трудовому коллективу за построенный благоустроенный, уютный посёлок! В нашем министерстве равных ему нет, об этом будет доложено министру». Далее выступили Ю. В. Юшков, начальник комсомольско-молодёжного участка СУ-909 В. Г. Лейтланд, начальник механических мастерских автобазы № 95 Ю. В. Петренко и Ю. С. Ярошенко. Затем состоялся концерт.

Мегион получил статус города окружного подчинения. Встал вопрос о первом председателе Мегионского горисполкома. У бюро горкома КПСС и райисполкома было единое мнение — им должен стать Ю. С. Ярошенко. Жители Мегиона хорошо знали Юрия Семёновича по его деловым качествам, по взаимоотношениям с людьми. Сделан правильный выбор! Его единогласно избирают первым мэром города Мегион.

К новой работе Ю. С. Ярошенко был подготовлен. Его неоспоримым преимуществом было то, что он хорошо знал проблемы Мегиона, особенно плачевное состояние городского хозяйства. Он осознавал стоящие задачи, понимал, что надо сделать сегодня, что через год-два и на перспективу.

Председателю горисполкома Ю. С. Ярошенко было легче, чем бывшему председателю поселкового совета А. А. Симакову. Он имел хозяйственный опыт, а его знания, воля и умение организовать работу очень пригодились на посту градоначальника. Горожане его поддерживали. Они знали решительность и твёрдую позицию председателя в понимании необходимости вести комплексную застройку города в соответствии

с планом. К сожалению, генеральный план строительства города Мегион отсутствовал, и Ю. С. Ярошенко взялся за его разработку.

Новшеством в строительстве стала поквартальная застройка новых микрорайонов. Теперь, перед тем, как начать стройку, руководители, должны были получить разрешение горисполкома, в котором содержались обязательные требования: ограждение территории, подготовка площадки, подвод дороги, прокладка инженерных коммуникаций и только потом — возведение жилых домов.

Архитектурно-строительным отделом горисполкома в каждом новом микрорайоне предусматривались объекты торговли и быта, их открывали на первых этажах жилых домов. Строились школа, детсады, библиотека, дворные спортивные площадки.

За ходом строительства был установлен жёсткий контроль. При Ю. С. Ярошенко руководители стали активно помогать городу. Выстроилась общая твёрдая линия взаимодействия горисполкома и хозяйственных руководителей. Отпала проблема необходимости согласования действий, которая раньше являлась наиболее острой, что вело к ведомственной раздробленности, дублированию функций, нерациональному использованию ресурсов, техники и в итоге к отставанию в развитии городской, жилищной, социальной и бытовой инфраструктуры.

Ю. С. Ярошенко поставил барьеры перед теми руководителями, которые везли в Мегион новых людей, возводивших самовольно балки, лепивших свои «кустарные» базы. Теперь они вынуждены были идти

в горисполком за разрешениями и согласованиями. Юрий Семёнович стремился объединить усилия более двадцати строительных организаций для создания единой базы стройиндустрии.

Плановый и организационный отделы горисполкома, горотдел милиции, суд и прокуратура ужесточили контроль над пропиской, приёмом новых рабочих, над выполнением законов о труде и правопорядке. Стремилась трудоустроить в сфере обслуживания неработающих женщин.

Только с приходом к руководству объединением «Нижневартовскнефтегаз» Фёдора Николаевича Маричева произошли позитивные сдвиги в отношении к городу Мегион. Ю. С. Ярошенко всегда получал его помощь и поддержку. Мегион стал обретать черты современного города. Жизнь его горожан, хотя и медленно, но всё же улучшалась с каждым годом. Первому председателю горисполкома Ю. С. Ярошенко, учитывая его личный вклад в развитие города, было присвоено звание «Почётный гражданин Мегиона». Его имя будет жить в памяти будущих поколений мегионцев.



**БЕЗРУКОВ
ЕВГЕНИЙ ИВАНОВИЧ**

ПОЭМА О ДРУГЕ

Рождён под знаком Водолея
В январский холод ясным днём.
Отцом и матерью взлелеян.
Свобода, лидерство — всё в нём.
 В тигриный год рождён он мамой,
 Ценил свободу, простоту,
 Всегда хотел быть самым-самым,
 Во всём он рвался в высоту.
Всегда хотел, чтобы любили,
Стремился к лидерству во всём.
Всегда хотел, чтобы ценили,
Всегда стоял он на своём.
 А во дворе в кругу мальчишек
 Серёжа незаметен был.
 Нередко чувствовал, что лишний,
 Среди друзей он робким слыл.
Отец Сергея там и тут
Познал тяжёлый детский труд.
Батрачил он на лесосеках,
Познал шахтерские дела,
Он и не думал об успехах,
А жизнь сама его вела.
 Кому, за что поставь в вину?
 Прошёл гражданскую войну.
 И жизнь для Дмитрия не миф —
 Познал он, что такое тиф.

Но было к жизни устремление,
Азы усвоил управления,
А здесь не надо быть речистым,
В тридцатых стал вдруг финансистом.
И из Чувашии — в Сибирь,
Познал под Омском даль и ширь...

У Сергея чудо — мать,
Её бы в сказке описать,
Как воспитала шестерых
В години трудные, лихие.

Была для деток самой-самой
И, конечно, нежной мамой.
Ой, как трудно было ей,
Знают дети, Водолей...

41 год... Война.
О, сколько бед несла она!
Погибает сын Иван
Под Москвой, в бою от ран.

Похоронка... Сколько слез...
Жизнь под Омском шла без грёз,
И в войну — приезд в Тюмень,
В столицу местных деревень.

Серёжа — в школе двадцать пятой,
Своей историей богатой.
И здесь Сергей преобразился,
Не зря ж тигренком он родился!
Узнали в школе, что Сергей
От рожденья — Водолей.

Любили мальчика без меры,
Записали в пионеры.
Волю проявил мужчины —
Возглавил весь Совет дружины.

Как появились нотки баса,
Стал комсоргом сразу класса.
Но Водолей вперёд повёл —
Возглавил школьный комсомол.
Окончил школу — и в «машинку»,
Так звали техникум тогда.
Зажёг он к технике искринку
В Сергее раз и навсегда.
В «машинке» спортом увлекался,
Баскетбол тогда привлёк,
Даже тренерством занялся,
В дом деньжонок приволок.
Бедновато в доме жили.
В душах были лишь огни,
Жаль, об этом мы забыли,
Порой ругая наши дни.
В «машинке» Щёкотов Аркадий
Был для Сергея эрудит.
Меня простите Бога ради,
Таких пусть Бог для нас хранит.
«Будь чутким, честным, человеческим», —
Напутствие на все года
И даже на пути на Млечном
Сергей запомнил навсегда.
Жизнь для Сергея не парад:
Завод Строймаш, военкомат,
Владивосток — и он солдат.
Кому-то юг, кому-то виллы,
Ну а Сергея — на Курилы:
Солдатский труд, всей жизни взмах
На самых дальних наших островах.

Знакомы многие с волнами,
А ужас знаете с цунами?
На двадцать метров прёт волна,
Сметает всё с пути она.
 Не с каждым это было с нами,
 Сергей встречался и с цунами.
 Однажды думал: «Всё — конец!»
 Но нет! Сергей наш молодец.

Взбежал на гору Буревестник,
Что от цунами добрый вестник,
И вспомнил мамины слова:
«Спасёт, Серёжа, Бог тебя,
 Серёжа, Богу не перечь,
 Будет Он тебя беречь.
 Никогда не будь пугливым,
 Будешь сильным и счастливым».

Шла боевая подготовка,
Шлифовалась и сноровка.
Играл отменно в баскетбол.
Силы влил он в комсомол.
Секретарь всего полка
Виден был издалека.
 К нему стремились и ценили,
 Стать коммунистом предложили.
 Так набирал он жизни вес,
 Вскоре — член КПСС.
 И высшая цена участия —
 Фотография у знамени части.

В августе шестидесятом
Ангел реял над солдатом.
Исключив все факты риска,
Жена Сергея — декабристка,
Любимая, родная Фая,

Семь тысяч вёрст одолевая,
Вдруг приехала к нему.
Не подвластно все уму.
Серёжа понял: мамин Бог
Очень в этом им помог.

Год позднее, 20 мая,
Любимая милая жёнушка Фая
Сына в муках родила.
Душа Сергея расцвела,
Счастью не было предела,
Кровь бурлила и кипела.

Но служба службой продолжалась,
Воля парня закалялась,
Служба мужеству учила,
Личность, стержень закалила.

Дембель — армии венец,
Его дождался, наконец.
Ему наш гвардии сержант
Был, конечно, очень рад.

В Тюмени в форме повелительной
Ждал завод судостроительный.
Там был направлен без помех
В восьмой «закрытый» сложный цех.

То, что делал цех, пока
Шло в ракетные войска.
Вот первый шаг — он мастер цеха,
Работал здесь не без успеха.

Андреев Юрий был глава —
Всеми цеху голова.
Он запомнился навек:
Честный добрый человек.

Вновь Водолей с собой повёл
И на заводе в комсомол.
В делах отметка на века —
Секретарём же был полка.
 Такая уж его порода,
 Секретарём он стал завода.
 Права райкома получил
 И рукава вдруг засучил.
 Работы много, отбавляй
 И дурака здесь не валяй.

Комсомольский комитет
Приобрёл авторитет,
Когда Сергей его возглавил,
Огонька в него добавил.
 Жизнь молодежи забурлила,
 Закипела, заискрила:
 Смотры, конкурсы, турниры
 В каждом деле есть задиры,
 Комсомольские бригады...
 Были все Сергею рады.

Работа шла чертям на диво,
Во всех делах — инициатива.
Солдат везли на Север дальний,
Сергей солдат перехватил
На заводе приютил.
И здесь нашлась для них работа
Сутки круглые до пота.
 Завод Сергея воспевал,
 Семье квартиру даже дал.
 От счастья весь запрыгал дом.
 Но партийный был горком:

«Хорошо делами правишь,
Может, комсомол возглавишь?»
Сергей, подумав, отказался,
В битву за себя ввязался.
Собралось бюро горкома,
Многим власть его знакома.
«Положи билет партийный,
Если будешь самостийный».
Заводчане уступили,
Сергея в город отпустили.
Перешагнул он жизни ком —
Возглавил вскоре весь горком.
Комсомольский комитет
Спал, дремал уж много лет.
Разогнал Сергей дремоту:
«Комсомольцы! За работу!»
Комсомол вперед повёл,
Себе помощников нашёл:
Безруков Женя, Бердинский Боря —
Загорелись зори вскоре.
Комсомольская работа —
Вечный поиск и забота,
Вновь проявилась всем на диво
И-ни-ци-а-тива!
Горкома дел не перечеть,
Работа шла за долг и честь.
Ребят не дрогнула рука,
Воздвигли память на века
Погибшим воинам Тюмени —
Большой подарок младшей смене.

Архитектор молвил слово —
Воздвигли память Кузнецову,
И люди эту память чтут,
В святые дни к нему идут,
И вспоминают даже дома
Секретарей того горкома.

Надо было нефть качать:
«Комсомол, не подкачать!»
Идей возникло целый лес:
Открыли «Нефтяной ликбез».

Рождались в вузах стройотряды —
За нефть, за газ, на Север надо!
Студотряды — гордость века,
Гремела Чазовская «Мега».

Тюменцы помнят без сомненья
Театральные представления.
Все вспоминали гордость, беды
Особо ярко в День Победы.

Для трудных деток — лагеря,
Там спорт военный и заря
Сияла в маленьких сердцах,
Комсомол горел в делах.

Театральный клуб «Икар»
Помнят все и млад, и стар.
Восхищалась вся Тюмень,
Шли в него кому не лень.

Клуб «Дзержинец» — гордость града,
Создан был не для парада,
Для дворовой детворы,
Он живёт до сей поры.

Здесь за души шла борьба:
«Комсомол — моя судьба», —
Скажет в старости Серёжа.
Он ещё похлеще сможет.

Что-то вроде исполина
Был для всех Борис Щербина.
Ярче нету человека —
Он возглавил подвиг века.
«Кадры Северу нужны,
Там сейчас судьба страны».
По прямой его указке
Наш Водолей был словно в сказке,
Только жизнеутверждающей,
Всё на свете побеждающей.

Совет с отцом, женой и вскоре
Наш Водолей на Самотлоре.
В Нижневартровский район
В декабре приехал он.
Шестьдесят девятый год —
Завершил весь свой поход.
И вновь январским ясным днём
Был избран он секретарём
Уже партийного райкома,
Но ощущал себя как дома.

Старожилы как могли
В становленье помогли
Познать весь северный уклад
И получить большой заряд.
С чего начать секретарю?
«С познания сути всех людей —
Они творцы твоих идей!

Они, как у деревьев почки,
В нужное время распускают листочки».
Сергей запомнит навсегда
Самотлорские года!

Перешагнув болот все кочки,
В нужное время и в нужной точке
Наш герой здесь оказался
И за дела большие взялся.

Встал у истоков всей идеи
Искрящей доброй эпопеи,
Борьбы за нефть, за соль земли,
Души сильных здесь цвели.

Роман Иванович Кузоваткин,
Созидательный характер,
Во всём нацеленный и хваткий,
Скромным был до удивленья,
Прост, как правда, без сомненья.

Человек большой души,
Не копил себе гроши,
Самотлор и Мегион
С боем взял в то время он!

Людей узнаешь по походке,
Бахилов, Пикман — самородки.
«Трудяги», — молвят им во след,
И люди помнят много лет.

Лёвин, Норкин и Петров —
Каждый на рекорд готов.
Буровые мастера
Нефть давали на ура!

Горели в их сердцах огни,
Достойны памяти они!
И вновь на старте Водолей,
Он не может без идей.

«Давайте всех громче крикнем,
Героям памятник воздвигнем!»
И этот памятник стоит,
Отвагой, мужеством искрит
«Первопроходцам Самотлора».
Никто не бросит мимо взора.

И это память Водолею,
Герою времени Сергею.
И другом я своим горжусь
И за него сейчас молюсь.
В делах он с божеством тягался,
С кем он только не общался!

Сергей трудился сколько мог.
В Нижневартовск он привлёк,
И совсем не для парада,
Всех звезд советских той эстрады.

Гуляев, Лещенко, Кобзон —
Всех привлёк их в город он.
Над Нижневартовском — краса,
Когда звучат их голоса.

Слали городу приветы
Все известные поэты.
Поэтический посев:
Рождественский, Ошанин Лев.

Прозвучал на редкость броский
Композитор Колмановский,
Карамышев, Покрасс, Эшпай —
Всех попробуй повстречай!

Надо песни петь уметь,
Накормить и обогреть!
С ними жизнь текла теплее,
И бодрящий ветер веял.

Космонавтам был он рад,
Был зачислен в их отряд.
И где лежит такая мина?
Трижды встретил Предсовмина.

И в дел его широкий круг
Вник академик Трофимук.
Разглядеть и ширь, и даль
Помогал Геннадий Шмаль.
Ошибки делал ненароком,
За что наказан был жестоко.

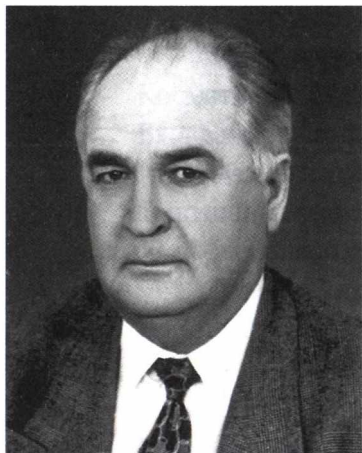
Но не согнулся, не угас —
Мамин Бог Сергея спас —
Не покинул поле фронта,
Стал во главе большого Фонда.
Фонд Муравленко он возглавил
И двадцать лет уж Фондом правит.
Сколько дел у Фонда есть,
Их в стихах не перечесть.

Работа издали видна,
Гордится Фондом вся страна.
Работает Сережа рьяно,
Во всём помощница Татьяна.
Она пришла на смену Фае
В девяностых, где-то в мае.
В судьбе Сергея Таня — глыба,
Наше ей за то спасибо.

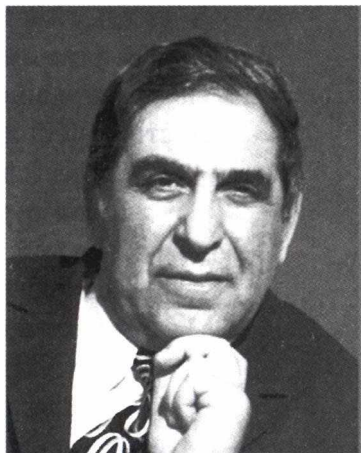
Сергей — писатель, журналист,
Режиссёр и сценарист,
Чист душой и устремлён,
Любви людей достоин он.
Наград и званий — не для счёта,
Достоин чести и почёта.

Ты всегда душою молод,
Тобой гордится весь наш город,
Тебя мы любим и лелеем,
Поздравляем с юбилеем!
А юбилей — ремонт в пути,
Итог подвёл — до ста гуди!



Дорогие соратники, друзья по Саянскому району

*Алиев
Владимир Сейфалиевич*



*Бабларьян
Аркадий Акимович*

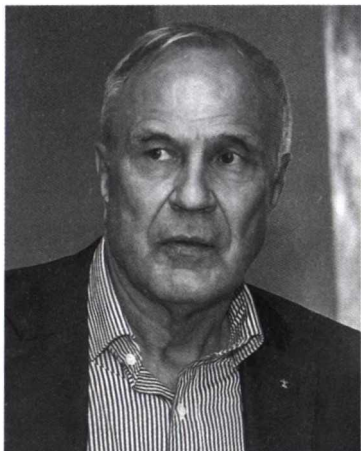


*Булах
Тамара Михайловна*



*Галеев
Фирдаус Хуснутдинович*

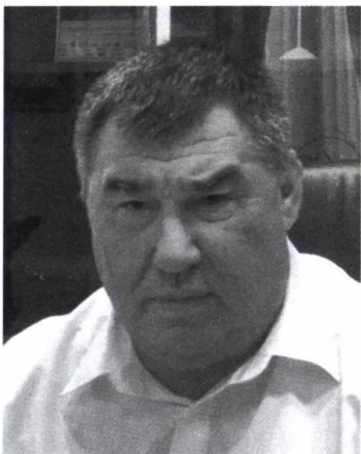
Дорогие соратники, друзья по Самотлору



*Гарипов
Валерий Зайнуллович*



*Глебов
Владимир Сергеевич*



*Гринёв
Владимир Фёдорович*



*Зарецкий
Павел Петрович*

Дорогие соратники, друзья по Самотлору



*Золин
Борис Константинович*



*Иванов
Виктор Николаевич*



*Лепилин
Сергей Сергеевич*



*Литваков
Владимир Уриелевич*

Дорогие соратники, друзья по Самоотлору



*Малыгин
Семён Лукич*



*Маричев
Фёдор Николаевич*



*Метрусенко
Фёдор Степанович*



*Мухаметзянов
Ревал Нурлыгаянович*

Дорогие соратники, друзья по Саянскому району



*Назаров
Анатолий Владимирович*



*Нам
Олег Сергеевич*



*Отт
Виктор Иоганесович*



*Секерин
Виктор Михайлович*

Дорогие соратники, друзья по Самоотлору



*Силаев
Александр Михайлович*



*Фомин
Анатолий Васильевич*



*Храмов
Геннадий Александрович*



*Червинский
Лев Иванович*



СТРОКИ БИОГРАФИИ

Великопольский Сергей Дмитриевич родился 27 января 1938 года в рабочем посёлке Любино, Любинского района Омской области в многодетной семье.

Окончил среднюю школу № 25 города Тюмени, Тюменский машиностроительный техникум. Трудовую деятельность начал в 1959 году сверловщиком, затем сменным мастером механического цеха № 2 Тюменского завода строительных машин.

Был призван в ряды Советской армии, служил на Курилах (остров Итуруп) в отдельной армии ПВО Дальневосточного военного округа. После демобилизации в 1962 году работает мастером механо-сборочного цеха № 8, инженером-конструктором СКБ Тюменского судостроительного завода. Через год избирается секретарём комитета комсомола завода, который первым получает права райкома ВЛКСМ в Тюменской областной комсомольской организации.

С 1965 по 1969 годы С. Д. Великопольский избирается первым секретарём Тюменского горкома ВЛКСМ, членом бюро обкома ВЛКСМ, членом Тюменского горкома КПСС и депутатом Тюменского городского Совета народных депутатов. Поступает на вечернее отделение Тюменского филиала Уральского политехнического института имени С. М. Кирова, которое заканчивает в 1970 году по специальности инженер-механик.

С 1969 по 1978 годы С. Д. Великопольский на партийной работе: избирается секретарём, вторым и первым секретарём Нижневартовского горкома КПСС, членом

обкома и окружкома КПСС, депутатом Ханты-Мансийского окружного и Нижневартовского городского Советов народных депутатов. Решением бюро Тюменского обкома КПСС он направляется на учёбу в Академию общественных наук при ЦК КПСС, которую заканчивает с отличием в 1980 году.

Решением бюро обкома КПСС С. Д. Великопольский избирается секретарём парткома Тюменского моторного завода имени 50-летия СССР. В последующие годы работает заместителем начальника Главтюменнефтегаза по социальным вопросам, заместителем генерального директора производственного объединения «Запсибнефтьстрой» Главтюменнефтегаза по кадрам и социальным вопросам, директором и генеральным директором ООО «ЮКОС-Тюмень».

С 1997 года С. Д. Великопольский избирается вице-президентом, а с 2004 года и по настоящее время — президентом Тюменского областного общественного Фонда имени В. И. Муравленко, членом Общественной палаты Тюменской области, членом Тюменского областного Совета ветеранов войны и труда, членом Совета ветеранов Министерства энергетики РФ. Его трудовой стаж составляет 65 лет, в том числе 32 года — в нефтяной отрасли.

С. Д. Великопольский награждён орденами Трудового Красного Знамени и Дружбы, медалями и наградами министерств и ведомств, общественно-политических и ветеранских организаций. Ему присвоены почётные звания «Заслуженный работник Минтопэнерго РФ», «Заслуженный работник нефтяной промышленности Тюменской области», «Заслуженный работник объеди-

нения «Нижневартовскнефтегаз», «Почётный работник предприятия «Муравленковскнефть». Присуждены областная премии имени В. И. Муравленко и общественные премиями имени Н. К. Байбакова, Д. И. Коротчаева, В. И. Муравленко, Б. Е. Щербины. Присвоены звания «Почётный гражданин города Муравленко», «Почётный нефтяник СССР», «Почётный нефтяник Тюменской области», присвоено звание «Общественный деятель Тюменской области».

С. Д. Великопольский является членом Союза журналистов РФ, автором книг «Чудо XX века», «Мегионский марафон», «Истоки», «Комсомол — моя судьба» и «Северный университет».



Поздравление Генерального директора ООО «РН-Уватнефтегаз» с 80-летием со дня рождения С. Д. Великопольского

Великопольский Сергей Дмитриевич

О ТОВАРИЩАХ И ДРУЗЬЯХ С ЛЮБОВЬЮ

ВТОРАЯ ЧАСТЬ

В оформлении обложки использована фотография монумента **«Покорителям Самотлора»**, открытого 15 июля 1978 года. Памятник выполнен по проекту ленинградских авторов: архитекторов Ю. Кожина и И. Василенко, скульптора И. Костюхина. Представляет собой фигуру молодого рабочего, установленного на десятиметровый постамент. Общая высота монумента – около 15 метров.

В книге использованы фотографии из семейного архива С. Д. Великопольского, архивов героев книги и Тюменского областного общественного Фонда имени В. И. Муравленко.

Ответственный редактор – К. Б. Соловьёв

Вёрстка – И. М. Амромин

Корректор – О. Ю. Веденина



102653001

Регион ЦБ-КО

Издательство "ИСТИНА"

625000, г. Тюмень,

тел.: +7 (3452) 74-70-66

e-mail: istinabook@mail.ru

УДК 882-94(571.12)

ББК 26. 89 (253. 3)

В 60

Великопольский С. Д.

В60 О ТОВАРИЩАХ И ДРУЗЬЯХ С ЛЮБОВЬЮ – Тюмень: Издательство «ИСТИНА», 2021. – 704 с.

Подписано в печать 29.06.2021.

Формат 84x108 ¹/₃₂. Бумага офсетная. Усл. печ. л. 36,96.

Тираж 500 экз. Заказ № 587.

Отпечатано в АО «ИПП «Уральский рабочий»

620990, г. Екатеринбург, ул. Тургенева, 13

<http://www.uralprint.ru>, e-mail: sales@uralprint.ru

ISBN 978-5-8010-0155-5 (Общий)

ISBN 978-5-8010-0157-9 (Том 2)

© Великопольский С. Д., 2021

© Издательство «Истина», 2021

1p00k



ПОКОРИТЕЛЕМ
САМОЛЁТА